

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1

08

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2008 — 1(9)

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА	3
К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО И СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ, СОЗДАТЕЛЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР АЛЕКСЕЯ МАКСИМОВИЧА ГОРЬКОГО	
Максим Горький. Песня о буревестнике.....	4
От главного редактора: самородок русской литературы.....	5
Виктор Греков. Нехрестоматийный Горький.....	8
Виктор Пахомов. Буревестник.....	17
Николай Минаков. Толстой и Горький.....	18
Виктория Ткач. Вересаев и Горький: литературные встречи.....	22
Николай Телешов. Максим Горький.....	26
Современники о Горьком: биография из словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.....	39
ПОВЕСТЬ	
Александр Евтеев. Завещание Орсона (главы из повести).....	40
МЕДИЦИНСКИЙ РАССКАЗ И НОВЕЛЛА	
Рудольф Артамонов. Укол зонтиком.....	73
Владимир Сапожников. Редкостный феномен. С носом.....	76
Александр Хадарцев. Травма, несовместимая с жизнью.....	79
Алексей Яшин. Второе воскрешение Лазаря.....	87
Михаил Кириллов. Спутница.....	94
ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТУЛЫ И ОБЛАСТИ	
Тульское литературное объединение «Муза»: Ольга Анисеева, Юлия Макеева, Маргарита Калинина, Екатерина Подколзина, Юлия Быкова, Владимир Некрасов, Ольга Соломатина, Светлана Русакова, Сергей Ефанов, Виталий Морозов, Елизавета Баранова, Левон Абрамян, Виктория Ткач.....	99
ПОЭЗИЯ	
Роман Тишковский. Personalia.....	123
Константин Струков. Personalia.....	132
Юрий Лукаш.....	138

Марк Дубинский.....	143
Владимир Резцов.....	146
Евгений Залесский.....	151
Юлия Деева.....	155
Владимир Родионов.....	158
<u>ОЧЕРК</u>	
Николай Мых-Степняк. Карибский кризис. Куба в судьбе доцента Владимира Ширая.....	161
<u>У НАС В ГОСТЯХ</u>	
Александр Ореховский. В орбите гармонии: стихи.....	171
<u>ТВОРЧЕСТВО И МИФОТВОРЧЕСТВО</u>	
Феликс Кузнецов. Шолохов и «лингвистические вундеркинды».....	177
<u>МАЛЫЕ ГОРОДА</u>	
Борис Новиков. Из прошлого Сергиевского-Плавска.....	184
Сказ о том, откуда появились реки Зуша, Плава и Чернь (Литературная обработка Ирины Пархоменко).....	191
<u>МУЗЕИ ТУЛЫ И ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ</u>	
«Да живет, кто жизнь творит!» (Прошлое и настоящее Дома-музея В. В. Вересаева).....	197
<u>ИСТОРИЯ ШАХМАТНОЙ ТУЛЫ</u>	
Константин Новиков. Страницы истории шахматной жизни в Тульском крае.....	208
<u>ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА</u>	
Алексей Третьяков. Вечный жанр: роман от античности до конца XX века.....	232
<u>ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ: ВЛАСТЬ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И КУЛЬТУРА</u>	
Геннадий Зюганов. Еще раз о партийной литературе.....	246
<u>О НАС ПИШУТ</u>	251
<u>ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ ЖУРНАЛА</u>	252

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи объемом менее одного авторского листа не возвращаются. Требования к рукописям — см. на 4-й стр. обложки. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены

Вниманию читателей: журнал распространяется преимущественно в библиотечной сети.
Адрес: 300026, Тула, а/я 1842, А. А. Яшину; e-mail: niinmt@mednet.com; тел.:(4872)33-22-09

Главный редактор Алексей ЯШИН

Редколлегия:

Вячеслав БОТЬ
 Виктор ГРЕКОВ (Белев)
 Валентин КИРЕЕВ (Новомосковск)
 Олег КОЧЕТКОВ (Коломна)
 Валерий МАСЛОВ — координатор межрегиональных связей
 Николай МИНАКОВ — зам. главного редактора (публицистика)
 Ирина ПАРХОМЕНКО (Плавск)
 Наталия ПАРЬГИНА
 Виктор ПАХОМОВ — первый зам. главного редактора
 Валерий САВОСТЬЯНОВ — зам. главного редактора (поэзия)
 Владимир САПОЖНИКОВ
 Константин СТРУКОВ — отв. секретарь
 Александр ХАДАРЦЕВ
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент Академии российской литературы
 Наталия ХАНИНА

Технический редактор Марина БАЛАНЮК

Учредители:

Редколлегия журнала «Приокские зори»
 Тульская писательская организация Союза писателей России
 Тульский государственный университет

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте интернета: www.medtsu.tula.ru

© «Приокские зори», 2008

К ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»!

Вы держите в руках первый номер журнала «Приокские зори» за 2008-й год — четвертый год его издания.

За прошедшее время журнал приобрел статус межрегионального; его хорошо знают не только в Туле и области, но читают в Москве, Подмоскowie, Рязани, Курске, Воронеже, Новосибирске, Петрозаводске, Сургуте, наукоградах Фрязино и Пущино и других городах России.

Регулярно появляющиеся в периодической печати отзывы о журнале (Тула, Москва) свидетельствуют о добротности публикуемых материалов, все возрастающем их литературном качестве. Мы признательны за такую «обратную связь» — она суть контроль нашей работы, стимул к дальнейшему совершенствованию. Увеличение за два года тиража в пять раз тоже о многом говорит.

Мы ценим доброе отношение к журналу, его востребованность в современном литературном процессе. Читательская аудитория уже осознала: «Приокские зори» — первый и единственный в истории Тульского края «толстый» литературно-художественный и публицистический журнал. Отсюда и наши высокие требования к качеству публикуемых материалов.

И еще подчеркнем: журнал — это не сборник, не альманах; каждый его номер — законченное коллективное произведение с определенной логикой построения и лейтмотивом направленности. Особо это относится к тематическим номерам: № 4, 2007, посвященный историческим, памятным событиям девяностолетней давности, и настоящий номер — к 140-летию со дня рождения Алексея Максимовича Горького. И далее мы планируем один-два журнала в год посвящать памятным событиям в России, отразившимся в ее литературной истории.

Спешим успокоить наших читателей и авторов, несколько озадаченных межрегиональным статусом издания. «Приокские зори» были и остаются тульским журналом; литература, история, краеведение, искусство Тульского края — основное его содержание. Но определенную часть объема каждого номера мы «отдаем» авторам из других городов, по преимуществу соседних. Тем самым мы выходим за рамки узкого провинциализма, а это — основное условие активной роли издания в всероссийском литературном процессе.

Более того, мы уже наладили обмен редакционными «портфелями» с рядом других журналов, в первую очередь с «Московским Парнасом», издаваемым одноименным Независимым литературным агентством, и воронежским «Подъемом» — одним из старейших российских журналов. Эта работа активно продолжается.

Очень, конечно, жаль, что администрация области не поддерживает наше издание (см. «Колонку главного редактора» в «ПЗ», № 3–4, 2006). Областная дума издание журнала одобряет, но она не является по определению финансирующим органом. Отметим, что в с е другие литературные журналы России поддерживаются региональными органами исполнительной власти.

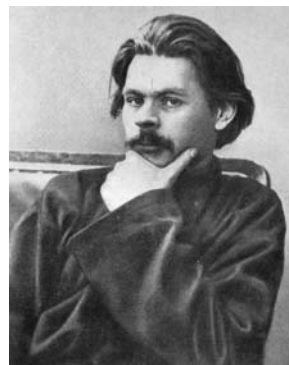
И в заключении «новогоднего обращения» редколлегия выражает благодарность своим читателям и авторам, а особенно — ректорату Тульского государственного университета и ректору Михаилу Васильевичу Грязеву за неоценимую помощь в издании журнала. Без этой поддержки «Приокских зорь» не было бы.

Редколлегия журнала «Приокские зори»

**К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО
РУССКОГО И СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ,
СОЗДАТЕЛЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
АЛЕКСЕЯ МАКСИМОВИЧА ГОРЬКОГО**

Максим Горький

ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТНИКЕ

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и — тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей,— стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут,— им, гагарам, недоступно наслажденье битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Все мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объятые крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон,— гордый, черный демон бури,— и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гневе грома,— чуткий демон,— он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца,— нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревушим гневно морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..

От главного редактора: САМОРОДОК РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Исполнилось 140 лет со дня рождения (16(28) марта 1868 года, Нижний Новгород) великого русского и советского писателя Алексея Максимовича Горького. Самое обидное, что в стране «не заметили» все предыдущие Юбилеи: 125-летия (1993 год) и 130-летия (1998 год). Как говорит народ: «Не до того, Федя, не до того...» Понятно, почему: в девяносто третьем году (почти по Виктору Гюго!) лихие танкисты штурмовали Верховный Совет на Краснопресненской, а в девяносто восьмом все были озабочены дефолтом. Вот и получилось: «Что имеем, не храним, потерявши, плачем».

Однако истинные ценности не преломишь военно-политическими и экономическими баталиями. Вот и литературная общественность страны вспомнила о Горьком. Судя по заявлениям «Литературной газеты», все же остающейся писательским рупором и помещающем в заголовке первой полосы наряду с Пушкиным и барельеф Алексея Максимовича, 140-летний Юбилей должен приобрести общенациональный характер. Думается, что и руководство страны поддержит, учитывая «избирательный марафон» 2007—2008 гг.

Однако — все это преамбула. Наш журнал, как придерживающийся в полной мере традиций классической русской и советской литературы, отмечает Юбилей безо всяких «руководящих, направляющих и намекающих» указаний. И вообще-то говоря, предыдущие два юбилея 90-х годов не заметили, скорее всего, не по причине демократическо-нигилистических влияний, но просто... опять же смотри выше; вообще не до литературы было измученному «реформами» народу. И у власти были свои сложности, конечно; и богатые тоже плачут...

Алексей Максимович был почти ровесником Ленина и почти на десять лет старше Сталина. Оба, будучи вождами советского государства, искренно хорошо относились к пролетарскому писателю, но следует ставить и акцент. Владимир Ильич прежде всего видел в Горьком Буревестника революции, а Иосиф Виссарионович ценил его как организатора советского литературного процесса, создателя Союза писателей СССР. Полностью проникнутому организованностью и дисциплиной во всех сферах жизни строящегося социалистического государства Сталину нужен был адекватный соисполнитель и в литературной части. Но оба они, интеллигент Ленин и выходец из низов Сталин, однако одинаково глубоко чувствовавшие художественное слово, видели в Алексее Максимовиче талантливого, самобытного русского писателя из числа именно тех недюжинных людей, которых история ставит в нужное место и в нужное время. В этом смысле Горький и оказался чрезвычайно востребованным на протяжении свыше сорока лет своего творчества и организаторской деятельности, что называется «при царях и генсеках». Правда с оговоркой: лично царю Николаю Второму он был глубоко равнодушен...

И еще один существенный момент. В высказываниях о Горьком советских диссидентов и постсоветского клана либерализованной интеллигенции доминанта ставится на утверждение: дескать, сомнений нет, литератор Пешков — способный писатель, но писал он только до революции, а потом талант его быстро иссяк, муза его оказалась недолговечной. Второй вариант: после революции, особенно в сталинский период 20-30-х годов, Горький до того (тайно, в душе) неприязненно относился к происходящему, что писать художественно уже не мог и не хотел.

Чуете, читатель, на что они намекают? Почти как в отношении другого гения русской, советской литературы — Михаила Александровича Шолохова (см. далее статью о злопыхателях последнего). Дескать, оба скоро выдохлись; Горький за советские годы только одно малоудачное произведение сочинил («Сомов и другие»), а Шолохов так и не довел до конца «Они сражались за Родину».

Пусть говорят; кто-то брешет, а караван истории и подлинной литературы все идет и идет.

Во-первых, ничего нет обидного для творческого человека, если тот не «растянул», как иной расчетливый бизнес-литератор, данный ему свыше запас и арсенал средств самовыражения на весь отпущенный срок жизни. Ну, сделали так Джонатан Свифт, Даниэль Дефо, Мигель Сервантес. И что? — Знаем же мы и восхищаемся у каждого из них только одним произведением, а названия многих их десятков книг знают, да и то не наизусть, только пишущие диссертации литературоведы...

Многие, очень многие талантливые писатели всю жизнь совершенствуют свое творчество, стремясь к некоему личному идеалу, хотя бы и не надеясь его достичь. Такое творческое кредо особенно характерно для представителей русской, немецкой — отчасти французской — литературных школ.

Представители двух названных традиций, как правило, живут и творят в относительно благоустроенные времена — без всеевропейских войн, революций и геополитических катаклизмов.

Но великие, гениальные писатели, к тому же активный творческий возраст которых пришелся на периоды социальных и иных катаклизмов — люди другой конституции: им уже изначально игрой-выбором природы дан божественный дар самородка. И уже это его дело и/или веление времени, как он распорядится этим даром: сразу ли выплеснет его на немеющих от восторга читателей и почитателей, либо же раскинет его по творческим периодам. К первым и относятся Горький с Шолоховым.

Во-вторых, что особенно характерно для Алексея Максимовича, его служение отечественной литературе делится на два выраженных периода: собственно творческий — до начала 20-х гг. и по преимуществу организационный — до своей кончины. Каждый из них самодостаточен, но они же гармонично взаимосвязаны.

В творчестве, обессмертившем имя Горького, — это квинтэссенция русской классической литературы XIX — начала XX вв., непременными атрибутами которой являются критический реализм и специфический, очень тонко очерченный романтизм. И никакого эпатажа, натурализма и пресловутой «вакханалии чувств».

Обычно в школьных программах, на что потом и ориентировано большинство читающих и размышляющих людей (это не про нынешнее «потерянное» поколение), до недавнего времени акцентировалось только одно направление творчества Горького: раскрытие, преимущественно в рассказах, пьесах — особенно «На дне», социального остракизма угнетенных классов дореволюционной, но уже развито-капиталистической России. Все это так, глубина горьковского анализа здесь потрясает. А в «Челкаше» ярко показан «новый русский» тех времен не в смысле обладания какими-либо большими состояниями, но в проснувшейся жажде хотя и мелочного, но всепоглощающего накопительства. Не зря все современные произведения о новорусском стяжательстве суть ремейк гениального рассказа Горького.

...И второй момент, акцентировавшийся в советском литературоведении: революционная направленность произведений Алексея Максимовича, прежде всего рассказы 1900—1906 гг., включая знаковую «Песню о Буревестнике», и роман «Мать». Все это тоже так и было. Обычные возражения, что, учитывая ситуацию в стране, если бы Горький не создал «Мать», то ее непременно написал кто-либо другой, — малоубедительны. Ведь важно, кто первым сказал «А», да и сказал страстно, талантливо, убедительно. Понятно, что «Мать» — произведение в определенном смысле программное для автора, к тому же написанное в жесткие временные сроки, но это не снижает его художественных достоинств.

Как это ни странно, но на условное «третье место» литературных интересов Горького принято (кем?) ставить его лучшие произведения — с доминантой «Клима Самгина», — подлинную художественную энциклопедию быстрой капитализации

России и ломки всей системы моральных, православных по определению, ценностей в русском народе. Все от «торопливости» дореволюционных новорусских: их грабительское первоначальное накопление капитала, жестоковьянность первого поколения русских капиталистов, столь же скорое разложение душ их детей. Почему-то большим вниманием пользовалась и посейчас пользуется «Угрюм-река» Вяч. Шишкова — тоже добротный роман на эту же тему, но... Шишков есть Шишков, не Горький...

Все выше сказанное к тому же следует «помножить» на тот факт, что творил Горький в период творческого изобилия русской литературы: это и серебряный век русской поэзии, и высочайший подъем прозы, подготовленный всем XIX веком — веком русской литературы. Наконец, это и время новаторства, модернизма, зарождение и скорого подъема советской литературы. Воздержимся от перечисления наиболее достойных имен — они уже сотню лет как на слуху людей, не чуждых читательского интереса.

Условно называемый организационным, второй период активной работы Алексея Максимовича столь же ограничен его деятельной натуре. При этом не следует забывать возраст «позднего Горького» и мучивший его туберкулез в неизлечимой тогда форме. Это уже подвиг организатора советской литературы, многонациональной по содержанию, традиционно русской по характеру, вобравшей в себя все моральные ценности православия. Да-да, именно так, ибо «первым коммунистом был Христос» (Г. А. Зюганов), а воследовавший «Моральный кодекс строителя коммунизма» был переложением на современный язык Заповедей Христовых.

...Написал и сразу поежился, вспомнив, как известный местный писатель Х. (это первая буква его фамилии) в одной из заводской многотиражек обрушился с гневом на автора за эти слова. А ведь Х. в свое время был парторгом областной писательской организации, поучал от «Морального кодекса» свою литературную паству! Кому как не ему знать это.

Итак, заслуги Алексея Максимовича в организации литературного процесса в СССР, отголосками которого и современные писатели только и живы, огромны. Это не только создание Союза писателей СССР, возобновление пушкинской «Литературной газеты» и серии «Жизнь замечательных людей» (книги под таким девизом издавались и в дореволюционное время в виде небольших брошюр популяризаторского типа), опять же инициирование серии книг «История заводов и фабрик», основание в 1930 году журнала «Литературная учеба»... Всего на память сразу и не перечислить.

Опять же с оглядкой на прошедший советский период истории России и с учетом возражений современных либеральных оппонентов Горького зададимся вопросом: на пользу ли русской литературе пошли усилия Горького в 20—30-х гг. или во вред? Либералы придерживаются последнего: дескать, Сталин одел всю страну в дисциплинарный мундир послушания и единомыслия, а Горький стал его рьяным исполнителем в писательском стане, а музы не терпят ошейников и кандалов мысли и пр. Непременно припомнят и поездку руководства СП СССР в СЛОН*. И много чего другого навешают.

...А по прошествии советского периода литературы и, в досталь насладившись современным либерализмом, мы ответим однозначно и аргументированно: если бы не Горький, то те же пролеткультовцы и вовсе угробили бы русскую литературу, как это делают сейчас их духовные братья-либералы.

Дела Горького — непреходящи, талант его велик, память его личности и творчества — вечны, пока существуют Россия и русский народ.

---

* Соловецкий лагерь особого назначения.

Виктор Греков

НЕХРЕСТОМАТИЙНЫЙ ГОРЬКИЙ

Надо раз и навсегда признаться, что в сознание, в душу и память нашего поколения, а это тридцатые годы по пятидесятые,— вошел писатель Горький как Пешков. Алешка...

Впрочем, возьмем, как говорится, глубже: нашему поколению взвалило предыдущее море проблем, забот невпроворот,— ну, дескать, хлопцы, вы теперича в доме за старшего! И — все!.. Обсуждению не подлежит. Какое там обсуждение, когда на дворе — «сороковые, роковые». И пошло-поехало, то рысцой, то трусцой, а там и вовсе — на в о р о н ы х , и — «ату его!».

Алешка Пешков вошел своей пронзительной судьбой паренька в сердце каждого из наших, будто расточился в крови: и то ли мы это в кругу его сиротства, то ли он с нами «на семи ветрах» беспризорного детства — заедино!

Неразрывно. Попробуй, бывало, зарони в запальчивости спора что-либо теневое о нем,— сразу и схлопочешь: всплют тебе горяченьких по число по первое. Что и говорить, всякий из нас зубами бы вцепился в обидчика, только бы защитить его от хулы понапрасну: уж так полюбился он нам, так жалели мы его, хватившего лиха всякого в этих самых, непонятных как бы нам, расхристанным,— «в людях». Девчонки, которым не до ватажных дел юнцов, потому что каждая из них с малолетства уж нянчилась, поди, с подростышами-братками, но и те на уроках не стыдились слез на глазах, когда читала вслух учительница, как секли Алешку за всякое.

Так полюбился он нам, юнцам, уж так жалели мы его. Едва ли не так же, как и чеховского Ваньку Жукова, когда он с неистребимой надеждой чрезвычайно доверчивого русского человека опускает на почте конверт с адресом «На деревню дедушке, Константину Макаровичу». Да было ли в ту пору, в ту минуту еще у кого-либо на горестной земле более неутешное горе, чем у нас, на глазах которых где-то в аж в девятнадцатом веке совершалась вселенская несправедливость... Не было! — я и теперь могу поручиться за всех нас, обездоленных войной,— не было! Мы страдали за Алешку и Ваньку Жукова невероятно,— прямо-таки безумие какое-то...

Ведь меня вот, совсем недавно, резали хирурги, меня колотила в жутком ознобе судьбина, отрывая самых родных от сердца, но горячие слезы были на глазах тех, послевоенные, оттого что больно было от несправедливости. Физическую боль мы могли превозмочь, даже сопливая наша малышня, ведь я хорошо помню это, но не было сил вынести боль от людской несправедливости. Она и теперь все еще жжет сердце и мучит душу, а обнаженная память — терзает. Ее, эту память, не закроешь как книгу Чехова или Горького.

А спустя некоторое время, нахлынули на нас сказки Горького. Непостижимые и неподражаемые. Немыслимо фантастические, и в то же время — земные. Ощутимые,

как, скажем, сажа в печной трубе, как крупчатая соль на корочке хлеба, и та же соль, но в порах измученной кожи.

Но даже и не столько экзотичностью завораживали сказки нас, а тем особенным климатом знойных страстей, недоступных для нас, но которые были преподнесены нам виде эликсира какой-то нездешней, энергетической бодрости духа. Да, укусом беспощадной крепости отрезвляет затем писатель очарованное сказкою сердце. И слетает тотчас легкой зыбью туман романтичности, улетучивается как сон.

Вспомните, пожалуйста, чем завершается рассказ старухи Изергиль, поведавшей о поступке Данко. То есть, то место, когда (и сейчас не могу без трепета вывести строку о том, что) люди «не заметили смерти и не видали, что еще пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце».

Вспомнили? Ну конечно, вот это, жгучее из-за неминуемой и неотвратной своей контрастности: «Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой...»

...Я, как мне кажется, сдержанный по природе своей человек, но порой так и подмывает, так вот это и подталкивает что-то во мне к противодействию: перехватить жест «осторожного», остановить, а может быть, даже и грубо отбросить его прочь, — уйди, неблагодарный...

Это теперь, когда рассудок возобладал над чувствами, а каково в ту пору, юношескую, в молодецкую? Да разве бы только лишь я один бросился бы наперерез «осторожному» и остановил, а когда бы успел, то и предостерег: да как же можно, на сердце и — ногой? В романтическом порыве чувств — тем более...

Но в том-то и дело, что автор, гений писателя, если точнее, предвосхитил это самое во мне как читателя и даже предопределил... Впрочем, как говорится, «Стоп, машина!» — уж слишком рассудочно... для Горького, вылепившего колоритнейшую фигуру (едва ли не библейского масштаба) босняка-разбойника Челкаша? Стоп... Это у него спонтанно. По художественной стезе. Само собой, как бы по наитию. Снизшло с небес. Как у другого гения нашего, воскликнувшего в восторге: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!..» Ей-ей так и было. Было же, было!

Но, однако, сомнения-то берут? А может быть, и на самом деле, — а не слишком ли это у автора? Ну, скажем, по молодости его? По юношескому максимализму? Ну, с кем не бывает? Вот подтолкнула нечистая под локоток, и вышло: «...наступил на гордое сердце».

А чего не сотворишь, как говорится в народе, со страху? И ведь, со страху-то, не всегда только лишь за самого себя, а — за всех.

Убедительно? Но гложет сомнение. А куда нам в таком случае деться от навязчивого, как липучка — «не заметили смерти его»? Списать на эйфорию и, «гитару пополам, к чему ломать комедь?». Нет, не тут-то было... Не все так просто.

Вот почему кажется порой, что уж лучше бы автор оставил пылающее сердце в покое, пусть, мол, его, спасшее народ, — догорит само собой, ибо у вечности всему свое время. Ну чего суетиться-то? Ан нет, «осторожный» нашелся-таки, — взял и наступил.

Злая воля «осторожного» не дает покоя, тем более, в нынешние смутные денечки, когда сполохи все новых и новых потрясений зыбятся над изнемогшим в распустье небосводом... Какими доводами руководствовался этот рационально мыслящий? Чем мотивировал свой жест? И наконец с какой стати у автора в сказаниях о несбыточно-чудесном этот штрих? И ведь в нелепости его никто не упрекнет, — просто не осмелится, потому что штрих этот в обетованной своей простоте воистину гениален.

Почему? Потому, в частности, что в сказании старухи Изергиль о смелом Данко не авторский произвол владычествует, а господствует, напротив того, Ее Величество художественная правда. Наверное, не случайно и Шукшин произнес сакраменталь-

ное: «Нравственность есть правда». Ее как раз и исповедует Горький. Ее боготворит Пешков. Ее возводит во что-то непостижимое добрый гений литературы.

Наверное, поэтому Горький ни разу не вернулся к прежнему, чтобы поправить этот, казавшийся мне в юности недостоверным, штрих.

Горький, мне думается, сам того не ведая, замахнулся жестом «осторожного» на вседержительную ипостась: на народ. Пусть и не на ветхозаветный народ, богоизбранный, однако, вместе с тем поставил под сомнение поступок, не делающий, мягко говоря, чести ни одному из народов. Ведь у него никто не осудил «осторожного». Как же так, ведь жест «осторожного» на грани поругания именно общечеловеческого?

В том и дело, что Горький поставил во главу угла превечное: мера всему — поступки таких титанов самопожертвования, как Данко, а вот Земля обетованная — это и есть сам народ. Материк всего сущего, если угодно!..

Но как же быть, — тотчас возражает голос сомнения, — с приговором мятежного толпища на площади библейской: «Распни! Распни его!»? Как? Все списать на стихию толпы? Или же грех поругания оставить на совести тех, которых Господь назвал кратко, но исчерпывающе: «Вожди слепые!», «Безумные и слепые!», «Фарисей слепой!» Одним словом, подстрекателей?

В том-то и дело, что Горький, вовсе не игнорируя подобное из возможного, отдает в рассказе предпочтение незамысловатому, на поверхностный взгляд, художественному приему: он всего лишь обозначает, легким штришком, и еще одну интригу, которая не получает, да и не должна была получить сюжетного развития. Она как бы не каноническая. Однако, она аккумулирует такую зажигательную энергию, пред натиском которой главная мысль выходит за рамки повествования и становится для активного читателя, тем более гражданина, синдромом внутреннего нестроения души.

Да, я как читатель испытываю удовлетворение от позитивного разрешения, но неизбывное чувство досады от непочтения жертвенному в человеческих отношениях, тем более с привкусом горьким от поругания — все отчетливее стучит в мое сердце.

И я опять и опять, как утопающий за соломинку, хватаюсь за оброненную великодушным автором подсказку. То есть, набрасываюсь на диалог:

— Видишь ты искры? — спросила меня Изергиль.

— Вон те, голубые? — указывая ей на степь, сказал я.

— Голубые? Да, это они... Значит, летают все-таки! Ну-ну... Я уж вот не вижу их больше. Не могу я теперь многого видеть.

— Откуда эти искры? — спросил я старуху.

Я слышал кое-что раньше о происхождении этих искр, но мне хотелось послушать, как расскажет о том же старая Изергиль.

— Эти искры от горящего сердца Данко...

Казалось бы, не мудрствуя лукаво, как говорится, отнести с легким сердцем это все об искрах к своеобразности литературного приема, когда метафора получает логическое развитие. И это бесспорно... И я не могу заподозрить автора в пресловутой заданности, потому что историческая воля народа, последовательно проходящего путями чрезвычайных испытаний, превечна во все времена: один из него (отчего и не назван старухой Изергиль м у д р ы м) берет на себя ответственность остановить пламень сердца титана духа, ибо восходят на Крест только один раз. В этом Горький как романтический писатель несколько не погрешил против истины, потому что он — историчен по духу революционной эстетики.

А что сверх того, — не случайно говорится, — то от лукавого! Аминь!

ПРАВДА СВОБОДЫ И СВОБОДА ПРАВДЫ

В это трудно поверить, но если вдуматься хорошенько, то и на самом деле обнаружишь воочию, что за сто лет после опубликования рассказа «Челкаш» не было равного ему по градусу драматического накала, глубине проникновения в цепную реакцию противоборства Добра и Зла.

Две силы крепко сшиблись, и каждая из двух в этой схватке оказалась сугубо со своей правдой. Пусть и выстраданной, но уж очень какой-то задичалой, что ли, оттого что — доморощенной.

Две силы с мертвой хваткой. Две непримиримые. Необузданные и, что примечательно, нетипичные для русского простолюдина. С нездешней желчностью.

Сшиблись, потому что у каждого своя правда. В том-то и вопрос, проклятый для нас, что у каждого — своя, хотя, оба как раз от одних корней,— от людей труда. Им только и жили их предки, их пращурь.

Они — дети, а лучше сказать — продукт, и если уж совсем точно, то — жертвы замечательных реформ, но проведенных «по-русски!».

Наверное, реформы могут претендовать на то, чтобы войти в Золотой фонд переустройства, но им выпала участь иная: «Хотели как лучше...» Впрочем, обо всем по порядку.

Молодой писатель проникся мотивами реформирования «по-русски», и попытался препарировать все произошедшее непостижимое для рационально мыслящего европейца. И вот еще что характерно для «национальных особенностей русской охоты»,— вышло из-под пера, по-юношески максималистского, на редкость причудливое, окутанное розовой дымкой и окрашенное в романтические тона. Ну не чудесно ли сие? Не поразительно ли? И кто еще в этом-то ряду? Разве что «Белый клык» Джека Лондона? Не исключаем, хотя, впрочем,— с серьезными оговорками.

Горький поставил две человеческие судьбы как бы на одну доску нравственного порядка, но и одновременно — нашего, читательского то бишь, суда...

Эти двое оказались на огненном рубеже... По-над пропастью... Когда что ни шаг, влево-вправо — гибель. И, прежде всего, гибель нравственная. Грехопадение, когда и в одном, и в другом случае — разрушение личности.

Но, однако, так сложилось в стране, в обществе, когда, по словам критика, все «переворотилось и только-только начинает укладываться», эти двое не могли не столкнуться и схватиться в порыве бешеного изнеможения от жуткой жизни в мертвой схватке врагов, но врагов, катастрофически любящих друг друга. Их потянуло друг к другу в порту, среди непреодолимого на морской пристани многослойного многолюдства. Столпотворение! Вавилон! — но магнетическое Поле притяжения, но гравитационное Поле смертной любви к страждущему, к обреченному на страдания самим Его Величеством укладом империи,— подтолкнули их друг к другу, чтобы один из сильных раскрыл череп другому, обреченному.

Гришка Челкаш — законченный босяк, и молодой парень, уже не крестьянин, но еще не падший. Еще жадно цепляющийся за соломинку спасения, еще не потерявший веру в Бога.

Один — потерявший опору в прежней жизни, но сильный духом обретения, пусть и чего-то призрачного, другой — без начала и конца, дьявольский дух в нечеловеческом скелете бродяги, однако (и вот это у Горького беспрецедентно!) с пронзительным ощущением внутренней свободы и жаркой верой в свой, в босяцкий, Кодекс Чести. Не-ве-ро-ят-но!...

И все же, альфа и омега в ином. И уж вовсе,— простите, как говорится,— не в пресловутой классовой разнородности, а тем более, классовой ненависти, не в соци-

альном неравенстве и т.п.— все из классического набора материализма. Нет! Оба выброшены за околицу крестьянской оседлости реформой 1861 года, манифестом царя-освободителя, ударившими, как сказал поэт, «одним концом по барину, другим по мужику».

Гришку Челкаша с его молодым «новобранцем» объединяет многое, но водораздел обозначен. Пропась между ними... А на дне пропасти — русло превечно призрачной реки под названием Свобода.

На что жалуется Гаврила старшему своему и новому по босяцкому существованию товарищу, Гришке? На то, что «отец умер, хозяйство — малое, мать старуха, земля высосана «и обзавестись бы капиталцем уж каким-никаким, но вот незадача — «тесть-дьявол» препятствует. Что срывается с языка малого — здоровяка в запальчивости (уж и сомнения берут, а на самом ли деле это «сладкое слово» привычно в его лексиконе?) — Да-да, слетает легко, как привычное в обыденности: «И был бы я, значит, совсем с в о б о д е н, сам по себе...»

Дорогого это вот «сам по себе» в нашем контексте стоит. Вот это и есть зримый и по-здоровому ощутимый образец подлинной художественной правды литературы. Вот это и есть зерно Слова писателя Горького.

И в том же ключе (будто горячие токи живительной крови!) — совершенно естественный протест Гришки, этого отпетого бродяги, исповедующего неписанный кодекс чести босяцкого мира, исторгнутый со дна его души... И автор приподымает завесу над истинным, временно сокрытым и совершенно непубличным, потому что в этом мире не принято гласно кичиться своей подлинной свободой. Горький довольно пространно объясняет причину гнева Челкаша, осерчавшего на Гаврилу, за то что тот ему ни в чем не ровня, «...а больше всего за то, что он, этот ребенок по сравнению с ним, Челкашом, с м е е т любить СВОБОДУ...» (разрядка моя.— В. Я. Грек.)

Социальная неустойчивость в пореформенной России при беспрецедентном начале передела собственности, который разольется половодьем смуты, без конца и без края,— это у Горького пока только лишь площадка, на которой писатель развернет действие одной драмы, но художественная правда которой потрясет общественность.

А вот камнем-то преткновения для полярно противоположных миров в рассказе становится она, с в о б о д а. Она будто планета, на орбиту которой и пытаются вырваться две судьбы, ибо «на свете счастья нет, но есть покой и воля». (А. С. Пушкин)

К сладкому привкусу в слове «свобода» вернется опять-таки первым не Гаврила, мечтающий о собственном хозяйстве на широкую ногу, а отпетый вор Челкаш, пусть и слегка иронизируя, затем и паясничая, только бы подбодрить раздавленного случившимся молодца, невольно ставшего соучастником кражи: «Главное в крестьянской жизни — это, брат, свобода! Хозяин есть ты сам себе. У тебя твой дом — грош ему цена, да он твой. У тебя земля своя — и того ее горсть, да она твоя! Король ты на своей земле!.. У тебя есть лицо...»

Мне порой представляется, что Челкаш у Горького просто-напросто мучает Гаврилу этим сладким и дорогим, едва ли реальным; наслаждается мукой другого, жаждущего свободы. Но Челкаш здесь у автора предельно краток, до жесткости реален: ибо свобода для него не есть нечто призрачно-неопределенное, как коктейль из красивых слов. Здесь он у Горького кремнево-предметный реалист.

То есть, синдром свободы пронизывает плоть и кровь Челкаша, как по-своему умудренного опытом жестокой и беспощадной к слабому российской жизни. Гриш-

ка — образец чрезвычайно матерого хищника среди людей, вырванных из общего порядка империи. Но в том-то и сила художественного Слова писателя Горького, что я как читатель все время реально ощущаю твердь земную, ощущаю кровную необходимость Материка, которым бредит Челкаш, отлученный от крестьянской правды, к которой пытается возвратиться восвояси Гаврила, даже ценой страшной потери, — именно чести, кровью вписанной в кодекс Челкаша. Господи, как все неразрывно увязано в этом рассказе, насколько крепки узлы, и ничем не обуздать святого устремления к свободе.

Но торжествует правда свободы, когда свобода обретает крылья правды...

Увы, не случилось этого в маленькой драме, как назвал произошедшее сам Горький в конце рассказа. Хотя, впрочем, окрыляется сама мысль Челкаша, одержавшего-таки нравственную победу, и он, одаривши Гаврилу, испытывает глубокие ощущения.

«Челкаш слушал его радостные вопли, смотрел на сиявшее, искаженное восторгом жадности лицо и чувствовал, что он — вор, гуляка, оторванный от всего родного никогда не будет таким жадным, низким, не помнящим себя. Никогда не станет таким!.. И эта мысль и ощущение, наполняя его сознанием СВОЕЙ СВОБОДЫ, удерживали его около Гаврилы на пустынном морском берегу».

Что же остается у автора в этом отношении другому герою, Гавриле? Это поразительно, но Горький, будто припомнил его жест в начальной части завязки рассказа, опять наделяет его свободой, но только лишь той свободой, которая нисходит как душевное облегчение вслед миновавшей беды. «Потом Гаврила снял свой мягкий картуз, перекрестился, посмотрел на деньги, зажатые в ладони, с в о б о д н о и глубоко вздохнул...»

Все, оказывается естественнее и проще, если освободиться, насколько это возможно, от идеологических схем, а еще постараться припомнить, что и само слово «либерал» в нашем языке происходит от латинского, характеризующего степень свободы

Одним словом, у Горького, как у всякого гения, ничего случайного.

ЗАКОНЧЕННО РУССКИЙ ПОЭТ

*Кто не со Мною, тот против Меня; И кто не
Собирает со Мною, тот расточает.*

Еванг. от Матфея. Гл. 12:30

Задумываюсь ли о Горьком, листаю ли его «По Союзу Советов», все не могу избавиться от впечатления, которое произвело когда-то на нас, студентов Литинститута, пушкинское: «Черт догадал меня родиться в России с душою и талантом. Весело, нечего сказать».

Перебираю в памяти подробности вспыхнувшего тогда спора, а угодливый, тот, который всегда у каждого из нас, усомнившегося, стоит за спиной, подсовывает, дескать, а как же быть в этом случае с «Несовременными мыслями»?

Теряюсь, и мысли начинают путаться. Но вот набегают легкой зыбью благодати совсем иное: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины... Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» — и все укладывается в более-менее приемлемое русло. Однако же, сомнение дает время от времени знать о себе.

...Не исключаю, Горький ощущал неполноту сказанного им «О времени и о себе». И прежде всего,— в фокусе революционного переустройства. Не потому ли, отдаляющееся воспринимал острее, а, уходя, уходя и уходя, нет-нет, а оглядывался,— что-то и где-то «в буче, боевой и кипучей» зияло пустотами принципиального несогласия.

Наверное, искал опоры у титанов духа, у отечественных мыслителей, своих предшественников. Вот и нам, недостойным, порой так недостает возможности спросить у прошагавших до нас неторными тропами общественного устройства, а насколько сильна она, эта познанная неизбежность революций? — с их правом на насилие, а стало быть, и на произвол? А кому-то и на индульгенции?

С другой же стороны (как оборотная сторона медали!) — куда деться от так называемых охранителей всего устаревшего? Ужель так ничего и нельзя пустить на слом плотнику, дабы заложить венец новому, читай — будущему? Ведь оставил вот нам, о времени и о себе записку, некий современник Ивана Сергеевича Тургенева и почитатель его таланта, Васильчиков (в дневнике от 10 декабря 1853 года): «Между прочим, здешний попечитель, Мусин-Пушкин, отзывавшийся о Гоголе как о лакейском писателе, запретил о нем писать».

Экая гримаса времени... Каковы ужимки? А?.. Не это ли образчик ретроградства? Невероятно...

Но у того же П. А. Васильчикова есть, чуть ниже по тексту, запись иного толка,— о том, как непросто было составить в то время представление себе о путях и судьбах крестьянства России, а в сущности,— о национальных особенностях в Отечестве...» Много было говорено о русском крестьянстве,— пишет он далее,— и между прочим Тургенев замечал, до какой степени, несмотря на его (крестьянство) необразованность, до какой степени его трудно разобрать, до какой степени многосложно...»

Дальше — больше...Также в свое время небезызвестный Булгарин заявлял, что «Ревизор» является «презабавным фарсом, рядом смешных карикатур». Получается: среди таких тирад, нам, вроде есенинского недоумения: «С того и мучаюсь, что не пойму, куда несет нас рок событий...»

Впрочем, что нам до всяких витий типа Булгарина со всякими Сенковскими, рискуем, а точнее, отважимся обратиться к Гете, пусть и противоречивому порой, но все же — к Прометею самой Европы. В одном случае Гете склонен признать (по Эккерману — «Разговоры с Гете») признать благотворительность революций, если они избавляют, а точнее, устраняют «неустранимые препятствия». В другом — обрушивается даже на оппозицию как институт либерализма, полагая, что «оппозиционная деятельность всегда упирается в отрицание, а отрицание — это ничто».

Категорично? Несомненно, но — по существу. Но вот иная плоскость, хотя, впрочем, одна из составляющих Проекта переустройства. Речь о всенепременном условии позитивного исхода любого совершенного мероприятия. Речь как раз о евангельском камне, который и станет во главу угла.

Эккерман записывает, казалось бы, самое обыденное из эпизодов в хронологической последовательности: «Суббота, 12 февраля 1831 года. Читаю Евангелие и думаю о картине, которую мне на днях показывал Гете. Христос идет по морю, Петр по волнам спешит ему навстречу, но, на мгновение утратив присутствие духа, начинает тонуть.

— Это одна из прекраснейших легенд,— сказал Гете,— я очень ее люблю. В ней высказана высокая мысль: человек благодаря вере и мужеству своего духа побеждает даже в труднейшем начинании, но стоит только сомнению закрасться в него, и он погиб».

Сколько раз листал Евангелие, вчитывался в текст, где говорится о том, что не бывает пророка без чести, и всякий раз мысленно «опускал» фразу именно нижеследующую, не удостоивая внимания... А жаль! И только благодаря замечанию Гете открыл непреходящее. Не так ли мы, люди, разные, внимательные и не очень, одинаково не ощущаем тока крови в жилах, но едва какое-то важное событие вот-вот повергнет вас во прах, мгновенно вспыхнет в груди объятые пламенем сердце и тотчас же кинется кровь к лицу, а душа встрепенется: значит, Господь призвал тебя, недостойный, к ответу.

«Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отчестве своем и в доме своем», — на этом и ограничивалось мое прочтение слова евангельского... Но дальше-то, боже мой, какая сила отворяется в ранее сокрытом, и сказано евангелистом в пояснение сути происходящего с нами, в большом и в малом, в действиях и в совершенных деяниях: «И не совершил там многих чудес по неверию их».

«По неверию их...» — запомним же, чтобы не впасть в недостойное, в неразумное. О, сколько же титанами духа нашего Отечества было принесено на алтарь веры. А мгновенно поколебленное одним, слабым духом, и усилия поколений обращаются в ничто. Плюс ко всему, тиражируют ниспровергатели всего и вся, жалкие лицемеры, пустозвонную дребедень трусоватых злопыхателей...

Но в смене эпох, едва лишь обозначился вектор так называемых либеральных ценностей, разве только ленивый не бросил камень в имя Горького как «буревестника» революции?! Это-то откуда в нас, таких либералоизобильных? Ужель, — (опять вот вроде бы некстати!) — все из тех же недр народа, исторгших «Распни его, распни!»?

И сбудется ли когда, с учетом подобной расшатанности, «реченное чрез пророка Исаяю, который говорит: «Он взял на Себя наши немощи и понес болезни».

Где гарантии? Кто из новоиспеченных ниспровергателей возьмет на себя ответственность заявить, что так и будет?

А уж если до конца в нашей истории, то припомнить бы, сколько хламу из плевел, каких несметных ворохов нагромоздили вокруг имени другого родоначальника романтизма в отечественной литературе, Жуковского. И как раз пик усердия хулителей его имени как на якобы царедворца, пришелся на, опять-таки, время торжества все тех же ценностей... И таким образом, что самой Крупской пришлось защищать Жуковского от якобы уж очень радеющих за ценности... (Известно, что в 1824 году Жуковский был назначен наставником цесаревича, — великого князя Александра Николаевича, будущего Александра II. В ту пору шел наследнику престола седьмой год.

В «Правде» (от 6 февраля 1919 года) статья Крупской «Неосновательные опасения» вразумляла: «...обвинять же Жуковского, что он был монархист в век, когда все были монархистами, никто не станет, и рабочих охранять от влияния Жуковского совершенно излишне».

Тотчас вспомнился литературный Фома Гордеев, а следом за ним — колоссальная фигура доподлинного, а не вымышленного, пусть и гением художника, Саввы Морозова, — промышленника Божией милостью и мецената от природы; затем и Мамонтовы постучались в гостиную Пешкова-Горького. Это ведь их могучей созидательной силушкой означены вехи развития отечественного хозяйства, экономического потенциала которого хватило бы на всю Европу. Не случилось, увы! «Сработал», образно выражаясь, синдром Фомы Гордеева, когда, по определению критика, в российской действительности, как правило, в третьем поколении купечества один из самых ярких «выламывался из класса». Он, Горький, художническими средствами проследил весь диалектически состоятельный и оправданный путь этого социального

сложения, — от накопления несметных богатств — к осиянности всепоглощающей благотворительности и величию духа христианской любви.

Другое дело, как и в какой форме реализовались носители этой новой ипостаси в русской действительности. Во всяком случае, пример сына купца-промышленника, причем портового, Василия Николаевича Игнатова направил стези в этакую невидаль на тот час: он же вошел в состав плехановской «Группы освобождения труда» и вложил в революционное дело все свое состояние. Ка-ко-во?

Горький предвосхитил таковое движение в отечественном обетовании! Он провидчески вывел на сцену российской действительности героев неслыханной судьбы, невероятных поступков — именно шекспировского размаха... Так что, ни в какой защите Горький не нуждается: он пророчески предопределил стези, которые востребовала сама мать-история России. Неисповедимо: «...приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему». История не терпит альтернатив, она всегда позитивна, какими бы не были для малых и сырых шаги ее.

А по существу кликуш всяких мастей, которыми во время любого социального надлома «хоть пруд пруди», задолго до нашей трагедии, двести лет тому назад, преосвященный Мефодий, владыка Тульский и Белевский, сказал, с присущей пастырю библейской откровенностью: «А между тем люди, идущие прямым путем закона, сколько терпят клеветы, лживых нареканий и злохуления! — Говори ты истину, да истину нужную и важную? — скажут: это очень мудрено, это не по нашему веку! — Держись ты порядка и устава? — возопиют: он не умеет жить в свете, он ханжа! — Запрещай ты своевольства и худые обвинения? — закричат: ах, как он это строго! — Наблюдай ты закон правосудия? — пустят о тебе клевету, что ты не милосерд, упрям и своенравен».

И светло и горько... Преосвященный Мефодий зачерпнул из незамутненного источника истины.

И потому не следует, видимо, прибегать к суждениям людей светских, даже к мнению титанов духа и философской мысли. Во многотомье Горького выберем крошечную зарисовку, вроде литературного этюда, но очень пронзительную по чувствам в каждой фразе изумительной миниатюры. «Сергей Есенин» у Горького родился, по всей видимости, исподволь, едва ли не спонтанно, как всплеск на зеркале лебединого озера: то ли лебедушка крылом взмахнула, то ли ангел водной глади коснулся, — Бог весть!

Время то было — во всяком случае не для благочестия: запах смерти надолго, казалось, погрузился в тяжкую атмосферу смутного лихолетья. И вот в этом-то чаду нестроения пред писателем засветился огонек изумительной поэзии. И не случайно, а, думается, чрезвычайно выверенно Горький запишет, будто отточенным кремнием по стеклу: «И еще более ощутимо стала ненужность... скучнейшего бранденбургского города Берлина, ненужность всего, что окружало своеобразного талантливого и законченного русского поэта».

Горький гармоничен... в отображении прекрасного и безобразного.

Виктор Пахомов

БУРЕВЕСТНИК

Памяти М. Горького

Не над гневной бездной моря,
Над землей с ветрами спора,
Заходил кругами вестник,
Вестник бури, буреvestник.

У домов народ толпится,
Смотрит в небо: что за птица?
Нагнетается тревога,
Не беда ли у порога?

Но следит малец отпетый
Из окна за птицей этой,
Напрягая в струнку тело,
Неотрывно, жадно, смело.

Он душою с птицей рядом
Над рекою, лугом, садом,
Над округой, отчим краем,
Где мы лишь во сне летаем.

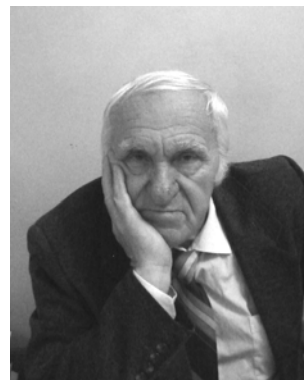
Он, глаза от солнца щуря,
Всем кричит, что будет буря,
И еще в том духе тоже,
На безумное похоже.

На пророчество мальчонки
Смехом давятся девчонки.
Только он на их кривлянье
Абсолютно — ноль вниманья!

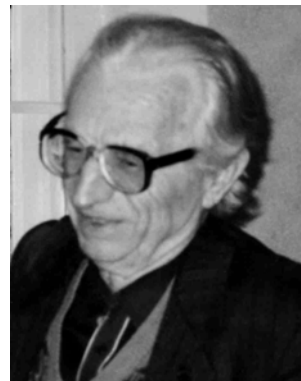
Да не ведает, отважный,
Что там, в небе — лист бумажный,
Клок газеты рваный, жалкий,
Ветром поднятый со свалки!

Для него он — буреvestник!
Ожидаемого вестник —
Бури, битвы, жизни, счастья
И во всем его участья!
Веры в то, что после бури
Засияет мир в лазури!

2007 г.

Николай Минаков

ТОЛСТОЙ И ГОРЬКИЙ

*Добро и красота для человечества
есть то, что соединяет людей.*

Л. Н. Толстой

В последнее десятилетие мы были свидетелями резкого катаклизма в оценках критиками и литературоведами многих отечественных писателей. Тех, которые ранее находились как бы в тени, по известным причинам, замалчивали, вдруг стали возводить в кумиры. И напротив, чья слава была на слуху, ниспровергать.

Особенно перепало А. М. Горькому. По российскому радио зачастую можно было слышать скрипучий голосок некой литературоведки Татьяны Ивановой, которая из кожи лезла, доказывая, что горьковский тезис: «Если враг не сдается — его уничтожают» — послужил сигналом к массовым репрессиям тридцатых годов прошлого столетия. Нелепость данного абсурда настолько очевидна, что не требуется комментарий. Если только не привести совсем свежий пример, когда в Москве осенью 2002 года во время известного террористического акта не только уничтожали недавших террористов, но и присовокупили к этому заодно более ста ни в чем не повинных заложников.

В безмерной клевете на Горького его хулители часто ссылаются на авторитет Л. Н. Толстого, что, дескать, он не признавал в нем неталантливого писателя, а его художественные произведения считал слабыми и ненужными. Снизойти до такой глупости могли только литературные писаки, преднамеренно поставившие перед собой цель любыми способами развенчать великое имя народного писателя, каким был Максим Горький.

Действительно, отношения между Горьким и Толстым в разное время были не из простых, порой сложными и противоречивыми. Но это не означает, что Толстой не признавал в нем талантливого писателя. Впервые познакомились они в Москве в толстовском хамовническом доме 13 января 1900 года. По этому случаю Толстой записал в дневнике: «Был Горький. Очень хорошо говорил. И он мне понравился. Настоящий человек из народа».

В феврале 1900 года в ответ на письмо А. М. Горького, в котором он благодарит Толстого за доброе отношение к нему и просит у него карточку, Толстой пишет: «Мне ваше писанье понравилось, а вас я нашел лучше вашего писания. Вот какой делаю вам комплимент, достоинство которого, главное, в том, что он искренен. Но вот прощайте, жму вам дружески руку».

Толстой послал Горькому свою фотографию с дарственной подписью: «Алексею Максимовичу Пешкову, 9 февраля 1900 года. Лев Толстой».

8 октября 1900 года Горький вместе с редактором журнала «Жизнь» В. А. Поссе

приезжал в Ясную Поляну. Это была его третья встреча с Толстым. Они много говорили о литературе. В этот же день С. А. Толстая сфотографировала их в яснополянском парке.

В записи в дневнике 9 октября Толстой отметит «...Тотомианц, молодой марксист, приятный; вчера Поссе и Горький. Эти менее приятные. Состояние духа среднее».

Поссе желал получить для журнала драму «Живой труп». Толстой, не считая драму законченной, отказал ему. В.А. Поссе писал об этом посещении: «Горький в этот день был не в духе. Яснополянская обстановка ему не понравилась. Это чувствовал Лев Николаевич, которому, видимо, Горький нравился все больше и больше» (Поссе В. А. Мой жизненный путь. М.—Л., «Земля и фабрика», 1929, с. 188—189).

Осенью 1901 года и часть 1902 года оба писателя жили в Крыму, неподалеку друг от друга, часто виделись, много беседовали, делились своими творческими замыслами, обсуждали социальные, политические, философские, религиозные проблемы. Литературоведами в своих работах зачастую делается акцент на том, как Горький посещал Толстого в Гаспре, где он проживал с семьей, когда и сам Толстой частенько заглядывал на дачу в Оленце, где жил Горький. Об этом отмечает в дневнике С. А. Толстая: «23 декабря Лев Николаевич поправился. Ходил далеко гулять, зашел к Максиму Горькому». Аналогичная запись от 31 декабря: «Лев Николаевич ходил к М. Горькому».

23—30 декабря 1901 года А. М. Горький сообщил К. Т. Пятницкому: «...У меня был Толстой. Очень нахваливал Леонида (Андреева) и меня за первую половину «Троих», а о второй сказал, что «это анархизм, злой и жестокий» (М. Горький, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 28. М., 1954, с. 210).

Они часто гуляли вместе. К ним присоединялся Чехов. На прогулках Толстой больше говорил о Боге, религии и женщины. Мог озорно подтрунивать, шутить. Горький в своих воспоминаниях «Лев Толстой» пишет: «Сегодня в Миндальной роще он спросил Чехова:

— Вы сильно распутничали в юности?

А. П. смятенно ухмыльнулся и, подергивая бородку, сказал что-то невнятное, а Л. Н., глядя в море, признался:

— Я был неутомимый...

Он произнес это сокрушенно, употребив в конце фразы соленое мужицкое слово. Тут я впервые заметил, что он произнес это слово так просто, как будто не знает достойного, чтобы заменить его».

Об этом периоде взаимоотношений между писателями старший сын Толстого Сергей Львович в «Очерках былого» отметил: «Отец приветствовал Горького, тогда только начинающего писать, как писателя, принадлежавшего к рабочему народу и пишущего о рабочем народе, но он говорил: «Горький открыл новый клад в литературе: это босяки, и жизнь босяков, он знает и хорошо описывает, но людей из другой среды он знает плохо и, описывая их, выдумывает».

Сам Толстой в дневниковой записи от 11 мая 1901 года пишет:

«...босяки — люди и братья, но мы знаем это теоретически; он же показал нам во весь рост, любя их, и заразил нас этой любовью».

Тем не менее, Толстого смущала чрезмерная популярность молодого Горького, те овации, которые оказывали ему в Москве и которые находили отражение в печати.

Последний раз писатели виделись 6 октября 1902 года в Ясной Поляне, куда Горький приехал вместе с К. П. Пятницким. Революционные события 1905 года, резко обозначившие различия в их взглядах, стали рубежом, после которого их личные отношения прекратились, но взаимный интерес сохранился.

5 марта 1905 года Горький пишет пространное «Письмо графу Л. Н. Толстому», которое начинается словами: «Обаяние Вашего имени велико, все грамотные люди

мира прислушиваются к Вашим словам, и, вероятно, многие верят в их правоту, но то, что Вы сказали миру по поводу событий, происходящих в России, побуждает меня возразить Вам». Письмо было вызвано статьей Толстого «Об общественном движении в России». Статья была опубликована в феврале 1905 года в Лондоне, Париже, Берлине. Горький возражал Толстому во многих его взглядах, в частности, имел в виду его мысль о том, что народу, массе крестьян не нужна «свобода печати и свобода собраний», а нужны лишь «освобождение земли от права собственности, общность земли».

Письмо было задумано как открытое письмо, оно было послано Горьким Пятницкому с просьбой передать «прилагаемое письмо к Толстому в «Сын отечества»... пусть печатают, но пускай спишут текст и пошлют подлинник, подписанный мною, графу в Ясную Поляну» (Горький, 28, 361).

Горький отказался от намерения опубликовать это письмо, так как против Толстого выступила реакционная пресса.

«Написал было ругательное письмо Л. Н. Толстому и едва не напечатал, но когда его начала лягать всяка сволочь — отложил это в сторону», — сообщал Горький 12—13 марта 1905 года Е. П. Пешковой (Горький, 28, 364). Письмо осталось неопубликованным, и Толстой не узнал о его содержании.

О том, что интерес у Толстого после разрыва с Горьким их личных отношений к нему сохранился и свидетельствуют записи в дневниках Л. Н. Толстого вплоть до 1910 года, а также личного врача Д. П. Маковицкого в «Яснополянских записках» книга «Два года с Л. Н. Толстым» секретаря Н. Н. Гусева и других близких, кто окружал писателя.

В «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого от 5—6 октября 1905 года читаем: «Еще говорили о Горьком.

— Успех Горького мне непонятен, — сказал Бутурлин.

— Для меня загадка, — сказал Л. Н. — Лепсиус мне помог его себе объяснить. Он говорил о Горьком, что затрагивает важные вопросы и отвечает на них так, как думает толпа».

В 1906 году Горький совершил поездку в США, чтобы разъяснить цели русской революции и собрать средства на ее нужды. Буржуазная печать обрушилась на него с клеветой и бранью.

26 апреля 1906 года Толстой делает запись в дневнике: «Читаю в газете о приеме Горького в Америке и ловлю себя на досаде».

В других дневниковых записях последних лет жизни Толстого отмечается, что он постоянно читает произведения Горького, отрицательно воспринимает его пьесы «Мещане», «На дне», однако дает положительную характеристику его рассказам. Между прочим, Толстым не была принята и драматургия Чехова, Шекспира, но это не означает, что он не видел в них выдающихся писателей. «Чехов — это Пушкин в прозе», — говорил Толстой.

В дневнике Н. Н. Гусева можно прочесть одобрительные отзывы Толстого о Куприне, Эртеле, Семенове, Серафимовиче и других писателях и наряду с этим отрицательные суждения о Чернышевском, Некрасове, Тургеневе, Чехове, Горьком — не справедливые, противоречащие другим его отзывам, Сам Толстой предупреждал, что не всякое случайное, мимоходом сказанное им слово полностью отражает его истинное мнение или убеждение. «Очень прошу моих друзей, собирающих мои записи, письма, записывающих мои слова, — читаем мы в дневнике Толстого от 25 августа 1909 года, — не приписывать никакого значения тому, что мною сознательно не отдано в печать... Всякий человек бывает слаб и высказывает прямо глупости, а их запишут, и потом носятся с ними, как с самым важным авторитетом» (ПСС, т. 57, с. 124).

В статьях Толстого об искусстве и литературе, а также в публицистических мы не находим его оценок творчеству Горького.

Самую отрицательную оценку в статьях Толстого получили романы, повести, стихи модернистов. Толстой упрекал их в безнравственности и бездуховности: они «не знают... что хорошо, что дурно»,— писал он в письме Н. С. Лескову 20 октября 1893 года, описывают не «истинные человеческие чувства», а «самые низменные, животные побуждения»,— М. М. Докшицкому, 10—11 февраля 1908 года после ознакомления с романом М. Арцыбашева «Санин».

Подлинными художниками, продолжающими традиции русской классической литературы, Толстой счел, пусть с некоторыми оговорками, Чехова, Куприна, Леонида Андреева, а также зачинателя нового этапа в словесности, отечественной и мировой,— М. Горького.

В 1919 году в газете «Жизнь» впервые появились воспоминания Горького о Льве Николаевиче Толстом. Произведение Горького о Толстом вызвало большой резонанс. Одним из первых читателей этого произведения был В. И. Ленин. Б. М. Малкин, в то время работник Центропечати, вспоминает: «Когда вышли воспоминания Горького о Толстом, мы тут же послали Владимиру Ильичу эту книжку» — и далее сообщил, что В. И. Ленин ночью «залпом» прочел книгу Горького о Толстом.

— Вы знаете,— говорил он нам, делаясь своими впечатлениями,— Толстой у Горького как живой получился. Пожалуй, так честно, смело о Толстом никто и не писал» («В. И. Ленин и А. М. Горький». М., 1969, с. 426).

Сам Горький в очерке «В. И. Ленин» вспоминал: «Как-то пришел к нему и вижу — на столе лежит том «Войны и мира».

— Да, Толстой! Захотелось прочесть сцену охоты, да вот, вспомнил, что надо написать товарищу. А читать — совершенно нет времени. Только сегодня ночью прочитал вашу книжку о Толстом.

Улыбаясь, прижмурив глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле и, понизив голос, быстро продолжил:

— Какая глыба, а? Какой матерый человецище? Вот это, батенька, художник...

И знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

Потом, глядя на меня прищуренными глазами, спросил:

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним?

Сам себе ответил:

— Никого.

И, потирая руки, засмеялся, довольный».

Крупнейшие европейские писатели — Томас Манн, Ромен Роллан, Стефан Цвейг, сами создавшие о Толстом книги, восхищались мастерством Горького, называя его книгу о Толстом лучшим его произведением.

«Они живо и интересно написаны. Видно, что Толстой произвел на него сильное впечатление»,— так говорит в «Очерках былого» о воспоминаниях о Толстом Горького С. Л. Толстой.

Тема взаимоотношений Л. Н. Толстого и А. М. Горького требует дальнейшего изучения, обобщения, отражения в литературоведении. В этом деле нужен честный, объективный анализ, а не предвзятое, преднамеренное стремление некоторых оголтелых литературоведов вбить клин между двумя признанными корифеями мировой литературы. Им не лишним будет напомнить слова Толстого, записанные им в дневнике 13 января 1910 года о Горьком:

«Надо в нем видеть одно хорошее».

Виктория Ткач

ВЕРЕСАЕВ И ГОРЬКИЙ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ

В. В. Вересаев. Писатель-реалист и литературный критик. Переводчик с древнегреческого языка и пушкинист. Общественный деятель и человек с непреклонной принципиальностью, чьи моральные и нравственные принципы оставались неизменно высокими в самые смутные времена нашей истории. А для меня, человека творческого, В. В. Вересаев интересен еще и как мемуарист, неисчерпаемый кладезь воспоминаний о литературной среде начала XX века, писателях, ставших классиками русской литературы. Время быстротечно. К сожалению, эпоха домашнего чтения и культа Книги с большой буквы (как, например, в семье Смидовичей, родителей В. В. Вересаева — ярких представителей тульской интеллигенции начала XX века) периодически сменялась духовной ограниченностью, ненужностью и неприниманием литературного творчества. И сегодня, во времена приоритета несерьезного чтения, так хочется обратиться к незыблемости классиков, их внутреннему миру и самозабвенному служению Литературе, а помогут нам в этом литературные мемуары нашего земляка, писателя В. В. Вересаева.

Щедрым оказался Господь на дары для мальчика, родившегося в 1867 году в семье известного тульского детского врача Викентия Игнатьевича Смидовича и его супруги Елизаветы Павловны в доме на улице Верхне-Дворянской (ныне Доме-музее В. В. Вересаева на улице Гоголевской), наделив его литературным талантом и долгой, насыщенной событиями жизнью. Мог ли этот мальчик предположить, что он станет известным прозаиком В. В. Вересаевым, чьи произведения будут переведены на многие языки мира? Мог ли догадываться, что творческая судьба сведет его с такими мерилами литературного таланта, как Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, Л. Андреев, надолго определившими развитие не только русской, но и мировой литературы? А одна из глав книги «Литературные воспоминания» В. В. Вересаева посвящена прозаику А. М. Горькому. Именно об этом творческом и духовном содружестве и пойдет речь, ведь на протяжении всей жизни оба писателя внимательно следили за творчеством друг друга, а их переписка продолжалась вплоть до 1925 года. Но обо всем по порядку.

1894 год. После смерти отца Викентия Игнатьевича Смидовича В. В. Вересаев покидает Тулу и переезжает в Петербург, где поступает на работу в качестве сверхштатного ординатора в больницу им. Боткина. Возглавляет больничную библиотеку. Активно сотрудничает с «Союзом борьбы по освобождению рабочего класса» через своих родственников Инну и Николая Гермогеновича Смидовичей. А осенью 1899 года произошло личное знакомство М. Горького и В. Вересаева. «Уезжая из Питера... я увез с собой ценное впечатление от знакомства с Вами», — позже напишет М. Горький в своем письме к брату по перу. А Вересаев по-реалистичному ярко опишет эту встречу в очерке «Из воспоминаний о Горьком» и будет бережно хранить книгу М. Горького и

портрет писателя с подписью: «Товарищу Викентию Викентьевичу Вересаеву. М. Горький». В экспозиции Дома-музея В. В. Вересаева можно увидеть этот портрет, а также газету «Новости дня» за 1899 год с приложением к ней еженедельника «Семья» со статьей Городецкого «Два портрета», содержащей краткие биографические данные о писателях. Дело в том, что в начале века пресса нередко ставила рядом два молодых литературных имени, почти ровесников — М. Горького и В. Вересаева, — двух «властителей дум русского читателя», писателей одной и той же «школы и закваски», видя порой даже прямую перекличку в некоторых их произведениях. Но в художественном отношении эти писатели воспринимались, как две разные стороны одной «литературной медали»: М. Горький — романтик, а В. Вересаев — скорее, «протоколист, со страшною способностью группировать факты так, что они в представлении читателя слагались в совершенно ясную, необходимую логически последовательность», — писал рецензент газеты Россия 4 (17) апреля 1900 года.

Но обратимся к «Литературным воспоминаниям» В. В. Вересаева. «С начала 1902 года в журнале «Мир Божий» начала печататься моя большая повесть «На повороте». В январской книжке появилось ее начало. Получаю письмо от Горького из Кореиза от 1901—1902 года. Вот что он писал: «Мне хочется сказать Вам, дорогой Викентий Викентьевич, кое-что о той радости, которую вызвало у меня начало Вашей новой повести. Славная вещь! Я прочитал ее с жадностью и по два раза сцены купанья и прогулки навстречу тучам. Здорово это, весело, бодро, возбуждает желание обнять Вас». Увы! Конец повести у меня вовсе был не такой бодрый, как начало. Конец был очень мрачный. Я ответил Горькому, что очень обрадован его письмом, но что хотел бы услышать его откровенный отзыв, когда он прочтет всю повесть, и обязательно буду ждать этого отзыва. Но он промолчал».

В своих воспоминаниях, описывая М. Горького и как известного в то время прозаика, и общественного деятеля, В. В. Вересаев постоянно заостряет внимание на его самобытности, непохожести, нестандартности восприятия. На мой взгляд, довольно интересны впечатления М. Горького о Петербурге, наполненного в то время активной общественной и литературной жизнью. И вновь «Литературные воспоминания» В. В. Вересаева. «Помнится, Горький при мне приезжал в Петербург два раза, и оба раза мы виделись с ним довольно часто. Осенью 1900 года он пробыл, кажется, несколько месяцев. Тут что-то очень странное, чего я до сих пор не могу понять. И сам Петербург, и люди в нем произвели на Горького самое отрицательное впечатление, и отражение этого впечатления видно во всех опубликованных тогдашних его письмах, например к Чехову. В воспоминаниях о Короленко он называет Петербург того времени «городом определенных линий и неопределенных людей». Мне это странно, потому что — ведь речь идет об интеллигенции — как раз в Петербурге в то время интеллигенция, и в частности писательская, была наиболее определенная и привлекательная. ...Мы с ним сошлись довольно близко. Часто видались. Горького приглашали все нарасхват, носились с ним, по выражению Горького, как «с теленком о трех головах». Бывал он в самых разнообразных обществах, и часто приходилось ему бывать в очень неприятном положении. Был он в то время образован очень поверхностно, в теоретических разговорах был слабоват, а окружающие добивались от него всякого рода высказываний; Мережковский — образованнейший человек, сильно щеголявший этой образованностью — разливался в его присутствии соловьем и инквизиторски допрашивал его о взглядах на самые разнообразные вопросы. Впоследствии Горький вспоминал: «Нередко приходилось стоять в положении ученика, вызванного на экзамен по всем отраслям знания. Будучи любезным человеком, я сдавал экзамены, обнаруживая терпение, силе которого сам удивлялся, но после пытки словами у меня возникало желание проткнуть Исаакиевский собор Адмиралтейскою иглою или совершить что-либо иное, не менее скандальное...» И за всеми этими воспоминания-

ми реалистично и объемно проступает образ М. Горького: «со своим характерным говорком на «О», «пренебрежением к теории» и симпатией к тем, «кто идет против общего течения».

В последний раз в Петербурге В. Вересаев и М. Горький виделись в бурные дни весны 1901 года. Оба писателя, не колеблясь, примкнули к общественности, протестующей против кровопролитного разгона демонстрации студентов на Казанской площади. А затем захлестнул водоворот исторических событий, положив начало новым жизненным этапам и предоставив материал для новых ярких произведений. В. В. Вересаев был уволен из больницы и выслан в Тулу под негласный надзор полиции. Писатели вновь могли встретиться только весной 1903 в Ялте, когда литературная общественность устроила настоящее чествование В. В. Вересаева как автора нашумевших в то время «Записок врача». М. Горький жил тогда на Набережной в просторной квартире доктора А. Н. Алексина. «Здесь меня поразила постоянная потребность Горького окружать себя поклонением,— пишет в своих «Литературных воспоминаниях» В. В. Вересаев.— Горький... катался в поклонении и обожании, как сыр в масле. Я заметил, и многие товарищи писатели отмечали это самое. Было совсем два разных Горьких: когда с ним с глазу на глаз — простой, естественный, задушевный. Когда в окружении поклонников — ломающийся, неестественный, самодовольный. Помню один вечер в Ялте. Днем забежал ко мне студент Володя Елпатьевский и передал записку от Горького, где он приглашал меня прийти к доктору Средину. Пришел. Поразил меня кабинет хозяина. Это был не кабинет, а какое-то капище, посвященное Максиму Горькому. В углу — бюст Горького, на стене — портрет Горького, на столе — фотографии: Горький на берегу моря, Горький на скале. Хозяин и хозяйка — увивающиеся и лебезящие. И Алексей Максимович, засунув руки в карманы брюк, ходит вразвалку среди млеющих гостей — «э, ч-черт!»

Здесь необходимо отметить, что М. Горький всегда был одной из самых противоречивых фигур русской литературы: и как писатель, и как человек. В. В. Вересаев прекрасно это понимал, стремясь в своих воспоминаниях дать свойственную ему, как писателю, максимальную правду, чтобы уже сам читатель смог составить свое представление об описываемом им человеке: «О Горьком писать сейчас очень трудно. Он канонизирован властью, и сейчас можно писать не биографию Горького, не воспоминания о нем, а «житие преподобного Алексия, человека Божьего». Уже при жизни о нем стали создаваться легенды, и мне опровергавшиеся, уже при жизни писались хвалебные воспоминания, где он выводился в виде героической фигуры, цельным, сильным и безупречным в моральном отношении человеком. И только долгим и кропотливым трудом позднейших исследователей будет восстановлена подлинная личность Горького. Человек очень крупный, яро ненавидящий мир притеснения и рабства, страстно мечтавший о свободе и счастье человека, обладавший даром искреннего художественного умиления, он был в то же время изумительно двуличен; очень злопамятный; жадно любивший славу и восхваления, но умевший на себя надевать личину величайшей скромности; сильно любивший деньги и самый изысканный комфорт; яростно гремел против мещанства, а сам не жил как мещанин только потому, что жил, как владетельный принц. Вряд ли М. Горький не знал о подобной критике со стороны собрата по перу, ибо В. В. Вересаев всегда высказывался открыто, не имея привычки маскировать свои истинные мысли. Но именно эту правдивость и открытость высоко ценил М. Горький, с уважением относясь к В. В. Вересаеву и его творчеству. И именно искренней симпатией и уважением пропитано письмо М. Горького к В. В. Вересаеву, когда в 1904 году тот стал участником Русско-японской войны в качестве младшего ординатора полевого госпиталя: «Ваше участие в ней (войне) обидно и тяжело. И больно за Вас... Честный и наблюдательный художник не может не рассказать правду о том диком кошмаре, который устроило царское правительство в дале-

кой Манчжурии!» (Впоследствии М. Горький высоко оценит художественные особенности рассказов В. В. Вересаева о Русско-японской войне). А пока — 1907 год и опять — «Литературные воспоминания» В. В. Вересаева.

«Весной 1907 года я поехал на Капри по настойчивому приглашению Леонида Андреева. ...Уже в Риме можно было убедиться, какую широкою популярностью пользуется Горький среди итальянских рабочих. На стенах римских домов кое-где еще держались остатки первомайских воззваний, и в них сообщалось, что в рядах итальянского пролетариата находится «*Il grande scrittore russo Massimo Gorki*» (Большой русский писатель Максим Горький (*умал.*)). На Капри Горький жил довольно высоко в горах, в просторной вилле с чудеснейшим видом на море. Сидим у него вечером, ужинаем, разговариваем. Месяц освещает голубую дымку, окутывающую море; вдалеке — звуки струнных инструментов и чудесный тенор, поющий неаполитанскую песенку. Звуки все ближе. С террасы входят в столовую четверо итальянцев. Горький радушно угощает их вином, они много играют и поют. Горький говорит мне шепотом:

— Обратите внимание на эту четверку. Это возможно только в Италии. Тот, который играет на гитаре, — богатый шелковый фабрикант и ростовщик, певец — чистильщик сапог на площади, на мандолинах играют парикмахерский подмастерье и рыбак. И посмотрите, как они свободно и независимо держатся друг с другом.

И не раз по вечерам к Горькому заходили самые разнообразные содружества Капри».

Вообще, М. Горький производил на В. Вересаева, по словам писателя, «очень странное впечатление, по вкусам все больше превращался в какого-то владетельного принца». Это медленно, но неуклонно отдаляло друг от друга собратьев по перу. Впоследствии в своих «Литературных воспоминаниях» В. Вересаев напишет: «Больше я с Горьким лично не встречался, за исключением одной мимолетной встречи в 17-м году в Московском Совете Рабочий депутатов. Но переписка поддерживалась почти до самого окончательного его переезда в СССР. С переселением его в Россию отношения наши совершенно прекратились. Он стал мне неприятен. Он стал полнейшим диктатором всей русской литературы...»

Но окончательную, последнюю точку в непростых отношениях писателей поставил сам Алексей Максимович. 1925 год. Москва. МХАТ. Вся литературная общественность чувствует писателя В. В. Вересаева, отмечая 40-летие его литературной деятельности. Поступило множество поздравительных адресов, в том числе и от А. М. Горького. Непопулярный ныне, но достаточно мудрый в делах житейских и литературных, М. Горький писал В. В. Вересаеву: «Я всегда чувствовал в лице Вашем сопутника, коего привык уважать и за твердость шага, и за неуклонность со своей тропы... Хороший Вы человек, Викентий Викентьевич, уж разрешите сказать Вам это. И когда люди Вашего типа вымрут в России, а ведь они должны вымереть и скоро уже — лишится Русь значительной части духовной красоты, силы и оригинальности своей. Лишится. И не скоро наживет подобных».

Так завершилось общение двух писателей — классиков русской литературы, людей самобытно-талантливых, всегда уважавших творчество друг друга. Сменились эпохи, время расставило свои неумолимые акценты, но и сейчас не менее важно то литературное прошлое, без которого никогда не будет нашего духовного настоящего, и тем более, будущего русской классической литературы.

Николай Телешов
(1867—1957)

МАКСИМ ГОРЬКИЙ*

С Алексеем Максимовичем я был знаком на протяжении тридцати семи лет, начиная с 1899 года, когда он — для многих еще загадочный тогда Максим Горький — писал в «Нижегородском листке».

«Вокруг нас закипает жизнь, пробуждаются новые сознания, возникают новые смелые задачи, нарождается новый человек, он же читатель, — пытливый и жадный до книги. Этот читатель требует ответ на коренные вопросы жизни и духа, он хочет знать, где правда, где справедливость, где искать друзей, кто враг».

Его рассказы — бодрящие и непокорные, облеченные в красивую, яркую форму, с загадочной, как и он сам, заманчивой перспективой, насыщенной буйной волей и уверенностью, что человек — все может! — эти рассказы являлись как нельзя более кстати в то нелепое и гнетущее время, когда люди начали повсюду искать выхода из-под тяжелой пяты абсолютизма. Чем сильнее и продолжительнее гнет, тем сильнее желание от него освободиться; чем безвыходнее положение, тем настойчивее ищется выход. Общественные условия девяностых годов были именно таковы: люди начали повсюду искать выхода; учащаяся молодежь, рабочие, писатели, земцы, служащие — все настраивались на протест.

Успех, бешено растущий, сопровождал первые шаги молодого писателя. Его необычная биография многим казалась невероятной и выдуманной. Одни приветствовали в нем действительную силу народную — «мощь от недр», другие видели в нем подлинного босяка-краснобая, которому посчастливилось рассказать кому-то свои выдумки, а тот «кто-то» переделал их и преподнес в печати, одурачивая читателя этим «выдуманным» автором. Иные не верили ни в то, ни в другое и утверждали, что Горький — «беглый студент».

Как бы то ни было, но появление Горького в литературе произвело общественную встряску. Многие весело, а многие беспокойно зашевелились. Одни хвалили, другие бранились, но то и другое почти в одинаковой степени содействовало успеху писателя и возбуждало к нему интерес.

В эту пору я с ним и познакомился.

Однажды зимою, в 1899 году, мне довелось быть проездом в Нижнем Новгороде. И вот, проходя по какой-то улице, я встретился с высоким молодым человеком, с длинными, почти по плечи, волосами. Он нес в руке несколько книг. Несмотря на мимолетность встречи, лицо его мне запомнилось. И лицо, и несколько сутулая фигура, и ясный взгляд.

На следующий день я прочитал в местной газете письмо в редакцию за подписью Максима Горького. Он обращался к жителям города с просьбой помочь устроить для

---

* Телешов Н. Д. Записка писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом. — М.: Московский рабочий, 1980. — С. 76—94.

детей бедняков каток на реке и просил присылать к нему на квартиру по указанному адресу коньки, ремешки, деньги. Пользуясь адресом, я и поехал к нему. Когда я позвонил, мне отпер дверь тот самый молодой человек, которого я встретил вчера на улице. Познакомились просто, без всяких предисловий. Он взял меня за руку,— а рука его была большая и крепкая,— и сам повел в комнату, вызвал жену, Екатерину Павловну, познакомил с нею, потом куда-то вышел и сейчас же вернулся с ребенком на руках, завернутым в теплое одеяло.— А это вот Максим — сын мой,— сказал он с удовольствием и любовью.

Он вынул из-под одеяла маленькую теплую ручонку и подал мне, как бы знакомя нас обоих. Потом унес сына куда-то за стену и вновь вернулся ко мне. Стал расспрашивать меня о Москве, о молодых писателях, большинство из которых собирались в моей квартире каждую среду. Многих из писателей он уже знал, о некоторых только слышал. Очень заинтересовался нашим кружком и обещал быть у нас непременно, как только попадет в Москву, чтобы со всеми познакомиться.

— Как хорошо вы это устроили и живете, как и надлежит писателям, товарищески. Чем ближе будем друг к другу, тем трудней нас обидеть. А обижать писателей теперь охотников много.

Много и долго разговаривал с ним о Художественном театре, только что возникшем в Москве, о газете «Курьер», начавшей объединять литературную молодежь, об эксплуатации издателями писателей, о ближайшем и отдаленном будущем. И когда я ушел, мне казалось, будто я знаком с ним уже лет десять. На самом же деле я только тут узнал, что Максима Горького зовут Алексеем Максимовичем и что фамилия его — Пешков.

С того времени, приезжая в Москву, он всегда бывал у меня на наших «Средах».

Внешность его была весьма заметная: высокий, сухощавый, несколько сутулившийся; длинные плоские волосы, закинутые назад, почти до плеч, маленькие светлые усы над бритым подбородком, умные, глубокие глаза и изредка, в минуту особой приязни, очаровательная улыбка, чуть заметная. В речи его характерно выделялась буква «о», как у многих волжан, но это «о» звучало мягко, едва заметно, придавая речи какую-то особую самобытность и простоту, а голос был мягкий, грудной, приятный. Одевался он обычно в черную суконную рубашку, подпоясанную узким ремешком, и носил высокие сапоги.

Горький любил и очень высоко ценил А. П. Чехова. И вот в связи с этим уважением к Чехову разыгралась в ноябре 1900 года в Художественном театре шумная история. Случай достаточно известный, о котором многие рассказывали в воспоминаниях, но совершенно не так, как было это на самом деле, потому что свидетелем этого инцидента, кроме меня, никто из писавших не был. Одни утверждали, что это случилось в Крыму, во время гастролей, другие — что в Петербурге; иные рассказывали, будто Горький вместе с Чеховым сидели в буфете и что-то пили.

Дело было в Москве, осенью 1900 года, в первом помещении Художественного театра, в Эрмитаже, в Каретном ряду. В этот вечер шла «Чайка», а вовсе не «Дядя Ваня», как описывают это многие так называемые «свидетели и очевидцы».

А. П. Чехов был в этот вечер не в публике, а за кулисами и приехал в театр только в конце второго акта. Ни в фойе, ни, тем более, в буфете не появлялся и с Горьким в течение всего спектакля не виделся.

Горький и я вдвоем сидели в директорской ложе, а в антрактах переходили в соседнюю небольшую комнату, где помещался тогда директорский кабинет Вл. И. Немировича-Данченко. Сюда нам подали чай. С первого же антракта к этому кабинету стали подходить театральные зрители, постукивать в дверь и все настойчивее и громче вызывать Горького. Тот недоумевал:

— Зачем они вызывают меня, когда идет пьеса Чехова?

Но возгласы за дверью становились все настойчивее. В третьем антракте вызовы перешли уже в громкий рев: «Горь-ко-ва!!!»

Дверь, наконец, насильственно распахнули. Весь коридор был полон народа. Загремели аплодисменты, заликовали поклонники. Но Горький не только не раскланялся в ответ, но решительно вышел из кабинета в толпу и резко спросил:

— Что вам от меня нужно? Чего вы пришли смотреть на меня? Что я вам — Венера Медицейская? Или балерина? Или утопленник? Нехорошо, господа! Вы ставите меня в неловкое положение перед Антоном Павловичем: ведь идет его пьеса, а не моя. И притом такая прекрасная пьеса. И сам Антон Павлович находится в театре. Стыдно. Очень стыдно, господа!

Газеты подхватили этот эпизод, перепутали факты, бранились за то, чего не было, обрадовались случаю свести направленные счеты, так что мне, как единственному свидетелю всего инцидента, пришлось напечатать в «Курьер» письмо в редакцию с точным изложением факта, с утверждением, что речь Горького была обращена не ко всей публике театра, как пишут некоторые газеты, а только к той ее части, которая в течение антрактов шумела в коридоре, аплодировала и вызывала Горького на чеховском спектакле («Курьер», № 319, 17/XI 1900 г.).

«Спасибо, голубчик, — писал мне Алексей Максимович в ноябре того же года из Нижнего Новгорода, прочитав в газете это письмо. — Черт с ними. Пусть пишут, пусть ругаются и т.д. Я тоже буду писать и ругаться. От этого, кроме пользы для всех, — ничего не воспоследует. Как поживаете? Видите ли Андреева? Хочется мне, чтобы вы поближе к себе привлекли его — славный он, по-моему, и талантливый. Черкните парочку строчек, а я крепко жму вашу славную, дружескую лапу».

Однако реакционные газеты продолжали раздувать этот инцидент, рассматривая его как «выговор публике», как схватку писателя с обществом, и года два подряд в разных изданиях помещались карикатуры на Горького то в виде Венеры или балерины, то в виде утопленника, а то — человека, сидящего за столом и положившего ноги на стол.

Об этом — о балерине, Венере и утопленнике — мне много раз приходилось читать и слышать, да и сейчас иногда приходится в разных воспоминаниях встречать самые нелепые выдумки. Описываются даже жесты Горького, будто бы сопровождавшие эту отповедь, рассказываются вымышленные подробности. Никто из писавших об этом не был свидетелем самого случая — говорили и говорят с чужих слов.

Помимо устройства катка для детей бедняков, о чем я говорил выше, Алексей Максимович устраивал в эти годы в Нижнем Новгороде знаменитые «елки» для детей из трущоб, организуя веселые праздники и зрелища для ребят, никогда не видавших и не знавших развлечений, и оделяя их подарками, башмаками, рубашками и штанами, а также книжками, сладостями и едой.

«Спасайте. Ибо погибаю, — писал он мне в декабре 1900 года. — Успех прошлогодней моей елки, устроенной на 500 ребятишек из трущоб, увлек меня, и я в сем году затеял елку на 1000. Увы, широко шагнул. Отступать же поздно. Прошу, молю, кричу — помогите оборванным, голодным детям, жителям трущоб. Пожалуйста, собирайте все, что дадут: два аршина ситцу и пяточок, пол-аршина бумазея и старые сапоги, фунт конфет и шапку — все берем. Все. Как бы только затея моя не проникла в газету...»

Позднее он пишет по поводу той же елки:

«За деньги, за книги — спасибо вам, дружище. Вы подарили 50 штук штанов из чертовой кожи, было бы вам это известно. Нет ли у вас еще «Елки Митрича» в отдельном издании? Эту вещь здесь часто читают па публичных чтениях, ребятишки ее очень любят и были бы рады получить в подарок...»

Когда впоследствии, в начале 1918 года, я пришел в издательский отдел ВЦИК и стал говорить о необходимости издать хоть несколько книг для детей и назвал

«Конька-Горбунка», то случайно вошедший сюда Горький поддержал мое предложение и, помимо «Горбунка», вспомнил о моем рассказе «Елка Митрича» и указал на него как на желательный. Обе эти книжки были приняты к изданию и вскоре напечатаны только что возникшим в тот год Госиздатом. Если не ошибаюсь, они были первыми книжками для детей при Советской власти.

Однажды Горький, приехав в Москву, привез к нам на «Среду» молодого человека, только что написавшего рассказ «Молчание». Рассказ произвел на всех хорошее впечатление, и автор был принят в состав «Среды», а через год имя его уже загремело в литературе. Это был Леонид Андреев.

Вскоре познакомил нас Горький и с другими молодыми писателями: Скитальцем, Серафимовичем, которые стали бывать у нас постоянно. Затем примкнули к нам и еще писатели, молодые в то время и очень заметные: Куприн, Найденов — автор нашумевшей пьесы «Дети Ванюшина», Вересаев, только что написавший книгу «Записки врача», о которой было так много споров по газетам.

Ранней весной 1900 года мы встретились с Горьким уже в Ялте. Он жил высоко, в половине горы, откуда открывался чудесный вид на море и на окрестности. Все цвело вокруг. Помню, в его квартире всегда бывало немало народа — писатели, молодежь, женщины. Одни приходили, другие уходили — и так во все часы дня. Не знаю, когда он принадлежал себе. Здесь же, в его квартире, жил в то время тот самый нижегородский нотариус А. И. Ланин, у которого Горький служил письмоводителем, — интересный, милый старик, относившийся к своему бывшему служащему с трогательным уважением и любовью. В этот период мы ежедневно встречались — то мы с Буниным шли к нему, то он приходил к нам в гостиницу или в сад, и здесь я ближе узнал и оценил Алексея Максимовича с его редкой начитанностью, с его умом и широтой взглядов. О чем бы он ни заводил речь — все это дышало простотой и глубокой убежденностью, без показных фраз, без всякой рисовки. Было ясно, что взгляды его и надежды составляют самую сущность его натуры.

Бывало, небольшой писательской компанией навещали мы А. П. Чехова в его ауткинском доме.

Как-то раз, проходя по набережной Ялты мимо фотографии Горький предложил Бунину и мне зафиксировать эти наши встречи, и мы снялись группой, которая передана мною в Литературный музей. А на своем личном портрете, тут же снятом, Алексей Максимович сделал очень приятную для меня надпись и подарил мне. Кроме того, в моей дорожной книжке, на память о ялтинских встречах, он написал мне следующий экспромт:

«Мало на свете хорошего! Самое хорошее — искусство, а в искусстве самое лучшее и самое благородное — искусство выдумывать хорошее.

М. Горький. Ялта 1900 16 апреля»

Вскоре в Ялту приехала труппа Художественного театра. Все перезнакомились, и с Горького было взято обещание написать для МХАТа пьесу.

В 1901 году Горький был выслан из Нижнего в Арзамас и не мог бывать у нас почти с год. Но он писал оттуда, поддерживал всячески связь со «Средою» и со мною лично. В это время вышел наш товарищеский сборник «Книга рассказов и стихотворений», в котором принимал участие и Алексей Максимович. В связи с этим он писал мне:

«Из объявлений я узнал, что сборник вышел, и хочу просить выслать мне 5 экземпляров. Книги эти потребны мне для библиотек моих, а посему, если можно, не берите с меня денег или устройте скидку. Как живете? — Я — довольно сносно. Город Арзамас — тихий город и не мешает работать. Очень красивы окрестности. Хожу в лес по грибы и по ягоды. Снимаю за 35 рублей целый дом. Население в нем на

90 % поднадзорное, что крайне волнует местное начальство, не привыкшее, очевидно, к такому обилию неблагонадежных...»

Интересна его характеристика арзамасского жителя-бытья:

«Городишко красивый и очень смешной, дикий. Приставили ко мне несколько шпионов, иные — дошлые — заходят поговорить «по душе», другие прогуливаются под окнами. Принимают меня здесь за фальшивомонетчика, и, когда я даю нищему серебряную монету, полицейский, стоящий против окон, отбирает ее у нищего и пробует зубом...»

Время наше было нелегкое и тревожное. Общественность давили, угнетали мысль и зажимали рты.

«Милый, хороший человек! — писал мне Горький в 1901 году.— Надо заступиться за киевских студентов. Надо сочинить петицию об отмене временных правил. Умоляю — хлопочите. Некоторые города уже начали. Обнимаю».

Письмо это, как после вскрытия министерских архивов стало известно, побывало сначала в руках жандармерии, было читано там, принято к сведению, зарегистрировано, а потом уже доставлено мне, без всяких видимых следов ознакомления с ним «недреманного ока».

Дело касалось нового студенческого устава и знаменитой «листовки» Киевского университета, когда 183 студента отданы были в солдаты по распоряжению правительства. Этот факт вызвал всеобщее возмущение и известную статью Ленина «Отдача в солдаты 183-х студентов»^{*}.

Вспоминается еще инцидент, но уже не с публикой, как было и Художественном театре, а с жандармами и с Министерством внутренних дел, в ноябре 1901 года. Заболевший Горький переселялся из Нижнего Новгорода в Ялту. Путь лежал через Москву, где Горький должен был пробыть от утреннего поезда до вечернего. Это пребывание в Москве показалось кому-то опасным, и жандармы семью Горького пропустили в Москву, а его самого на товарной станции перед самой Москвой задержали, потом пересадили в другой вагон, поставили вагон с Нижегородской линии на курские рельсы, так как эти два пути здесь перекрещиваются, и отогнали за полсотни верст в город Подольск.

В половине дня нам стало все это известно, и мы немедленно небольшой группой — Леонид Андреев, Бунин и я — поехали дачным поездом в Подольск узнавать, в чем дело. В числе поехавших одновременно с нами был Пятницкий, заведовавший издательством «Знание», и переводчик Горького на немецкий язык Шольц, нарочно приехавший из Берлина в Москву, чтоб увидеть, как живут в России знаменитые писатели.

И увидал.

Впоследствии он прислал мне немецкую газету с подробным описанием всего вашего путешествия. Было стыдно, что читают об этом в Европе.

Сюда же, на свидание с Горьким, приехал и Ф. И. Шаляпин. Здесь, на платформе станции Подольск, мы все с ним и познакомились. Через минуту начальник станции с дежурным жандармомпустили нас в «дамскую комнату», где беспокойно шагал из угла в угол, заложив руки за спину, Алексей Максимович. Увидев в дверях первых двоих, он остановился вдруг и протянул вперед руки. За первыми показались двое других, потом остальные. Удивление и радость были в его глазах.

— Что семья? — было первым его вопросом.— Где они все?

Его успокоили; все в Москве, всех мы их видели сегодня. Они в квартире Скимунта и ни в чем не нуждаются.

До обратного нашего поезда было времени часа три. Сидеть в дамской комнате

---

^{*} Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 391—396.

было более чем неудобно, и мы решили поехать в город, отстоявший от станции минутами в десяти езды. Пришлось, однако, иметь разговор с жандармом.

Нырря в широких санях по подольским ухабам, мы добрались среди зимних сумерек до какого-то ресторана, по словам извозчиков, «первоклассного» и лучшего в городе. Здесь отвели нам отдельный кабинет, в котором мы еле уместили свои шубы, навалив их кучами одну на другую на маленьком диване и на столе; но сесть нам, семерым, было уже совершенно некуда. Тогда отвели нам второй кабинет рядом с шубами, такой же крошечный. Здесь мы и устроились, но так, что дверь в коридор пришлось оставить открытой, иначе все семеро мы не вмещались, а дверное отверстие занавесили скатертью — от любопытствующих.

Пока нам готовили чай, пока накрывали ужин, по городу уже прошел слух, что приехал Горький с писателями и что с ними — Шаляпин. И вот к вокзалу потянулись вереницы людей... А в «первоклассном» ресторане нашем происходило в это время следующее.

Только что мы устроились за занавеской и начали разговаривать, как до слуха нашего донеслось приближающееся звяканье шпор и мимо кабинета прошло несколько пар ног, что было видно из-под скатерти, не доходившей далеко до пола. Немец наш забеспокоился: что это значит? Затем, через минуту, не выдержал и вышел в коридор, откуда вернулся взволнованный и побледневший.

— Они роются в наших шубах,— в ужасе сообщил он.

Но ему спокойно ответили, что это у нас дело обыкновенное и что не стоит волноваться из-за пустяков: чему быть, того не миновать, как говорит пословица. А еще через несколько времени, робко приподняв нашу скатерть-занавеску, появился смущенный хозяин, кланяясь и извиняясь, с домашней книгой в руках. Он положил эту книгу на стол и просил всех нас расписаться: кто мы такие, откуда, где наши квартиры и как всех нас зовут, уверяя, что у них в городе такой порядок, чтобы приезжие писали о себе всю правду.

— Приезжий здесь один я,— вдруг заявил на это Шаляпин серьезно и строго.— А это мои гости. Такого закона нет, чтобы гостей переписывать. Давайте сюда книгу, я один распишусь, в чем следует.

Не без трепета следил хозяин за словами, которые начал вписывать в его книгу Шаляпин. Увидев, наконец, что мучитель его — артист «императорских театров», облегченно вздохнул и успокоился.

Дело оказалось более сложным, чем мы предполагали, когда слышали об отцепке вагона. Ни для кого не было тайной, что Горький не «уезжал» в Крым, но «высылался» распоряжением губернатора из пределов Нижегородской губернии как человек опасный и влиятельный среди рабочих. Но что отъезд его из Нижнего сопровождался совершенно исключительными условиями — этого знать мы еще не могли, так как произошло все это только вчера вечером.

В свое время Салтыков-Щедрин говорил: «Писатель пописывает, читатель почитывает, а чуть с писателем беда стряется, читатель первый от него в подворотню шмыгнет». Но не так это стало в дальнейшем, ближе к нашему времени. Читатель не шмыгнул в подворотню, а пришел с протестом и защитой писателя, пришел с гневом и готовностью к борьбе за справедливую жизнь.

На вокзале в Нижнем Новгороде проводить писателя собралось большое количество молодежи: студентов, девушек, гимназистов и рабочих, которые громко выражали свое сочувствие и сожаление по поводу вынужденного отъезда, а затем запели хором «Дубинушку», «Обитель» и другие неприятные для начальства песни. Мало того, повсюду — по вокзальным комнатам, платформам и залам были разбросаны листовки, наскоро размноженные на гектографе:

«Мы собрались здесь провожать знаменитого любимого писателя М. Горького и

выразить свое крайнее негодование по поводу того, что его высылают из родного города. Высылают его только за то, что он говорил правду и указывал на беспорядки русской жизни. Мы выражаем свое негодование по поводу того, что у нас в России запрещают говорить правду, говорить, что народу живется у нас плохо, у нас запрещают писать в газетах о том, что всякие начальники грабят и обижают народ. У нас бьют нагайками студентов, которые заступаются за простой народ, и рабочих, которые хотят улучшить свое положение. У нас преследуют писателей, которые говорят правду и обличают начальство. Мы хотим и будем бороться против таких порядков».

Планы нижегородской молодежи были довольно широки. Имелось в виду оповестить все главные пункты и города по пути следования Горького до Крыма, чтобы «путь борца за свободу человеческой личности был триумфальным шествием победителя».

Так ярко говорилось в прокламации. Однако генерал Трепов, московский обер-полицеймейстер, успел раньше Москвы ознакомиться с планами нижегородцев. Это он распорядился отцепить вагон с Горьким за версту до Москвы; по его распоряжению перегнали вагон на Курскую линию и остановили в Подольске; это он телеграфировал губернаторам тульскому, орловскому, курскому, харьковскому и симферопольскому о проезде Горького в Крым на предмет принятия мер против могущих быть демонстраций, чтобы проезд писателя действительно не обратился бы в триумфальное шествие.

В нашем подольском «кабинете» в общих чертах рассказал нам Горький о проводах, о «Дубинушке», о разбросанных прокламациях, но о дальнейшем он и сам ничего не знал. Подробности всего этого мы узнали только через семнадцать лет, когда Октябрьская революция вскрыла архив департамента полиции. Между прочим, в рапорте Трепова говорилось несколько слов и о нас:

«К сему надлежит присовокупить, что с дневным поездом Курской жел. дороги в Подольск отправились несколько человек литераторов, в том числе артист Шаляпин, которые и были единственными лицами, провожавшими в Подольске Горького».

Было это не вполне так, как доносил по начальству Трепов. Когда мы вернулись на вокзал, там был, вероятно, весь город Подольск.

На ступеньках вокзала нас снова встретили жандармы и хотя без обычных грубостей, но в очень определенном окружении проводили нас снова в «дамскую комнату», где мы и просидели безвыходно до прихода скорого поезда «Москва — Севастополь», в котором ехала семья Горького и в котором без дальнейших инцидентов поехал он сам. Таким образом, весь смысл, вся премудрость подольской задержки сводились только к тому, чтобы не впустить опасного писателя в Москву хотя бы на полдня.

Поезд остановился здесь буквально на несколько секунд, очевидно, вне расписания, чтобы принять в определенное купе одного пассажира — Горького.

Алексей Максимович поднялся на площадку вагона и едва успел сказать нам спасибо за наш приезд, как взревел гудок, и поезд тронулся. Горький смог только крикнуть нам всем на прощание:

— Товарищи! Будем отныне все на «ты».

Этим и объясняется, что несколько писем ко мне были написаны, под впечатлением этой встречи, на «ты».

Когда с пригородным поездом мы возвращались в Москву, Шольц всю дорогу не мог успокоиться и все изумлялся.

В 1902 году Горький привез в Москву свою вторую пьесу — «На дне» — для Художественного театра. Первое чтение ее происходило у нас на «Среде». Читал сам Алексей Максимович. Читал очень хорошо и увлекательно для слушателей, особенно роль странника Луки. Читая, он сам увлекался. С хорошей, доброй улыбкой, весело

странника Луки. Читая, он сам увлекался. С хорошей, доброй улыбкой, весело говорил он за Луку, только что пришедшего в ночлежку босяков, с котомкой за плечами:

— Доброго здоровья, народ честной!

— Был честной, да позапрошлой весной,— сурово отвечает ему Бубнов, а Лука в ответ ему опять весело и ласково:

— Мне все равно, я и жуликов уважаю. Ни одна блоха не плоха: все черненькие, все прыгают. Так-то.

А иногда голос его начинал дрожать от волнения, а, когда Лука сообщил о смерти отмучившейся Анны, автор смахнул с глаз нежданно набежавшую слезу. Мечталось ему, очевидно, как это должно выйти па сцене, когда кто-то скажет:

— Дайте покой Анне, жила она очень трудно.

Многим тогда казалось, что слова Луки о страданиях Анны относились не только к Анне, но и ко всей измученной и истощенной царизмом России, ко всему трудовому народу. Так, по крайней мере, понимали его слезы некоторые свидетели этого чтения из мира артистического.

На этом чтении, помимо своих, было много приглашенных артистов и литераторов. Вспоминаются: В. И. Качалов, О. Л. Книппер-Чехова, писательницы Крандиевская, Вербицкая, Щепкина-Куперник, крупные журналисты, врачи, юристы, ученые, художники. Народу было множество: сидели на подоконниках, стояли в других комнатах, где было все слышно, но ничего не было видно. Чтение происходило в квартире Леонида Андреева. Успех был исключительный. Ясно было, что пьеса станет событием. Так оно и случилось, особенно когда Лукою вышел на сцену Москвин, бароном — Качалов, Сатиным — Станиславский

Цензура долго упрямылась и не разрешала пьесу к представлению, вымарывала текст, калечила его, но все-таки, уступая общественному натиску, разрешила играть исключительно в Москве и только одному Художественному театру, причем роль полицейского пристава вычеркнула совсем из пьесы; однако после дополнительных хлопот Немировича-Данченко цензор прислал из Петербурга в театр за неделю до первого представления следующую любопытную телеграмму, хранящуюся в музее театра: «Пристава без слов выпустить можно».

Фраза же городского Медведева, что «бьют для порядка», так и не могла тогда прозвучать со сцены, как и многое-многое из яркого горьковского текста.

Когда автора кто-то из актеров спросил: чего хотелось бы ему достичь, передать и внушить зрителю, Горький ответил про этих зрителей:

— Чтобы, понимаете, хоть взбудоражить, чтобы не так спокойно в кресле бы им сиделось,— и то уже ладно!

— Мало показать на сцене революцию только через толпы народа, идущего с флагами. Надо показать революцию через душу человека — действующего лица.

Приблизительно так говорил впоследствии Станиславский. В пьесе «На дне» именно это и было если еще не показано, то во всяком случае задумано и определенно намечено.

Вспоминается совершенно исключительный успех этой пьесы на первом ее представлении в декабре 1902 года. В публике много видных писателей, артистов, художников, общественных деятелей, популярных профессоров и известных критиков. В ролях выступают самые любимые, самые видные артисты МХАТа: Станиславский, Москвин, Качалов, Книппер-Чехова, Лужский, Андреева, Вишневский, Грибунин... Связь зрительного зала со сценой установилась с первой же минуты, с первого слова: «Дальше!», сказанного бароном (Качаловым). Каждая дальнейшая фраза артистов, каждое новое появление действующих лиц упрочивало эту живую связь. Хочется привести в свидетели самого К. С. Станиславского, который писал, что спектакль этот имел «потрясающий успех». Автор был вызван свыше двадцати раз.

По окончании спектакля Горький пригласил всех участвовавших, а также многих писателей и друзей на ужин в ресторан «Эрмитаж». Собралось человек около ста. У всех приподнятое настроение, все радостны, все поздравляют друг друга. Во время ужина растроганный чудесным исполнением Горький подходил к артистам, чокался с ними и почти сквозь слезы радости говорил им шутливо:

— Черты вы этакие, как вы хорошо играли!

Качалов не оставил этого без отклика и тоном барона из «Два» громко отозвался:

— Дальше!..

Но Москвин сейчас же возразил, тоже из пьесы, тоном Луки:

— Ты погоди, милый, не в слове дело, а почему слово говорится...

И пошли цитаты во всех концах зала из только что сыгранных ролей, в ответ на приветствия автора.

Вечером под новый, 1943, год исполнилось 40-летие постановки «На дне». Пьеса шла в Художественном театре уже в 1067-й раз. По этому поводу в фойе МХАТа была организована юбилейная выставка; в ролях выступали некоторые артисты, как Москвин, Качалов, Книппер-Чехова, исполнявшие эти же роли сорок лет тому назад на первом представлении. А в дни десятилетия смерти Горького, в 1946 году, пьеса «На дне» прошла в МХАТе в 1207-й раз.

Алексей Максимович был человеком широкой инициативы, умевшим проводить эту инициативу в жизнь и подбирать для этого подходящих людей. Одним из его замечательных начинаний было книгоиздательство «Знание», где Горький был не только инициатором, но и душой всего дела.

Некоторым, вероятно, еще памятны литературные сборники «Знание», так называвшиеся в свое время и сыгравшие заметную роль. Эти сборники зародились все в том же нашем кружке и впервые были составлены исключительно из рассказов наших товарищей по «Среде». За этими рассказами лично приезжал в Москву Горький. Он всегда признавал значение наших «Сред», даже через много лет по их прекращении, а в те, молодые годы — в особенности.

После личных бесед и обсуждений о характере сборников он писал мне из Ялты в 1903 году:

«Дружище Николай Дмитриевич, продолжая наш московский разговор, сообщают А. П. Чехов даст рассказ для этого сборника, если выбор будет достаточно литературен. Мое мнение таково: не нужно гнаться за объемом, и строго выбирать участников. Если сборник составит из работ: Чехова, Андреева, Куприна, Юшкевича, Телешова, Горького, Скитальца, Серафимовича, Бунина и Чирикова, и если все эти лица постараются написать хорошие, крупные вещи, это будет литературным событием. Состав второго сборника можно будет расширить, пригласив еще новых участников».

Все подлинники цитируемых писем Горького я передал в Институт мировой литературы имени Горького, где они теперь находятся.

Вот содержание первой книги сборника «Знание»: Л. Андреев — «Жизнь Василия Фивейского», Ив. Бунин — «Чернозем» и стихи, В. Вересаев — «Перед завесой», Н. Гарин-Михайловский — «Деревенская драма», М. Горький — «Человек», С. Гусев-Оренбургский — «В приходе», А. Серафимович — «В пути», Н. Телешов — «Между двух берегов».

В книге было 325 страниц, и стоила она один рубль. Авторам был выплачен гонорар, весьма повышенный по тогдашнему времени — чуть не втрое обычных журнальных норм. И, несмотря на это, на первой странице сборника было объявлено, что из прибыли с настоящей книги отчисляется: тысяча рублей в распоряжение Литературного фонда, тысяча — Высшим женским курсам, тысяча — Женскому медицинскому институту, тысяча — Обществу учителей и учительниц на общежитие для де-

тей, тысяча — Обществу охранения народного здравая на постройку детского дома и пятьсот рублей на Народную читальню в Кеми.

Объявление этих пожертвований произвело тогда потрясающее впечатление и на публику, и на правительственные сферы.

Во второй книге участвовали: Куприн, Скиталец, Чириков, Юшкевич и А. П. Чехов, давший свою последнюю пьесу «Вишневый сад». И таких сборников вышло в общем около сорока.

Помимо сборников, «Знание» издавало отдельными томами сочинения современных писателей, научные и научно-популярные книги, а также и произведения иностранных авторов, как «Углекопы» Золя и другие, которые будили общественное сознание.

Издательство вело свои дела под флагом ярко выраженной защиты авторов от издательского гнета и кабалы по четко выраженному принципу: «Весь доход от издания книги принадлежит автору, а не издателю». Этому принципа, проведенного в жизнь Горьким в тяжелый капиталистический период, не должно забывать, особенно братьям-писателям, к которым Горький всегда относился с особым вниманием, с особой оценкой, с особой строгостью. Он первый начал создавать условия для освобождения писательского труда от эксплуатации издателей.

Однажды, года за два до издания сборников «Знание», у меня возникла мысль издать в огромном количестве дешевый сборник рассказов, в определенном подборе авторов, чтобы книжка страниц в двести-триста продавалась бы копеек за двадцать. Для этого, для первого опыта, нужно было просить товарищей дать не рассказы, а разрешить перепечатку из прежних произведений, рассеянных по журналам, чтобы не отягощать расходами первый выпуск.

Может быть, эта затея моя и побудила Горького к изданию знаниевских сборников. На мое предложение Алексей Максимович ответил не только согласием прислать рассказ, но и практическими советами. В письме от 2 декабря 1901 года он пишет мне:

«Разумеется, милый Н. Д., я согласен. С искренним удовольствием отдаю рассказ, и — по совести должен сказать тебе — великолепное дело ты задумал. Честь твоему сердцу, честь уму, ей-богу! Вот что: заголовок рассказа надо заменить так; «Преступники». Хорошо бы в этот сборник «Кирилку» запустить, как ты полагаешь? Только боязно, не пропустит цензура для такого сборника... Нельзя ли привлечь Се-рафимовича? А у кого издавать? Мой крепкий совет — валяйте у «Знания»! Константин Петрович обделал бы все это дешево и хорошо. А главное — фирма. Важно, чтобы это издание не проглотили рыночные крокодилы... Если книжка выйдет у «Знания», я поручусь, что она пойдет в деревню через земские склады, а не будет служить источником дохода для тех книжников, которые ныне собираются раздавить земские склады тяжестью своих толстых ношен».

Через несколько недель, уже в 1902 году, Горький вновь интересуется этим дешевым сборником и пишет мне:

«Подожди решать вопрос о месте издания сборника. «Знание» может издать дешевле — это раз, лучше распространять — это два, а три — самое главное — фирма пользуется у публики и на рынке известным доверием».

Чехов тоже писал мне из Ялты в январе 1902 года:

«Ваше издание — затея прекрасная, интересная, желаю полнейшего успеха и завидую вам...»

Не знаю почему, но Пятницкий не заинтересовался изданием книг в 300 страниц за 20 копеек, даже в виде пробы и опыта. Так это дело и тянулось многие месяцы, пока не погребло.

Вместо них через год появились сборники «Знание», которые расхватывались как

магазинами, так и непосредственно публикой моментально. Успех был необычайный. Книжные магазины не только подписывались на них заблаговременно, но и упрасивали знакомых писателей помочь им подписаться, чтобы не пропустить очередь. Такого успеха книг я не запомню. Недаром некоторые журналы, модные в то время, как «Новый путь», «Весы» и иные, призывали декадентов на борьбу с знаниемцами. А «Весы» в 1905 году определенно заявляли, что сборники «Знание», расходящиеся в громадном количестве, принижают и развращают литературный вкус читателей, что все, любящие русскую литературу, должны бороться с влиянием этих сборников.

А Горький в это время твердил всем своим сотрудникам, что самый лучший, самый ценный, самый внимательный и строгий читатель наших дней — это грамотный рабочий, грамотный мужик-демократ. Этот читатель ищет в книге прежде всего ответов на свои социальные и моральные недоумения, его основное стремление — к свободе в самом широком смысле этого слова; сознавая смутно многое, чувствуя, что его давит ложь нашей жизни, он хочет ясно понять всю эту ложь и сбросить ее с себя, что цель литературы — помогать человеку понимать себя самого, поднять его веру в себя и развить в нем стремление к истине, бороться с пошлостью в людях, уметь найти хорошее в них, возбуждать в их душах стыд, гнев, мужество, делать все для того, чтобы люди стали благородно сильными...

Наш старший общий друг, писатель и врач, С. Я. Елпатьевский в своих воспоминаниях обрисовал Горького как мечтателя, все время думающего не о будничном, а о «сказочном».

«Вся окружающая жизнь преломлялась в нем не в своем будничном сером облике, а в чудесном, претворенном его необузданной фантазией сказочном образе. Так и писал он. Так и изобразил русскую жизнь».

Думается, что все это очень верно и метко сказано.

Вспоминается, как в 1905 году, в июне-июле, я принес Горькому для очередного сборника «Знание» рассказ, о котором он уже знал и просил поторопиться доставкой. Жил тогда Алексей Максимович рядом с гостиницей «Петергоф» на Воздвиженке (ныне ул. Калинина). Поднявшись высоко по лестнице, я позвонил и вошел в открытую дверь. Был изумлен, когда в прихожей меня встретили два молодых человека восточного типа с пистолетами в руках.

— Вы кто? По какому делу?

Я сообщил. Один из них вышел и сейчас же вернулся вместе с Алексеем Максимовичем.

— Пойдемте, пойдемте,— говорил тот, улыбаясь и кивая на молодежь.— Это они все это выдумали.

Взял меня за руку и увел в столовую, где он завтракал вместе с М. Ф. Андреевой.

В то тревожное время молодые люди не зря придумали эту своеобразную охрану — повсюду только и было слышно о предстоящих погромах интеллигенции и в первую очередь о налетах на самых ярких вожаков надвигающейся революции. Черная сотня уже сучила кулаки, поджигаемая такими своими знаменитостями, как член Государственной думы Пуришкевич и бесноватый монах Илиодор.

Бегло полистав рукопись, Алексей Максимович улыбнулся:

— Вот так ловко! У вас полицейский, и тот не вынес: повесился от существующего режима. Не знаю, бывают ли такие полицейские, у которых бы совесть заговорила,— обычно они негодяи, но подразнить таким примером кого следует — очень, пожалуй, полезно. Эта ненадежность оплота кое для кого — заноза теперь подходящая.

— А что вы скажете, если я напишу про черную сотню и выведу попа, который громит эту черную сотню и уходит в крамолу?

— А такие бывают?

— Почему не быть? Заштатный, всеми обиженный, нищий и голодный попик;

нигде ему нет справедливости и защиты. А характер горячий и непокорный. Вот возмутился и ушел в крамолу, даром что поп. Хочется «постращать» им кого-то. Ведь попы были всегда оплотом самодержавия. И вдруг...

— Черт возьми! — задумался Алексей Максимович.— Пожалуй, ловко может получиться... Поп — в крамолу!.. Валяйте! За цензуру не беспокойтесь: Пятницкий устроит. Дуйте их в хвост и в гриву!

Вскоре я написал повесть «Крамолу», которая и была напечатана в сборнике «Знание» в 1906 году.

Горький был уже в это время за границей. Сборник вышел как раз в то время, когда реакция торжествовала и в Москве готовилась, как кричали везде черносотенцы, «варфоломеевская ночь». Многие квартиры отмечались на входных дверях неведомо кем и когда меловыми крестами наподобие буквы «X», или по старинному наименованию — буквы «хер». И на моей двери однажды я увидел такой «хер», начертанный мелом, появившийся уже поздно вечером. Это было утрашением меня, было отместкой мне за черную сотню, осмеянную в «Крамолу». Но никакой «варфоломеевской ночи» черносотенцам так и не удалось устроить.

Однако рассказ, кроме сборника «Знание», нигде более не мог быть напечатан: его не пропускала цензура ни в очередной том сочинений, ни отдельной брошюрой, и он пролежал одиннадцать лет, вплоть до революции, когда снова был издан.

Горький всегда относился к своим сотоварищам более чем внимательно. Вот, например, отрывок из его письма ко мне с Капри от весны 1909 года.

«Николай Дмитриевич, дорогой. И. А. Бунин прочитал мне ваше письмо к нему, и оно, вместе с рассказами о вас, вашей тоске по хорошей литературе успокоило меня относительно состава сотрудников сборника.

Значит, могу быть уверен, что не будет в нем на спекулянтов на популярность, ни авантюристов, ни тех, кои смотрят на писательство как на отхожий промысел; Сообщите срок выхода сборника, состав редакции (в нем хотелось бы видеть обязательно вас и Ив. Ал.) и все ваши намерения. Рад я, что вы взялись за это дело и — да оживит, укрепит оно вашу душу... Мне было приятно узнать, как вы относитесь к современной литературной разрухе, и горестно, что вы низко оцениваете себя. Почто малодушествовать, сударь мой? Хотелось бы мне поговорить с вами о русской литературе в прошлом ее, где великих писателей было больше, чем мы насчитываем, и где так называемые историками литературы «второ- и третьестепенные писатели» были велики своим честным отношением к судьбам родины, к жизни народа, к литературе — святому делу их жизни...»

Хотя ко времени мировой войны «Среда» уже перестала существовать как таковая, но Горький не прерывал в отдельности со старыми товарищами по «Среде» своих отношений, и когда мне было поручено издать сборник в помощь воинам, томившимся в плену, он прислал, по моей просьбе, «Легенды о Тамерлане», которые и были мной напечатаны в альманахе.

В 1917 году, когда рухнуло российское самодержавие и власть перешла в руки самого народа, Горький писал мне:

«...Прежде всего — крепко обнимаю вас, старый товарищ! Вот и дожили мы до праздника Воскресения Руси из мертвых!..»

Жизнь и труды, взгляды и значение Горького знаменательны как для минувшего, так особенно и для нашего времени. Это истинный сын великого народа, свободолюбивый, ярко талантливый, неукротимо требовательный энтузиаст и в то же время трогательно простой и нежно внимательный товарищ. Горький приобрел мировую славу и мировое значение. Нет такой страны, хотя бы с зарождающейся культурой, где бы к голосу его не прислушивались народные массы.

Небывалые в мире великие события перевернули в нашей стране всю жизнь, не оставивши камня на камне от прежних устоев, и отразились на психологии людей всех стран, всего мира. И вот, когда жизнь после великих потрясений начала входить в новую нормальную колею, когда жизнь стала налаживаться по-новому, стали появляться и записки о прежнем времени, о прежнем житье-бытье писателей, о худом и хорошем, когда минувшее стало интересоваться своей правдой, в журнале «Красная новь» появились мои первые очень краткие воспоминания о товарищах по «Среде», на что Горький прислал мне из Сорренто такие слова:

«Спасибо вам за присланную книгу, она очень оживила в памяти мои некоторые впечатления. «Воспоминания» читал, был тронут кое-чем, славная вы душа... Сильно мы пожили, не правда ли? Крепко жму вашу руку, старый хороший товарищ».

Максим Горький, еще в молодости своим голосом всколыхнувший Россию, отчетливо и ярко вписал давно свое имя на страницы истории русской литературы и русской общественности. Для нашего же времени это величайший пролетарский писатель и мыслитель, любимейший друг трудящихся, и эту мировую славу, эту великую любовь он завоевал долгими годами борьбы за счастливую жизнь народа.

Он стал родоначальником и руководителем советской литературы. Огромное значение для Горького имели его близость и дружественные отношения с Лениным.

«Какой умной, красивой становится жизнь! — говорил он восторженно незадолго до своей смерти. — Какие отличные люди воспитываются у нас!»

И все его произведения, начиная с самых ранних, пропитаны величественной мыслью освобождения и победы. И народная любовь к Горькому, к своему родному и великому Буревестнику, не померкнет никогда.

В 1951 году 10 июня в Москве, на площади Белорусского вокзала, при огромном стечении народа, был торжественно открыт памятник Алексею Максимовичу: бронзовая фигура на постаменте из красного гранита и золотая надпись: «Великому русскому писателю Максиму Горькому от Правительства Советского Союза».

Современники о Горьком: Биография из словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона

От редакции: К оценке личности и творчества А. М. Горького, сложившейся за последние 90 лет, мы достаточно привыкли. Тем интереснее узнать: что думали об Алексее Максимовиче в дореволюционный период его творчества, наиболее насыщенный. Поэтому мы сочли возможным поместить в юбилейной подборке материалов творческую биографию писателя из наиболее авторитетного дореволюционного (сейчас он переиздается в различных вариантах) «Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона». Кстати, следует иметь в виду высокий статус этого издания: он признан, наряду с английской «Британикой» и французским «Лярусом», лучшей энциклопедией мира.

Горький Максим (литературное имя *Алексея Максимовича Пешкова*), род. 1868, знаменитый писатель, сын ремесленника, обойщика, с 7 лет круглый сирота. До 18 лет служил поваренком на волжском Пароходе, потом пекарем в Казани. К чтению сказочной и лубочной литературы его приохотил пароходный повар, отставной солдат. Г. затем непрерывно менял свою профессию и исходил пешком весь юг России. Первый рассказ «Макар Чудра» напечатан в тифлисской газете «Кавказ» (1892). В 1894 в Ниж. Новгороде познакомился с В. Короленко, который оценил талант «подмастерья малярного цеха» и ввел его в литературный круг. В 1895 появился «Челкаш» («Русск. Богатство»), в 1896–98 — «Супруги Орловы» и «Коновалов», «Бывшие Люди», «Мальва», «Старуха Изергиль», «Фома Гордеев» и др. Произведения Г. сразу захватили и приковали к себе читающую публику не только в России, но и за границей. Книги Г. и переводы на иностранных языках немедленно расходились в десятках тысяч экземпляров. В течение 2–3 лет Г. сделался всемирной литературной знаменитостью. Пьесы Г. ставились с огромным успехом в России и за границей. «На дне» выдержала в Берлине 500 представлений и ставилась в Вене, Мюнхене и др. Главные черты крупного художественного дарования Г.: замечательная наблюдательность и яркая колоритность, глубокое чувство красоты природы, необычайная свежесть впечатлений и захватывающая искренность лирического подъема; в стиле классическая меткость афоризма. Основная идея его произведений — гордая и бодрая вера в силу и значение личности и человечности («человек — это звучит гордо»). На «дне», среди отбросов общества, босяков, Г. открывает истинно человеческие черты, живой протест жертв социального строя во имя требований смелой и сильной личности. Г. — певец безграничной свободы, непримиримый враг самодовольного мещанства с его лицемерием, мелкими идеалами, привязанностью к буржуазному комфорту.

ПОВЕСТЬ

Александр Евтеев

ЗАВЕЩАНИЕ ОРСОНА (Главы из романа)

Орсон взглянул на часы, томительное ожидание кончилось — деньги лежали в сумке. Кто бы мог подумать, что они так просто окажутся у него, ведь пятнадцать из двадцати пачек по десять тысяч долларов каждая предназначались другому лицу, его партнеру по бизнесу, не появившемуся в банке для получения предназначавшихся им обоим денег. Накануне он позвонил и, не обременя себя объяснениями, предупредил, что счет, на который пришли эти деньги, нужно срочно закрыть и не пользоваться услугами этого банка в будущем. Кроме этого, он сказал, что не сможет прийти за деньгами и не претендует на свою долю, дав понять, что ему придется на неопределенное время уехать из города для осуществления одного проекта, в который он вложил значительный капитал.

Орсон давно уже подозревал, что обширные связи его преуспевающего партнера позволяли ему зарабатывать гораздо больше предполагаемых сумм, но никогда прежде тот не отказывался от причитавшихся ему денег. Кроме того, в его голосе чувствовалась какая-то обеспокоенность и раздражительность, выдававшая желание поскорее завершить разговор. Орсон почувствовал что-то неладное, некоторые клиенты его партнера никогда не внушали ему доверия, и теперь, видимо, произошло нечто, заставившее его поспешно исчезнуть. Новые долларовые купюры источали специфичный запах краски, напоминая о себе и о необходимости предпринять правильные шаги, но что могло оказаться верным в такой ситуации, когда почти все было неясно?

Держа в руке сумку с деньгами, он вспомнил о всяких пренеприятных случаях, когда получатель денежной суммы, выйдя из банка, позже оказывался найденным мертвым в собственном доме или где-нибудь в заброшенном месте. Сев в машину, он огляделся и решил, прежде чем возвращаться в гостиницу, какое-то время покружить по городу. Вроде бы наблюдения за ним не было, хотя может, его уже поджидали в номере? Деньги решали бесчисленное количество одних проблем и создавали новые, иногда попросту вообще освобождая от необходимости жить. Он в любом случае не собирался надолго задерживаться в Сан-Франциско — городе, где он родился, и откуда ему еще в юности однажды пришлось уехать, но тогда он бежал в основном от проблемы, связанной с муками совести, на сей раз ему, вероятно, придется скрывать не только себя, но и доставшиеся ему деньги.

Поднявшись к себе на этаж, он попросил проходящую по коридору горничную проверить, вынесен ли мусор из его номера, и когда она вышла, сказав, что номер в порядке, он, успокоившись, прошел в комнату.

Ночью ему не спалось, он прислушивался ко всяческим шорохам, боясь, что, заснув, уже не сможет проснуться. Через день он намеревался вернуться в Лас-Вегас, где в последнее время жил, но подумал, что с учетом изменившихся обстоятельств лучше на всякий случай на какое-то время исчезнуть из чьего-либо поля зрения. Его умершие мать и отец были выходцами из Ирландии, но он никогда не бывал там. Может, теперь самое время поехать? Кроме того, существовала еще одна причина, заставлявшая посетить страну, где родились и провели свою юность его родители — врачи стали настоятельно рекомендовать ему подлечить сердце, и он даже как-то подумал о том, что вдруг умрет, не успев побывать на земле предков. Как распорядиться попавшими ему в руки деньгами, он сможет решить, когда будет уверен, что его не разыскивают, а пока до внесения ясности предпочел не ломать себе голову преждевременными рассуждениями. В тот момент он не знал, что этим деньгам вскоре найдется не совсем обычное применение.

1

Кристиан не хотел вставать, хотя утро уже наступило. Поразмыслив сквозь сон о соприкасаемости взаимозависимого миропорядка, существующего уже давно, ему, обыкновенному человеку, в определенной мере несостоявшемуся герою своего времени, пришлось, как это обычно бывает почти со всеми, проснуться. Пришлось, потому что ему не хотелось просыпаться всегда. Мысль о смерти присутствовала где-то рядом, но в соперничестве с интересом к жизни оставалась лишь малозаметной тенью. Грусть легко уживалась в нем с радостью, а его интерес к чему-то непознанному был призывом к существованию, и он, движимый им, поднимался с постели. Что особого было вчера? Оно не отличалось от двух дней до и, наверно, не будет отличным от многих последующих. Но кто знает? Жизнь бывает непредсказуемой. Хотя стоп, ведь вчера произошло это знакомство!

В последнее время он часто бросал себя в разные страны, полагая, что смена людей и событий послужит ему своего рода лекарством, если конечно микстура географического вращения может лечить изрешеченную шрамами память и все, что она в нем будила. Прежде он ненадолго покидал Россию — ездил в короткие командировки или просто туристом, теперь он оформил поездку на продолжительный срок, прибыв в качестве студента в Ирландию, хотя ему было уже более тридцати. Мысль о том, что жизнь, как дорога в отмеренное расстояние, зачастую проходит в цепи событий по лабиринту, а не по лестнице вверх, отчетливо подтвердилась.

В Дублине, где поселился Кристиан, было огромное количество местных пабов, по-другому называющихся барами. Они располагались повсюду, в центре и на окраинах. Он стал захаживать в пабы после того, как ввели запрет на курение в общественных заведениях. Атмосфера внутри теперь стала более домашней и сочетала запахи разлитого по бокалам свежего пива с многолетними ароматами всевозможных его сортов, впитанных поверхностями деревянных столов и внутренних, также по большей части деревянных стен. Столь чудесное соединение деревянных пород с пивоваренным запахом долгое время оставалось совсем недоступным для посетителя по причине его поглощения атмосферой курения. Тем не менее, у курящих завсегдатаев пабов запрет вызывал недовольство.

Он отчетливо вспомнил, что, зайдя в «Портерхаус» — паб, где можно было попробовать все варимые в стране сорта пива, он сразу увидел ее, и она показалась ему особенной, с красотой, бережно тронутой временем, и от этого даже больше ее подчерки-

вающей, будто кистью художника, знающего тонкости реставрируемой картины. Роскошные русые волосы, ниспадавшие на плечи, тонкий, слегка вздернутый нос и глубокие выразительные глаза придавали всему ее облику притягательное очарование.

Раньше он долгое время не знал, где границы разумного при начале общения с женщиной, теперь, после многих просчетов, не сомневался, что граница, которую нельзя переступать ни при каких обстоятельствах, — вежливость.

Подойдя к девушке, он представился Кристианом — так назвали его родители, и он, будучи ребенком, не мог отказаться от данного ему имени, а, повзрослев, не стал менять его на другое. Имя — не самое худшее из того, что он рад был сменить.

— Рада познакомиться, — ответила она просто, не чинясь и не ломаясь. — Мэри.

Разговор, начавшийся на английском языке, перешел на привычный русский, так как девушка не была иностранкой. Она уехала из России в ходе перестроечных нововведений.

— Что будем делать, здесь становится скучно, — голос ее был тверже звучащих аккордов музыки. Именно тогда Кристиану и показалось, что эта твердость положила начало их будущим отношениям. — Ты ведь не «социал дринке»?

— Нет. Как у нас говорят, только по праздникам!

— Тогда пойдем прогуляться, — предложила Мэри.

Кристиан не был *social drinker*, в переводе с английского языка — выпивающий ради общения, и они вышли из заведения.

Воздух, царивший снаружи, казалось, соперничал с воздухом паба, пытаясь как бы переманить посетителей, используя для этого гостеприимство погоды. Дождь в том году случался нечасто вопреки неверию местных жителей в возможность прожить хотя бы день без неминуемых капель влаги небес.

Сумерки уже начали подбираться к городу, и при этом воздух на улице был так нежен, что, вдохнув его, они даже остановились, как бы не решаясь двинуться дальше, чтобы не потерять ощущение наслаждения им. Тонкое сочетание — свежесть прохлады с отсутствием ветра в тот вечер лучше всего дополняло их настроение.

— Ну, как тебе город? — спросила девушка.

— Довольно уютен. Когда-то о таких местах я мог только мечтать, правда, жить постоянно здесь я бы не стал, думаю, я бы чувствовал себя иностранцем, так сказать, носителем другого уклада.

— Ты прав, именно так себя чувствую и я.

Кристиан подумал, что Мэри и он — будто два однородных предмета... для обсуждения ими самими. Кроме того, он сразу почувствовал к ней расположение и хотел, чтобы она ощущала к нему то же самое, ему даже показалось, что Мэри готова была сказать ему что-то подобное вслух.

— Расскажи мне что-нибудь о себе, — предложил он.

— Хорошо, только вряд ли рассказ обо мне занимателен.

— Ну, это дело вкуса. Мне, например, больше нравится что-нибудь философское, знаешь, вроде средства от мыслительной скуки.

— Да ты, видно, истинный ценитель настоящих творений! Может, тогда перенесем беседу, к примеру, на завтра?

— Почему бы и нет, завтра вечера мудренее, — принимая предложение Мэри, сказал Кристиан.

Они жили в разных районах города и расстались у одного из центральных парков, договорившись встретиться на следующий день.

Грусть, эта вечная спутница одиночества, опутывала спрутом его неразделяемые ни с кем мысли. Познакомившись с Мэри, Кристиан обрадовался тому, что она могла бы вписаться в его отчуждение и отвлечь от пустой обыденности. Ему казалось, что он произвел впечатление на Мэри во время их первой встречи, и ему хотелось еще

больше понравиться ей, но он понимал, что не следует торопиться, потому, как серьезное чувство не поощряет излишнюю спешность. Раньше он торопился во всем, но теперь, уразумев, что быстрый наездник — не всегда искусный ездок, постепенно старался учиться размеренности, понимая, что если спешить, то можно примчаться быстрее, но не увидеть всего, что было во время движения.

Кристиану вспомнилось его первое впечатление от Ирландии, оно было ярким, хоть и не радужным. На следующее утро после приезда он решил прогуляться по городу и, пройдя по одной из улиц, натолкнулся на грязного нищего, только что пробудившегося от сна. Из рта обитателя улицы свисала слюна, и, зевнув, он не поторопился ее утереть. Он продолжил стоять в своей старой изношенной куртке в окружении мощных красивых зданий, в основном дорогих магазинов, словно выпавшийся часовой, обводя внимательным взглядом принаряженные манекены в витринах вокруг него. Позже улица зашумела, и ее наполнила суета людей, магазины открылись, и в них устремилась толпа. Нищий скромно прилег, потесненный людским потоком.

Следующее, что он увидел, позволило ему отвлечься и даже задуматься об идеальном обществе будущего, так как некоторые его черты присутствовали там. Полицейские, курсируя по городу, никогда не имели при себе оружия, и если бы не одетая на них форма и уверенная сосредоточенность в лицах, то их, стражей порядка, можно было принять за беззаботно прогуливающих обычных людей, какими они, в сущности, и являлись.

Облик города, с равным успехом который можно было назвать и поселком, виделся неким соединением сохранившейся первозданности и внедрившегося прогресса. Не сдаваясь появлявшимся высотным зданиям, в нем царило очарование не только природы, но и бросившихся в ее объятия невысоких, как правило, двухэтажных кирпичных домиков.

Центр плавно переходил в окраины, и чем дальше вело расстояние, тем все больше являлось богатой растительности, принимавшей с радушием гостеприимной хозяйки на просторах своих владений обиталища местных жителей. Кое-где возникали холмы, величаемые местными обитателями горами, и хотя они не были достаточно высоки, чтобы так называться, они, тем не менее, заключали в себе величие и вносили свою очевидную прелесть в ландшафт.

Виды местной природы действовали завораживающе, поражая многообразием. Подавая наглядный пример людям, уживались между собой непохожие вовсе растения и подобно обнимающимся влюбленным парам стояли, касаясь друг друга своими ветвями, березы и пальмы.

В городских и окраинных парках обреталось не только богатство цветов и деревьев, но и таинство гордо стоящих там замков средневековья, а в самом крупном парке страны — Финиксе можно было встретить свободно разгуливающих оленей.

Разнообразие архитектуры составляло обилие католических церквей старинных и современных построек, они явственно отличались по виду, но под сводами их приютилась единая вера. Разделение было снаружи.

Расположившись на острове, небольшая страна, окруженная морем и океаном, выглядела со своих верхних точек тем поплавком, что притягивает взор рыбака, ожидающего улова.

Все, чем можно питать наслаждение, в изобилии было в стране, но при всей красоте Кристиан не мог наслаждаться ей. Чем красивее был пейзаж, тем острее тянуло его домой, а ведь он всегда хотел поселиться и жить за границей.

Одно впечатление было странным, не вызывающим скорбной тоски, как другие. Оно возникало, когда он выглядывал из окна и разглядывал небо чужбины. И видел его там как бы ближе, чем небо над отчим домом. Казалось, чем выше возносятся к небу строения, тем больше оно должно к ним приближаться, но было наоборот, и

небо как будто само опускалось тем ближе, чем ниже были постройки. Призрачность не огорчила его, а позабавила.

Кристиан пробыл на чужбине чуть больше полгода, когда где-то увидел светло серую крышу одного из неброских зданий, вдруг напомнившую ему о снеге. Он мучительно обнаружил, что привык с наступлением зимних месяцев видеть снег, покрывающий все доступные для него поверхности, но в чужой стране снега не выпадало. Прелесть в его отсутствии была только одна — нет грязи и слякоти, в изобилии лежащей на все — одежду, машины и улицы. Грязи от снега там не было, но даже только что обновленные пешеходные аллеи успели вобрать в себя то, что уже не принимал организм любивших выпить не в меру. Улицы и дорожки — все было усеяно отпечатками неотработанного организмом продукта. Пиво было действительно превосходным и огромное количество пабов, а также местная публика составляли своего рода достоинство нации, некогда томившейся под господством другой державы, а теперь чрезмерно пользовавшейся обретенной свободой.

Кристиану вспомнился резкий контраст столицы соседней страны — Белфаста, расположенного в северной части острова. Он поехал туда взглянуть на город, в свое время немало тревожимый террористами, а теперь представавший во всем своем блеске ухоженности и порядка, как в готовности к празднику, на который придут именитые гости. Интересуясь тем, как удавалось сохранять столь разнящуюся от других городов чистоту, в разговорах с местными жителями Кристиан с печалью узнал, что лоск внешнего облика поддерживался в результате меняемых и обновляемых после взрывов пострадавших поверхностей города и отсутствием празднично шатающихся людей, оставляющих после себя скопления мусора. Очарование города усиливалось также и низкими, мало покрытыми зеленью темно-бежевыми горами, находящимися в такой непосредственной близости, что их можно было увидеть, прогуливаясь по центру столицы и почувствовать их прохладное дыхание.

Впечатление от погоды в чужих краях у него было противоречивым. Кристиан не любил холода, а точнее холодный ветер, но теплые дни, которых ему порой не хватало в своей стране, не приносили радости на чужбине, и когда пришло время перелистывать календарь в ноябрь, а погода была по-прежнему теплой, он ощутил тоску по холодным дням не меньше, чем по чистому белому снегу.

Пребывание на чужой земле оказалось не хаотичным визитом, а в некотором смысле целой жизнью, ставшей ему наполнением иллюзорной мечты. Дни текли, наполняясь тоской и грустью, редко даря ему праздничные минуты.

2

Кристиан шел на встречу с Мэри. Много раз, проходя по улицам в одиночестве, слышал он голоса родных. Рядом их не было, но Кристиану грезилось, что они его звали. Оборачиваясь, он пытался увидеть их то в толпе, то среди редких прохожих, но то были лишь голоса, раздающиеся в его голове, и, обманутый собственным воображением, он возвращался к реальности и шел дальше.

Они встретились на одной из набережных, будто случайно набрали друг на друга, хоть и знали заранее место и время.

Солнце радостно выглянуло из-за белой занавеси облаков. Волны бережно набегали на берег, перемешивая ракушки и мелкие камни, словно перелистывая страницы полюбившейся книги. Даже ветер, вечный нарушитель спокойствия, был теплым и нежным.

— Ты заметила, что нам везет с погодой? Даже не верится, что здесь часто льет дождь. По-моему, в Москве он бывает чаще, — сказал Кристиан.

— Подожди, он еще покажет себя здесь в полной красе! Будешь с тоской вспоминать о солнце, так что используй возможность насладиться его отсутствием!

— Да, тоски тут и так хватает. Дождь лишь дополнит унылое настроение.

— А ты подвержен созвучию чувств и мыслей с погодой? — поинтересовалась Мэри.

— И еще с вселенской гармонией заодно! Кстати, есть мысль, что во вселенской гармонии, может, и обитает душа, но ее гармоничное состояние неуловимо и легко ускользает при внешнем вмешательстве.

— Ты и впрямь любишь пофилософствовать! Тогда скажи мне, что делать заброшенному в мир человеку, чтобы достичь внутреннего согласия с внешним существованием?

— Ну, например, он может не прекращать попыток извечного постижения своей любознательной мыслью и опытом. Все-таки в предрешенной взаимозависимости высших и низших сил есть лазейки для обходных маневров. И с одной и с другой стороны. Смысл взаимодействия заложен в правильном их использовании.

— Но мы ведь не можем вторгаться в воздействие высших сил?!

— Пожалуй что нет...

— Тогда остается следовать курсом ниспосланного. Может, только в мечтах приближаясь к заветной гармонии.

— Но знаешь, то, что представляется гармоничным сейчас, может стать хаотичным позже.

— Почему?

— Ну потому что вечный поток изменений размывает добытое прежней истиной.

— Не знаю, как насчет «размывает», а сказал ты и впрямь размыто!

— Возрази!

— Ну а что ты скажешь насчет подтвержденного временем и уже неизменно сложившегося?

— Неизменного ничего нет...

— Допустим...

— ...и мысль таит в себе единение разных начал, надо просто уметь балансировать ими при рассуждениях.

— Истина не абсолютна и может трактоваться в противоположных значениях? Ты это хочешь сказать?

— Да, в том числе. Относительность — вот где ее удел, и доказанное одним может быть опровергнуто следующим. Просто многим удобней отталкиваться от основ, принятых за нечто правильное, и к тому же иллюзорность приятней реальности.

— В этом есть своя прелесть,— сказала Мэри, и Кристиан почувствовал, что у одиночества тоже бывает компания.

— Послушай, по-моему, мы увлеклись слишком серьезной темой, может, помнишь, мы собирались поговорить о чем-то другом? — спросила Мэри.

— Помню, конечно, заговариваешь меня, не понимаю, почему до сих пор ты не начала рассказывать о себе?!

— Хитрец, ну ладно, как любил говорить Калиостро доверчивым слушателям, «...биография моя проста и обычна, родился я две тысячи лет тому назад»,— подшутила Мэри.

— Но не будем отвлекаться,— оценив шутку, сказал Кристиан.

Слушая рассказ Мэри, Кристиан с грустью и радостью отмечал, что события ее жизни в равной степени относятся и к нему. В них было много похожего. Не удивительно, ведь они — дети одной эпохи. Хотя в этой самой эпохе соседствовали слишком разные не только по степени благоустройства, но и по своей внутренней значимости люди.

Разница между теми, кто жил только праздничной жизнью, перешедшей к ним по наследству, и теми, кто удостоился испытания сложного и печального, например, побывав на войне, была слишком заметной, чтобы ее не замечать.

Он понимал, что отказываться от хорошего, если деньги считать таковым, человеку несвойственно, но он был против того, чтобы это делало обладателя неуважительным и наглым, и от этого еще более пустым.

Некоторые его друзья воевали в Афганистане и рассказывали такое, от чего жить становилось еще грустнее и острее осознавалось изначально заложенное неравенство между людьми.

Контраст между теми, кто жил изначально в достатке, и теми, кто видел не лучшие стороны жизни, пройдя разного рода лишения, дополнялся также и внешней картиной. Он вспомнил, как, проходя возле автобусной остановки, увидел парня лет двадцати и промчавшийся мимо него красавец «Мерседес», водителем и пассажирами которого были какие-то подростки. «Мерседес» пронесся по лужам и на пиджаке парня рядом с орденом Красной Звезды и красной полоской, свидетельствующей о тяжелом ранении, полученном, судя по всему, в Афганистане, появились также брызги от лужи, по которой так лихо проехался «Мерседес». Неподалеку от бывшего участника афганских боев стояли также обрызганные старушка и дети.

Пиджак высохнет быстро, старушка, в конце концов, успокоится, дети утрут попавшую им в лицо воду, а «Мерседес» снова будет кататься по улицам города.

Перестройка, объявленная новым курсом страны, оказалась одним из логичных венцов плохо сыгранной пьесы и, как сорванный с цепей хищник, тяжело уживалась в свободной среде.

Расслоение и неравенство затянулось в свой новый узел.

Голос Мэри по ходу рассказа был глубоким и выразительным. Да и то, что Кристиан слышал, само по себе всколыхнуло в нем музыку воспоминаний.

Мэри не была избалована жизнью и познала ее так же, как и он сам, на контрастах.

В юном возрасте часть свободного времени она отдавала художественной гимнастике. Кристиан невольно взглянул на ее фигуру. Разбираясь в вопросах спорта, так как сам в детстве занимался немного боксом, а позднее одним из контактных видов увлекших его боевых искусств, Кристиан с нескрываемым удовольствием отметил, что причастность Мэри к занятиям отразилась в подтянутости ее фигуры и в подчеркнутой пропорциональности ее форм.

Он всегда уважал тех людей, кто умел сочетать в себе разное. Внешность Мэри служила чудесной огранкой блистательности ее ума, в тонких гранях которого вся она представляла еще более притягательной. Она с легкостью и удовольствием приводила примеры из классиков — и отечественных и иностранных. В них она находила серьезную занимательность и любила пофилософствовать на прочитанные ей темы, подтвердить или опровергнуть своими высказываниями заинтересовавшие ее мысли писателей, обнаруживая при этом яркость собственной мысли. Пронзительность ее размышлений приводила его в некий интеллектуальный восторг. Жаждающий диалога, он, тем не менее, подавлял в себе острый соблазн перебить ее, чтобы высказать свои мысли.

Кристиан подумал о том, что их жизни шли где-то рядом параллельными курсами, но как часто бывает, ни разу не пересеклись. «Может быть, до вчерашнего дня», — поймал себя на радостной мысли он. Но уж если он не хотел перебить ее, чтоб сказать о единстве их взглядов, то на тему пересечения жизней Кристиан тем более рассуждать не решался. Во всяком случае, временно.

Несмотря на схожую с Мэри приверженность в чтении классики, Кристиан иногда обращался к детективному жанру в прозе и, почувствовав интерес к различным секретам и тайнам, решил, пройдя срочную службу, попробовать себя в юридическом качестве. Он тогда не учитывал, что в книгах, если думать о них как учебниках жизни, больше красочных иллюстраций, чем сухого, но верного текста, и теперь от-

четливо помнил, что в его желании было слишком много романтики и той самой мечты, от которой ему пришлось отказаться позднее.

Мэри нравилось все, что было связано со словом и мыслью, и она выучилась на филолога. Поработала в госструктуре, а когда денег перестало хватать, подыскала работу на частной фирме.

Кристиан вспомнил, что ему, кроме денег, перестало хватать еще интереса к работе и он, движимый вечной тягой к чему-то новому, решил распрощаться с пройденным. Не сумев до конца отказаться от давних задумок, он, как будто бы отдавая им дань, отчасти продолжил следовать прежней профессии и, уйдя с государственной службы, занялся оказанием юридических частных услуг новоявленным предпринимателям. Поначалу дела его продвигались и шли интересно, но впоследствии наступило затишье, и он, заработав кое-какие деньги, стал сворачивать свою деятельность.

Кристиан хотел обсудить с Мэри подробнее то поворотное во многих судьбах время, но подумал, что лучше сделает это позже.

Новые условия выживания, в которые попала страна, как в зеркале отражались на людях. Частные фирмы открывались и закрывались, как двери вагонов метро в часы пик. Будто частные происходило от слова пик.

Фирма, в которой работала Мэри, не отметив и года своей предпринимательской деятельности, прекратила существование.

Радость выбора, предоставленного каждому, потерявшему стабильную работу, была так всепоглощающая, что захлестывала с головой. И действительно выбор казался огромным, но, как айсберг, скрывал основную часть под водой.

Связей, решающих все, у Мэри не было, и теперь, когда у нее появилось так много свободного времени, она сконцентрировалась на разумном его проведении — вновь учила английский язык и читала, начала изучать искусство йоги. В дополнение ко всему, окунулась в финансовые вопросы. И не только в смысле нехватки денег, но и также в возможности их заработать, углубившись в теорию их добывания. То есть круг ее интересов расширился при сужении мира достойной карьеры.

Затянувшийся поиск возможной работы действовал время от времени ей на нервы, и она иногда встречалась со своими подругами в теплоте и уюте домашних условий.

На одной из устроенных встреч-вечеринок она познакомилась с человеком, показавшимся ей интересным. Он, видимо, тоже томился от скуки, но не из-за занятости по работе, и тем более не из-за отсутствия таковой, а от обилия тех возможностей, что давали ему его деньги. На волне перестроечной неразберихи он сумел хорошо заработать, завести и разбросать по миру кое-какую недвижимость и при этом стоять в стороне от известности.

Их любовь оказалась невечной и прервавшейся также внезапно, как и возникшей, а единственным плодом любви стал дом на Кипре, который он ей оставил.

Позже она узнала, что ее бывший любимый покинул Россию и выехал за границу, незадолго до этого женившись на другой русской девушке.

Дом она продала, и купила другой — в Ирландии, где теперь проживала одна.

— Почему тебе дали имя Мэри? — после некоторой паузы спросил Кристиан.

— Так хотел мой отец, он считал, что оно сочетает в себе нечто скрытое и простое, зарождающее что-то новое и дарящее нежный свет будущего.

— Похоже, он прав, простое бывает таинственным.

— Ты имеешь в виду меня или имя?

— Тебя и твое имя, еще сплетение формы и сущности, рождающее притягательность! А ты, если можно так выразиться, наглядное подтверждение сочетаемости столь приятного рода, как тебе мой ответ?

— Может, позже мы это еще обсудим, — заметила она. — Кристиан ведь тоже не совсем обычное имя?

— По словам родителей, оно должно приобщать меня к некоему серьезному смыслу.

— Но они не сказали к какому?

— Нет, они считают гораздо полезней попытки найти этот смысл самому.

— Ты не думаешь, что такой поиск может оказаться невыносимо долгим?

— Поиск вообще вечен и происходит во всем. Надеюсь, пытливый и размышляющий обретет! Правда, при этом, возможно, не сможет, как того бы хотелось, постичь.

— И что же тогда?

— Тогда его выбором может оказаться отказ на какое-то время от новых исканий либо непрерывная подверженность им.

— Что же сделаешь ты?

— Я всегда выбирал непрерывность в движении, не думаю, что захочу отступить просто лишь оттого, что в непознанном появилось еще больше таинств, чем было. Видимо, я обречен на ниспосланный лабиринт.

— Ты когда-нибудь задумывался о добром попутчике?

— Ты имеешь в виду себя или только лишь имя твое? — подшутил Кристиан.

— Но вообще-то «лишь имя» мое не сумеет подать тебе чашу, если, к примеру, мучимый жаждой и усталый, ты сам не сможешь ее испить, — заметила Мэри.

— Что ж, тогда нам стоит пройти хоть какой-то отрезок вместе, чтобы чаша не расплескалась, — серьезнее ответил он.

3

По приезду в Ирландию Кристиан менее чем за полгода успел пожить в трех домах. Все они находились в различной по внешнему облику местности столичного города. Всякий раз он снимал у хозяев отдельную комнату — спальню. Остальные удобства делились с владельцами, и он пользовался общим душем, туалетом и кухней.

На чужбине все жили в отдельных домах от рождения. И хотя комнаты в них не отличались простором, каждый дом за неброским забором имел прилегающую к кухне свою территорию с садом, где в зависимости от предпочтений хозяев росли рядом друг с другом яблони, пальмы, березы, цветы, где готовились шашлыки и пилось вино. Некий красочный островок естества под окнами. И возможность бывать на природе, не выезжая за город. Когда Кристиан приходил в такой сад, чтобы просто поесть на воздухе, он как будто вступал в иной мир, отделенный от кухни прозрачной стеклянной дверью. Сады в некоторых домах обустраивались по типу беседок с деревянными крышами и полами, и посаженными внутри цветами. В час, когда в сад приходило солнце и касалось поверхностей деревянных настилов, в нем воцарялся запах дерева, перемешанный с запахами цветов. Эта близость с природой доставляла Кристиану немалое наслаждение, но одновременно при этом он острее ощущал одиночество и невозможность поделиться прелестью обладания с кем-нибудь из его близких людей, все они находились вдали от него, а он был один на один с завораживающей его пропастью. Он скорее отказался бы от восторга бывать в саду, чтобы больше не чувствовать своего одиночества. То вино, что он пил, становилось из сладкого горьким.

Место, где Кристиан поселился и жил на момент встречи с Мэри, находилось почти в самом центре города и стало четвертым его обиталищем, но уже не в семейном, а в одном из тамошних гостевых домов. Преимущество было в том, что теперь он ни с кем не делил туалет и душ, отделенные от его спальни комнаты внутренней дверью, и обрел независимость быта. В комнате стояла двухъярусная кровать вроде той, что когда-то была у него на срочной службе. С верхней койки он смотрел расположенный на верху одностворчатого шкафа небольшой телевизор, а спал на нижней.

Иногда, просыпаясь ночью, он включал телевизор и, выглядывая из-под нависающей над ним верхней части кровати, всматривался в оживший под потолком экран. В нижнем отделении той же самой единственной створки шкафа был установлен миниатюрный холодильник. Кухни с садом при комнате не было, но он понял, что уж лучше жить совсем одному, чем испытывать одиночество в окружении чуждых ему людей. Была общая кухня, располагавшаяся в оборудованном для нее подвальном помещении, но Кристиан ей не пользовался, не готовя себе горячих блюд, и ел, не выходя из своей берлоги. Стола в его комнате не было, и в качестве него Кристиан использовал что-то вроде комода, на котором стоял электрический чайник.

Обладая кое-какими деньгами теперь, он решил пожить как тогда в период их явной нехватки во время своей государственной службы, так он сможет подумать о чем-то более важном по сравнению с заботой о том, как потратиться лучше. Понимая, что недвижимость стоит не только денег на ее обретение, но и многих других забот о подерживании ее в соответственном виде, и, не зная, в какой точно стране будет жить, о собственном доме Кристиан серьезно не думал. Он давно понимал, что рай не на земле, а внутри самого человека, но обрести его так и не мог. Придя к осознанию, что у людей две стороны собственной жизни — внутренняя и внешняя и что важно ценить внутренний мир больше внешнего, он при этом не мог овладеть независимостью от подверженности бесконтрольным эмоциям, грустным мыслям и материальности.

Кристиан всегда вспоминал о том новом витке своей жизни, когда, вырвавшись из безденежья, попробовал жить независимей, но с привычной печалью отметил, что остался в плену зависимости от своих давних мыслей и восприятий. Внешний мир, словно луч, преломлялся во внутреннем состоянии и являлся ему ареной для сражений с самим собой. То, что было заложено в нем годами, не могло поменяться сразу, и привычки одна за другой продолжали всплывать в его внешне улучшенной жизни. Механизм обретения счастья с гулким скрежетом рассыпался, но корабль, приводимый им в движение, неуклонно шел прежним курсом. Кристиан не знал, сколько выдержит на таком плаву, и надеялся, что сумеет найти свою тихую гавань, прежде чем погрузится на дно. Одиночество не способствовало радужным размышлениям, и он не был уверен, что некая спутница может стать для него заветным спасением, но, оказавшись в некотором роде изолированным от обычных человеческих радостей, стал остро испытывать потребность в приятном общении. Мэри нравилась Кристиану, и он хотел сближения с ней, представляя как хорошо было бы проводить время вместе, занимая друг друга не только умной беседой. Он хотел поделиться с ней своими мыслями, но решил подождать какого-нибудь подходящего случая, не предполагая того, что события развернутся быстрее, чем он сам их планировал.

Чем больше Кристиан виделся с Мэри, тем отчетливей ощущал, что она обладает особенным обаянием. Обаянием робкой школьницы и уверенной в себе женщины. В сочетании неодинакового заключалась ее притягательность, и Кристиан чувствовал, что его влечение к Мэри усиливалось. Между тем их отношения постепенно становились все ближе и доверительней.

Прежний опыт подсказывал многое из того, что теперь помогало ему общаться с Мэри. Много раз он испытывал чувство влюбленности, но уже не любил после той своей первой любви. Кристиан отчетливо вспомнил ушедшее.

В средней школе тогда было десять классов. Десять лет обретения знаний. Кое-кто, «оттрубя» восьмилетку, уходил, чтоб изведать учебу в училище, а тех, кто оставался учиться в школе, подвергали объединению, достигая положенные количества. В результате соединений по приходу в их новый девятый класс ученикам среди прочих открывалась перспектива общения с теми, кто раньше был отделен от них своего рода барьером принадлежности к другим классам. Очевидное подтверждение теоремы о

том, что новое, как известно, заманчивей пройденного, заставляло особо старательных учеников обретать дополнительный стимул к занятиям, как к возможности изучать свой любимый предмет... в непосредственной близости — за одной из соседних парт.

Когда в классе, в котором учился он восемь лет, в первый день сентября на девятом году появилось несколько новеньких, он заметил, что среди них есть одна, кто тревожит его как-то внутренне и магнитит его всего. Воздыхания были напрасны и к взаимности не приводили. Не блистая искусством ухаживания, он был вроде прозрачной тени, а единственным откровением с его стороны были взгляды, даримые ей.

Так тянулся мучительный год, безответность томила его, и однажды их взгляды встретились.

Для него это было подобно взрыву вулкана, будто жгучая его лава прошла, не задев, в стороне от него, но обдав лишь приятным теплом. Искры глаз показались ему фейерверком, в промелькнувших лучах которого он увидел ее по-другому, ту взаимность, которой так долго ждал. Он теперь любовался ей, не тая своих пламенных взглядов. А она и сама теперь обращала свой взор к нему, и тогда он боялся сгореть в жаре огненных ее глаз.

Прежде он любовался ей издали, он сидел за последней партой, а она за одной из первых, но теперь, когда в ее взгляде мелькнул огонь приглашения, он перебрался поближе, и сел прямо за ней по соседству. Образованное пространство волнующего магнетизма погрузило их в чувственный мир зарождающейся любви.

Радость встреч за школьными партами привела их к желанию встретиться и побыть где-то вместе в иной обстановке, позволяющей быть еще ближе, там, где они будут одни, предоставленные лишь себе.

Они встретились у нее, и она провела его в свою комнату. Он, так долго томившийся вдалеке, оказался теперь в ее покоях, будто сказочный замок с книжной страницы вдруг возник и предстал перед ним.

Они долго помногу беседовали, умиляясь любым пустякам, и по-своему наслаждались возможности просто побыть наедине. Никогда он не чувствовал себя так восхитительно и по-особенному прекрасно.

Их сближение нарастало. Так однажды он робко обнял ее, тронул плечи, и случайно невольно коснулся ее груди. В тот момент они замерли и прислушивались к ощущениям.

В другой раз они поцеловались и почувствовали, что томление, долго сдерживаемое внутри, стало мучить теперь их иначе, отчетливее по-другому. Если в школе их разделяли парты, то теперь они были вплотную друг к другу, обнимались и целовались. Ими овладело желание вкушать приятную близость их отношений, приближая себя к нечто запретному, они, не снимая одежд, легли, но, не смея что-либо делать, он вызвал в ней неудовольствие.

Он не понял ее доверия и того, что из них двоих кто-то должен был стать смелее. Этим смелым он оказаться не смог и других попыток исправить свою неумелость не предпринял.

Он ценил в ней ее удаленность, и привык к ней той недоступной, целый год, ожидая ее. И когда она стала открытой, он утратил свое душевное вожеление, именно в тот момент, когда мог наполнить его физически.

Она много интересовалась Пиаф, будто чувствовала, что жизнь певицы отразится в ее личной судьбе.

Через несколько лет после окончания школы он встретился с ней. Говорили, она выпивала чрезмерно и какие-то зловключения переполнили ее жизнь, доведя до предела. И когда он ее увидел, все, чему не хотел он верить, отражалось в ее некогда красивом лице и погасшем огненном взоре. Он поник, будто в рану его вонзилась стрела бессмертного лукавца-амура.

Возвращая себя в мыслях к Мэри, Кристиан не мог не почувствовать, что она напоминает ему о безвозвратно утраченной им любви и протягивает ему свою руку.

Пустота для него обрела новый непознанный смысл.

— Мне показалось, что ты отвлекался, слушая мой экскурс в былое,— услышал он голос Мэри.

— Нет. Просто рассказ твой вызвал во мне некоторые размышления.

— Ты ведь скажешь о чем? У меня тоже иногда возникает мыслительный голод!

— В основном о неравенстве как печальном фундаменте мироздания и еще о заманчивости удобных устоев и обманчивости заложенных в них идей,— сказал Кристиан.

— Под удобством устоев ты имеешь в виду, что проще принять что-либо на веру, чем ввергаться в самостоятельное познание и петлять по собственным мыслям, пока они не наполнятся знанием? — уточнила Мэри.

— Да, и то, что порой процесс бездумного обретения веры становится поглощающим до абсурда, лишая желания мыслить и не давая распознавать заведомо ложные истины.

— Но ведь мы как-то говорили о том, что истине свойственно торжествовать лишь временно, будучи своего рода ступенью для последующих рассуждений, и наполнение знанием не всегда означает, что оно верное. Даже если к нему удавалось идти правильной мыслью.

— Ты права, но уж лучше хотя бы пытаться идти к мудрости мыслей, чем застывать в невежестве!

— А если уж верить, так в то, что время истины приходит тогда, когда из сомнения рождается поиск,— сказала в завершение разговора Мэри.

Он теперь поражался не столько ее суждениям, сколько их одинаковости с его собственными. Они словно читали одну книгу и цитировали ее по очереди.

Кристиан поделился с ней мыслями о любви, рассказав ей немного о том своем первом опыте чувства, но не стал касаться любовной темы подробнее и решил рассказать что-нибудь более занимательное из своей жизни.

Ему вспомнился тот период, когда он работал на одного человека, собиравшегося купить себе дом в Европе. Кристиан помогал ему при общении с иностранцами, так как сам бизнесмен говорил лишь на беглом русском. Вечера они проводили, как правило, в дорогих ресторанах, но однажды пошли в казино. Бизнесмен там бывал и раньше, Кристиан оказался впервые и, как всякий любитель риска, согласился попробовать поиграть, но не в карты — ему в них всегда не везло, а в рулетку, в которую он вообще никогда не играл.

Поначалу он слишком быстро проиграл почти все, что поставил, но потом решил осмотреться. Он заметил, что кое-какие цифры через некоторое время повторяли свое появление на специально оборудованном для игры в рулетку дисплее, и при этом две из них были его любимыми числами. Фон дисплея, становясь то черным, то красным, демонстрировал, что два цвета сменяли друг друга с явной стабильностью, соревнуясь за право господствовать, и Кристиан обратил внимание, что прежде, чем черный цвет сменится красным, он отметится на дисплее как минимум несколько раз, возникая гораздо чаще своего конкурента. Случалось, конечно, и так, что расчеты давали сбой, но такое происходило реже, чем подмеченные им последовательности. Сопоставив случайность с закономерностью в чередовании двух цветов, Кристиан снова вступил в игру и, ставя на цвет, не проигрывал. Мысленно поблагодарив удачу, он решил попробовать отгадать число и поставил часть фишек на одно из своих любимых чисел, которое по его прогнозам на тот момент могло появиться. Колесо, покрутившись вокруг оси вместе с шариком, несшимся по нему, будто бегая наперегонки, остановилось. На дисплее горело число, на которое он поставил! Вдохновившись

везением, Кристиан решил продолжить игру, но ограничиться ставками исключительно на цвета, он почувствовал, что может угадывать их с гарантированной устойчивостью. Выигрыш за них был значительно меньше, чем за отгаданное число, но, выигрывая, Кристиан наслаждался безошибочным предугадыванием и подумал, что успех в игре может быть предсказуем благодаря расчету и наблюдению. Кристиан не был уверен, что открывшаяся в нем способность к угадыванию цвета может действовать всегда безотказно, и не задумывался о том, чтобы заняться рулеткой всерьез.

Мэри посчитала историю подтверждением коварности случая, не успевшего в тот день подстеречь Кристиана, но готового изменить свое проявление в любую минуту, и привела примеры того, когда люди теряли деньги, увлекаясь обманной первичной удачей.

Тогда она не предполагала, что дар Кристиана в скором времени станет для них обоих нечто большим, чем просто важным, своего рода бесценным ключом, открывающим дверь в непривычную новую жизнь.

4

Как-то раз, договариваясь о новой встрече с Мэри, Кристиан почувствовал в ее голосе некую заговорщическую нотку, но отнес это на счет обычного женского кокетства. Только во время беседы он понял, что дело было в другом. Мэри хотела сказать ему что-то важное, но, по-видимому, не решалась. У нее были на то причины, потому что ее рассказ оказался преамбулой многих событий перевернувших впоследствии всю ее жизнь, а заодно и его в придачу.

— Ты ведь любишь забавность действия в философском ходе событий? — начала она издали.

— В этом случае философия становится более увлекательной, — заинтересованно сказал Кристиан.

— Ну, тогда тебе будет по вкусу мой сегодняшний монолог, если только не возражаешь появлению в нем другого лица, — интригующим тоном сказала Мэри.

Проживая в чужой стране можно легче переносить одиночество, погружаясь в любую занятость, в том числе в трудовую рутину. Мэри, как и он, на чужбине была одинока, и, чтоб чем-то заполнить время, устроилась официанткой в Room Service большого отеля.

«Рум Сервис» является службой доставки напитков и пищи гостям в номера. Главное в этом бизнесе — скорость, чтобы пища не остывала, а мороженое на десерт не таяло, прежде чем попадет к заказчикам. Небольшая сложность скрывается в том, что заказы порой поступают одновременно сразу от нескольких гостей и при этом на более чем одно блюдо для каждого, и тогда скорость требуемого обслуживания увеличивается до запредельной. Сервис, тем не менее, должен в любом случае оставаться на установленной высоте.

Оформляя заказы и сервируя подносы, надо с четкой периодичностью выдержанных пауз надоедать поварам напоминаниями о заказанных блюдах, вдруг ставшими срочными. По готовности пищи суметь уложить ее всю на подносе, вызвать лифт и, дождавшись его прихода, войдя, умудриться, не выпуская из рук отяжелевшую ношу, нажать самым свободным пальцем руки нужную кнопку.

Оказавшись на этаже, важно быстро уметь найти нужный номер, и, добравшись до двери, удержать, как в лифте, заказ, балансируя на одной ноге, потому что, пока вторая, согнутая в колене, поддерживает поднос, необходимо, сохраняя достоинство гордой цапли, высвобожденной рукой четко и желательно мелодично постучать в заветную дверь. До открытия ее с упоением в голосе оповестить находящегося за дверью о том, что его заказ прибыл. Со счастливой улыбкой приветствовать гостя и с

торжественным видом внести блюда в номер. И на все эти действия выделяются два человека в смену, два гонца и носителя остывающих по дороге блюд.

Проживающие в отеле гости различались в своих подходах к их кормлению в номерах. Были те, кто страдал недовольством по любой незначительной мелочи, чем, возможно, пытался в глазах официантов оправдать нежелание дать чаевые, и, напротив, встречались такие, кто был непривередлив и крайне щедр. Приезжали на разные сроки, на отдых и по делам. Среди прочих гостей был один господин, проживавший в отеле уже более месяца, все звали его мистер Орсон. Мэри вспомнила, как они познакомились.

Она выполняла один из больших заказов, тех, когда все заказанное приходилось укладывать на одном подносе в два этажа и нести эдакую пирамиду, сохраняя равновесие ноши. Но, как это случилось с неопытными официантами, а она тогда еще начинала работать, ее карточный домик тарелок качнулся, и одна из них соскользнула на пол. На ковре, устилающим пол отеля, оказался салат из фруктов, разлетевшихся разноцветной стаей по не менее красочному убранству настила. Чистота в пятизвездочном отеле была почти идеальной, и поэтому лишь отдельные кусочки фруктов выглядели, будто их посыпали черным перцем, образованным пылинками от ковра. К счастью, рядом не было ни души, и ей удалось незаметно от посторонних сложить весь салат обратно в тарелку. Теперь следовало вернуться на кухню отеля и заменить салат. И когда Мэри завершила укладку и водрузила «перченый» салат на поднос, она краем глаза заметила, что одна из дверей номеров открыта и на пороге в дверном проеме стоит незнакомый ей ранее гость. На лице его заиграла понимающая улыбка. Это был мистер Орсон.

О нем было известно в отеле, что в свое время он получил наследство и теперь доживал свою жизнь, не волнуясь особенно ни о чем. Внешне он походил на пирата, оставленного им корабля и нашедшего свое пристанище в том месте, где теперь проживал. На вид ему было лет пятьдесят, ростом он был выше среднего и обладал достаточно плотным телосложением. Через правую часть лба проходил довольно заметный шрам. Поговаривали, что мистер Орсон был неизлечимо болен и, понимая, что ему, может, осталось недолго, не очень ценил свою жизнь и готов был в любой момент умереть, но старался не думать о смерти и проводил отведенное ему жизнью время, не заботясь о каких-либо целях. Несмотря на рекомендации врачей, запретивших ему любые горячительные эликсиры, он позволял себе много вина и пива.

Мистер Орсон был щедр на чаевые и любил поболтать с официантами, доставляющими ему пищу и выпивку в номер. Но особенно было ему приятно разговаривать с Мэри. Он почти не рассказывал о себе и не мучил ее вопросами, разве только спросил однажды, как она любит проводить время после работы. Кристиан приятно обрадовался, когда Мэри сказала мистеру Орсону о том, что все время проводит со своим добрым другом, которого также встретила здесь. Этим другом был он — Кристиан. При этом она пошутила, сказав мистеру Орсону, что они с Кристианом так много бывают на воздухе, что пора уже познакомиться ближе и побывать друг у друга в гостях. Она ощущала странное доверие к мистеру Орсону, так, во всяком случае, ей казалось, и делилась с ним разными мыслями.

Их беседы обычно несли в себе в основном философский смысл. Как и в случае с Кристианом, Мэри сразу почувствовала, что Орсон был тонким ценителем ярких, нестандартных мыслей. Его изречения были кратки, но пронизаны теми истинами, над которыми люди бьются, не всегда находя ответ. Он был словно тот кладезь мудрости, обращаясь к которому, человек испытывает интеллектуальный подъем. Мистер Орсон умел из любой незначительной темы развернуть философский диспут, будто тронув привычные струны, заставлял их звучать по-другому. Он умел это сделать непринужденно, всякий раз поражая умом собеседника.

Один раз разговор их зашел об азарте, как субстанции возведения человека в короткое яркое счастье, в состояние внутреннего блаженства от предчувствия и предвкушения близкой победы в игре. И хотя не всегда обретались шальные успехи, само чувство причастности к их достижению становилось заманчиво поглощающим, разбавляющим скуку жизни. Рассуждая об этом, Мэри вспомнила о Кристиане, а точнее его способности делать счастье в игре тем же ярким, но значительно более долгим. Мистер Орсон сказал, что, по странности противоречия, в этом случае счастье начинает терять свою изначальную прелесть и становится хоть и любимым, но привычным радостным делом. Парадокс заключается в том, что привычка несет разрушение, и тогда идеальная версия счастья не воспринимается человеком единственно верной попросту оттого, что он больше привык к мимолетной его природе. В словах мистера Орсона заключалась печальная правда, но у Мэри возникло какое-то ощущение, будто он что-то не досказал.

Мэри нравился его ум и скрывающаяся в нем сила. Кроме этого, та порядочность, которой обладал мистер Орсон, служила ей своего рода магнитом в общении с ним, и оно было по-своему приятным и откровенным.

Иногда Мэри видела, как во взгляде его появлялась особая радость, когда он смотрел на нее, и в такие минуты ей казалось, что она понимала, что чувствовал Орсон, запрещая себе это высказать.

Однажды по прошествии времени, мистер Орсон пригласил ее в ресторан. Там было тихо, уютно и в то же время как-то торжественно. Он умел выбирать заведения, чем приятно порадовал Мэри. Она чувствовала, что Орсон не случайно позвал ее в ресторан и теперь хотел поделиться с ней чем-то серьезным и важным. Откровение мистера Орсона оказалось настолько значительным, что Мэри даже почувствовала растерянность и какую-то обеспокоенность от услышанного. Мистер Орсон сказал, что хочет отдать ей наследство.

У него не было ни семьи, ни каких-либо близких родственников. Мэри — все, что его привязывало к той оставшейся жизни, что теперь вот-вот завершится. Он спросил ее о согласии принять дар после его смерти и не чувствовать чем-то ему обязанным.

— Ты ответила мистеру Орсону, что согласна? — спросил ее Кристиан.

— Да, он искренне это хотел, — грустно ответила Мэри.

— Что ты думаешь делать теперь?

— Мне хотелось бы как-нибудь скрасить последние дни его жизни, — с той же грустью сказала она.

5

Кристиан узнавал от Мэри, что общение с мистером Орсоном теперь было как бы насыщенной. Они чаще встречались за пределами стен и взоров отеля. Отвлекаясь в беседах от тяжелого осознания того, что разлука грядет неизбежно, они проводили время, наполняя его богатством своих философских высказываний, тонко смешиваемых с фрагментами собственных жизней.

Мысли мистера Орсона, как и прежде, были яркими и выразительными, только теперь в них появилось еще больше жесткой иронии. Он, вполне вероятно, и раньше задумывался о смерти, но не высказывал своих размышлений вслух. Рассуждая, он как-то сказал, что если жизнь порой назначается в наказание человеку, то смерть явится избавлением от страданий и внесет долгожданный покой в его муки.

Его взгляды сводились к тому, что сама смерть вполне может являться лишь переходом в иное духовное и душевное состояние, но свидетелей и очевидцев, которые подтвердили бы этот тезис, он пока не встречал. Сама мысль об ином воплощении

собственной жизни доставляла ему удовольствие, и он даже сказал, как забавно было бы превратиться в известное из фантастики подобие невидимого человека, но в усовершенствованном его виде, не только лишь в смысле внешности, ввиду неявного отсутствия ее, но и в отношении внутреннего миропонимания невидимки.

Он, конечно, был в курсе теорий о бесконечной духовной миграции и старался, ссылаясь на них, успокоить Мэри, говоря, что всегда будет рядом, предоставив возможность ей «воочию убедиться» в достоверности хотя бы одной теории на его примере.

Постепенно она узнала, что родители мистера Орсона были выходцами из Ирландии, эмигрировавшими в ранней молодости в Америку. Обосновываясь в Сан-Франциско, они много сил отдавали учебе, а впоследствии в равной мере своей работе. По прошествии времени в семье появился он — Орсон-младший. Вспоминая своих родителей той поры, мистер Орсон сказал, что они были люди усердные и старательные, неотступно умевшие добиваться собственных целей, и когда их усилия окупались, его мать стала работать заместителем управляющего одного из банков, а отец стал крупным торговцем недвижимостью. Когда он достаточно повзрослел, Орсоны начали привлекать его к коммерческой деятельности и зачастую знакомить его с разными бизнесменами, их деловыми партнерами. На одном из этапов знакомств они выхлопотали для него серьезную и прибыльную работу по перепродаже недвижимости в Лас-Вегасе. Мистер Орсон уехал туда и обрел свои личные связи и богатых клиентов, приносящих ему доходы.

Жизнь его протекала в заботах, от которых порой он страдал душевно. Он не чувствовал, что торговля доставляет ему настоящее наслаждение. Появление денег влекло за собой приобщение к специфическому миру наживы. Мистер Орсон хотел нечто большего, чем сведение счетов с бедностью, и совсем не стремился терять уходящие годы в погоне за новым богатством, но, попав в водоворот, лишь мечтал о своем избавлении. Временами, впадая в депрессию, он считал себя обреченным на унылое существование и подумывал о каком-нибудь фантастически ярком событии, перевертывающем всю его жизнь. Уставая от размышлений и не достигая каких-либо перемен, мистер Орсон использовал нерастраченный энтузиазм на всю ту же наскучившую ему работу.

Мэри знала много подобных случаев, когда люди не находили свое истинное применение и, терзаемые своей никчемностью, предавались порочному наполнению жизни, еще больше запутываясь в ней. Мистер Орсон, похоже, не относил себя к людям порока и пытался занять себя по-другому. Кроме этого, представляя, что изначально заложенное несовершенство и присущее людям неравенство составляет одну из первопричин творимого ими зла, он испытывал опасения при общении с некоторыми своими клиентами и в один из моментов решил вообще прекратить свою деятельность и уйти преждевременно на покой. Обретя независимость от расписанного во всем распорядка личного времени, мистер Орсон решил немного попутешествовать, в том числе побывать в Ирландии — родине его предков. Мэри вспомнила о Кристиане, о его решении увидеть мир, когда что-то не заладилось в его жизни, и подумала о некотором сходстве судеб этих двух личностей, с которыми ей довелось встретиться на чужбине.

Не в пример своему ребенку старшие Орсоны доработали до положенного им срока и вышли на пенсию. Внуков у них не было, а здоровье еще позволяло не задумываться о врачах. Оставалось лишь наслаждаться заработанной ими свободой в полной, доступной их возрасту, мере, но, застигнутые врасплох тяжелой болезнью, они умерли, не дожив до глубокой старости. Будучи в курсе неизбежного прерывания земной жизни, в перспективе грозящего всем живым существам, они до ухода в иные материи позаботились о своем сыне и оформили на него наследство — дом и кое-какие деньги.

Мистер Орсон сказал Мэри о том, что ему всегда хотелось иметь семью, обрести свой очаг и уют. Может, в этом он смог бы найти не пришедшее к нему счастье. Больше он о себе говорить не стал, но задумчиво произнес, что, не став обладателем радостей тихой семейной жизни, он хотел, чтобы Мэри смогла сделать это, и просил ее выйти замуж... за Кристиана. Он догадывался, что Мэри уже, видимо, любит этого человека, но не хочет так скоро признаться в своей любви.

Мэри думала, как, вероятно, мистер Орсон несчастен, не имея возможности осуществить именно то, о чем просит ее. И в несчастье его была такая скрытая сила, что заставила Мэри почувствовать восхищение благородством этого человека.

Размышляя над предложением мистера Орсона выйти замуж за Кристиана, Мэри в образовавшемся сумбуре событий и мыслей искала правильное решение. Был ли прав мистер Орсон, когда говорил, что она полюбила Кристиана, или это ей и Орсону только казалось? Как бы то ни было, она знала, что выполнит его просьбу, понимая, что просто не может отказать такому великодушному и при этом несчастному человеку, каким виделся ей мистер Орсон. Она всю жизнь чувствовала бы себя виноватой, если не помогла ему стать счастливее в его последние дни.

Разговор с Кристианом вероятно не будет самым приятным и легким из всех, что у них были до этого, но Мэри сознавала свою ответственность перед Орсоном и готова была пойти на все для того, чтобы подтвердить доверие, возложенное на нее умирающим.

Кристиан виделся ей порядочным и, в свою очередь, тоже в известной мере несчастным человеком, и поэтому, думала она, он поймет ситуацию и откликнется на ее не совсем обычную просьбу. Времени, по словам мистера Орсона, оставалось немного, и ей нужно было успеть стать еще ближе Кристиану — своему будущему супругу. Она вдруг почувствовала себя соблазнителем Казановой в женском облике, расставляющим сети любви своей намеченной жертве. «Надо вспомнить, как действовал Пушкинский Дон Гуан, когда он готовил свою западню Донне Анне, ведь тогда он, возможно, не лгал», — поймала себя на мысли Мэри. Припоминая рассказ Кристиана о его школьной любви, она понимала, что в нем оставалась частица не полностью выплеснутого и разделенного чувства, смешиваемого теперь с холодной разочарованностью, и что он не горит желанием подвергать себя новым неясностям и загадкам женской натуры, но, тем не менее, верила в успех своего начинания. Просто ей будет сложнее доказывать Кристиану открытость своих намерений. «Интересно, какая у него будет реакция? Нужно сделать какой-нибудь значимый шаг навстречу. Есть чем заняться, — думала Мэри, — это лучше, чем маяться в тусклой размеренности одинаковых дней».

Дом, в котором проживала Мэри, находился в одной из окраин Дублина, в тех самых роскошных покоях, где, устав от суеты оживленного города, можно было найти благодатную тишь на лоне природы. Отделенные от центра тридцатью минутами езды на автобусе живописные уголки природы дарили ее обитателям свой первозданный мир. Аккуратные домики заботливо вписывались в пейзаж и подчеркивали красоту загородной обстановки. Мэри выбрала именно эту местность, потому что она была ближе всего к завораживающей красе самородных просторов. Если проехать немного дальше, то можно увидеть столь щедро разбросанные по всему острову холмистые горы. Раздолье страны было востребованным ее жителями, и они наслаждались ниспосланной им возможностью сказочного обитания. Вот где явственно проступало вселенское неравенство, выразившееся в людском расселении на разных земных территориях, где одни обитали в естественности природных пространств, а другие в задымленности застроенных городов.

Мэри давно хотелось позвать Кристиана в гости, и теперь она намеревалась осуществить это желание. «Надо устроить ему царский прием, а потом будет видно», — гово-

рила она себе. Мэри умела готовить и, зная, что Кристиан предпочитал простую еду, тем не менее, хотела произвести на него впечатление своими кулинарными навыками. Из обрывков его рассказов следовало, что, образ жизни затворника приучил его к незатейливой пище, но Мэри понимала, что Кристиан не отказался бы от привычной домашней еды, по которой скучал на чужбине, в первую очередь от борща и оладьев.

Все уже было готово к приходу гостя, Мэри отсчитывала минуты, остававшиеся до встречи, и разглядывала себя в зеркале. Стройность ее фигуры подчеркивалась легкой тонкой одеждой, выбранной ею специально для этого случая. Некоторая эротичность наряда не станет помехой серьезному разговору, считала Мэри и, довольная своим видом, открыла дверь и вышла во двор перед домом. Солнце, выглядывая из-за облаков, протягивало лучи своего объятия. Неподалеку резвились соседские дети и, что-то выкрикивая, весело бегали друг за другом.

Вдоль всех домов проходила дорожка, и все, кто по ней шел, мог, прогуливаясь, наслаждаться видами открывавшейся местности. Вскоре она увидела Кристиана. Он не спеша подходил к ее дому. Она вышла навстречу, и когда он приблизился, следуя охватившему их порыву, Мэри и Кристиан обнялись. Радостное волнение все больше овладевало ими, и, вдохновленные собственным настроением, они вошли в дом.

Скромная кухня соединялась с уютной гостиной, и оба помещения имели свой выход в сад. Кристиан загляделся на молодую березку, растущую в саду Мэри. Теплый незримый ветер коснулся ветвей березы, и она покачала ими, радостно приветствуя Кристиана. Мэри стояла рядом, и все в ее облике говорило о том, что она была счастлива встрече с ним.

— Ты почувствовал обаяние здешних мест, добираясь в мою обитель? — спросила она.

— Так отчетливо, что почти потерялся во времени! Представил себя где-нибудь в первобытном мире!

— Да, красота умеет создать иллюзию, отвлекающую от реальности. Хотя если задуматься, все настолько переплетается, что стирает собственные границы. Две соперницы за человеческий разум, я имею в виду иллюзию и реальность, вырывают его из цепких объятий друг друга и, довольствуясь самым малым успехом, превращают процесс мышления в мучительный хаос сомнения.

— Ты сегодня настроена по-боевому! Рад составить тебе компанию, тем более что иллюзия и реальность волнуют меня не меньше. Они ведь не существуют в отдельных мирах, а заложены изначально друг в друге, тупиковость реальности порождает иллюзию, иллюзия перерождает реальность заново, в их взаимопроникновении заключена сила, ниспровергнуть которую все равно, что отвергнуть движение и развитие.

— Я бы даже сказала, что мысль о реальности, равной иллюзии, делает восприятие более правильным, а факт о реальности, ставшей иллюзией, вносит корректировки в процесс осмысления. Если представить, что мир — это незримая оболочка, где происходит движение неких слоев пространства, то человек предстает одной из частиц в невидимой бездне. Он существует в заранее установленном предполагаемом времени, отсчет которого лишь условен и не свидетельствует о подлинной дате начала вселенского летосчисления. Существование растворено во времени и пространстве и, кроме того, также иллюзорно в реальности, как и реально в иллюзии.

— Да, и мир, кроме данного парадокса, полон еще и других. Не обладая отчетливым объяснением определенных явлений, люди не склонны признать несостоятельность собственной мысли и подменяют ее верой. Так вполне оспоримое становится истиной, а доказательством, что принятое за основу суждение не обязательно является истинным, оказывается наличие еще нескольких противопоставляемых друг другу идей, каждая из которых претендует на абсолютность. Люди обособляются через разницу взглядов на те же самые вещи и воздвигают границы дальнейшего разобщения.

— Но радует то, что в образовавшемся океане разобщенности все-таки есть свои островки притяжения, и человечество не окончательно тонет в волне созданных противопоставлений.

— Остров не может вместить всех желающих. Но даже те, кто находит на нем убежище, предпочитает огородиться заборами и возвести заградительные баррикады.

— Где же находишься ты? Где-нибудь в океане или в глуши неизвестного острова?

— Скорее всего, я путешествую в поисках мирной гавани... той, где найдется место для пусть иллюзорной, но столь возжеленной мирской гармонии. Все-таки хочется верить, что обозначенная утопия может стать чьей-то обителью.

— Главное, чтобы изысканность этих мечтаний не исчезала во время суровых реалий поиска. Помнишь, когда-то мы говорили о том, что унылое одиночество путника может стать менее тяжким, если его разделить с таким же, как он искателем?

— Мы решили тогда, что есть смысл в таком союзе.

— Время слов истекает, чтобы уступить полномочия делу,— вкрадчивым тоном, словно производя разведку местности, промолвила Мэри.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Кристиан.

— Нам в ближайшее время нужно жениться.

— Друг на друге или вообще?

— Вообще-то я имела в виду друг на друге.

— Это что, твой особый способ стать добрым попутчиком?

— А какие твои предложения?

— Ну, есть разные альтернативы такой коалиции...

— Мистер Орсон сделал мне предложение...

— Так при чем здесь в таком случае я?

— ...предложение выйти замуж не за него, а за тебя.

— И от этого, как и всего остального, что связано с Орсоном, ты отказаться не можешь?

— Он хочет видеть меня счастливой и связывает это не только с самими деньгами, но и с той целью, ради которой я буду ими распоряжаться. Он был всю жизнь одинок и считает, что деньги конкретного человека имеют единственно правильное предназначение — использовать их для семьи.

— Что же можно было сказать обо мне такого, что заставило мистера Орсона выбрать меня в качестве лучшей кандидатуры твоего семейного счастья?!

— Ему кажется, что я в тебя влюблена. И, по его словам, он всегда безошибочно видит влюбленность женщины.

— Остается узнать, что кажется нам, или может это не важно?

— Важно все, Кристиан, но пойми, мне хотелось бы не доставлять никаких огорчений уходящему от нас в мир иной человеку. И поверь, даже в этом случае мне отнюдь не безразлично, с кем связать свою жизнь. Но сейчас говорить о любви не лучшее время.

— Интересно, я раньше всегда полагал, что о любви говорят намного больше до свадьбы, чем после нее.

— Настоящее чувство открыто для обсуждения вечно, до скончания дней разделивших его влюбленных!

— Это откуда?

— Да ниоткуда, из головы!

— Неплохо! Но теперь для меня особо неповторимое звучание приобретает другая фраза, точнее строчки из песни...

— Какой?

— «Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь...»

— Надеюсь, тебе не придется проходить через этот опыт в будущем! А я постараюсь сделать песню своего рода гимном, звучание которого не утратит своего волнующего значения и сохранит первозданную прелесть при каждом моем исполнении!

— Ты специально готовилась к этому разговору или просто умеешь так обворожительно изъясняться?

— Я думала о тебе больше, чем о самой беседе, именно потому мне удастся звучать по-особенному.

— И когда мы должны скрепить печатью и прилюдно засвидетельствовать наши ставшие непреодолимыми чувства?

— Мистер Орсон просил сделать это в течение месяца после его отъезда в Америку.

— Ты проводишь мистера Орсона в последний путь на его родине?

— Мы пока не говорили об этом, у нас все-таки есть какое-то время для обсуждения грустных деталей. И мне очень хотелось, чтобы ты согласился принять мое предложение, прежде чем я сама окончательно соглашусь и приму предложение мистера Орсона.

— Что ж, придется поговорить о любви после свадьбы, если, конечно, представится подходящий случай.

— Я вообще-то сторонница той любви, о которой хочется говорить даже в неподходящее время. Постарайся вспомнить об этом в будущем.

Кристиана радовало сближение с Мэри, но он не предполагал, что оно начнется с официального подтверждения невысказанных ими чувств. Он понимал, что и Мэри не стала бы торопиться, но ее подталкивали обстоятельства. Что бы то ни было в будущем, Кристиан, доверившись Мэри, решил, что в добровольном плену притягательной дамы находится гораздо лучше, чем в заложниках заточающего одиночества.

6

Мэри договорилась о встрече с мистером Орсоном. Он подждал ее в небольшом местном пабе, располагавшемся неподалеку от центра, в одном из тех, что всегда переполнены посетителями в позднее время суток, но в дневные часы заметно немногочисленны. Мэри считала долгом как можно скорее рассказать мистеру Орсону о разговоре с Кристианом. Орсон обрадовался, когда узнал, что Кристиана не возмутило несколько дерзкое для многих холостяков предложение, и с какой-то едва уловимой торжественностью взглянул на Мэри.

— Жаль, что не стану свидетелем вашей свадьбы, но как ты помнишь, я, хоть недосягаемо и незримо, тем не менее, буду рядом,— сказал мистер Орсон.

В глазах девушки стояли слезы волнения:

— Мне тоже грустно, что мы не сможем друг друга видеть...

— Как бы то ни было, время отводится в точном соотношении с установленной гарантированной предопределенностью. Стоит ли волноваться о ходе стрелок, немолимо движущихся по заданному циферблатом маршруту?

Мэри в который раз восхитилась способностью мистера Орсона к метким оценкам и тонкой иронии. «Вот кто бы мог посочувствовать Кристиану со знанием дела,— подумала она и продолжила свою мысль,— но зато я могу постараться стать Кристиану обителью, берегающей его от скитаний».

Между тем мистер Орсон начал посвящать Мэри в детали своего предложения. Он сказал, что теперь вернется в Америку, чтобы там умереть, проведя отведенный остаток отмеренной ему жизни. Кроме этого, ему необходимо успеть организовать все для будущего вступления Мэри в наследственные права и подготовить соответствующие бумаги, прежде всего, задействовать своего адвоката, поставить в курс дела

доверенного человека в банке и такого же, как в прошлом он, агента по продаже недвижимости.

Мэри нужно будет приехать позднее и поставить свои подписи в подготовленных для нее документах. Мистер Орсон хотел, чтобы Мэри не утруждала себя в этом деле, и поэтому взялся оформить все сам, без ее активного вовлечения в бумажную волокиту. Он при этом сказал, что если сам не успеет доделать начатое, его люди будут готовы помочь ей во всем остальном.

Орсон также просил, чтобы Мэри не искала его могилу, объяснив это тем, что таким образом он останется, как бы жив для нее и ему самому будет легче дожить до последнего дня:

— Пусть реальность моего ухода остается иллюзией для тех людей, кто мне дорог...

— Может это и неуместно сейчас говорить, но извечное соотношение иллюзии и реальности помогает находить объяснения каким-то событиям и не мучиться неприятием несовершенного мироустройства,— сказала Мэри, мысленно казня себя за некую вымученность произносимых слов, будто она сдавала экзамен, пытаясь убедить преподавателя в своих познаниях.

— Жаль, что у нас было так мало времени для ведения подобных дискуссий, но надеюсь, у вас с Кристианом оно найдется.

— У нас также нашлось бы время для посещения места упокоения дорогого нам человека,— попробовала предложить Мэри.

— Не тревожься об уходящем, лучше думай о будущем в память о нем,— назидательно произнес Орсон.— О последнем месте моего земного пристанища позаботятся другие люди. От вас с Кристианом потребуются много иных забот в вашей новой жизни. Кстати, у вас есть визы для въезда в Америку?

— На сегодняшний день у меня пока нет. Кристиану тоже надо будет лететь со мной в США?

— Ну, обычно влюбленные молодожены совершают поездки вместе, кроме этого, мне бы хотелось, чтобы вы провели там медовый месяц. Сколько времени вам понадобится для получения виз?

— При удачном раскладе как минимум две-три недели с момента подачи всех документов. У меня есть подруга в Москве, в турагентстве, мы обратимся к ней.

— После того, как у вас все будет готово, мой адвокат будет ждать тебя в Сан-Франциско. У него я оставлю письмо для тебя,ознакомишься с содержанием по прибытии. Если что-то покажется тебе странным, то ты не волнуйся, все, что написано там, сделано для твоего блага в будущем.

— Мы еще сможем увидеться?

— Да, мне же необходимо быть в курсе твоей готовности, чтобы согласовать ее с моей собственной.

Мэри встретила с Кристианом. После их разговора о перспективе расписанного для них будущего, она чувствовала потребность рассказывать Кристиану обо всем, обсуждаемом ею с Орсоном.

— У тебя есть виза для въезда в Америку? — после небольшого вступления спросила Мэри.

— Пока нет, и догадываюсь, что это следовало бы исправить,— сказал Кристиан.

— Чем скорее, тем лучше, поэтому до поездки в Штаты нужно лететь в Россию сразу по двум причинам: делать визы и совершить надеюсь приятный для нас обряд свадебного обручения.

— Я могу позволить себе прервать занятия по английскому языку, а как ты объяснишь свой отъезд в отеле?

— На все путешествия может уйти неопределенное время, и мне, возможно, придется уволиться, сказав что-нибудь о внезапно возникших семейных проблемах.

— Прямо в точку, если ты имеешь в виду нашу свадьбу как церемонию добровольного заточения в клетку семейного счастья,— иронично заметил Кристиан.

— Ты когда-нибудь станешь серьезнее в отношении нашего предприятия? — поддерживая его тон, спросила Мэри.

— Мне казалось, что, согласившись в него вступить, я вообще потерял способность к шуткам.

— Не волнуйся, ты по-прежнему ярк в своей иронии. Я согласна ее терпеть, если это — твой самый большой недостаток.

— Постараюсь поддерживать в тебе эту надежду.

— Кстати, размышляя об открывающемся для нас будущем, я подумала, что неплохо хоть в чем-нибудь к нему подготовиться, и поэтому предлагаю тебе попрощаться с «хоромами» твоего нынешнего обиталища и поселиться в мою обитель. Я, конечно, помню, как ты радовался переезду в отдельную со всеми удобствами комнату, а теперь приглашаю тебя вернуться в прошлое общего пользования и делить со мной даже кухню, но в качестве утешения могу заверить, что у тебя все-таки будет одна отдельная комната — спальня.

— Ну, тогда я с огромной радостью приму твое предложение, раз возможность иметь отдельную спальню у меня, похоже, никто не отнимет. Я вот только не знаю, как мне выразить свою благодарность тебе.

— Ничего, придумаешь что-нибудь позже, а пока вернемся к более важным темам. Мистер Орсон сказал: у нас будет много приятных хлопот, и мне грустно не только из-за того, что такой добрый и благородный человек покидает нас, но и оттого, что ничем не могу его отблагодарить, даже просто прийти на его могилу.

Кристиан удивленно вскинул брови:

— Почему ты не можешь туда прийти?

— Он сказал, что ему будет так легче...

— В чем же?

— Он хочет оставить меня в иллюзии по поводу его смерти. Знаешь, он одобряет тех, кто не приходит на похороны и на могилу. Не видел всего этого — значит, вроде как человек и не умер...

— Что ж, по крайней мере, его нельзя упрекнуть в отсутствии оригинальности.

— Ладно, как ни грустно, но давай-ка готовиться к печали событий.

— Будем строить какие-то планы по вступлению в нашу новую жизнь или просто слетаем в Россию? — спросил Кристиан.

— Для начала — в Москву, а затем из нее в Сан-Франциско, если не возражаешь, там мне нужно прочесть письмо, исходя из которого мы и построим планы.

7

До поездки в Москву Кристиан переехал к Мэри. В оставшиеся пару дней до отъезда они успевали, проводя какое-то время дома, в основном в безмятежном убранстве сада, побродить немного в окрестностях, наслаждаясь великим уютом природы и возможностью видаться не расставаясь. Мэри старалась во всем, что касалось вопроса любви с Кристианом действовать и вести себя осторожно, помня терзания Кристиана школьной поры, до сих пор оставлявшие свой отпечаток на его отношении к женщинам и считала, что сделала правильный вывод, когда поняла, что ему присуще желание проходить через определенную платоничность в любви. Мэри также решила, что время физической близости еще не настало в той полной мере, когда она происходит естественно, а не с известной долей намеренности, и, откровенно

сказав Кристиану об этом, была уверена, что некоторое замедление отношений в той ситуации, что сложилась, будет полезнее для них в будущем. Их интерес друг к другу при этом стал еще более возрастать, преобразовываясь в искреннее доверие.

Скоро им предстояло на время вернуться в Россию, Мэри и Кристиан не были там уже целый год. Чувство тоски на чужбине переносилось теперь ими легче, когда они были вместе и, имея возможность наполненного общения, выражали любые мысли и понимали друг друга.

Накануне отъезда в Москву Мэри встретила с мистером Орсоном. Расставание было заведомо грустным событием, и они постарались не говорить о разлуке. Мистер Орсон сказал, что готов к переходу в неосознанный мир и просил Мэри лишь об одном — сделать все то, о чем они договаривались. Он напишет в своем завещании, что его наследница должна состоять в замужестве, и поэтому ей необходимо привезти документ, подтверждающий ее выход замуж, и показать его адвокату.

Утро отъезда настало, и они ощутили его торжественность. Свежесть росы пробудила природу, нежные ветви деревьев в саду неторопливо покачивались, тронутые тихим приветствием ветра. Они завтракали на природе за окнами дома, и Кристиан впервые не ощутил той щемящей тоски, что мучительно тяготила его доньше. Мэри сидела с ним рядом и в облачении простой домашней одежды выглядела не только не менее привлекательной, чем в искусном вечернем наряде, но и еще больше манящей. Утренний свет, преломляясь в ее глазах, распространялся повсюду и Кристиан упиался его завораживающими лучами. «Вот когда поиск чего-то большого теряет свой смысл, сталкиваясь с обладанием маленьких, но всепоглощающих радостей», — подумал Кристиан и благодарно взглянул на Мэри. Время отъезда стремительно приближалось и торопило прервать воцарившуюся идиллию.

В аэропорт было удобней добраться на одном из автобусов, уходящих из центра города. Остановка, где Мэри и Кристиан ожидали автобус, находилась неподалеку от воздвигнутого на одном из пересечений центральных улиц металлического штыря, называемого местными жителями «спайк» (*spike* в английском эквиваленте). Возносящийся в небо стержень по задумке властей и архитекторов оказался самым длинным во всей Европе столбом, заостряющимся по мере своего устремления вверх. Конструкция, состоящая из соединенных между собой и сужающихся в своей верхней части наборных элементов, образующих металлическую трубу, представляла загадкой в том смысле, что ее вид поражал отнюдь не строгой изящностью своей формы и светящимся в темноте наконечником, а бессмысленностью одиноко стоящей гигантской иглы, будто воткнутой Гулливером в землю страны лилипутов. Применение ей нашлось у путешествующих туристов, которым она служила безошибочным ориентиром.

Подошедший вскоре автобус, разместив пассажиров, отправился в сторону аэропорта. За окнами замелькали дома, и еще не совсем проснувшийся город стал таять по мере движения.

Аэропорт как обычно являл собой образ кишашего людьми муравейника, где каждый стремился скорее попасть на борт долгожданного самолета, особенно если его вылет задерживался. Любители не терять отведенное на дорогу время даром, использовали его в основном на подъем своего настроения путем частой дегустации горячительных, по большей части, крепких напитков. Некоторые, войдя во вкус, теряли интерес ко всему остальному и, оказываясь в самолете, предпочитали, не дожидаясь его ухода в небо, уйти в себя и погружались в сон.

Для Кристиана и Мэри остававшиеся до приезда на родину считанные часы были по-своему упоительны. Мысли и чувства переплелись в единый клубок не высказываемого вслух, и они, приятно взволнованные охватившим их настроением, время от времени вглядывались друг в друга, словно пытаясь прочесть свое будущее.

Выдержав многозначительную паузу, самолет, недовольно поерзав и фыркнув, стал выруливать на указанную ему полосу взлета и, с кряхтением пробежав небольшую дистанцию, взмыл, прорезая воздух, вверх.

Прежде чем лечь на пушистую гладь облаков, лайнер взбирался на ту высоту, где он сможет, предавшись объятиям белых просторов, парить, обводя внимательным взором представшее перед ним пространство пуховых перин, взбитых умелой рукой хозяйки или хозяина.

Специалисты в вопросах аэродинамических взаимодействий с легкостью объясняют способность тяжелой стальной махины передвигаться по воздуху, что для не знатока всегда оставалось загадкой, но никто до сих пор не сумел однозначно заверить каждого, как и откуда возник простор поднебесья.

Представивший за иллюминатором вид раскинувшегося величия приводил наблюдающего за ним в восхищение и невыразимый восторг, смешиваемый с чувством собственной незначительности по сравнению с видимым, но недостижимым миром вселенной. Воистину велик Создатель, позволяющий существовать очевидной парадоксальности мироустройства не только в любопытствующих умах, но и на самом деле.

Времени до приземления оставалось немного и, отвлекаясь от ускользающей близости некоего потустороннего мира, Мэри и Кристиан стали готовиться к встрече с Москвой. Год разлуки вселил в них большие мысли о потребности человека чувствовать присутствие родины, быть в привычной для них атмосфере, окружающей ощутимым теплом. Жаль, что родина не баловала также теплом погоды, но четыре разных сезона делали ее по-своему уникальной именно благодаря разнообразию. Не дарила страна и удобных для всех условий быта, но духовное наполнение представало во всем богатстве и являлось значительной ценностью в целом вселенских масштабов.

Самолет, неохотно соскальзывая с пуховой постели облачного пространства, покачнулся и приступил к снижению. Вдалеке показались постройки пригородных поселков. Большинство домов были выше и больше ирландских и уверенно возносили свои мощные крыши в небо. Облик более крупной страны вырисовывался во всем.

Встреча с городом будет еще нескоро, но зато в аэропорту они смогут увидеть кое-кого из близких — отец Мэри приедет ее встречать. Кристиану предстояло знакомство с одним из самых дорогих для Мэри человеком. До сих пор никто из родителей, а тем более ни один из родственников, не знал о предстоящей свадьбе и не догадывался о готовящемся сюрпризе. Как воспримут близкие им люди новость, было пока не известно, но Кристиану верилось, что любое событие, доставляющее радость ему и Мэри, будет в значительной мере радостным и для родных.

Воздушная посуда тем временем прорвалась сквозь хлеставшие волны облаков и, прикоснувшись к земле, с дрожанием покатила по настилу посадочной полосы. Время, отмеренное для пребывания в бездне небес, закончилось.

Мэри и Кристиан обрадованно обнялись и поспешили к выходу. Будничная суета сразу повергла их в свой поток и, охваченные волнительным чувством прикосновения к родине, они с трепетным предвкушением ожидали будущих встреч и событий.

Мэри увидела своего отца, когда он, держа букет белых роз, выдвинулся из толпы встречавших. Она нежно поцеловала его, и он не хотел выпускать ее из своих объятий. Кристиан стоял рядом и по-своему переживал волнующую сцену. Он отметил, что у Мэри было определенное сходство с отцом в отдельных чертах лица, кроме этого, ее отец, как и она, был выше среднего роста, худощав, подтянут и атлетически сложен. Мэри представила Кристиана отцу, и все вместе они направились из аэропортовой тесноты в поджидавший их за дверями мирской круговорот.

Расположившись на задних сиденьях автомобиля отца, Мэри и Кристиан наблюдали за улицами Москвы. Столпотворение и движение города сопровождало их мыс-

ли и ощущения и придавало настрой приобщения к окружающей их атмосфере земной занятости.

Мэри и Кристиан решили, что день приезда они проведут порознь, и встретятся сразу на следующий, чтобы приступить к их совместным делам. Прежде всего, нужно было заняться организацией быстрого получения американской визы и скорейшего оформления свадьбы. Связи и деньги решают почти все проблемы, и им понадобится испытать магию действия этих «волшебных палочек». К счастью, у Мэри было к кому обратиться и в турагентстве и в загсе.

Следующим утром они ощутили восторг от свидания не на чужбине. Летние дни, во время которых Мэри и Кристиан прилетели в Москву, были теплыми и дополняли их наслаждение каждой минутой встречи. Не говоря о любви, они чувствовали ее присутствие и довольствовались внутренним переживанием, не облачаемым в робкую форму слов.

К свадьбе каждая женщина любит готовиться долго, тратя время на самые пустяковые, но приятные хлопоты, а от Мэри потребуется на подготовку всего несколько дней. Она сделает их по-настоящему яркими и насыщенными, но не в смысле поиска и покупки белоснежного платья и соответствующих ему, и в целом, событию туфель, а с точки зрения чувственного наполнения. Кристиан должен знать, что она делает это не только лишь ради мистера Орсона. Если бы обстоятельства складывались по-иному, Мэри, конечно, хотела бы испытать предвкушение радости и волнующую торжественность свадебной церемонии, но у них с Кристианом ее не будет по причине отсутствия времени, и она сказала себе, что обойдется без девичьих вздохов. Скорость, с которой теперь разворачивалась часть ее новой жизни, тем не менее, забавляла и занимала ее, внося заметное разнообразие в прежний размеренный ритм. Кроме того, она чувствовала, что Кристиан обретает отчасти утраченный интерес к своей жизни, и вдохновлялась его настроением. Дух приключения вел их все дальше дорогой в неясное будущее, становясь для них путеводной нитью. Все, что задумывалось успеть сделать во время короткого пребывания, было необходимой рутинной, готовящей Мэри и Кристиана к дальнейшим хитросплетениям жизни. Выбор они уже сделали и теперь неуклонно следовали ему.

Дни пролетали столь незаметно, что заставляли острее почувствовать краткость спланированного ими визита. Они отпраздновали свой наскоро заключенный союз в кругу родителей, объясняя свою поспешность необходимостью совершить деловую незапланированную поездку в Америку. Вскоре у них были все требуемые документы, и они стали готовиться к дальнейшему перелету в Штаты в новом для них качестве молодоженов. Очередное расставание с родителями и со страной было для них грустным, но закономерным событием. Мэри и Кристиан не знали, сколько теперь пройдет времени, прежде чем они снова приедут на родину и не предполагали того, что на исполнение просьбы мистера Орсона уйдет значительно больше времени, чем им казалось сначала.

8

День, открывавший для Мэри и Кристиана одну из дверей, отделяющих от вступления в незнакомые сферы будущего, наступил. Им предстояло лететь в Сан-Франциско.

Долгий полет предусматривал длительное пребывание в нарядном убранстве небесных владений, на рассвете и во время заката можно увидеть, как горизонт принимает багряные, розовые и оранжевые оттенки, а сонный мир облаков предстает в синеватом цвете. Смена мирских декораций явно всегда уступает по красоте содержания перемене небесных тонов, словно бесцветное изображение, не гармонирующее с яркостью обрамления.

Поднявшись в пространство неба, самолет окунулся в палитру меняющихся во времени красок и, наслаждаясь скольжением, двигался вверенным ему курсом. Сонность ночных небес передалась Мэри и Кристиану, и они, налюбовавшись красотой небосвода, постепенно впадали в неглубокую дрему. Через какое-то время вдалеке показались очертания прибрежного города, расстояние до которого стало стремительно сокращаться, и минутами позже Сан-Франциско принял их в свои объятия.

Прибыв в город, Мэри и Кристиан поселились в одной из гостиниц неподалеку от центра. Через день Мэри должна была встретиться с адвокатом мистера Орсона.

Оказавшись в одном из красивейших мест планеты, они не торопились сразу его исследовать и решили повременить с изучением города. Отпраздновав свой приезд в большом ресторане и прошедшись по центру, молодая пара решила вернуться в отель, чтобы снова отметить прибытие, но уже в уюте гостиничной комнаты. По дороге они купили калифорнийского вина, шоколад, немного пирожных и фрукты. Номер их находился достаточно высоко, но полновластно хозяйничавший в воздухе подступивший туман застилал собой все доступные взору при ясной погоде красоты блистательного Сан-Франциско.

Разница часовых поясов позволяла оказываться в Америке почти на половину дня раньше тем, кто летел из России, будто они не тратили время на перелет. Взгляд на стрелки часов подтверждал зримый эффект обгоняемого людьми времени, но организм продолжал жить привычным ему отсчетом, и в первые дни по прибытии режим сна в дальней стране нарушался, заставляя уже с середины ночи бодрствовать.

Кристиан принял душ и, выйдя из ванной комнаты, подошел к Мэри, стоявшей возле окна. Она нежно взглянула на Кристиана и попросила его разлить по бокалам вино, пока она будет плескаться под душем.

Он включил телевизор и нашел музыкальный канал. Через некоторое время в комнату возвратилась Мэри. На ней был одет легкий бежево-розовый короткий халат. Волосы выглядели еще пушистее, взгляд пламенел, и Кристиан в ту минуту увидел, что цвет ее глаз переливался каким-то особым зеленым оттенком. Мэри смотрела ему в глаза с томным, манящим, и при этом застенчивым выражением, так что он ощутил желание бережно сжать ее в крепких объятиях. Больше они не хотели удерживать себя от возникающего порыва тел, и отдались сдерживаемому до сих пор наслаждению полного обладания. Нежные прикосновения откликались трепетной дрожью в их тесном сплетении. Услаждая друг друга, они предавались упоению забытья. Мэри всем телом почувствовала, что Кристиан доставляет ей внутреннее блаженство, и не стеснялась нахлынувших и пробегающих сквозь нее содроганий, волнам услады уже невозможно было противостоять, и она погружалась все дальше в желанную бездну.

Мэри и Кристиану страстно хотелось остановить проносящееся параллельно всему остальному время, чтобы в непрерываемой, неограниченной безраздельности посвятить его только друг другу, но утопия их желания оставалась в глубинах недоступной иллюзии.

— Ну что скажешь теперь о союзе разгоряченных сердец? — не отрывая своих объятий от Кристиана, спросила Мэри.

— Проверим, не потерял ли я способность выражаться витиевато: рожденный в терниях близости и скрепленный пленением тел союз наш отныне будет являть собой единение сладкого свойства!

— Да, что-то типа этого, рада быть у истоков приятного начинания!

— И заметь — продолжение следует!

— Но давай не сейчас, нам лучше немного поспать. Завтра, а точнее уже сегодня мне встречаться с одним из людей мистера Орсона.

— Что ж, причина серьезная, хоть и жаль, что следует подчиняться каким-то другим событиям.

— Ты ведь знаешь, что в этом и есть неустройство всего мироздания.

— В чем в этом?

— Случайность переплетается с закономерностью...

— Ну а мы тут при чем?

— При том, что нужно уметь жить иллюзией в горькой реальности так же, как и реальностью в сладкой иллюзии! Мы ведь сможем с тобой придерживаться данной зависимости?

— Ну если до сих пор это нам удавалось, теперь тем более остается не замечать появляющихся препятствий!

— Ну вот и отлично!

Время, отведенное на сон, пролетело одним мгновением. Оживляющий душ придал Мэри приятной утренней бодрости, соревнующейся с ощущением сладкой исто-мы, разливающейся по ее телу. Она вышла из ванной комнаты и, придерживая по-лотенце, посмотрела на свое отображение в зеркале. Ночь любви запечатлелась не только в сияющем блеске глаз, но и также во всем ее лице. Она подмигнула своему отражению, скинула с себя полотенце, потянулась и одела халат. Обернувшись, Мэри заметила, что Кристиан с интересом наблюдает за ней.

— Значит, ты притворялся и делал вид, что спишь, когда я тут расхаживала без одежды? — кокетливо спросила она.

— Я боялся спугнуть тебя и не мог оторваться от зрелища.

— Ты знаешь, живя в одиночестве, я позволяла себе ходить не одетой по дому, уж не знаю, как быть теперь, ведь с привычками так тяжело расставаться.

— Не хочу стать причиной твоего малейшего недовольствия и поэтому предлагаю сохранить твой невинный обычай.

— Я догадывалась, что он будет тебе по вкусу, — сказала Мэри и, устроившись в кресле, стала листать свою записную книжку.

Позволив адвокату мистера Орсона, Мэри выяснила, что его офис находится приблизительно в тридцати минутах ходьбы от гостиницы, и что если она не возра-жает, ему будет удобно встретиться с ней через два часа. Голос говорившего с ней по телефону человека был тверд, четкость фраз подтверждала принадлежность его об-ладателя к деловому миру. Мэри задумалась о назначенной встрече. Она чувствова-ла, что стоит на пороге каких-то новых событий, но пока не могла отчетливо разо-браться в своем отношении к ним. Кристиан сказал, что проводит Мэри до здания, в котором находится офис, и подождет ее возвращения, прогуливаясь по прилегающим улицам.

Мэри и Кристиан решили выйти заранее, чтобы немного исследовать близлежа-щий район. Выйдя в город, они ощутили свежесть океанского воздуха и прохладу игривого ветра. Пройдя какое-то расстояние, они обнаружили, что отдельные улицы располагались под углами друг к другу, образуя подъемы и спуски, и подумали, что если их завалить толстым слоем снега, можно будет кататься как с горок на санках и лыжах. С горок там не катались, но зато по наклонным улицам ходили трамвайчики, и на них можно было проехать, «вися на подножке». Позже Мэри и Кристиан узна-ли, что Сан-Франциско построили на холмах, и поэтому он таил под асфальтом воз-вышенности. Своеобразное переплетение подъемов и спусков создавало своего рода запутанный лабиринт для неопытных первопроходцев, и они заблудились. По дороге Мэри и Кристиан успевали обозревать открывавшиеся вдали океанские виды и уже намечали свой план изучения города. Вскоре им удалось дойти до указанного на ли-сточке бумаги адреса, и они оказались в назначенном месте. Дальше Мэри следовало идти одной, Кристиан будет ждать ее неподалеку.

Дверь просторного кабинета распахнулась почти в тот момент, когда Мэри в нее постучала. На пороге стоял человек выше среднего роста, худошавый, одетый в тем-

но-серый, сшитый из дорогого материала костюм. На вид ему было не больше пятидесяти лет, редкая седина пробивалась сквозь черные волосы. Взгляд его был уверенным и в некотором роде пристальным, он улыбнулся и пригласил Мэри пройти в кабинет. Господин представился Джоном Дэдлоком, адвокатом мистера Орсона.

Для начала он спросил ее о том, как прошла свадьба, и, соблюдая формальности, попросил показать ему подтверждающий документ о замужестве. Мистер Дэдлок сказал Мэри, что он немного владеет русским, и поэтому сможет прочесть содержание без переводчика.

Убедившись в подлинности документа, он вернул его Мэри, предварительно сделав копию. Выждав паузу, адвокат произнес, что неделю назад мистер Орсон умер.

До последнего дня Мэри не хотелось верить, что ей придется так скоро услышать об этом горестном событии, и теперь, когда надежды уже не осталось, ей предстоит действовать, выполняя просьбу покойного. Адвокат Дэдлок вручил ей завещательное письмо мистера Орсона. Прочитав его, она поняла, что не все сказанное мистером Орсоном устно соответствовало строкам его письменного послания к ней.

По условиям завещания, Мэри вступит в наследственные права по владению основной части наследства только в том случае, если она приумножит первую, меньшую часть в пять раз. Двести тысяч американских долларов, ожидающих ее в банке, должны стать миллионом в течение полугода. Кроме этого, чтобы получить главную, большую часть наследства в три миллиона долларов, ей потребуется доказать свое умение быть сдержанной в тратах и держать изначальную сумму денег в полном объеме двухсот тысяч на том же счету. При этом она сможет снимать не более пятидесяти тысяч долларов на период не более суток, и по истечении двадцати четырех часов обязана возвращать их на счет либо с прибылью, либо без, не забывая того, что через полгода сумма должна, тем не менее, увеличиться. Допускается оставлять получаемые из прибыли небольшие наличные суммы, но не более двух с половиной тысяч долларов ежемесячно на текущие расходы. Сделав отступление, мистер Орсон заметил, что в этом пункте он полагается на ее личную честность и добропорядочность, так как в отличие от всех остальных условий его завещания соблюдение этого небольшого предписания управляющий счетом в банке не сможет проконтролировать.

Банк, в котором находятся деньги, располагался в Лас-Вегасе, там, где Мэри по истечении шести месяцев при условии выполнения обязательств, сможет вступить в безраздельное пользование переходящим ей домом. Тем не менее, до оформления права собственности на дом Мэри может в нем проживать.

Мистер Орсон считал, что деньги, падающие с небес, могут оказывать на людей непредсказуемое воздействие, и просил Мэри правильно воспринять его намерение не сразу, а постепенно предоставить ей все богатство, объясняя это своей подлинной заботой о ней. Он надеялся, что Мэри его не подведет и сумеет найти способ для приумножения денег, и тогда он возрадуется на небе, как когда-то был счастлив, общаясь с ней на земле.

Дочитав завещание, Мэри поблагодарила адвоката мистера Орсона за то время, которое он ей предоставил, и спросила его о том, что теперь в первую очередь следует делать. Господин Дэдлок ответил, что в течение следующих двух недель ей желательно побывать в Лас-Вегасе, где в указанном мистером Орсоном банке ее будет ждать доверенный человек. Попрошавшись, она покинула кабинет.

Кристиан ожидал Мэри на улице, и она поспешила увидеться с ним. Освежающий ветерок ободряюще подействовал на Мэри, и она радостно приветствовала Кристиана.

— Ты не выглядишь утомленной, и даже наоборот, пребываешь в загадочной возбужденности,— обратился к ней Кристиан.

— Ты ведь помнишь, как мы говорили о поглощающей тине унылой спячки, о

радости оказаться в просторах большого плавания и о том, что тоска затмевается радостью какого-нибудь начинания?

— Мы это говорили? Ладно, куда ты клонишь?

— Мне сдается, что скоро мы затоскуем по прелестям прозябания.

— Ты продолжишь свою интересную мысль или хочешь послушать мое философствование?

— Сохраним философский подход для дальнейших событий, а сейчас предлагаю послушать введение к предстоящему действию. Я говорила тебе, что мистер Орсон был человеком своеобразного свойства и, по всей видимости, пожелал оставаться им после смерти. Он считает, что деньги могут доставить мне зло, если я не готова к их обладанию. Проявляя волнительную заботу, он решил передать мне наследство частями, предлагая на деле обосновать мое право владения крупными суммами денег. Для начала мне предстоит увеличить полученные полученные двести тысяч в пять раз, и на это должно уйти не больше полгода. Если мне удастся разбогатеть и не тратиться в ходе обогащения, мне откроется доступ к главной части наследства.

— Мистер Орсон действительно своеобразен, а ты просто кладешь сюрпризов, ты хоть когда-нибудь можешь обходиться без них или ты хочешь свести своего компаньона с ума, прежде чем, он, может быть, заработает деньги?!

— Рада, что ты не теряешь способность шутить, но пора бы помыслить о серьезной задумке и о нашем участии в ней, если не возражаешь.

— Первое, что приходит мне в голову — это вложение денег в акции, но для получения прибыли в этом случае потребовалось бы умножать значительно больше, чем в пять раз, и не деньги, а отведенные нам полгода.

— Варианты, связанные с вложением денег нам не подходят, я не успела тебе сказать, что мне разрешается снимать не более чем на сутки не больше пятидесяти тысяч долларов.

— О, так это значительно упрощает задачу и тебе всего-навсего следует выучиться волшебству и совершить какое-нибудь чудо!

— Мы рассмотрим эту возможность, когда исчерпаем другие, а пока может что-то еще посетит твою светлую голову?

— Помня твою приверженность сюрпризам, на всякий случай хочу спросить, может, ты забыла еще что-нибудь рассказать?

— Не угадал, все остальное лишь маленькие детали — сколько мне тратить в месяц, возможность пожить в Лас-Вегасе, в смысле, что если мы увеличим деньги, мы унаследуем там дом.

— Дом в Лас-Вегасе?! Совсем незначительная подробность для непосвященного человека! Тебе на удивление легко передалась манера мистера Орсона постепенного приобщения к главному, видимо, в качестве компенсации за труды по добыванию денег!

— Как там в «Здравствуйте, я ваша тетя»: «...должна же я была его хоть капельку помучить», к тому же нельзя выкладывать сразу все свои карты на стол, как говорят игроки.

— Ты права, игроки порой произносят много мудрых вещей и теперь, нам, возможно, придется почаще прислушиваться к их мыслям.

— Потому что их много в Лас-Вегасе или какой-то другой причине? — поинтересовалась Мэри.

— Как насчет того, чтобы немного пожить в Лас-Вегасе? — спросил Кристиан.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что мы станем играть на деньги?

— В карты мне никогда не везло, но у меня появилась кое-какая идея.

— Теперь ты будешь мучить меня постепенным введением в ход твоей мысли?

— Мне сейчас хотелось бы немного отвлечься, прогуляться у океана, посидеть в каком-нибудь ресторанчике, — сказал Кристиан.

Мэри и Кристиан подошли к местечку Саусалито — милому городку вблизи Сан-Франциско, ласково омываемому одной из вдающихся в сушу частей океана. В воздухе царил дух веселья и нескончаемого праздника жизни. На небольшой сцене готовили выступление музыканты, звучала музыка, и под открытым небом на согретой лучами солнца траве отдыхали люди, предаваясь спокойной расслабленности. Рядом в прибрежной воде колыхалась истрепанная временем лодка, и беззаботно рассевавшийся в ней хозяин наблюдал за бурливым весельем. Складывалось впечатление, что еще одно колебание волн и лодка рассыплется, но, хозяин, видимо, был большой оптимист, или попросту чтобы хоть как-то вписываться в торжественность обстановки, нанес на борт своего ветхого судна слово, гласившее в переводе с английского «*Непотопляемый*».

Вся атмосфера располагала к уюту и сладостному покою, особенно остро ощущаемого теми, кто понимал, что сказочные минуты пройдут, и им снова придется вернуться в круговорот рутины. Если бы сказку можно было продлить, Мэри и Кристиан отдали бы все богатства мира, чтобы остаться в ней и не возвращаться в реальность. Разместившись в траве, они наслаждались своей сопричастностью с окружающим празднеством.

Когда вечер сгустил темные краски, и зажглись огни фонарей, Мэри и Кристиан решили пройтись вдоль набережной, заполнившейся празднично прогуливающимися людьми, единственной заботой которых был выбор какого-нибудь одного из многочисленных ресторанов, где можно отведать вкусной морской еды. По дороге они направились на территорию пирса, где в томной ленивости своих тучных тел возлежали морские котики, изредка переползавшие с одного полюбившегося места на другое. Отчетливо показавшаяся вдалеке океана скала-остров тюрьмы «Алкатрас» не нарушила восторженности настроения одинокой тучей возникшей в безоблачном небе.

Мэри и Кристиан поужинали в ресторане, из окон которого можно было обозревать окрестности городка, и, выйдя на воздух, не торопились покинуть очаровывающее их место. Впереди ожидали события, для которых они пока еще не были в полной мере готовы, но намек Кристиана на появившуюся в нем идею вселял в Мэри успокоение и уверенность. Мэри и Кристиан понимали друг друга без слов и не спешили вторгаться в волнующую их тему будущего. До отъезда в Лас-Вегас еще было несколько дней, и они хотели использовать время с точки зрения прелестей медового месяца.

Побродив по ночному Саусалито и отведав там вкуснейшего мороженого, Мэри и Кристиан вернулись в гостиницу. Им хотелось забраться в постель и погреться в своих объятиях, и они, утомленные затянувшимся днем, не заметили, как, прильнув друг к другу, оказались во владычестве сна, но уже через пару часов также внезапно проснулись. Мэри приподнялась с подушки и, взглянув на Кристиана, прижалась к нему своим телом. Польшнувшая страсть овладела их нескрываемым притяжением, и они погрузились в сладкое безумие близости. Их медовый разгул продолжался.

— Нам приходится успевать больше, чем предполагалось, — через некоторое время игриво произнесла Мэри.

— Лучше быть на пике занятости, чем не у дел, не так ли? — поддерживая игривость, спросил Кристиан.

— А чтобы держать себя в лучшей форме, предлагаю развеяться в городе, — предложила Мэри.

— Тем более что там точно есть неизведанные нами красоты. Есть идея начать с «золотого» моста.

Побывать в Сан-Франциско означает, прежде всего, проехать хоть раз по навес-

ному над океаном мосту «Золотые ворота», соединяющему разделенную проливом сушу. Гигантский мост впечатляет не только мощной изящностью и элегантностью своих форм, но и цветом, являя приятный оранжево-красный оттенок, контрастирующий с синевой океанской глади. В нем присутствует тот магнетизм, что по мере приближения только усиливается, и приковывает взоры людей, как магнит притянул бы песчинки металла.

Мэри и Кристиан прокатились по чуду архитектурной мысли, высившемуся среди водных просторов, не только чтоб насладиться его красотой, но и чтобы с помощью распростершейся в воздухе красной дороги попасть в уникальный калифорнийский лес хвойных деревьев секвойи. В заповедном лесу рядом с гигантскими древними жителями планеты произрастали совсем молодые побеги, преображая своими зелеными стебельками строгую устремленность ввысь взрослых краснодеревных стволов. Мир нетронутой первозданности представал в полной прелести своего господства над цивилизацией и дарил радость общения с исключительными уголками природы.

— Ну как тебе Калифорния? — спросила Мэри у Кристиана.

— Если есть на земле красоты мира, то они притаились здесь! Для чего только существуют границы, превращающие доступность в ее отдаленность?

— Наверное, их возводят, чтобы не исчезала манящая новизна! Кого-то явно устраивает вечное притяжение к еще неизведанным штучкам.

— А как насчет обретенного? Оно теряет свою изначальную прелесть при полной доступности обладания?

— Мне кажется, если хотя бы часть обретенного воплощается в представлении человека в привлекательных по-новому формах, то оно сохранит свое притягательное начало.

— Наверное, в каждом случае это зависит от силы воздействия.

— Да, но все-таки люди склонны к самообману, и им свойственно иллюзорное восприятие больше реалистичного.

— Главное — не запутаться окончательно в прелестях одного и другого!

Возвращаясь, Мэри и Кристиан проехали через «Золотые ворота» и подумали, что, быть может, они не увидят моста в достигаемой близости снова, но сказали ему «до свидания», а не «прощай». Представший вдали Сан-Франциско призывно манил, зазывая продолжить знакомство. Они вспомнили, что в городе, кроме уклонов, подъемов и спусков, была самая зигзагообразно идущая улица мира, и, добравшись до места, захотели пройти пешком. По извилистой улочке можно было ездить и на машинах, и, медленно двигаясь между строениями домов, живой зеленой оградой и растущих там же цветов, автомобили единым потоком сползали к основанию заасфальтированного пригорка.

Прогулявшись в районе, Мэри и Кристиан стали искать незапутанную дорогу к гостинице и, увлеченные поиском, оказались среди небоскребов. Громоздкие возведения миролюбиво обозревали уличную жизнь города и с заботливым интересом поглядывали вверх. Они важно стояли в тесном соседстве с изящными, тонкими на вид зданиями и являли созданную со вкусом картину смешения старого с новым. В свите грузных и мощных сооружений возмечталась примечательно элегантная пирамида. При ее привлекательной внешности она сохраняла завидную строгость и, подойдя к ней вплотную, Мэри и Кристиан восхитились солидной крепостью ее стройного телосложения.

Умиленные необъятным размахом и многообразием города они вернулись в гостиницу. Завтра Мэри и Кристиан должны улетать в Лас-Вегас, их ждала новая событийность в по-своему обворожительном городе.

— Послушай, прежде чем засвидетельствовать почтение поверенному в делах

мистера Орсона в банке, мне бы хотелось хотя бы в общих чертах узнать, что за идея возникла в твоей голове для приумножения стартового капитала,— обратилась Мэри к Кристиану.

— Стоит ли беспокоиться о непродуманном до мелочей проекте, бледном наброске идеи?

— Именно с целью облачения эскиза в картину, если, конечно, уметь рисовать.

— Можно попробовать. Помнишь, я рассказывал тебе об угадывании цветов?

— Тему цветов мы еще не обсуждали...

— Обсудим! Так вот, касаясь ее, что тебе нравится больше — розы или рододендроны?

— Странное сопоставление... первые дарятся чаще, чем хотелось бы видеть вторые. Розы забавнее лепестковым строением, рододендроны неуловимей в оттенках. Я предпочла бы соединить их в букете, но мне кажется, ты хотел рассказать о каких-то других цветах?

— Да, но они не побалуют разнообразием цвета и не имеют особой структуры. Хочешь ли ты услышать о столь незатейливом воплощении?

— Если б оно было столь безыскусно, ты бы не стал так растягивать удовольствие...

— Какое же удовольствие?

— ...моего осторожного вовлечения в тайно вынашиваемую тобой мысль.

— Ладно, мне хотелось сказать тебе лишь о двух цветах — красном и черном.

— Надеюсь, ты не станешь пересказывать роман Стендаля?

— До того как сказала об этом ты, не собирался.

— Извини, что сбиваю тебя с пути.

— Ты уже сделала это несколько раньше, так что стоит ли волноваться по пустякам?!

— Ну да... так что ты хотел мне поведать о контрастирующих цветах?

— А какой из них тебе нравится больше?

— Я решу это позже, когда ты закончишь рассказ.

— Два меняющихся в неуловимой, на первый взгляд, последовательности цвета могут стать для нас всем или ничем, все зависит от степени нашего интереса. И если ты согласишься ввести некий риск в обязательный пункт программы, тогда я возьмусь за сведение к минимуму его появление.

— А поподробнее можешь?

— Я хотел бы, чтоб ты присутствовала на моих играх в рулетку.

— Каких еще играх?! Ты не перегрелся? Все-таки солнце, я понимаю!

— А у тебя есть идея получше?

— Нет. Но это ж не значит, что мы должны хвататься за что попало! И кстати, при чем тут цвета?

— В рулетке два цвета — черный и красный, я буду их отгадывать!

— Прямо вот так все бросишь и будешь отгадывать?!

— Да, у меня был опыт, я как-то тебе рассказывал!

— Ты что же, действительно думаешь, что можешь выиграть кучу денег в рулетку?

— И стать в играх со случаем его господином! Можно попробовать!

— Ты обалдел! Ты что, решил прокутить деньги Орсона?

— Да нет! Конечно, по статистике серьезные выигрыши бывают нечасто, но мы можем войти в число редких счастливых!

— Или многих наивных мечтателей.

— Червь сомнения точит плод сладостной мысли, значит, плод этот вовсе не плох!

- Неужели же нет других способов обогатиться? Без «обручения» с риском?
- А я только с ним и «обручаюсь» в последнее время!
- Опять твои шуточки!
- Пойми, у нас нет особого выбора из-за ограничения временем. Но когда мы разбогатеем, будет время подумать о продолжении и найти что-нибудь на твой вкус.
- Да... ну, предположим, ты будешь играть, а что делаю я?
- Ты находишься рядом и, делая лишь небольшие ставки на числа, тоже играешь, для видимости в основном. Кроме этого, заказываешь для меня чай или кофе, помнишь, «чтобы чаша не расплескалась»? Раньше я немного стеснялся играть в рулетку и поэтому не решался подолгу засиживаться за столом, мне хотелось, чтобы кто-нибудь из моих знакомых присутствовал на игре, так мне было бы легче высчитывать выпадение цвета. А теперь у меня есть ты, твое участливое присутствие делает игру успешной. Мне потребуеться сосредотачиваться на периодичности выпадения цвета, и хотя выигрыш за угаданный цвет ниже выигрыша за числа, я смогу гарантированно отгадывать только цвета.
- Ты основываешь успех на том, что цветов в отличие от чисел всего лишь два?
- Может, я бы мог иногда и числа угадывать, но все-таки лучше не стану. Я буду ставить только лишь на цвета.
- Ты, выходит, о многом подумал, это твой бледный набросок идеи?
- В целом да, остальные детали на месте. Ты согласна участвовать в предприятии?
- Не скажу, что я без ума от занятости твоего проекта, но знаешь, мне хотелось бы опровергнуть его безумие в деле!
- Бойтесь женщин, берущих в руки оружие, потому что они умеют стрелять не целясь! Но мне больше хочется видеть тебя оруженосцем, чем воюющим рыцарем.
- Я согласна, если мы не окажемся Дон Кихотом и Санчо Пансой!
- Не волнуйся, мир иллюзорных фантазий мы на время оставим.

МЕДИЦИНСКИЙ РАССКАЗ И НОВЕЛЛА

От редакции: Медицинский рассказ в русской литературе определился как «микрожанр» более ста лет назад, и у истоков его стояли такие мастера слова, как А. П. Чехов, В. В. Вересаев, М. А. Булгаков. Новый приток писателей, врачей по профессии, состоялся в 30—50-ые годы. Соответствующую рубрику вводим и мы в «Приокских зорях», публикуя ниже рассказы и новеллы пяти авторов из Тулы, Москвы, Серпухова, пяти профессоров, имеющих прямое отношение к медицине и, особенно, к подготовке будущих врачей. Все произведения написаны специально для нашего журнала.

Рудольф Артамонов
(Москва)

УКОЛ ЗОНТИКОМ

Доктор Трушечкин вышел из метро и направился в больницу, где работал. Расстояние было небольшое, и он привык ходить пешком. Вдруг хлынул дождь. Летний, теплый. По мокрому асфальту весело побежали пузыри. Он бросился к остановке троллейбуса и встал под пластмассовый козырек. Когда подошел троллейбус, он, чтобы не вымокнуть, стремительно рванулся к раскрывшейся двери. Поставил ногу на ступеньку, и в этот момент перед его глазами сверкнуло что-то красно-белое, и он почувствовал сильный удар в глаз. Нестерпимая боль ярким пламенем вспыхнула в его мозгу. Он отступил на тротуар и зажал ушибленный глаз рукой. В тот же момент он почувствовал, что кто-то мягко, но властно взял его за руку.

— Покажите. Что случилось?

Роберт Петрович повиновался.

Так же властно и мягко кто-то взял его за руку и сказал: «Быстро, за мной». По тонкому запаху духов, и звуку шагов, который могли издавать только дамские туфли, он понял, что рядом с ним идет женщина.

Когда он немного пришел в себя и открыл здоровый глаз, он увидел над собой зонт с красно-белыми клиньями, который защищал его и его спутницу от дождя. Так они прошли минут десять. Потом они поднялись по ступеням и вошли в большой подъезд. Прошли через холл, полный народа, длинный коридор, поднялись по лестнице на второй этаж, и Роберт Петрович услышал, как его спутница сказала: «Быстро в смотровую».

Роберт Петрович почувствовал, что его взяла за руку другая женщина, ввела в

темную комнату и усадила на стул. «Сидите»,— сказала она. Роберт Петрович понял, что находится в больнице. Здоровым глазом огляделся, увидел темную комнату, а привыкнув к темноте, стал различать причудливой формы приборы и догадался, что находится в глазном отделении.

Через полчаса за ним пришла полная, коротко стриженная сестра в синем халате и повела его снова по коридору. В конце коридора она открыла перед ним дверь, и он увидел большое, блистающее кафельными стенами помещение. По острому запаху эфира и лекарств догадался, что находится в операционной. Его усадили на стул. Сняли с него ботинки, надели бахилы, потом ему помогли взобраться на высокий, узкий операционный стол. Лицо закрыли белой простыней, и Роберт Петрович почувствовал, что над ним кто-то склонился. По тонкому запаху духов и голосу, он узнал ту самую женщину, которая довела его от остановки до больницы. Что-то холодное коснулось его глаза, и он услышал четкие отрывистые слова:

«Тупая травма. Непроницающее. Передняя камера полна «сангвис». Промываем. Так. Осторожно. Тихо».

Роберт Петрович чувствовал тупую боль в глазу, но терпеть было можно.

— Так. Отлично. Пузырек воздуха. Кажется, все. Реакция есть. В палату.

— Алла Георгиевна, к телефону,— позвал кто-то.

Тонкий запах духов над лицом доктора Трушечкина исчез.

Издалека, видимо, из коридора операционной он услышал: «Да. Не завелась. Пришлось ехать троллейбусом. Небольшое ЧП. Да. И со мной тоже. Думаю, обойдется. Приеду, расскажу. Целую».

С лица Роберта Петровича сняли белую простыню и помогли ему с операционного стола перебраться на коляску. Та же толстая, коротко стриженная сестра повезла ее по длинному коридору, и он очутился в палате на 6 коек, одна из которых предназначалась ему. Перебираясь с коляски на кровать, Роберт Петрович попросил сестру позвонить жене Але и сказать, где он и что с ним.

— Она еще дома,— сказал он, передавая сестре записку с телефоном.

Аля примчалась через час.

— Что с тобой? Кто тебя? — увидев заклеенный глаз мужа, выпалила она.

— Да какая-то женщина ширнула зонтиком в глаз, когда я сидел в троллейбус.

— Ты что-нибудь видишь? Это серьезно?

— Не знаю,— ответил он, трогая пальцами салфетку на глазу, приклеенную лейкопластырем.

На другой день Роберта Петровича позвали в смотровую. У дверей его ждала еще вполне молодая женщина, от которой исходил уже знакомый ему тонкий аромат духов.

— Ну, как, мой страдалец? — спросил она, и Роберт Петрович узнал в ней ту самую женщину, которая вела его от автобусной остановки до больницы, и склонялась над ним за операционным столом.

Она так же, как и вчера, мягко и властно взяла его за руку, подвела к какому-то странному дугообразному прибору и усадила на стул. Сама села напротив, по другую сторону прибора.

Нежными, почти бестелесными пальцами сняла повязку с его глаза и прильнула к прибору.

— Подбородочком сюда. Лбом прижмитесь к аппарату.

Несколько минут их лица были так близко друг к другу, что Роберт Петрович чувствовал на своем лице ее дыхание. Это привело его в легкое волнение.

— Все хорошо. У вас прекрасные сосуды. Передняя камера чистая. Завтра домой,— как бы самой себе диктовала Алла Георгиевна. Те же уверенные, отрывистые фразы, что вчера в операционной. Но голос казался Роберту Петровичу таким знакомым, каким бывает, когда знаешь женщину давно или равнодушен к ней.

Они встали и вышли в коридор. Она позвала его в свой кабинет, на двери которо-

го он заметил табличку «Заведующая отделением». Она села за стол, усадила его напротив и стала писать.

— Это капли,— сказала она,— купите в аптеке и дома будете капать еще семь дней три раза в день.

Пока она писала рецепты, Роберт Петрович здоровым глазом рассматривал ее. У нее были тонкие ухоженные пальцы и свежее, чистое лицо, покрытое легким загаром. Даже в халате она казалась шикарной женщиной. Таких женщин он встречал среди врачей. Как правило, это были жены очень обеспеченных людей. Их возили на машине или они водили машину сами. Чаще всего это были офтальмологи, ЛОР-врачи, дерматологи. Они водили знакомства с артистами, писателями, певцами, лечили им горло и подслеповатые глаза, делали их красивыми. Они весьма заметно отличались от обычных врачей, лечивших обычные болезни, которыми болеют обычные люди. К последней категории врачей принадлежал и сам Роберт Петрович. Поступая в медицинский институт, он мечтал о том, что станет знаменитым врачом и своим чело- веком в кругу артистической, литературной и художественной элиты. Но судьба его сложилась иначе.

Он смотрел на молодую женщину, сидевшую перед ним, и никак не мог обуздать свои фантазии относительно возможного знакомства с ней и приобщения к той жизни, которую, как ему казалось, вела она.

Когда рецепт с лекарством был ему вручен, он сказал спасибо и вышел в коридор. В коридоре его ждала Аля со Светланкой, пятилетней дочерью.

Мечты, обуревавшие его за дверями кабинета, мгновенно погасли, словно кто-то повернул выключатель.

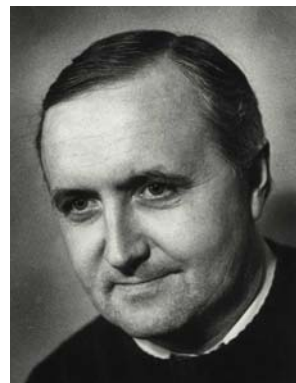
* * *

По выходе из метро, если шел дождь, Роберт Петрович спешил на знакомую остановку. Он пропускал несколько троллейбусов, надеясь увидеть женщину с зонтиком с красно-белыми клиньями. Когда она выйдет из троллейбуса, думал он, он скажет ей: «Вы помните меня?» — и они пойдут рядом, тесно прижавшись друг к другу, чтобы капли дождя, стекающие с краев зонтика, не падали им на плечи.

Но она не появлялась. Прошло лето. А за ним и осень. Дожди кончились. И выпал снег.

Роберт Петрович от метро до работы стал ходить пешком.

Владимир Сапожников

РЕДКОСТНЫЙ ФЕНОМЕН

— Разрешите, профессор? — в приоткрывшуюся дверь кабинета заглянул очередной пациент — мужчина лет тридцати, среднего роста, с бледноватым лицом, опрятно одетый в серый свитер и джинсы.

— Да, да, пожалуйста, проходите,— откликнулся профессор Говоров, который, сидя за столом, дописывал свое заключение в амбулаторной карте предыдущего больного. Сергей Иванович Говоров подрабатывал, ведя прием, как гастроэнтеролог в платной хозрасчетной поликлинике.— Присаживайтесь, пожалуйста. Сейчас я закончу писать бумаги и побеседую с вами.

Пациент, как бы нерешительно присел на край предложенного стула. Сергей Иванович боковым зрением ощутил, как внимательно, настороженно и оценивающе посетитель рассматривает его.

— Ну, вот, все, закончил,— отложил в сторону авторучку и амбулаторную карту Говоров и тоже внимательно взглянул на пациента.

Перед ним сидел достаточно приятной наружности человек с серыми, усталыми глазами, с нервно сжимаемыми, подрагивающими тонкими пальцами побелевших ладоней на коленях.

— Что вас беспокоит, что привело ко мне?

— Профессор, я пришел к вам с необычными жалобами. Доктора, у которых я уже бывал на приеме в разных поликлиниках и больницах, сказали, что у меня редкое, необычное заболевание... Врач, что смотрела меня последней, прямо так и сказала: у вас редкостный феномен... Поэтому я и пришел к вам. Может, вы сумеете мне чем-то помочь...

— Что же вас беспокоит? Внимательно слушаю... Может, болит живот?

— Знаете, это началось со мной уже давно, с детства... Потом ухудшилось состояние, когда служил в армии...

— В каких войсках вы служили и что там случилось?

— В ПВО служил, охранял воздушную границу... Сидим мы как-то на боевом дежурстве с другом Андреем, решили перекусить в свободную минутку... Кушаем... А он мне и говорит: «Слушай, Коля, а почему, когда ты поешь, у тебя лицо сразу начинает увеличиваться?» Я посмотрел на себя в зеркало: правда после еды мое лицо прямо раздулось, явно выросло в размерах... Но, особенно это усилилось за последние два месяца. Если я покушаю плотно, особенно на ночь, да еще, если что-то мясное съем, утром гляжу на себя в зеркало и не узнаю: лицо увеличивается за ночь в размерах в два-три раза. Раздувается прямо-таки... Особенно левая щека... Выгляжу, будто я с тяжелого «бодуна» встал, с похмелья то есть... А мне на работу идти, с людьми общаться... Частным предпринимательством занимаюсь, открыл два магазина... и еще кто подумает, что я крепко пью. А я ведь только по праздникам иногда позволяю себе не более ста граммов выпить — и все... Вот такая болезнь, profes-

сор... Я уже с месяц, как перестал вообще есть на ночь, мясо почти не ем... Похудел на двенадцать килограммов. Даже не знаю, что со мной такое происходит...

Говоров внимательно посмотрел на своего собеседника. Никаких признаков отеков на лице не определялось. Лицо как лицо. Немного асимметричное, как у большинства людей. Попросил пациента открыть рот. Осмотрел ротовую полость, горло.

— К стоматологу часто обращаетесь? Флюса не было? — спросил Сергей Иванович.

— Нет, зубы все целы, вообще никогда не болели, — ответил тот, широко разевая рот с целыми, нетронутыми стоматологическим буром ровными зубами, без каких-либо изъянов, с чистыми, без воспалительных изменений миндалинами, розовым языком без налета.

Говоров внимательно с помощью фонендоскопа прослушал сердце, легкие больного — там все было в порядке. Осмотрел, ощупал живот, почки, провел ультразвуковое исследование всех этих органов — признаков патологии нигде не обнаружил. Просмотрел листки вклеенных в амбулаторную карту старых и недавних результатов исследования мочи, крови — все в пределах нормы.

Стало ясно, что у пациента скорее всего шизофрения или другое хроническое душевное заболевание, проявившееся появлением бредовой идеи, зрительным галлюцинозом.

Сергей Иванович осторожно посмотрел в жадно следящие за ним глаза больного. Что ему сказать? Сообщить, что он болен хронической психической болезнью? Нельзя. Ни один психически больной никогда не признает себя таковым. И хотелось как-то попытаться помочь этому молодому еще человеку. Чтобы хотя бы не уморил себя голодом...

— Вы знаете, Николай, при внимательном осмотре я все-таки обнаружил у вас признаки хронического гастрита... Они не очень выражены, но, несомненно, присутствуют. Такое состояние иногда сопровождается ощущением раздутия лица после еды. Правда, доктор? — в глазах пациента впервые мелькнула надежда. — И это можно вылечить?

— Конечно. Сейчас я вам все распишу и расскажу, что надо попить и как нужно питаться. Ни в коем случае нельзя морить себя голодом. Больной желудок любит мясо. Поэтому паровую котлету из говядины нужно съедать ежедневно. Чем чаще — тем лучше... Мясной суп, каши, овощное пюре — обязательны в вашем рационе. Фрукты, сладости — тоже ежедневно, но после еды...

И Говоров подробно рассказал больному, как тот должен хорошо питаться, чтобы поправиться, вылечить свой лжегастрит, а главное — не дойти до полного истощения.

В качестве отвлекающих средств назначил несколько поливитаминных, успокаивающих препаратов, которые пациенту конечно же не повредят.

Когда за обрадованным посетителем (наконец-то поставили какой-то диагноз!) закрылась дверь, Сергей Иванович по телефону созвонился с психоневрологическим диспансером по месту жительства больного. Поставил их в известность, попросил взять Николая под наблюдение.

...Поздно вечером, придя усталый после приема домой, Говоров плотно, с аппетитом поел перец, нафаршированный мясом, который чудесно приготовила жена. Из соседнего зала доносился голос диктора теленовостей, сообщавшего в который раз о том, что украинские войска ПВО по ошибке сбили пассажирский авиалайнер...

Перед сном, завершая вечерний туалет, в ванной внимательно посмотрел на себя в зеркало. «Да, нет, показалось... Лицо как лицо — обычное... В размерах вроде не увеличилось... Хотя правая щека, как будто слегка отекала, выглядит тяжеловатей левой... А, ерунда — реже надо в зеркало смотреться...» — ухмыльнулся горько Сергей Иванович.

С НОСОМ

В кабинет травмпункта зашли двое мужчин в помятой, испачканной кровью одежде. Сразу стало трудно дышать из-за запаха затхлого перегара, моментально наполнившего все помещение.

Один из вошедших прижимал к лицу промокший свернувшейся кровью носовой платок, поверх которого на дежурного врача Сергея Ивановича Говорова смотрели слезящиеся, с красными прожилками на склерах, страдающие глаза.

— Покажите-ка, что там с вами случилось,— попросил Сергей Иванович, осторожно убирая скомканный платок.

Под ним, в том месте, где должен быть кончик носа, зияла рваными краями укушенная рана, с белым хрящом на ее дне.

Говоров ловко приложил к ране стерильную салфетку, поданную медсестрой.

— Проводите его в операционную. Будем обрабатывать... Как все произошло? И где откушенный кончик носа? Не сохранился? — спросил врач у сопровождающего.

Второй мужчина — пьяненький так, что его покачивало, рябой, с грязными рыжими прядями волос, напозающих на выпуклые, с поволокой, растерянные глаза — неожиданно выплюнул на свою далеко не чистую ладонь какой-то окровавленный, но живой, бесформенный ошметок ткани, бывший не так давно кончиком носа пострадавшего.

— Вот, доктор, я сохранил трансплантат... Не стал выбрасывать, а держал за щекой... А вышло все так — мы с Ваней большие друзья, вместе работаем на заводе уже более двадцати лет... Ну, выпили после смены... Решили отметить приближающийся Новый год... А потом он первый полез ко мне лобзаться... Мы ж любим друг друга, корешки навек... Вот, лобзались, лобзались, и я не заметил, как... Но, чувствуя, что что-то лишнее во рту появилось... А кровь тут у него с носа как хлынет... Вот так и вышло все...

Говоров положил на металлический лоток откушенный кончик носа, пошел с ним в операционную.

Быстро помыл, протер йодом и спиртом руки. Обколол раствором новокаина рану на носу пострадавшего, уже уложенного навзничь на операционный стол. Тщательно промыл откушенный участок носа. Обработал его и рану по всем правилам хирургии. Приладил и пришил «трансплантат» на место на лице. Наклеил асептическую повязку...

Удивительно, но по прошествии нескольких дней при проведении перевязки раны стало ясно, что кончик носа прижился. Не омертвел, не потемнел, не отвалился, чего вполне можно было ожидать.

А спустя год случайно в час пик, в переполненном вагоне трамвая Говоров лицом к лицу столкнулся со своим бывшим пациентом.

Тот тоже сразу узнал его.

— С вашей легкой руки прижился, доктор... — и мужчина осторожно, как бы не веря своей удаче, потрогал пальцем кончик своего носа с почти незаметным тонким белесым рубцом.

— Нельзя так неосторожно любить друг друга... Это чревато... — пошутил, ухмыльнувшись, Сергей Иванович.

— Конечно, нельзя, особенно, если Новый год на носу...

— Главное,— чтоб — с носом!

Александр Хадарцев

ТРАВМА, НЕСОВМЕСТИМАЯ С ЖИЗНЬЮ

Часов в пять утра сквозь сон Стас почувствовал ледяные мурашки забравшегося под кожу утреннего холода. Привстал, поеживаясь, набросил на плечи старый, замасленный, защитного цвета бушлат — подарок друга, отслужившего срочную службу несколько лет назад. С приятным хрустом потянулся, закашлялся, полез в карман за сигаретой, но вспомнил, что уже третий день как на спор бросил курить. Над Снежедью висели белесые полосы тумана, прикрывая собой густо растущие деревья на другом берегу. Бежин луг поблескивал от росы, покрывавшей некошеную траву крупными сверкающими бусинами. Где-то в деревне вытягивали верхние ноты петухи, речка шуршала стремниной на поворотах и перекатах.

Позевывая и вздрагивая от холодящей сырости, он спустился к берегу, где темно-зеленым пятном притулилась к вцепившемуся корнями в землю старому пню надувная лодка. Нога в резиновом сапоге скользнула по глине. Чертыхнувшись, Стас удержал равновесие, залез в колеблющееся от малейшего движения суденышко, и рывками весел (чтобы скорее согреться) направился к находившемуся метрах в двадцати противоположному берегу. Там он вытащил кол, к которому крепились боевая сеть. Рыбную мелочь Стас всегда отпускал в воду, оставляя на «жаренку» только крупные особи.

Да и какая в маленькой речке «крупная» рыба?! Правда, приходилось ему как-то по весне также вот перегородить речушку и выловить пять полуметровых щук, идущих на нерест. Из них он добыл полную миску икры, которую взбил гнущей алюминиевой вилкой, очистил от пленок, присолил, и угостил ею ораву друзей и коллег, приехавших на маевку тремя машинами. Кроме икры, была, конечно, сотворена наиприятнейшая уха, в которую Стас по мере готовности по всем правилам влил стопку водки, а перед подачей к импровизированному столу из трех досок, закрепленных на кольях, опустил в котелок горящую головешку из костра. Но на этот раз воспоминания не способствовали улову. В сети запутались две красноперки и несколько мальков голавля. Отпустив на волю мальков, он подумал и отправил в воду оставшихся красноперок. «Что толку от двух рыбешек? Возиться с ними себе дороже. Да и время поджимает. Через три часа идти на работу, а домой еще доехать надо! К тому же сегодня дежурю».

Смотав сеть и убрав за собой костровище, Стас сел в старенький «ушастый» «Запорожец» и припал к рулю, вцепившись в него побелевшими пальцами. Сидел в кабине напряженно, наклонив голову и вглядываясь в дорогу. Водитель он был еще тот! Обучаться езде было негде. Наскоро оформив водительские права, он учился вождению при выездах на охоту и рыбалку. На трассе, пересекавшей поселок, показываться не любил, проскакивая ее в самом безопасном месте.

Стас работал врачом-хирургом в маленькой районной больничке, стоявшей у той

самой нелюбимой им главной дороги, которая поставляла хирургам пострадавших с самыми различными травмами. Район был тысяч на двадцать жителей, как тогда говорили, «сельскохозяйственный», поэтому заниматься плановой полостной хирургией в желаемом объеме было делом затруднительным. И будущность свою, как хирурга, Стас связал с травматологией. Уж кого только и с какими травмами не приходилось ему выхаживать! Партийных бонз, секретарей райкомов, председателей колхозов и райисполкомов, которые на своих рабочих «козлах» носились по сельским дорогам и зеленым в поисках зайцев, кабанов и лосей, которых в те годы было видимо-невидимо. Выскакивая на федеральную трассу после «принятия на грудь» не одной бутылки, они зачастую сами становились жертвами несущихся по своим делам МАЗов, КРАЗов и ЗИЛов с прицепами. Вот только вчера два рефрижератора буквально размазали по бортам парнишку-мотоциклиста, вклинившегося между обгоняющими друг друга машинами и пытавшегося на своей быстроходной «Яве» проскочить вперед. Вспомнив об этом, Стас встряхнул своим чубом и еще крепче сжал тонкую пластмассу руля.

Добравшись до ворот больницы, он решил не ехать домой, а сразу остаться на дежурстве. Поднявшись на второй этаж только что построенного нового хирургического корпуса, вошел, никем не замеченный, в ординаторскую. На столе были разбросаны незаполненные истории болезней, написание которых было для Стаса нестерпимой мукой. Он мог часами не выходить из операционной, но писанину не любил, за что частенько получал нагоняи от главврача, или «главши», как ее называли между собой врачи. И только в дежурство, если не было поступлений, он садился за стол и абсолютно неразборчивым почерком заполнял недельной давности документы. Дневники в его историях болезни были похожи один на другой, эпикризы не превышали 4—5 предложений. Но, несмотря на это, прооперированные и выхоженные бессонными ночами пациенты почти всегда становились надежными и верными друзьями Стаса. Тяжело вздохнув, он сдвинул бумаги в сторону, прилег на кушетку, прикрытую простыней, и задремал.

Во сне ему привиделось недавно прошедшее открытие нового хирургического корпуса. Приехавшее из области медицинское начальство и районные партийные деятели произносили длинные речи, не преминув поблагодарить партию и правительство за заботу о сельском здравоохранении. Хотя строительство корпуса было вынужденным. Одно из зданий больницы было выстроено еще во времена императрицы Екатерины, которая когда-то проезжала мимо в пору создания «потемкинских деревень». Сейчас бы так строили! Родильный дом послевоенной постройки разваливался на глазах. В старом отсыревшем терапевтическом корпусе на скрипучих больничных кроватях и кушетках, как будто позаимствованных из казематов незабвенной Таганки, теснились «хирургические», «терапевтические» и «неврологические» больные. В коридоре были расставлены впритык друг к другу койки для «гинекологических» больных и «абортчек». Был случай, когда хронический алкоголик в белогорячечном делирии вдруг набросился на ожидавшую аборта и лежащую в коридоре на кушетке женщину, пытаясь снять с нее привидевшихся ему мышей или крыс. Двум санитаркам и медсестре еле-еле удалось его скрутить до приезда дежурного милиционера и двух «декабристов». Декабристами называли пятнадцатисуточников (тогда еще за мелкие проступки граждан наказывали 15 сутками исправительных работ, о которых очень точно сумел рассказать и показать Гайдай в своем фильме о приключениях Шурика в исполнении Демьяненко). В их сопровождении на неизменном узике опасные по своему психическому состоянию больные отправлялись в областную психбольницу.

На открытии хирургического стационара отличился ночной сторож. Раньше он был монахом, потом стыл и был изгнан из монастыря, после чего пустился во все тяжкие: то женился, то разводился, да и тил все, что чуть крепче ситро. Особым

признанием у него пользовалась настойка боярышника, которую уже тогда трудно было достать. Но место настойки достойно занимал «Тройной одеколон», по праздникам — «Шипр», а на дежурствах сторож не брезговал выпрашивать у медсестер даже борный спирт. Врача-терапевта Александра Ивановича он донимал особо. Называл его Александром Невским, доброй душой, ангелочком и спасителем, выклянчивая разрешение на дополнительный пузырек борного спирта. Получив дозу, «монах» исчез куда-то так быстро и незаметно, что воздух вокруг него не успевал шевельнуться. И вот этот маленький, подвижный, лет шестидесяти мужичок задержался после ночной смены, чтобы присутствовать на процедуре открытия корпуса в надежде на вероятное получение глотка-другого спиртного. «Ну, какое же торжество без водки?» Глаза его, хоть и прятались в увесистых мешках исчерченных мелкими морщинами век, охватывали почти все пространство вокруг сквозь призму ожидания, не забывая остановиться на выпуклых местах молоденьких медсестричек, чуть прикрытых белыми халатиками. И вдруг в поле его зрения попала жена завхоза — высокая, под два метра, осанистая женщина, работавшая врачом в отделении. Зрачки его глаз закрутились, в них появились то ли искорки, то ли чертики, и, сорвавшись с места, «монах» неожиданно подскочил к объекту своего внимания с криком: «Эх, на старости лет хоть за титечки подержаться!!! Пусть увольняют!» Подпрыгнув, он неловко уцепился за грудь доктора. Та одним движением руки смахнула с себя тощее тело местного Казанова и занесла могучий кулачище над его лохматой головой. Если бы кулак опустился на объект, тонкая дряблая шея сторожа наверняка не выдержала бы двойной тяжести. Но то ли материнское чувство, то ли женская дальновидность, а может быть, и приятное ощущение в точке контакта, остановили дальнейшее продвижение пудовой пятерни. Погрозив кулаком валяющемуся на земле и повизгивающему от удовольствия «монаху», она поправила чуть сбившуюся кофточку и спокойно продолжила наблюдать за ходом торжества.

Стас проснулся от смеха и неожиданного видения, в точности повторившего недавнее событие. А, может, это и не сон был вовсе, а так, полудрема. Уж больно все явственно было! Даже цвета были ярче, чем в тот пасмурный день.

В дверь неуклюже ввалился крупногабаритный Александр Иванович — «Александр Невский» по версии расстриги сторожа.

— Привет, Стас, Как рыбалка?

— Да никак! Сегодня невезуха! А ты что в хирургию забрел? Чего-то случилось?

— Ты забыл? Сам же просил меня подстраховать из-за рыбалки!

— А-а-а! Ей-богу, забыл. Рыбы нет, настроения нет, вот и решил домой не идти, сразу за работу. Поступления были?

— Еще бы! Тут одного бухарика «Беларусь» переехала. Привезли без сознания, в усмерть пьянящего, но, кроме следов от протектора, ни переломов, ни других повреждений — нет! Поле было свежеспаханное, а он прикорнул у копны. Тракторист вместе с ним поступил, сейчас увидишь красавца — весь синий. С чемерицей какой-то гадости напился. Их обоих подобрал председатель, Иван Михайлович, ты его знаешь!

— Еще бы! Он на днях дочку замуж выдавал. Я как раз за спиртом заехал на завод. Сидим, по пять капель потребляем с директором. Иван Михалыч зашел с бутылкой шампанского. Усугубили. Я, говорит, дочку замуж выдаю, плесни спиртика! Директор вызвал подвального, тот спрашивает: «А тара есть?» — «Там у водителя забери!» Через пару минут вбегает подвальный и директору на ухо что-то шепчет. У того лицо вытянулось: «Михалыч! Ты какую тару привез?» — «Да там бидона четыре молочных, народу много будет!» — «Ты же меня в пятую позицию ставишь!» И подвальному: «Ну, да ладно, наливай!» Михалыч-то сам — мужик безотказный: что поохотиться, что порыбалить!

— Вот это да! Тут с резиновой грелкой едешь и то себя неловко чувствуешь!

— Нам вроде бы хватает! Хорошо, что ректификатик пошел, без запаха, и марганцовкой не надо очищать!

В дверь постучали. Вошла дежурная медсестра Мария Петровна. Лет пятидесяти, опытная, сама многое умела в хирургии и молодежь учила, как следует. Да и молодым врачам помогала: то катетер поставить, то рану зашить.

— Станислав Николаевич! Позвонили гаишники из сельсовета с трассы, там какая-то большая авария километрах в десяти. Вытаскивают машину из пруда, что ли... Скоро привезут, если кто жив! Инструменты готовы, анестезиолога вызывать?

— Конечно, если еще не набухался! Кажется, он собирался сегодня с друзьями по институту встречаться. Если что, звони в соседний район, глядишь, там позаимствуем! Слушай, Саш, может, останешься? Вдруг что понадобится и по твоей части? А то потом придется вызывать!

— Какие разговоры? Конечно, останусь, тем более что ты собирался прийти попозже, я уже настроился! Да и у меня сегодня дежурство было спокойное, дома никого нет, жена на учебе!

— А! Так ты еще и холостяк! Ну, «тады — ой!». Завтра вместе на пруд поедем с бредешком. Карасиков на ушицу наловим!

Врачи в больнице, как всегда, были в дефиците. Дежурили иногда по двое, трое суток подряд: за себя, за жен, занимающихся домашним хозяйством, по просьбам товарищей. На трудовое законодательство глаза прикрывала и администрация, и сами врачи. Тем более что графики составлялись как надо, по КЗОТу. Дежурили и как терапевты, и как хирурги, и как гинекологи. «Узким» специалистам давали отдохнуть. Да их и не было! То после института появлялся невропатолог, то окулист, но уже через год или два они исчезали в поисках лучшего. И квартиры на селе вроде бы всем предоставляли! И все-таки на три обязательных года отработки многих не хватало. Стас и Александр Иванович вкалывали уже шестой год после окончания института, заведовали отделениями, в которых эпизодически показывались молодые коллеги и, не выдерживая интенсивности, отправлялись в областной центр, где и врачей побольше, и ответственности поменьше. А «старики» продолжали командовать сами собой.

В те поры в мединститутах этике и деонтологии специально не учили. Они постигались на практике. Первые два года в отделении Александра Ивановича работал его однокурсник Андрей, любитель погулять, поспать, покурить и пригубить. Однажды в его палату поступил из Дома инвалидов пучеглазый, синюшно-багровый неопрятный пациент, жаловавшийся на головную боль. Он достал главного врача своими причитаниями и тот решил сбавить нытика в районную больницу. «Пусть они там помучаются!» При обследовании какой-либо явной патологии за неделю выявлено не было. Да и «обследование» заключалось в рентгеноскопии органов грудной клетки (рентгеновскую пленку экономили, снимки делали только по строгим показаниям), взятии анализов мочи, крови, кала на яйца глистов, и записи ЭКГ, внедренной как обязательное исследование год назад. Остальное было уделом «клинического мышления» врача, его зрительных, осязательных, обонятельных и слуховых способностей.

Правда, это не мешало ставить точные и сложные диагнозы, находившие подтверждение в лучших клиниках столицы. Каждодневно осмысливались слова видного терапевта прошлого У. Ослера: «Практика медицины — искусство, а не ремесло! Призвание, а не коммерческое дело! Призвание, требующее от вас полной отдачи не только ума, но и сердца!»

Так вот, поскольку больной стонал и постоянно домогался присутствия всех врачей, Андрей пригласил на консультацию невропатолога — молоденькую, маленькую, кругленькую, улыбчивую, с ямочками на розовых щечках Раечку. Та также никакой объективной патологии у больного не установила, но назначила энцефалографию (по

тем временам редкое исследование, проводившееся только в областной больнице). Заведующий отделением был в это время на курсах повышения квалификации. По приезде (через пять дней после поступления инвалида) он собрал сотрудников для общего обхода палат. Спросил о сложных в диагностике больных. Андрей рассказал о пучеглазом нытике, высказав свое мнение: «Жалобы не обоснованны! Наверное, хочет повысить группу инвалидности, просто настырный симулянт!» Не успели врачи обсудить ситуацию, как в дверь вошла старшая медсестра с историей болезни в руках.

— Александр Иванович! Кто на больного будет писать посмертный эпикриз? Я только что подошла к нему, он не дышит!

Андрей быстро вышел в отделение, чтобы зафиксировать смерть пациента, и тут же вернулся в ординаторскую. Александр Иванович пробурчал:

— Ну, что? Как в анекдоте: симулянт скончался?

Андрей затянулся сигаретой, Раечка искривила губы и отвела в сторону глаза, обычно направленные в самое сердце собеседника.

— Может, это просто отек мозга? Или энцефалопатия? Ведь основной диагноз по амбулаторной карте у него эмфизема легких и легочно-сердечная недостаточность? — прощепетала Раечка.

— А куда деть головную боль, в которую я не поверил? — неожиданно дрожащим голосом произнес Андрей.

— Ну, что будем писать? Какой заключительный диагноз? Опять будет расхождение?

Александр Иванович понимал, что не в диагнозе дело, что за этот период времени и в клинике бывает трудно поставить диагноз. Сам подход не верен! Где презумпция невиновности пациента в своей болезни? Почему мы не доверяем тем, кто ждет от нас помощи? Конечно, найдутся в этом мире и симулянты, и жалобщики-кверулянты, но из-за них не должно уменьшаться в интенсивности главное чувство, которым призван обладать врач,— сострадание к больному.

В дальнейшем, при патологоанатомическом вскрытии этого инвалида, обнаружена гигантская опухоль головного мозга, оперативному лечению она уже не подлежала, была давностью в несколько лет. По мере роста опухоль сдавливала мозговые структуры, причиняя невыносимые страдания. Было чему болеть!

Стас взял трубку телефона, набрал номер ГАИ — там у него все инспектора были знакомые, чтобы уточнить обстоятельства дорожного происшествия. Но ответил дежурный: «Сейчас все на выезде, и начальник тоже! Под Петровкой с косогора высотой метров в десять свалился виновоз из Крыма. Хорошо, что шел пустым из Москвы. Молодежь из деревни отмечала какой-то свой деревенский козырный праздник и нетрезвой ватагой человек в пятнадцать перегородила дорогу. Водитель, чтобы не сбить их, вынужден был свернуть резко вправо и уйти по склону к пруду. По рации сообщили, что он жив, весь переломан и без сознания. Скоро будет у вас!»

— Работенка предстоит «сурьезная»! Что-то долго анестезиолога нет! Саш, если понадобится, а понадобится наверняка, может, опять заинтубируешь, дашь наркоз, а?

— Хорошо, но опять главша будет слюной брызгать! У меня же «корочек» анестезиолога нет! Это когда я в областной больнице специализацию по ЭКГ проходил подучился. Правда, раньше с четвертого курса приходилось: и оперировать, и интубировать, и масочный эфирный наркоз давать!

— Знаешь, мне с тобой спокойней! А то пьяный анестезиолог лучше, что ли?

— Ладно, дождемся, сориентируемся по месту. Главное, чтобы довели благополучно. На нашей «буханке», сам знаешь, каково! Через пять километров кишки от сальника начинают отрываться! А тут политравма: руки, ноги, голова! А если позвоночник?

— Ничего! На «скорой» сегодня Лариса Васильевна. На ее фронтовой опыт можно положиться! Она всякое повидала!

За окном завывла сирена. Выглянув в окно, Стас увидел вереницу машин: больничный уазик, три милицейских «козла» и «Москвич» начальника ГАИ. На ходу, надевая халат, он бегом направился вниз по лестнице в приемное отделение. Александр Иванович двинулся в сторону операционной, где уже хлопотали медсестры и санитарки, готовясь к операции. Он проверил наркозный аппарат, наличие медикаментов для внутривенного обезболивания, давление в баллонах с записью азота и кислорода.

Послышалось кряхтенье и сопенье гаишников, поднимавших по лестнице пострадавшего, периодически покрякивавших друг на друга неистребимыми из русской речи матюгами.

— Ты, б..., какого х..., сачкуешь? Поднимай свой край повыше!

— Возьмись за носилки сбоку, твою мать!

Наконец они показали в дверях операционной. Стас «гармошкой» от переносного кислородного аппарата делал на ходу искусственное дыхание.

— Саш! Надо срочно справиться с шоком! Противошоковая жидкость есть? Делай обезболивание! Дежурит, оказывается, не Лариса Васильевна, она отпросилась на поминки, а Зинка. По молодости растерялась, кроме промедола, ничего не успела ввести, да и иммобилизацию сделала кое-как! Ревет сейчас в приемном!

Пострадавший был без сознания. Неумело наложенный жгут на правое бедро только чуть приостановил кровотечение из рваной раны в нижней трети. Кровь пульсировала.

— Повреждена бедренная артерия, видимо, отломками кости! Надо срочно остановить! — констатировал Стас, выделяя главные повреждения, опасные для жизни, и заодно определяя очередность оперативных вмешательств. Действительно, неестественно расположенное правое бедро свидетельствовало об открытом переломе. Определялись также видимые деформации левой плечевой кости, ключицы, почти полностью было оторвано левое ухо. Как потом оказалось, в кабине у ног водителя лежал тяжелый домкрат, который и раздробил правое бедро на мелкие осколки.

Дальше началась обычная многочасовая работа. Остановка кровотечения, выведение из шока, возмещение кровопотери, иммобилизация — обеспечение неподвижности костных отломков. В процессе операции дважды фиксировалась остановка сердца. Пришлось прибегнуть к дефибриляции при помощи переносного электрокардиостимулятора-дефибриллятора, который только месяц назад был приобретен Александром Ивановичем (по благу) в «Медтехнике» (за два мешка картошки, трехлитровку спирта и обещание привезти на Новый год елку) для задуманной им палаты интенсивного лечения, тогда имевшейся только в областной больнице. Вот он и пригодился в операционной! А как не хотела главша подписывать счет! «Зачем это надо? Кто будет им пользоваться? Пустая трата денег!» Показатели кровообращения постепенно стабилизировались. Появилась возможность вытереть пот и поговорить.

— Вот видишь, хорошо, что ты остался! Всякое могло быть, честно, я не думал, что удастся запустить сердце во второй раз! Когда ты успел притащить дефибриллятор?

— Так я еще дня четыре назад поставил его в операционную! Тогда еще у гинекологов была какая-то сложная операция. Помнишь, из области Мария Ивановна приезжала? Ну, когда мне пришлось сдать кровь в День донора — грамм пятьсот, а потом еще во время их операции около литра от меня напрямую перелили. Я дежурил, а у гинекологички с кровопотерей была тоже первая группа. Когда Мария Ивановна узнала, что утром я уже сдавал кровь, ругалась по-черному! Посоветовала быстрее выпить спирт с пятипроцентной глюкозой. Ну, добрый глоток я сделал и совсем не захмелел. Да и вообще ничего не почувствовал!

— Как бы там не было, как говорят немцы: «Ende gut! Alles gut!» Конец хороший — все хорошо! Звучит лучше, чем «Все хорошо, что хорошо кончается!». Давай еще раз просмотрим назначения! Кстати, ухо я ему все-таки пришил! Мужик симпатичный, видать, фронтовик! Как домой вернется с рваным ухом?

— Не боишься, что заживать будет вторичным натяжением? Лучше погодить, там было все в масле, грязи!

— Ты знаешь, рука у меня легкая! Рану хорошо обработал перекисью! Если завтра придет в себя, надо отвезти на рентген! Кажется, и таз у него сломан, да и закрытая черепно-мозговая травма — будь-будь! Так и буду вести! Хорошо, если субдуральной гематомы нет!

Определив пациента в палату, наладив круглосуточное наблюдение (для чего пришлось вызвать медсестер из терапии, которые отдыхали после смены), Стас и Александр Иванович зашли в ординаторскую. Вечерело. Из окна доносился шум машин, взывающих на подъемах шоссе, но ветер был свежим, пахнувшим какими-то цветами, озоном после дождя и, конечно, хлорамином.

— Ты, смотри, часов восемь провозились! Домой пойдешь?

— А что там делать? Лучше тебе помогу. Дежурство только начинается!

— Да уж! Смотри, не накаркай!

Ночь прошла без поступлений, но спать коллегам не пришлось. Надо было следить за прооперированным водителем: катетеризовать мочевой пузырь, измерять давление, вызывать невропатолога, чтобы сделать спинномозговую пункцию и снять психомоторное возбуждение, лаборанта для контроля показателей крови. После вечернего обхода Стас занялся написанием истории болезни. Александр Иванович помогал ему.

Прошло полгода. Наступил долгожданный день выписки. Пострадавшего водителя звали Николай Алексеевич. Он работал на массандровском винном заводе, гремевшем на весь Советский Союз. История его жизни была запутанной. В четырнадцать лет он попал в плен, находился в концлагере, выучил немецкий язык, по окончании войны выучился на шофера и с тех пор постоянно за баранкой. Имел награды «За доблестный труд». К нему привыкли все сотрудники больницы, подкармливали его домашними яствами: отварной картошкой с маслом, ароматной селедочкой, жареным мясом, пирожками с печенкой, квашеной капустой с оранжевыми вкраплениями морковки, бочковыми солеными помидорами. Он пришел в сознание на пятые сутки. Быстро пошел на поправку и довольно уверенно начал передвигаться на костылях. Алкоголь не употреблял совсем. Со Стасом сдружился мгновенно, став ему старшим братом. Очередной виновоз, шедший пустым из Москвы, забрал Николая Алексеевича, которого провожал почти весь коллектив больницы.

Как-то Стас и Александр Иванович в очередной раз в субботу поехали с друзьями на близлежащее озеро, вооружившись боевой сетью, ведром картошки, десятком луковиц, стаканом пшена, солью, перцем и тремя бутылками «Столичной». Затевавшая неповторимая уха, потому что по дороге запасы пополнились уже ошипанным петухом размером с индюка, который был куплен у знакомой фельдшерицы, так пополняющей свой семейный бюджет. А значит, уха виделась «императорской», со всеми вытекающими последствиями. Поэтому в деревенском магазине был дополнительно приобретены еще три бутылки «Зверобоя». Ну, а на всякий случай, в канистре Стаса плескалось литра два «ректификатика».

Рыбалка удалась на славу. Десятка два карасей, ершей и прочей рыбной мелочи должны были стать основой творения гастрономического чуда. Уже шипела яичница на вкуснейших шкварках, поднимаясь над уровнем сковороды. Собравшись вокруг Стаса, все стали наблюдать за процессом приготовления ухи, не забыв, конечно, под яичницу побаловаться «аперитивом», в качестве которого выступал «Зверобой». Берега озера поднимались метров на пять над уровнем водной глади, находившейся на

месте бывшего карьера, перегороженного плотиной. Откуда-то сверху послышался звук заглушаемого мотора.

— Наверное, к нам еще кто-то прибыл! Саш! Посмотри, кто там, и зови сюда, ухи на всех хватит!

Из зарослей орешника показались два незнакомых человека с двадцатилитровой канистрой, нанизанной ручкой на крепкую палку, за которую держались двое. Сзади медленно спускалась заплаканная медсестра Мария Петровна. Выйдя на ровное место у костра, незнакомцы поставили канистру на землю.

— Кто здесь Станислав Николаевич? — спросил старший из них.

— Я, а что случилось?

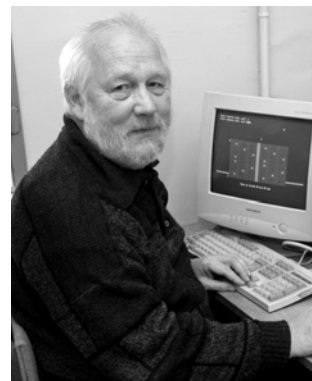
— Эту канистру с лучшим коньяком Массандры вам и вашим коллегам передал мой друг, Николай — водила, которого вы спасали. Сказал, что больше ничем не может отблагодарить врачей за такое доброе отношение к нему. Только его с нами больше нет! В течение года после аварии он перенес кучу неприятностей. Ушла жена. Против него возбудили уголовное дело, обвинив в аварии и требуя возмещение материального ущерба, невзирая на группу инвалидности. Все это — по инициативе его бывшего друга, Героя Социалистического Труда, директора винзавода, снабжавшего некоторых членов Политбюро и самого Генсека КПСС старыми сортами бесценного коньяка. Николай записался к нему на прием, ждал неделю. Потом ждал в приемной. Беседы у них не получилось, но удалось договориться об уменьшении размера компенсации за разбитую машину. Правда, и эту сумму Николай не мог выплатить на мизерную пенсию. Все предоставленные им из вашего ГАИ справки в суде действия не возымели. Давление любимчика Генсека было куда мощнее! Наш друг попросил его только дать возможность отблагодарить коллектив далекой больницы хотя бы продукцией винзавода. «Ладно! — сказал директор.— Только за твой счет!» Николай согласился, позвал нас и попросил отвезти канистру своим спасителям. Никогда не пивший, он вдруг запил по-черному и через два дня повесился на воротах своего недостроенного дома, откуда был хорошо виден винзавод.

Минут пять никто не мог сказать ни слова. Потом Стас поблагодарил незнакомцев, налил всем по стакану водки. Выпили за упокой души еще одного униженного, но не сдавшегося человека, перенесшего тяготы концлагерей, но не вытерпевшего людской подлости.

Стас взял канистру, подошел к берегу и медленно вылил ее содержимое в воду, окрасившуюся в цвет запеченной крови. Потом вытащил из кармана помятую пачку сигарет и закурил, прищуривая веки, чтобы скрыть наполнившие глаза слезы.

Алексей Яшин

ВТОРОЕ ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ

Старинный мой знакомец Николай Андреевич дождался третьего тысячелетия от Рождества Христова и на середине шестого десятка своей жизни первый раз в одной поменял место работы: уволился из некогда знаменитого ракетно-пушечного НПО «Меткость» и, имея ученую степень от технических наук, устроился доцентом в главный городской вуз, который в свое время и сам закончил.

Поначалу его очень поразили происшедшие здесь перемены: из чисто технического института с выраженным военным уклоном он превратился в университет классического типа; это навряде как Казанский университет, где экстерном получил диплом юриста Владимир Ильич... Разумеется и здесь уже имелись юридический, экономический и прочие факультеты и специальности, которые Николай Андреевич, как истовый инженер-конструктор старой закалки, обобщенно называл торгововоровскими и милицейско-бандитскими. Ему пытались коллеги по кафедре объяснить, что это веление времени, стране нужны миллионы экономистов, юристов и держателей публич... тьфу-тьфу, то есть специалистов по гостиничному хозяйству и туризму, но Николай Андреевич «срезал» их лаконичной фразой:

— Число юристов пропорционально количеству преступников, а экономистов — обратно пропорционально экономическому же развитию страны.

Матерые доценты, в среде которых не было принято зубоскалить над временно-постоянными трудностями молодой российской демократии, вдруг вспоминали об учебном процессе и спешно расходились. Более же всего Николая Андреевича восторгало наличие в университете специальности «Теология», кафедрой которой заведовал главный в городе священник с анархистской фамилией Кропоткин, и медицинский факультет.

Впрочем, если околицерковная специальность воспринималась им с юмором, то к медицине Николай Андреевич относился с почтением, хотя и не являлся профессиональным больным. Что такое профбольной, ему объяснил как-то сосед-психиатр при встрече в рюмочной.

— Понимаешь, Андреевич, вся сущность профессионального больного укладывается в старинный анекдот. Сидит себе Иисус Христос на небеси и смотрит оттуда на страдания земных болящих и корыстолюбивых врачей-выжиг. Как помочь первым? Отпросился он ради благого дела у остальных участников Св. Троицы и прибыл в город Т., устроившись в четвертую горбольницу врачом-терапевтом (Архангел Гавриил снабдил его дипломом об окончании курса и ординатуры в Смоленской медакадемии).

В первый же рабочий день в кабинет вкатился на коляске профбольной, не ходящий с рождения. Вкатился, понятно, не для лечения, а для получения справки на ежегодную инвалидную аттестацию. Христос же, вспомнив двухтысячелетней давности историю с исцелением Лазаря, возьми да и скажи: «Встаньте, больной, с кресла и

идите». Пациент послушался, встал, отроду не ходивший, сухо поблагодарил эскулапа и вышел в коридор. Обступили его ожидающие в очереди: «Ну как он — новый доктор?» — «Да как и все, даже руки не помыл перед приемом! Вот теперь и инвалидность снимут».

...Рассмеялся Николай Андреевич, но очень ему захотелось подробнее узнать об университетском медфакультете. Бог помогает страждущим от полезной, несуетной любознательности, поэтому сразу после рассказывания анекдота в рюмочную-распивочную вошел гражданин — явно добавить к уже ранее выпитому: на посошок, так сказать.

Но уже через мгновение Николай Андреевич и вошедший дружески похлопывали друг друга по плечам, поочередно восклицая:

— Сколько же мы с тобой не виделись, а?

Николай же Андреевич пояснял психиатру, что третий в их компании — бывший его сосед по окраинной улице Севастопольской в металлургическом предместье Косолучье, где он сам жил в студенческие годы с родителями в частном доме. Фамилию бывший сосед имел характерную: Язвишин, что соответствовало его натуре и манере вести разговор.

С еще большим восторгом Николай Андреевич и Язвишин обнаружили, что оба теперь являются доцентами в одном и том же университете, причем второй трудится на медфакультете по части просвещения юношества биохимией и биофизикой. Николай же Андреевич немедленно перевел разговор на диковинный в их вузе факультет. Язвишин с мрачным юмором кратко, но толково все обрисовал. Выходило так, что преподавы собрались на факультете серьезные, с большим опытом работы в различных медвузах страны, а вот со студиязусами сложнее... впрочем, как и на всех других факультетах: дети своего торгово-воровского времени.

— Понимаешь, Андреевич, даже при нынешнем полном крахе вузовского образования надо все-таки делать различие между медициной и всеми прочими специальностями. Это даже официальными документами и правилами регламентировано. Возьмем вот защиты диссертаций. Юрист по образованию смело может становиться кандидатом, а потом и доктором тех же экономических наук. Если, конечно, нужное количество долларов наскребет. И так далее в любом сочетании: инженер-строитель выходит в педагогические кандидаты, некогда выпускник пединститута — в биологические доктора... Официально де-юре и де-факто существует только два ограничения: ученую степень по медицине и по ветеринарии может получить только человек с базовым медицинским или ветеринарным образованием, соответственно.

Тож и обучение студентов, пусть даже отменных оболтусов. Инженер, экономист, юрист... Сейчас они запросто могут купить диплом на толкучке — и хрен с ними! Зачем профессорам и доцентам за зарплату — пособие по безработице — из кожи лезть вон, вдалбливая в малоспособные головы тонкости наук? Все одно в стране инженеры никому не нужны, экономики никакой нет и в помине. Про юристов уже и не говорю. То есть ни вреда, ни пользы. А вот медикам, даже той их части, что в лечебники идут, а не в департаментские клерки или на иное теплое место, все же дело придется иметь с живыми людьми... кроме патологоанатомов. И ветеринарам, коль о них вспомнили, тоже с живыми коровами, баранами и котами общаться. Отсюда и особый спрос с медфакультетовских!

Опять же, Андреевич, при сегодняшней всеобщей усредниловке все и вся, контингенты-то различные. Сам понимаешь, на ваши технические и все прочие специальности большинство ребят идет от армии косить, а девок родители пристраивают: чтобы в проститутки-содержанки с юности не подались, а диплом получают — уже поздно: некондиция, перестарки!

А на медицинский, по большей части, идут по семейной традиции. Но самый

ценный кадр — это не потомственные, так сказать, а по призванию. Это как в добрые старые времена...

— Вот видишь,— перебил Язвишина Николай Андреевич,— так вам несказанно повезло! А мне так, хотя и недавно в преподах, уже с усилием приходится идти на лекции и смотреть в пустые глаза этих тинейджеров.

— Не все так гладко, как тебе кажется. Здесь другая напасть: всеобщая коммерциализация...

— Да-да, знаю, платных студентов у вас три четверти или поболее, а плата самая высокая в университете.

— Нет, не в этом дело. Здесь уже, как говорят мои коллеги-медики, порочный круг патогенеза: любой шаг в жизни сейчас требует денег, а деньги можно только тем или иным способом отнять от такого же бедолаги. Я понятно говорю, Андреевич?

— Врубился. Это как сегодня утром, завтракаю на кухне яишенкой на сале свином... вредно в нашем возрасте, но вкусно. Так вот, а кухонный-то динамик голосом местного журналюги Щеголькова радостно сообщает: дескать, наш город переживает самый пик экономический; из трехсот тысяч работающих половина состоит в малом и среднем бизнесе. То есть, переводя на русский язык, на одного работающего человека в городе приходится один торгаш. А так как это абсурд, чтобы у продавца имелся только один статистический покупатель, к тому же малоденежный бюджетник, инженер или студент, то получается: торгаши друг у друга отовариваются.

— Совершенно верно. Медицина наша уже давно де-факто стала платной, в основном черным, реже — серым налом. Поэтому и нынешние студюзусы, уже с молоком матери, или тем комбикормом, детским питанием, которым их вскармливают, основу и смысл жизни видят в деньгах. Желательно в зеленых или кремового оттенка с двойной надписью: латиницей и греческими буквами.

— Прислушиваешься, Андреевич, например, в транспорте, в университетских курилках: о чем наши воспитанники талдычат?

— Конечно, о мобилах, стоимости иномарок, крутых компах. Самое интересное и странное для их возраста — совсем не говорят о девицах.

— Все это так, наблюдательный ты наш, но вот тет-на-тет, как говорят в Нижнем Новгороде по-французски, они говорят только о том, как по окончании вуза устроиться в самое зашибательское по деньгам место. Юристы — по части взяток, экономисты и ориентирующиеся на чиновничество... впрочем, тоже о взятках. И так далее. Не сомневаюсь, что в военных училищах и духовных семинариях о том же речь ведут, ведь термины «военный бизнес», «церковный бизнес» у всех на слуху.

Не миновала чаша сия и студентов-медиков, готовящихся, так сказать, к труду на поприще самой гуманной профессии.

Мне вот в прошлом году дали дополнительную четверть ставки — читать первокурсникам лекции по медицинской этике. Никто не взялся: дисциплина, дескать, философская, а мы узкие профи. А вот ты, брат Язвишин, склонен с отвлеченным рассуждениям — тебе и карты в руки! Четверть ставки на дороге валяются, вот и взялся.

Предмет и самому занимательный, но несколько щекотливый в наше корыстолюбивое время. Я не люблю часы отчитывать, то есть отбарабанил заученно свою «пару» по конспекту, выверенному по программе — и был таков. Тем более что предмет этот — действительно, палка о двух концах. С одной стороны, про бескорыстие врача надо рассказывать, ссылаясь на Гиппократ и русскую земскую бессеребряную медицину, с другой... надо учитывать реалии нашего сегодняшнего здравоохранения.

До скандалов дело доходило. Как-то обмолвился на лекции, дескать, услугами серьезных медучреждений — не обнищавших МУЗ и МСЧ* — сейчас могут пользо-

---

* Муниципальное учреждение здравоохранения и медико-санитарная часть.

ваться за баксы-евро только бандиты, воры, спекулянты-торгаши, чиновники-взяточники и «прочие честные предприниматели». Студенты, научившиеся понимать мой язвительный юмор, оттаявшие душой, дружно рассмеялись. А через день меня заведующий кафедрой вызывает в неурочное время. Вхожу в кабинет-закуток, а половину его жилплощади занимает некто огромный, в версачевской белоснежной тройке, с гневом на черноземной морде, что на фотографии не умещается. Сразу в назидательный крик: «Вы нарушаете конституцию, проповедуете социальную рознь! Я, как депутат Областной думы и предприниматель...»

Хотя и с легкого похмелья (накануне день ангела куму справляли), но внимательно выслушал чесучово-белоснежного, а под конец и вовсе узнал в достопочтенном депутате — знаешь, Андреяныч, кого? — Кольку Резниченко, да-да, того самого из наших косолученских мест, с Доменной улицы, кого из ментовки за взятки вышибли. Вспомнил? Я ему и говорю: «Здорово, Коль! Помнишь, как я тебе сопатку расшиб, когда ты после ментуры уже пробовал права качать по старой памяти, к батю моему примотался: флаг красный на доме не накануне, а поутру на Первое мая вывесил?»

Слегка остолбенел Коля-депутат, несколько смешался, но лицо тренированное не потерял и, сделав выговор завкафедрой, вышел, хлопнув дверью.

Еще и другие истории случались. Завкафедрой нервничает, а мне мой вредный характер не позволяет «держаться в рамках». Вот завтра, наверное, опять будут по начальству в отношении меня звонить. А почему? Потому что опять на лекции правду-матку начал резать. Не робейте, мол, ребята. Лет через пять, как раз когда вы университет закончите, случится гигантский наплыв платежеспособных пациентов. Дело в том, что к этому времени всем честным предпринимателям, а они начали свою деятельность в молодом возрасте, стукнет по 35—40 лет, и их организмы, испорченные нервически-активной жизнью, пьянками, половыми излишествами, неумеренной жратвой, срочно потребуют ремонта. А в массе своей провинциальной они до заграничных не тянут, масштаб не тот. Вот и бросятся в объятия местных эскулапов, а те — то есть и вы уже — скоренько растрясут их карманы, прописывая, как писал Чехов в рассказе «Сельские эскулапы», *oli licinii u ammonii causticae**. Будет, дескать, ребята, и на вашей улице праздник!

И знаешь, Андреяныч, читаю я лекцию и присматриваюсь к мечтательно задумавшимся студентам. Далек их мысли от медицинской этики. Даже на 100 % знаю: о чем они мечтают.

* * *

Первокурсник Димка Жвакин, родом из районного городка соседней области, сидел на самом верхнем ярусе амфитеатра лектория. Далекo внизу горячился доцент Язвишин. Ранневесеннее солнышко припекало лицо Димки. Он снисходительно слушал разошедшегося препода, трогательно рассказывавшего о традиционном бескорыстии русских врачей. Звучали имена Мудрова, Пирогова, Захарьина, Боткина, святых докторов земской медицины, на последние свои копейки покупавшие лекарства для безденежных пациентов-крестьян.

Однако солнце размаривало, Димка впадал в полусон-полуявь. Голос доцента все глуше доходил до верха амфитеатра. Жвакин оглянулся вправо-влево: Катька Роганкова увлеченно переписывала с чьего-то конспекта по биологии, а сидевший слева Арсен Алвазян откровенно спал по стойке «смирно».

...И привиделось в полусне-полуяве Димке нечто чудесное, навеянное словами лектора. Вот он, уже Дмитрий Васильевич, окончил курс и интернатуру по специали-

---

* Касторовое масло и нашатырный спирт.

зации — какой? Это неважно — по какой. Будучи по-провинциальному сметливым, он не помчался, как другие дурачки, в Москву. А что в ней, первопрестольной? Кто его там ждет? Конкурентов тьма, а вся высокая зарплата уходит на оплату съемной квартиры в Чертаново и транспорт с тремя пересадками. Нет, он вернулся в родной городок, где уже через полгода прослыл истинным целителем. Бабки, профессиональные больные, за него свечки Богу ставят в храме Николая Угодника. Аж из самого областного города в очередь записываются по мобильнику. Вся местная братва, администрация, крупные ларечники, армянская и дагестанская торговые диаспоры у Дмитрия Васильевича пользуются.

Сидит он в кабинете № 12 в белоснежном халате, сшитом по заметно полнеющей фигуре, а изящная медсестра-услуга Нонночка выкликает через полуотворенную дверь очередного пациента:

— Джавахарлаев! Заходите.

Входит обычно сановитый, но здесь вовсе потерявшийся от нахлынувшей хвори владелец главного в городе супермаркета «Копейка рубль бережет». Доктор даже и не делает обычных манипуляций со стетоскопом и градусником, просто внимательно осматривает со стороны бедолагу и диктует очаровашке-медсестре:

— А выписать ему олии лицинии и аммонии каустице.

Расцветает в восторге до того бледный язвенник Джавархарлаев, с чувством жмет руку доктору-целителю и, уходя, ловким движением руки мечет на столик Нонночки конверт двухсантиметровой толщины.

Откуда же эти олии и аммонии в память запали? — А это воспоминания деревенского детства: старый патефон и грампластинка, сохранившаяся с шестидесятих годов: художественное чтение рассказа Антона Павловича о сельском фельдшере, заменившем на приеме доктора, уехавшего с приятелем-становым на охоту...

Всего полгода провращевал доктор Жвакин, а все у него вроде как есть: отселился из родительской «хрущевки» в собственный загородный коттедж, женился на дочери главы города, Нонночке-утешительнице купил квартиру в центре (жена больно страхолодная и толстая), две нехилые машины в гараже... Ан чего-то не хватает, например, собственного вертолета, как у некогда бывшего академика-глазника, тоже целителя всемирной известности. Опять же дачи в Ницце, квартиры в Париже — для отдыха от трудов праведных. И много чего другого.

Увы, с местных доходов не разжиреешь, по-настоящему богатых людей в районной глубинке не водится. «Эх-х! — мечтает Дмитрий Васильевич, уже затемно собираясь идти от страстных ласк Нонночки в уютной квартирке домой, к пресно-ржаной супруге.— Вот бы подцепить московского олигарха, а то и вовсе хана-султана из нефтяного княжества? Обнимает, уже готовый в путь, раскаленную от избытка женского фермента эстрагена Нонночку, а та чуть не вдогонку:

— Димуля! Ты опять забыл наши часики.

Дмитрий Васильевич задорно ухмыляется и надевает на запястье настоящую швейцарскую «Омегу» с платиновым браслетом. И Нонночка прыснула весело в ладошку. У часов своя история, и они с Нонночкой называют их талисманом и спасителем любви.

Дело все в том, что теща его в последние два-три года сильно сдала, какая-то неведомая хворь по части селезенки к ней привязалась. Супруг кучу денег, сэкономленных на ремонте городского водопровода, на ее лечение в столичных лечебницах потратил, но — все тщетно. Супруга к огорчению городского головы Григория Кузьмича угасала. Ведь он хорошо помнил, что на ней, еще более некрасивой и толстой, чем дочь их, он женился в далекие советские времена, взяв в приданое от тестя, второго секретаря райкома партии, стартовую должность секретаря комсомола того же района.

С появлением в городе доктора-целителя появилась и надежда, но Дмитрий Васильевич все больше ориентировался на мнение Григория Кузьмича, а тот, мужик еще крепкий по женской части, как-то вяло говорил с зятем о болезни Настасьи Ивановны. Поэтому зятек обеим женщинам говорил что-то невнятное: дескать, по селезенке он не спец, так как про болезни этого второстепенного органа им забыли рассказать в университете...

Устав уговаривать, супруга пошла в наступление на доктора-благоверного: либо вылечишь маму, либо же заставлю отца выгнать из больницы и вообще из города твою проститутку-медсестру! Дмитрий Васильевич настолько испугался, что избавил Настасью Ивановну от погибельной хвори даже без олии и аммонии — одним прикосновением руки.

С этого дня он приобрел двух верных друзей — тещу и жену, простивших ему Нонночку сейчас и на будущее, несколько охладевшего к нему тестя, а главное — злейшего врага на всю жизнь: секретаря-референта главы города Инессу, разведенную тридцатидвухлетнюю бальзаковку, отчаянно красивую, в самом женском соку, которая уже несколько лет почти в открытую жила с Григорием Кузьмичом, полностью обрела власть над ним и строила вполне конкретные платы. Увы, выскочка-доктор, клистирная труба, их разрушил... А выздоровевшая Настасья Ивановна зачастую к косметологу и каждое утро проводила в женском фитнес-клубе «Баба ягодка опять». В честь зятя заказала торжественные молебны во всех трех городских храмах.

Тесть официально поблагодарил целителя и по наущению супруги подарил ему швейцарские часы ручной работы, изъяв миллион рублей из фонда ремонта ветхого жилья.

Прошло еще полгода, а в самый канун яблочного Спаса, он же очередная годовщина ГКЧП, пополудни в кабинет № 12 бесшумно вошел, вежливо отстранив вставшую на его пути Нонну, некто в костюме лондонского пошива, в шляпе за тысячу долларов и темных очках. Попросил аудиенции наедине. Говорил с легким акцентом кратко и убедительно:

— Сэр, я представляю его величество эмира Иллызара Барлык-Елдирдина ибн Бенладерна XVI. Эмир тяжело болен, а мы получили самые авторитетные референции о вашем высоком врачебном искусстве. Предлагаем вам, достопочтимый сэр, заняться лечением его величества. При вашем согласии мы проследуем на городскую площадь имени Ленина, где нас ждет вертолет, который доставит в город Белгород. Там на взлетной полосе и с работающими двигателями стоит личный «Боинг-747» эмира, который доставит вас на Ближний Восток. Понятно, что в случае успешного излечения сумма гонорара вас приятно удивит.

— Послушайте, — ошарашенно спросил доктор, — у меня два вопроса: во-первых, вы в состоянии пригласить лучших врачей из Америки и Европы; во-вторых, почему надо лететь через Белгород?

— Его величество в течение года пользовали около полусотни мировых медицинских светил, в том числе шесть нобелевских лауреатов. Увы, они даже не могли диагностировать заболевание. Эмир уже третий день в коме. Дорога каждая минута.

Что же касается Белгорода, то это ближайший отсюда город с аэродромом, с которого могут взлетать лайнеры. Так вы согласны, сэр?

Кстати или некстати, Дмитрий Васильевич припомнил некогда слышанное: в Израиль можно лететь рейсами из Москвы или из Белгорода. Второе намного дешевле. Разумеется, он согласился, поцеловал на прощанье Нонночку, позвонил домой, что

---

* «Пришел в дом Петров, Иисус увидел тещу его, лежащую в горячке. И коснулся руки ее, и горячка оставила ее; и она встала и служила им. Когда же настал вечер, к Нему привели многих бесноватых, и Он изгнал духов словом и исцелил всех больных» (Матф., 8, 14—16).

убывает на несколько дней в зарубежную командировку. Уже на следующее раннее утро его ввели в больничные покои эмира. Робко посторонились перед вновь прибывшим сконфуженные нобелисты из ведущих клиник Америки и Европы.

Навстречу ему бежал взволнованный главный визирь. Переводчик по-русски озвучил его стенанья: «Что же вы так поздно, его величество уже час как беседует с Аллахом!»

Доктор невежливо отстранил визиря, подошел к одру безжизненного эмира и громко сказал:

— Талифа куми!*

И эмир Иллязар (то есть Лазарь, по-арабски), и так далее, встал и обнял целителя. Тому даже показалось, что от вмиг порозовевшего ибн Бенладерна папахивает кунжутной халвой, жареным миндалем и запретным для мусульман «Клико» высшего сорта. Обалдевший от радости визирь дал какую-то команду по мобильнику, и по всему нефтеносному эмирату ударили в тулумбасы, запели карнаи.

— О, Аллах, как я проголодался,— молвил эмир и, полуобняв доктора, повел его в столовые покои со спешно накрываемым достарханом на пятьсот персон.

...К специально зафрахтованному для Дмитрия Васильевича аэробусу с сауной, бассейном, рестораном и десятком девушек для развлечений героя дня провожал эмир со всем двором. У трапа главный визирь вручил эскулапу сертификат о пожаловании титула великого паши-целителя всех времен и народов, высший в эмирате орден Золотого верблюда с пальмовыми листьями, обсыпанный брюликами по двадцать карат, а сам эмир протянул сиреневого оттенка чек на *Bank of New York*. Соблюдая этикет и достоинство, Дмитрий Васильевич все же скосил глаза на чек и никак не мог сосчитать количество нулей в сумме: что справа, что слева они еле умещались по ширине листа.

В этот момент со стороны Египта, из Нубийской пустыни налетел порыв жаркого суховея. Чек зашелестел на ветру, выпал из рук и закружился в танце по бетону взлетной полосы. Доктор быстро нагнулся. А великий визирь поднял вверх руку с колокольчиком и отчаянно затрезвонил, давая команду экипажу самолета разогреть двигатели.

Студенты зашумели, повскакали со скамей, собирая свои конспекты. А Катька Роганкова и проснувшийся Арсен Алвазян с интересом смотрели на Димку Жвакина, съехавшего со скамьи, засунувшего голову под крышку парты и что-то суетливо ловившего на полу, прихлопывая обеими ладонями.

— Ты чего, Дим?

— Да так, ручку уронил.

Из аудитории Димка выходил с сомнительным чувством. С одной стороны, жаль, если недавняя мечта не сбудется, а с другой — повезло: хлопая ладонями по полу, он нашел сложенную вдвое сотенную бумажку, кем-то из предыдущих слушателей оброненную. К сожалению, не долларовую.

---

* «Сказав это, Он воззвал громким голосом: Лазарь! Иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет» (Иоанн., 11, 43—44).

Талифа куми! — Встань и иди! — Те же слова Христа, что и приведенные выше, но по-арамейски — язык древних иудеев.

Михаил Кириллов
(Саратов)

СПУТНИЦА

1991 год. В августе-сентябре пережили контрреволюционный шабаш: «защиту» Белого дома, похороны «героев», попавших под танк, аресты членов ГКЧП, позорное возвращение из Фороса Горбачева, запрещение компартии, воцарение «главного мясника России». Жизнь пошатнулась. Тем не менее какие-то процессы в стране по инерции продолжались. В частности, шла подготовка к проведению 2-го Всесоюзного Конгресса пульмонологов, намеченного еще раньше. Он должен был открыться в Челябинске — в октябре. Помню, у части организаторов были сомнения: называть ли его Всесоюзным, хотя СССР еще существовал. Готовился к поездке туда и я.

Для вылета в Челябинск пришлось ехать в Москву. Провожала меня Люся, настояла, чтобы взял теплую рубашу, так как на Урале могло быть холодно. В начале октября Москва напоминала встревоженный муравейник. Дорожали продукты, пустели прилавки. Помню, купил пару банок морской капусты, поскольку ничего другого уже не было. Раньше никогда не ел ее, оказалось довольно вкусно.

В Челябинск летели втроем: я, профессора В. И. Комаров и В. Г. Новоженков (оба — москвичи, с обоими мне довелось быть в Афганистане еще в 1987 г.). Улетали из Москвы — было тепло, а Челябинск встретил нас холодрыгой. Плащи не грели. Шел дождь, улицы были изрыты траншеями — город готовился к зиме.

Разместили делегатов в холодной гостинице. В столовой, куда мы ходили через пару кварталов по лужам, кормили плохо. В перерывах между заседаниями народ больше толпился в буфетах, греясь кто коньяком, кто чаем. Там я накоротке познакомился с двумя молодыми врачами из Москвы — докладчицами на каком-то симпозиуме. Знакомство это имело значение в последующем.

Руководил конгрессом А. Г. Чучалин, программа выполнялась исправно, но общая атмосфера была какой-то тревожной. Разговоры в кулуарах были заполнены политикой и их темы не были единодушными: оказалось, что многие, особенно москвичи, давно уже тяготились советской властью и ждали теперь для себя положительных перемен. Запомнились темнота холлов и лестниц, разобщенность людей, снижение эмоционального тонуса научных интересов. Бросалась в глаза редкость зарубежных гостей, хотя делегации республик СССР были представлены весьма полно. Наблюдался четкий контраст с 1-м Конгрессом, проведенным в прошлом году в Киеве, где, несмотря на вылазки украинских националистов, все было организовано прекрасно, было тепло, привлекали внимание активность научного общения и интернациональная солидарность делегатов. А здесь, в Челябинске, царило ощущение потерянности, такое, которое обычно охватывает людей при выходе с кладбища.

Лишь один день дожди уступили солнцу, и я отправился в город. На трамвае добрался до вокзала. Над площадью возвышался современный вокзал — куб из стекла и

бетона. А рядом стояло старое, но крепкое кирпичное двухэтажное здание — бывший вокзал, а ныне — станционное багажное помещение. Шел я именно сюда.

Дело в том, что в декабре 1942 года, то есть 49 лет назад, нашу семью — большую маму и нас, троих мальчишек, — разместили именно в этом здании. Отец вывозил нас из Петропавловска-Казахстанского, куда мы были эвакуированы еще в 1941 году, и, пока он хлопотал о билетах до Москвы, мы лежали на кафельном полу вокзала, прямо на матрацах, которые нам выдали.

Было холодно. Мама болела туберкулезом, харкала кровью, была очень слабенькой. Если бы отец не добился разрешения забрать нас (а в 1942 г. возвращение из эвакуации было еще запрещено, шла Сталинградская битва) мы бы наверняка погибли. Мне было тогда 8 лет, брату Саше 6, Вовке — 1,5 года.

Помню, что рядом с вокзалом стояли воинские эшелоны. Люди бегали за кипятком. Пахло дымом и углем. Лежа на матрацах, мы прятались под одеялом в пальто и шапках. На рынке отец купил большой глиняный горшок топленого масла и посадил меня на этот горшок у двери вокзала, наказав, чтобы я не отлучался, так как это масло для нас, для мамы, было необходимо как жизнь... В Москву ехали в купе пассажирского поезда долго-долго. Масло довезли.

Подойдя к вокзалу, я потрогал дверь, возле которой сидел на драгоценном горшке почти 50 лет тому назад. Дверь была тяжеленная, дубовая, за многие годы крашеная-перекрашенная масляной краской. Вошел внутрь — тот же красно-белый кафельный пол. Как все-таки неподвижна жизнь! Чтобы убедиться в этом, нужно было съездить в Челябинск.

Конгресс закончился, и нас на автобусах повезли в аэропорт. Там я оказался вместе с Инной Григорьевной Даниляк, известным профессором одной из московских клиник, знакомой мне и прежде. У нас были билеты на один и тот же рейс. Там же томились в ожидании отлета и знакомые мне женщины — врачи. Их рейс должен был вылетать позже нашего. Вдруг по радио объявили, что наш борг отложен, а их полетит вместо нашего. К тому времени мы уже чертовски замерзли и устали, и эта новость просто убила нас. Инна Григорьевна оказалась очень деятельной и предложила пойти в здание Управления аэропортом, прямо к летчикам. Нам повезло: к нам вышел командир того самолета, на который уже объявили посадку. Я был в военной форме. Стали его просить взять нас. Наверное, ему стало жаль двух измученных, уже немолодых профессоров-медиков, и он великодушно распорядился поменять нам билеты, что-то написал на бумажке и велел идти к накопителю. Какое счастье!

В салоне самолета мест не было. Пока мы стояли в ожидании, я заметил двух моих молодых знакомых, на лицах у них читалось удивление: ведь мы же должны были остаться. На приставном кресле, в первом ряду, сидел сам академик Чучалин. Мы было замешкались, но тут подошел командир и повел нас прямо в кабину, где усадил рядом на откидные стулья, и мы, еще не веря себе, почувствовали, что счастье продолжается. Летчик и штурман деловито, не торопясь, располагались на своих местах, включали тумблеры, проверяли приборы. Самолет вырулил на взлетную полосу и, взревев, взлетел над Челябинском.

В кабине было спокойно, мирно мигали лампочки на приборах, общий свет был приглушен. Летчики иногда негромко переговаривались, за занавеской трудились бортпроводницы. Самолет гудел, временами подрагивал, но в целом летел ровно. За стеклами кабины царил темнота. С Инной Григорьевной мы тихонько обменивались впечатлениями.

Вдруг командир, сидевший за штурвалом, позвал нас к своему креслу и позволил взглянуть на землю. В черноте ночи сверкал огнями город, похожий на золотой орден. Красота неопишная! «Златоуст», — с удовольствием пояснил он. Командир был очень доброжелателен к нам, успокаивал какой-то своей надежностью, так как

был похож на артиста Никоненко, такой же крепыш, ладный в своей летной тужурке. Хотя я в шестидесятые годы 7 лет служил врачом в парашютном полку и десятки раз вместе с личным составом медпункта прыгал из фюзеляжей самолетов, но в кабине у летчиков ни разу не был. Так что все здесь мне было в новинку.

Примерно через час наступило время ужина: стюардесса каждому из летчиков принесла на подносе тарелку яичницы с котлетами, кофе и хлеб. Не бросая дела, они дружно принялись за трапезу. В кабине вкусно запахло. Когда тарелки были унесены, командир шепотом попросил стюардессу накормить и нас. Какая сказочная деликатность! Распоряжение тотчас же было исполнено. Мы не отказывались. Яичница с котлетой и, особенно, кофе существенно улучшили наше состояние, вызвав даже некоторую эйфорию. Мы были им благодарны и ощущение счастья продолжалось!

Летчики оживились — приближалась посадка. Вот уже видна посадочная полоса. Мягко приземляемся. Самолет подруливает к аэровокзалу, и мы первыми, вместе с экипажем, выходим на трап и спускаемся на землю. Москва!

В аэровокзале полно встречающих. Полночь. Инну Григорьевну встречает сын. Объятия, обо мне забывают. Выхожу из дверей на площадь. Дождь, холодно. Мимо бегут знакомые по Челябинской гостинице врачи, я устремляюсь за ними. Одну из них встречает родственник. Видя, что на заднем сиденьи есть свободное место, я прошу взять меня до метро, так как иначе застряну здесь до утра. Согласие получено и я втискиваюсь третьим. Машина мчится по шоссе. Счастье продолжается!

Моей соседке по машине тоже нужно было успеть попасть в метро до часа ночи, позже вход в него прекращался. Подъезжаем к метро без десяти час. Выбегаем на платформу и вскакиваем в вагон. В вагоне, да и, наверное, во всем составе, никого, кроме нас! Радует успеху. Выясняется, что ей до Планерной, а мне по той же ветке, на остановку ближе, до Сходненской, то есть ехать нам вместе не меньше часа. Это удивляет и радует. Сидим рядом, я все больше говорю, она все больше молчит. Небольшого роста, сероглазая, русоволосая, в осеннем пальто, на шее нарядный шарфик, на ногах — туфельки. Лицо доброе, глаза внимательные. Кого-то она мне все время напоминает.

Помню, что рассказывал ей о Саратове, о Кабуле, о Спитаке, где мне пришлось побывать в 1987—1989 годах. Рассказывал о семье, о посещении вокзала в Челябинске и встрече с военным детством. Мне казалось, что ей было интересно. Со станции Горьковской перешли на Пушкинскую. И там народу почти не было, и ехали мы вновь в вагоне одни. Она рассказала, что работает врачом в поликлинике, пишет кандидатскую диссертацию. Ей было, по-видимому, не более 30 лет (а дочери моей — 36, а сыну — 31!). Удивительно было — целый час мчаться по Москве с ее юго-запада на северо-запад, то есть почти поперек! Удивительно было и то, что, когда 90 % жителей громадного города спали, мы, находясь под ними глубоко под землей, бодрствовали. Не скрою: девушка была очень милой. Говорить с ней в гремящем вагоне было трудно, пожалуй, только во время остановок. Приходилось чуть ли не орать. Неожиданно объявили Сходненскую. Оставалось 3—4 минуты, я испугался потерять ее навсегда и попросил у нее адрес. Она успела написать его на клочке бумаги. Мелькнула мысль: проводить ее до Планерной и, может быть, до дома. К тому же было уже два часа ночи, и по дороге ее могла ожидать опасность. Но я не решился. Да и она мне этого не предложила. Поезд остановился, двери вагона открылись, я вышел и смотрел ей в след, пока ее фигурка не скрылась из виду.

Вышел из метро и по безлюдным дворам быстро добежал до улицы Свободы. Тогда мне было 58 лет и я еще бегал. Открыла дверь тетя Валюша, накормила. Я был так счастлив и переполнен впечатлениями прошедшего дня, что не мог ни рассказывать ей о пережитом, ни заснуть. Однако через полчаса спал как убитый.

Проснулся я поздно и долго размышлял над вчерашним посещением сказки. Что

со мной приключилось? Поражало удачное разрешение вчерашних сложных и опасных обстоятельств. После мрачного стылого Челябинска меня от радости как бы понесло. Конечно, хорошо, что со мной в метро ехала не старуха. Наверное, у нее я бы адреса не попросил. Подумал, что пройдет время и все образуется, даже сказки в конце концов забываются.

Днем мы съездили с тетей Валюшей к Белому дому, где еще месяц назад пировала победу контрреволюция. Мы обошли его вокруг. Я был здесь впервые. Ничто не привлекало внимания. Никаких следов его «героической защиты». Дом как дом. Но судя по виду москвичей, по магазинам, становилось ясно, что отрицательные перемены произошли даже за ту неделю, что меня не было. Обывателей стало больше. Выросли цены, опустели прилавки — и это осенью-то!

В Кремле еще шевелился безвластный Горбачев. Запрещенная компартия лежала в руинах, а ее члены тысячами сдавали партийные билеты. К власти приходили вчерашние работники ЦК, заведующие кафедрами научного коммунизма и прочие перерожденцы первой волны. В Матросской тишине сидели узники — члены ГКЧП. Обстановка была гнетущей. Страны не стало. Но именно тогда я особенно отчетливо понял, что даже в очень трудные времена простые люди остаются людьми.

В разгар Сталинградской битвы моего отца — начальника производства снарядного завода в Москве — с разрешения командования отправляют в Казахстан для того, чтобы он вывез семью, и железнодорожники помогают ему в этом, несмотря на все запреты того страшного времени.

Уставших профессоров, застрявших в челябинском аэропорту, летчик — командир борта — почти без просьб, только взглянув, забирает в кабину самолета, что, наверное, не полагалось делать. При этом он был очень доволен, что сделал доброе дело.

Два очень разных и совершенно незнакомых человека — молоденькая врач и пожилой профессор провели вдвоем 1,5 часа в вагоне метро, проехав под землей всю Москву и подарив друг другу радость общения и горечь расставания, как если бы они побывали во дворце, на балу в сказке про Золушку. Даже адрес остался на память как хрустальный башмачок!

Люди остаются людьми, какой бы черной не была окружающая их действительность.

Вечером того же дня я уехал в Саратов. Ночью, лежа в купе поезда и наблюдая за бликами, скользящими по потолку, я размышлял о том, как накануне действительно попал с корабля на бал. И вдруг меня осенило, что русоволосая девушка в скромном пальтишке — незнакомка в вагоне метро — не кто иная, как моя Люся 30 лет тому назад! От неожиданности я даже сел. Все совпадало и объясняло, почему я не испытываю никаких угрызений совести. К счастью или несчастью, но мне всю мою жизнь нравились только те женщины, которые были похожи на мою жену. Конечно, от такого объяснения стало немного обидно. Оказалось, что в сказочном королевстве я не принц, а только король. Помните его слова: «Никакие связи не могут сделать ножку маленькой, а душу — большой!». Наверное, и принц есть, только мы о нем ничего не знаем.

Дома меня очень ждали.

Постскриптум.

Годы шли своей чередой. Власть видоизменялась, но осталась столь же антинародной. Борьба продолжается, это неизбежно. Свое профессиональное и литературное творчество мне удалось сохранить. Много сделано, хотя и не все, что хотелось бы. Теперь уже дети лидируют и внуки становятся на ноги.

Лет через десять после поездки в Челябинск я вспомнил об адресе, данном мне моей случайной спутницей. Огонек памяти жил во мне и раньше, но именно как ого-

нек, однако, согласитесь, возвращаться в полузабытую сказку, даже если ее участники установлены, было немного страшновато. Но я все же написал ей, напомнив о совместном романтическом путешествии. Послал свои книжки, в том числе рассказы. Она ответила быстро, взволнованно и благодарно. Она тоже помнила о нашем удивительном подземном путешествии. Прислала свои научные работы. Оказалось, что она физиотерапевт, доктор наук, работает в крупном научном Центре в Москве. Ей всего 45—47 лет. Она — на взлете, и это прекрасно. Несмотря на ее письма, я мало знаю о ней. Надо бы встретиться, хотя я и так, в сущности, вижу ее каждый день.

Для врача, близкого к больным людям и к ученикам, его работа и жизнь, даже в нынешнем ущербном мире, кажутся более оправданными и светлыми. Но очень важно знать, что в государстве торжествующих лавочников по-прежнему живут, как и моя знакомая, как и всю жизнь знакомая мне моя жена, простые честные люди, работающие для людей.

Время уносит память, я уже не очень хорошо помню лицо моей спутницы, но, судя по ее письмам, она мало изменилась и кажется мне по-прежнему родниковой струйкой, журчащей по камешкам. И это уже быль. А Вы могли бы сделать сказку былью?!

Жизнь продолжается, жалко только, что мчится она, как поезд в метро.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТУЛЫ И ОБЛАСТИ

ТУЛЬСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «МУЗА»

Далеко не секрет, что сегодня, за проблемностью и суетностью дней, невольно забывается об истинном, все меньше и меньше хочется прекрасного, а стихотворные строки иногда кажутся ненужными и странными, как нечто полузабытое и уже безвозвратно далекое. И поэтому рождение в Туле нового литературного объединения было делом немного рискованным — откликнутся ли пишущие авторы, удастся ли своим творчеством найти понимание у туляков. Сейчас, оглядываясь назад на путь, пройденный от кружка любителей литературы до настоящего литературного объединения, могу с уверенностью сказать — да, откликнулись, поддержали, приняли. А помог в этом — единственный в Туле литературный музей, Дом-музей В. В. Вересаева. Но обо всем по порядку.

Общаясь после проведенной экскурсии со школьниками и их преподавателями, частенько слышала — пробуют учащиеся свои силы в литературном творчестве, стихи пишут, произведения классиков анализируют, да только пойти с этими наработками некуда. И тогда возникла идея — почему бы не попытаться решить эту проблему в... музее? Ново, необычно, интересно и сам Дом-музей В. В. Вересаева располагает к этому — умиротворение и красота городской усадьбы, повествующая о жизни и творчестве нашего земляка, известного писателя, пушкиниста, литературного критика и переводчика. Так, в 2004 году на базе Дома-музея В. В. Вересаева появился музейно-литературный кружок. Инновационный проект был с энтузиазмом поддержан учащимися школы № 4, именно они стали его первыми посетителями. Больше двух лет искали свой литературный почерк, нарабатывали материал, участвовали в мероприятиях музея. Приходили новые авторы. И вот, наконец, 16 ноября 2006 года в литературной гостиной музея состоялась презентация музейно-литературного объединения «Муза». Поэзия, прозаические миниатюры, эссе-размышления были представлены в литературно-музыкальных композициях участников «Музы». А судили и оценивали творчество молодых авторов мэтры современной тульской литературы — председатель Тульского отделения Союза российских писателей С. И. Галкин, известный литературный критик С. Л. Щеглов, редактор газеты «Тульский литератор» Н. Н. Минаков, руководитель литературного объединения «Пегас» М. С. Дубинский. И в один голос заявили о высоком уровне произведений участников музейно-литературного объединения. В добрый путь, «Муза»!

Прошел год. 17 ноября 2007 года в гостиной Дома-музея В. В. Вересаева прошло отчетное выступление объединения. И было о чем рассказать! И о выступлениях в библиотеке г. Алексина и Доме-музее И. А. Бунина в г. Ефремове, и о литературных акциях у памятника В. В. Вересаева на День славянской письменности и культуры и на День города, и о встречах с учащимися тульских школ, и о публикациях в периодической печати города, и об участии в общегородских мероприятиях и гостиных Дома-музея В. В. Вересаева.

Сейчас в музейно-литературное объединение «Муза» приходят уже больше пятнадцати человек. Классические формы и литературное экспериментирование, открытость для общения и равнодушие к проблемам дня сегодняшнего — вот то, что свойственно участникам «Музы» — таким разным, самобытным, талантливым. А если кто захочет поближе познакомиться с нами — милости просим! Участники музейно-литературного объединения «Муза» встречаются в Доме-музее В. В. Вересаева каждую вторую и четвертую субботу месяца в 14.00. До новых встреч!

Виктория Ткач

ОЛЬГА АНИКЕЕВА

Студентка факультета русской филологии ТГПУ им. Л. Н. Толстого.

Входит в состав студенческого совета факультета, в котором является ответственной за творческий сектор и главным образом «поддерживает творческую инициативу студентов». Принимала участие во Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы молодежи глазами студентов» с работой о наркомании. Является неравнодушным исследователем социальных проблем. Корреспондент газеты «Ярило» (обзоры книжных новинок). Автор стихотворений, прозаических миниатюр, философских эссе-размышлений на актуальные проблемы дня сегодняшнего.

ПРОБЛЕМЫ НАРКОМАНИИ ГЛАЗАМИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Статистика показывает, что наша страна становится колоссальным потребителем наркотиков. Только по официальным данным на учете стоит около 1,8 млн. зависимых от этой пагубной привычки. А реальные цифры потребителей много выше — около 6 млн. Особую тревогу продолжает вызывать увеличение смертельных исходов от передозировки наркотиков. Наркомания стремительно молодеет. Разве это не ужасно? Растет собственное производство наркотиков в стране, в том числе искусственных, дешевых, но дающих моментальную зависимость. Расширяется социальная база наркомании, которая проникла во все слои общества, охватив территорию всей страны.

Очевидно, что одним из важнейших факторов, влияющих на поиск путей выхода из сложившейся ситуации, является отношение общества к поставленной проблеме. Особенное значение в определении перспектив борьбы с наркоманией зависит от позиции молодежи, особенно студенческой, являющейся интеллектуальным и нравственным потенциалом общества.

В этой связи нами был проведен опрос среди 60 студентов I — V курсов факультета русской филологии, который был направлен на выяснение отношения будущих педагогов к проблеме наркотической зависимости и дал следующие наиболее значимые, на наш взгляд, результаты.

Более 73 % опрошенных сталкивались в повседневной жизни с людьми, употребляющими наркотики. 41 % студентов считает основной причиной приобщения современной молодежи к наркотикам любопытство, 35 % — желание познать настоящее счастье, 24 % — возможность самоутверждения. Но нам необходимо помнить, что наркомания не пощадит проявленного глупого любопытства. Известно, что организм быстро привыкает к наркосодержащим веществам и требует увеличения дозы. Человек попадает в замкнутый круг. Желание получить дозу становится целью жизни наркомана. Для него нет ничего важнее этого. И тем самым за проявленное однажды любопытство, желание самоутверждения или познания настоящего счастья придется заплатить высокую цену. Нередко этой ценой является самое дорогое — ЖИЗНЬ.

74 % респондентов считают наркоманию серьезнейшей угрозой для России в настоящее время, однако только 35 % осмысливают эту проблему как лично значимую.

Но нам нельзя забывать, что потребители наркотиков, преимущественно, молодые люди, которые только делают первые шаги в самостоятельной жизни, такие же,

как мы. Например, сегодняшняя молодежь предпочитает в свободное от учебы время, отдых в ночных клубах. А ведь именно там популярны наркотики и представлены в столь широком ассортименте. И спасти может только усиленная бдительность. Наркомания — дело не личное, с ней нужно бороться сообща. Не стоит закрывать глаза на суровую действительность.

Для того чтобы понять, что наркотики опасны, мы должны знать о них все. Знание — наше лучшее оружие. Но опрос показал, что более половины студентов не имеет достаточной информации о наркомании.

При этом 65 % опрошенных полагает, что именно государство (в лице правоохранительных органов и медицинских учреждений) несет ответственность за распространение наркомании, 25 % считают это исключительно делом наркоманов и их родственников, и лишь 10 % считают ответственным за распространение заразы общество.

На мой взгляд, полученные данные свидетельствуют прежде всего о необходимости более широкого информирования молодежи о проблемах наркомании и развития желания у студентов социальной ответственности за происходящее в стране.

Наша жизнь — наш выбор. Нам необходимо быть мудрыми людьми для принятия правильного решения. Иначе мы можем потерять самое дорогое, что есть — свою собственную жизнь.

* * *

Мне давно не помогает кофе
Убежать от будничной тревоги.
Думаю, что ждет нас на Голгофе —
Мы уже идем к ней по дороге...

Исцеленья наши души просят,
Только мы грехов не замечаем.
И надеясь, Он теперь не бросит,
На страданье Бога обрекаем...

Кровью кровь сознание не отмоет,
Мы войны холодной дети-звери.
В поле одиноким волком воет
Каждый, кто стучится не в те двери...

Алтаря распахнуты объятья,
Но и их сквозь тьму не замечаем.
Все признали: ненависть, проклятье,
Только вот любовь мы не прощаем...

* * *

Тихо падают листья кленовые,
Обреченно на город ложатся.
Может, мысли, мечты станут новыми?
Но в толпе им дано затеряться.

Их свобода — лишь миг. Вновь падение.
Нежность ветра. Земли касание.
Взмах крылами. И вновь сомнение,
Одиночество — наказание.

Кто они? Птицы ли подневольные?
Или желтой листвы упоение?
Только снятся поля им раздольные
Откровением.
Обречением...

МАКЕЕВА ЮЛИЯ

Закончила МОУ СОШ № 28 Зереченского района, затем юридический колледж с отличием. Студентка Международного юридического института. Работает в ТулГУ секретарем на кафедре «Системы автоматического управления». Дипломант конкурса «Хочу спеть свою самую главную песню». Пишет стихотворения, акrostи-хи, увлекается написанием рондо. Готовит к изданию свой первый поэтический сборник.

ИЗ ЦИКЛА «ТЕТРАДКА СТАРЫХ ВОСПОМИНАНИЙ»

* * *

Силуэт мой призрачный и нежный
На изгибе Млечного Пути.
Принимаю участь неизбежно —
Одиноко за звездой идти.
Быть ничьей среди друзей веселых
И с любимым чувствовать — чужой,
Роз прекрасных выносить уколы
И креста шершавость за спиной.

* * *

Что моя жизнь? Белый снег на дороге...
Счастье немногих хочу уберечь.
Что моя мысль? Не о черте — о Боге
Кем-то еще недосказана речь.
Что красота? Свежий воздух и солнце,
По вечерам в лунном свете вода.
Что чистота? Это скрытое донце,
Где-то забытое нами тогда.
Что пустота? Это рана без края.
Знаю, ее невозможно лечить.
Что же любовь?
И, ответа не зная,
Я вспоминаю, что создана
Жить.

РОНДО

* * *

Зима уже не за горами;
Как время летнее летит,
И солнце скоро поспешит
Играть осенними лучами.
Его дары мы получаем
И, собран, урожай лежит
Зима уже не за горами:
Она за ближними домами
Дыханьем ветра говорит.
Нас королева посетит,
Оденет этот мир снегами.
Зима уже не за горами.

* * *

В моем саду растут цветы,
Они таинственно-прекрасны,
На солнце кажется атласным
Переливанье красоты.
Узорчаты на них листы,
Роса блестит в соцветьях разных.
В моем саду растут цветы,
Они таинственно-прекрасны.
У них, наверно, есть мечты
И свой мирок души цветастой.
Любуются все ими часто.
Душисты, красочны, чисты
В моем саду растут цветы.

МАРГАРИТА КАЛИНИНА

Учащаяся школы № 4. Участница театральной студии «Актеры без масок». Дипломант конкурса «Хочу спеть свою самую главную песню». Автор стихотворений, малой прозы, верлибров, литературных экспериментов.

ЖИЗНЬ

Жизнь. Мистическая, непостижимая. Темно-жестокая и сладко-интригующая. Жизнь... Слово-то какое! Будто звон бубенчиков на браслетах эльфа... Опьяняющий, властный над сознанием, такой же вечный, как само время, и такой же бесконечно молодой. Жизнь — эльф... Эльф таится в тебе, и во мне, и в каждом из людей... Жизнь — сплошной обман. Иногда думаешь, а вдруг все то, что делает ее зримой, реальной: любовь, благородство, удивление, счастье — лишь игра разума? Может, ничего нет, кроме вселен-

ской пустоты?.. Тогда легче не «жить»! Все вокруг — сон, видение, бред, галлюцинация... ..А когда ты пел последний раз? Давай споем самую странную, самую печальную, самую прекрасную песню, и пусть не будет ни стен, ни потолка, ни нас с тобой... Пусть обрываются одна за другой тонкие ниточки настоящего... остается только шепот струн и тихий напев... Пустота, пустота... Да здравствует жизнь! Она совсем не такая, как представляют люди. Зримая, реальная, волнующая. Она придумывает нас, чтобы мы придумали ее...

...Тишина капает с карниза, с потолка, с ресниц... Ночь... Спи, мой темный эльф. Я рассказала легенду Вселенной вместо обещанной волшебной сказки. Спи... Милый... ты один здесь — жизнь... Как жаль, что ты придуман не мной!..

ИЗ ЦИКЛА «ПИСЬМА В ПУСТОТУ»

Вроде письма

Ужасно, правда: все потом пройдет?
Все трепетное, жаркое, живое...
И горные ручьи оденет лед,
И ели тоже сбрасывают хвою.
А дни... Их много. Мало. Вовсе нет.
Бессмертие сквозь смертное струится...
Пусть черным легкий кажется рассвет,
В него ныряет раненая птица.
И время поворачивает вспять,
И простирает длань владыка грозный...
Тебе, любимый, я хочу сказать:
Часы перевести еще не поздно.
Разбить полет на плоскости минут,
Расправить бурей сломанные крылья.
Нас ветры в сумрачный рассвет зовут,
Рассыпаться росой иль звездной пылью.
Прошить стальной иглой хрусталь небес,
Прожечь свой век безудержным стремленьем
И ощутить, что счастье где-то здесь,
Одно бессмертие, одно мгновенье...

Страх перед будущим всегда жесток,
От неизбежности никак не скрыться.
Но светит золотистый огонек
В глазах ожившей и отважной птицы.

Прочти с улыбкою мой странный бред.
Не правда ль, раньше так не говорила?
В тот день я в огоньках других планет
Большую тайну для себя открыла.

Путешественнику

...А жизнь — у каждого своя.
Кому-то — реки, перевалы,
Взмывающие в небо скалы,

И рядом — верные друзья.
Других зовет квартир покой;
Те — жгут бесценные минуты;
Крыла дарованы кому-то
Для песни — легкой, неземной.
Ты видел жизнь, объездил мир —
Непостижимо для иного.
Моя стрела — больное слово
И перья в качестве папир.
Вновь горы и закат в огне...
Прожить не можешь ты иначе.
КТО МАЛО ВИДЕЛ, МНОГО ПЛАЧЕТ
О ТОМ, ЧТО ГРЕЗИЛОСЬ ВО СНЕ.

ЕКАТЕРИНА ПОДКОЛЗИНА

Закончила школу № 66 пос. Косая Гора г. Тулы. Сейчас — студентка Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (факультет «психология, педагогика»). Увлечения — рисование, стихи, коллекционирование комнатных растений и статуэток, музыка (анигматика, готика, тяжелый рок).

ЭТО

Это — Жизнь... Это — Смерть...

Это то, что я вижу в далеком ночном небе. Много слез и много радости. Стремление к Свободе. Пряди волос на ветру и печаль в глазах. Шепот снега и тихая поступь зимы. Бархатная мягкость вечера. Потрескивание свечи и тени на стенах. Звезды и Луна.

Это — Грусть. Непонятная и неизведанная. Спокойствие ночи и далекие раскаты грома, весенний звон капли, задумчивая мечтательность осени и взбалмошная яркость лета. Синь утреннего воздуха. Это тихое дыхание и... Руки, сжимающие холодную сталь. Это капли горячей крови, упавшие на холодную землю.

Это забытая память. Это сладкая тоска. Мечты о любви. Это всплеск воды... Это воспоминания. Это то, что невозможно забыть.

Это то, что не покидает меня ни на секунду...

МУЗЕ

Я жду тебя, Богиня Светлой Мысли
И, жизни новую прочтя главу,
Вдруг чувствую, что крылья выросли
И в мир свой тут же я тебя зову.

Незримой гостье несказанно рада.
Крылом своим указываешь путь.
Ты рядом, Муза, ничего не надо! —
Лишь карандаш и времени чуть-чуть.

А с рифмами дружить я научилась.
Пусть ночь уже и за окном темно,
Но жизнь моя прекрасным озарилась.
Другого, понимаю, не дано!

ЮЛИЯ БЫКОВА

Учащаяся химико-биологического класса МОУ СОШ № 4. Увлекается танцами и языками, также очень нравится узнавать что-то новое про культуру и историю разных стран. Является автором стихотворений, прозаических миниатюр, верлибров. О себе пишет так: «Я живу стихами, ведь это не пустяк. И хочу поведать всем о самом главном: о том, что происходит в мире, о чувствах и мечтах людей, о беззаботном детском смехе и о том, что может показаться интересным. Вот почему я очень хочу стать журналистом».

ДВЕРИ

Дверь скрипела. Она была старой и обшарпанной, но мало кто понимал, что за ней находилось прошлое, но не то прошлое, которое мы привыкли изучать в учебниках по истории или литературы, а совсем другое — то, которое мы уже никогда не узнаем. Иногда ветер времени тихонько открывал эту дверь, но настоящее тут же решительно захлопывало ее, как бы говоря: «Всему свое время». А между тем открывается и другая дверь — это будущее. И поэтому у нас всегда есть выбор: жить настоящим, жить, задумываясь о завтрашнем дне, или жить воспоминаниями. Каждый решает для себя это сам. Но если ты ошибся и хочешь что-то изменить, помни, что дверь в мою жизнь для тебя всегда открыта.

ВЕРЛИБРЫ

Перебираю мгновенья,
Лепестки розы падают на стол.
Ветер ловит время, но тщетно,
Каждый свое уже нашел
Кому-то хватает любви, кому-то денег,
Кому-то обиды,
Но то, что нашел — береги —
Все ценно в этом странном мире.

БЕЗ НЕГО

Люди счастливы кратковременно,
А потом разбегаются порознь.
И боюсь сказать, и боюсь понять,
Начинают болеть недотрогостью.
Вновь влюбляются, разбиваются
И не могут унять возмущения.
Без него — судьба, без него одна,
Без него мое прошлое временно.

ВЛАДИМИР НЕКРАСОВ

Студент Тульского государственного университета. Автор стихотворений философского жанра. Увлекается рисованием, является участником одной из тульских молодежных рок-групп.

* * *

Красный, красный, красный,
След пропитан кровью,
Зубы прямо в мясо,
Жертва дышит мною.

Течь по черным венам
Белыми телами —
В ночь прибиты к стенам
Терпкими парами.

Можешь ты быть, может —
Кость догрызть до правды!
Путь по следу ходит
Красным, красным, красным.

Пыль на дне дороги
Стелет в лес от века,
Дико воют боги
В спину вместе с ветром.

Целый на распутье,
Шаг за шагом разный,
Рвется на лоскутья
Красный, красный, красный.

* * *

Книги и окна,
Шаги за стеной,
Темные шторы
И тени за тьмой,
Блики и стекла
И бледный бокал,
Шорох и шоры
И лепет зеркал.

Мягкое кресло,
Остаток вина,
Книжные полки
И строчки — до дна.
Душно и тесно.
И снег до земли.

Это осколки,
Но там — фонари,
За проводами
Мерцанье окна,
Ночи и мысли,
Метели без сна,
Воспоминанья
Мелькнувший звонок...
Мысли
Мысли...
Пустой потолок.

ОЛЬГА СОЛОМАТИНА

Закончила колледж им. А. Г. Рогова по специальности «Экономика и бухгалтерский учет» с присвоением квалификации бухгалтера. В настоящее время учится на третьем курсе ВЗФЭИ. Дипломант конкурса «Хочу спеть свою самую главную песню» (2007 г.). Дипломант городского конкурса «Ступени» в номинации «Поэзия» (2007 г.). Дипломант Международного фестиваля поэзии в Туле (апрель 2007 г.). Автор стихотворений, рондо, рассказов (сказка).

РОДНАЯ ТУЛА

Родная тульская земля,
Прошла ты радости, печали...
И стены крепкие Кремля
Тебя геройски защищали!

Столетиям вопреки смогла
Помножить красоту на годы!
Все звонче бьют колокола,
Усердней трудятся заводы!

Все ярче солнце над тобой
В лучистых светится улыбках!
Пейзаж все краше над Упой,
Его не передать в открытках!

А помнишь тот отважный май:
С тобой мы встретили победу?!
Мой самый близкий сердцу край,
Вовек отсюда не уеду!

И коль угодно так судьбе,
Вдруг разлучить нас в жизни этой
Пусть ностальгия по тебе
Хорошей сбудется приметой!

И я вернусь в отчизну вновь:
К истокам и воспоминаньям!
Нет, не умрет моя любовь
К знакомым уличным названьям,

К счастливым номерам домов,
К звонку спешащего трамвая...
Ах, Тула — город мастеров!
Как хорошо, что ты такая!

УПРЯЖКА ВЕСНЫ

Наполнится воздух медовым парфюмом,
Овацией листьев, беспечным сумбуром!
Меж трав, что пестреют зеленым велюром,
Весна мчит упряжку свободным аллюром!

Капелью звенят бубенцы-первоцветы
Весна мать-и-мачехи сыплет монеты.
И трель соловья открывает рассветы
Под робкие первых сверчков кастаньеты.

Растаяла грусть зимней долгой разлуки:
Весна наши судьбы взяла на поруки.
Амуры тугие направили луки:
Да здравствуют вечно любовные муки!

БЕЛАЯ ГОЛУБКА (Сказка)

...Их было двое: девушка и город. Галина шла не спеша по сонным утренним улицам, наслаждаясь сиянием первых лучей восходящего солнца. Вокруг ни души, казалось, она наконец-то осталась наедине с любимой Тулой...

...Их было двое: юноша и город. Он стоял на остановке возле ТюЗа, кормил голубей и умиротворенно размышлял о том, как хорошо уйти от всех забот и остаться вот так — один на один с любимым городом...

...Неторопливые шаги девушки заглушил отдаленный звон приближающегося трамвая. Торжественно сверкая окнами, трамвай остановился, и девушка зашла в уютный, по-утреннему пустующий, салон...

...Птицы жадно налетали на вкусный завтрак, состоявший из семечек и крошек белого хлеба. Парень всегда заботился об этих голубях, не только по доброте своей юной души, безусловно, он был хорошим человеком, просто Александр, так звали доброго юношу, особенно дорожил этими голубями...

...Она выбрала место у окна, где любила сидеть еще совсем маленькой. Галя вспоминала своего отца, погибшего в автокатастрофе. Он всегда помогал ей и маме, защищал от обидчиков, если таковые находились, умел поддержать в трудные минуты. Папа очень сильно их любил и, конечно же, они отвечали ему взаимностью. Ведь было за что: заботливый, смелый, сильный, хозяйственный, умный, порядочный человек и имя ему очень подходило: Александр — «защитник людей»...

...Его мать умерла еще при родах, поэтому маленький Сашка совсем ее не знал, и только многочисленные фотографии в альбоме говорили мальчику о том, что мама была необыкновенно красивой и доброй женщиной. В ее голубых глазах всегда царил нежное спокойствие. Она была ласковой, кроткой и заботливой, а звали маму Галиной. Родные рассказывали, что папа всегда с любовью называл ее: «моя голубка»...

...Быстрый трамвай несся по тульским улицам, мимо стремящихся ввысь домов и деревьев, чуть позолоченных кистью художницы-осени. Девушка наслаждалась этим зрелищем, этим полетом по родному городу и ощущала себя легкокрылой птицей...

...Мальчик никак не мог понять, почему у всех его друзей и подружек есть мамы, а у него нет, на фотографиях есть, а рядом — нет. В один день он не выдержал и решил самостоятельно выяснить это у взрослых. Какой-то хулиган во дворе со злой ухмылкой сказал ему, что она умерла и больше Сашка ее никогда не увидит. Расстроенный мальчик прибежал к отцу весь в слезах:

— Мне во дворе сказали, что мама умерла! Это правда, пап?! Ну почему ты молчишь?!

Отец, чтобы не травмировать чуткую душу маленького Шурика, решил рассказать ему красивую легенду:

— Помнишь, Сашенька, мы ходили с тобой в ТЮЗ на сказку?

— Конечно, помню.

— А помнишь, в тот момент, когда мы вышли после спектакля, к нам подлетела красивая белая голубка с сизым перышком в крыле? Мы еще с тобой покормили ее тогда семечками, помнишь, Сашенька?

— Помню, а причем здесь голубка?

— А притом, что это и есть твоя мама.

— Как это моя мама, а почему мы с тобой тогда не голуби? Не понимаю.

— А вот так: однажды наша мама очень сильно простудилась, так сильно, что чуть-чуть не умерла, но дело в том, что она была очень хорошей, и поэтому Бог пожалел нашу мамочку, не дав ей умереть. Он позвал ее работать к себе на небо почтовой голубкой, где она будет жить вечно и помогать хорошим людям! Вот и сейчас она, наверно, видит сверху, как ты, неугомонный, спать вовремя не ложишься. Ну-ка, марш в кровать! Нечего маму расстраивать!

— Хорошо, пап!

На следующее утро был день рождения Саши, отец подарил ему эту голубку, а что он мог сделать, если мальчик горячо упрашивал поймать маму, чтобы она жила вместе с ними. Но в скором времени Сашка рассказал отцу, что ему приснился Бог, который попросил отпустить маму, но сначала Саша должен привязать ей на лапку записку с вопросом «как мы будем дальше жить без тебя, милая мамочка?». Она подумает, там, на небе, и принесет ответ, когда настанет время. Мальчик так и сделал: бережно привязал к лапке птицы записку и выпустил ее возле ТЮЗа...

...С тех пор прошло немало лет, мальчик вырос и возмужал. Но все же, по старой привычке, каждое утро, Александр выходил покормить этих чудесных птиц. Теперь он мог лишь с горькой улыбкой вспоминать эту красивую сказку о белой голубке с

сизым пером в крыле. Но, несмотря на свои реалистичное мировоззрение, парень в глубине души еще продолжал верить в правдивость этой истории. И все еще живущий там наивный ребенок ждал маму-птицу с ответом на волнующий вопрос: «как мы будем дальше жить без тебя, милая мамочка?»

...А трамвай все мчался в неизведанное, и девушке казалась, что сама судьба указывает ему направление. Галю неожиданно охватил трепет предчувствия чего-то неожиданного и прекрасного, что навсегда изменит ее жизнь. Она, все еще пребывая в глубокой задумчивости, рассеянно бросила взгляд в окно. На обочине заботливо суетился силуэт молодого человека. Кто же он? Тот таинственный незнакомец, что кормит голубей на остановке? Как же он похож на ее отца, не то, чтобы внешне, во-все нет, но в каждом его жесте прослеживалась те же манеры, то же мужественное спокойствие и уравновешенность... Трамвай остановился, девушка вышла и, набравшись храбрости, заглянула в притягательные глаза незнакомца!..

Покормив голубей, сентиментальный юноша уже собирался, было уходить, когда его случайный мимолетный взгляд скользнул по хрупкой девичьей фигурке в струящемся шелке легкого белого платья. На миг ему показалось, что эта незнакомка — его мать, сошедшая с фотографий альбома. Не отдавая себе отчета в происходящем с ним наваждении, парень решительно заглянул в ее лучистые голубые глаза!..

...Их взгляды встретились.

— Александр!

— Галина! — представились они друг другу.

...Свадьба Александра и Галины затянулась до позднего вечера. Наконец-то гости разошлись, оставив молодоженов один на один со звездной осенней ночью. За окном шел дождь, и звезды дрожали на темно-синем бархате неба так, как будто боялись соскользнуть и упасть в бездонное клокочущее море дождевых луж.

Он ласково погладил волосы своей жены и нежно прижал ее к груди, к самому сердцу:

— Моя голубка! Я люблю тебя! Послушай, как сильно бьется мое сердце!

Она прижалась щекой к груди своего мужа, но тут же испуганно вскрикнула, увидев бьющуюся в окне белую птицу:

— Александр! Это же к несчастью! Нет, я не хочу тебя терять, как потеряла надежды отца! — плакала девушка.

Парень невозмутимо распахнул окно. Вместе с ночной освежающей прохладой в спальню молодоженов ворвалась красивая белая голубка с сизым пером в крыле, к ее лапке была привязана маленькая записка. Александр, не веря своим глазам, развернул ее и прочитал. Да, это и был ответ на тот долгожданный вопрос: «как мы будем дальше жить без тебя, милая мамочка?» Записка гласила: «Живите в мире и согласии, мои голубки, благословляю вас!»

И тогда Александр улыбнулся Галине и обнял ее со словами:

— Не бойся моя милая голубка, само небо благословило наш союз!

И потом он поведал ей ту красивую сказку, которую ему когда-то рассказал его отец...

...Теперь их стало четверо: Александр, Галина, их маленькая дочка Ангелина и город, да, их родной и любимый город Тула, который помог встретиться двум одиноким родственным душам и полюбить друг друга навсегда!

СВЕТЛАНА РУСАКОВА

Разнообразие в плане жизненных этапов, образов, поэтических настроений. Пишет стихи, попробовала себя в написании сказки, пьесы, дневниковой прозы. Автор поэтической подборки в сборнике стихотворений «Особняк на Менделеевской».

ПРОСТО СКАЗКА

Здравствуйте! Я — обычный рейсовый автобус. Много в Туле таких автобусов, как я. Четыре раза в год, по ночам, я превращаюсь в карету из драгоценных камней и еду за одной из четырех волшебниц — хозяек времен года. Но, однажды днем, меня поставили в ремонт. Этой ночью мне надо было ехать за хозяйкой лета (очень неприятно, когда болеешь, а работать надо). Рядом со мной стояли в ремонте: «скорая помощь» и очень дорогая легковушка. Их вечером закончили ремонтировать, а утром должны были проверить. Я попросил их съездить за волшебницей вместо меня.

— Я всегда нужна людям,— ответила машина «скорой»,— А если человеку плохо, а другие машины заняты? Попроси легковушку.

— И я не помогу,— отозвалась легковушка.— Мой хозяин и я знаем, что престижно, что — нет. Вот если бы королева или, хотя-бы принцесса... А то «волшебница»...

— Я привезу лето! — сказала вдруг детская коляска, стоящая у соседнего дома.— Я хоть и маленькая, а сильная. Так где искать?

Через несколько минут кому-то приснилось, что по небу едет карета, немного похожая на детскую коляску. Карета подъехала к волшебнице — прекрасной женщине. По дороге на Землю женщина постепенно превратилась в большеглазую девочку с летней доброй улыбкой.

Что еще рассказать?.. Я — все такой же рейсовый автобус. Днем... А четыре раза в год ...

Коляска в то же утро вернулась к обычной девочке Миле. Ее мама нашла в коляске букет ромашек, конфеты и записку: «Мила — значит Милая. Будь счастлива!»

А вы, если увидите девочек, женщин с летними улыбками, знайте: перед вами — волшебницы. И неважно, когда они родились!

СОН

Можжевеловая дудочка,
Севастопольский мотив...
Ах, какая все же дурочка,
Ах, какой большой наив!
Сон о площади Нахимова —
Там тогда играл трубач.
В небе крылья Серафимовы
И беззвучное: «Не плачь!»
Есть лишь миг... На Графской пристани
Сквозь мгновенья и века
Лунную дорожку выстелит

Безмятежности рука...
Смолкнут звуки в Тульском воздухе
Можжевеловой тоски.
Сон умчит играть со звездами,
Выпорхнув с моей руки.

ПРОСТО СЛОЖНО

В жизни все просто —
В жизни все сложно.
На елке — звезды,
В руке — мороженое.
В жизни все сложно —
В жизни все просто.
Разве возможно —
Шутить серьезно?

Видишь — на небе звезда осталась?
Лампочка просто, наверно, сломалась.

СЕРГЕЙ ЕФАНОВ

Родился 20 июля 1969 года в г. Ефремове Тульской области. По окончании школы и после службы в рядах СА работал воспитателем детского сада. Учился в Тульском педагогическом институте на литературном факультете. Не окончил первый курс, три раза пытался поступить в Московский литературный институт. Писать стихи начал 25 января 1985 года. В начале-середине 90-х годов прошлого века попробовал себя в легкой прозе: рассказы и сказки для детей и подростков. К более серьезной прозе обратился в 2005 году. За этот период написано несколько рассказов и повесть «Жмот». Их герои — реальные люди, живущие среди нас с вами.

НОЧЬ

Город пытался уснуть. Только изредка слышны были отголоски очередной «разборки», да железнодорожный вокзал выхватывал из темноты составы и посылал их по нужным направлениям. А пассажиры в составах мирно смотрели свои сны и даже не предполагали, что утром они проснутся именно там, где им хотелось быть, там, куда в будущей жизни им уже, возможно, никогда не захочется. Дома, огромные и маленькие, закрыли свои глаза-окна, лишь в одном, уже далеко за полночь, упорно горел свет...

Ночь была хороша, даже слишком хороша для того, чтобы он мог позволить себе спать. Мальчик сидел на подоконнике распахнутого окна с закрытыми глазами и играл на флейте. Он не мог видеть окровавленные жертвы ночных «разборок» и составы, уносящиеся вдаль, но он, даже не открывая глаз, прекрасно видел те далекие, манящие неизведанные миры, и видел музыку. И волшебные звуки флейты его абсолютно не нарушали покоя посапывающих, храпящих, тихонько стонущих соседей, потому что для них эта музыка было просто недоступна. Так недоступна, дика и далека, как вечно манящие кристаллы величественных звезд.

В распахнутое окно впорхнула ночная бабочка, закружилась, глупая, под лампочкой, нырнула вдруг куда-то в сторону и спряталась в углу за шкафом. Не кружилось тебе, незваная гостья, в прохладной свежести летней ночи. Устала, а может — обидел кто?

А звуки флейты незатейливо поднимались вверх, и казалось — то сама душа устремилась к чопорности ночных светил, и воздух застыл на мгновение, боясь создать фальшивые вибрации, и, вопреки всем земным и небесным истинам, в окошко вдруг влетел Ангел, слегка коснувшись крылом своим сомкнутых век Мальчика, и волшебство искусства достигло своего апогея, и Ангел в этот миг так и застыл у лампочки под потолком, да у соседа за стеной предательски скрипнула кровать...

Мальчик медленно открыл глаза: в мире будто бы ничего не изменилось. Не верь себе, не надо. Просто играй, играй же дальше! Я слышу тебя, и пусть ты знаешь, что ты в этой Вселенной — не один...

ВИТАЛИЙ МОРОЗОВ

Родился я в городе Добрянка Пермской области 1 декабря 1977 года. Чуть позже переехал с родителями в Тулу, где окончил среднюю школу и поступил в ТГПУ имени Л. Н. Толстого на исторический факультет. Автор стихотворений на исторические и философские темы, произведений гражданской и социальной тематики, стихотворных переводов английских поэтов.

ОДА НАСЛЕДНИКАМ СТАЛИ

Когда призывный мрак войны
Начнет стелить в земле могилу,
Мы вспомним город тишины,
Пусть выкует булата силу,

И богатырская рука
Сей рукояти не отпустит,
Покуда сталь меча крепка,
И радость не уступит грусти,

Покуда русский дух силен,
Россия не забудет Тулу,
Народ демидовский сплочен
И не покинет караула,

Вслед за зимой придет весна,
Цветы проглянут из-под снега,
И вновь наступит тишина,
И уплетется мрак-калека.

ОСЕННЯЯ МЕЧТА

Осеннею листвою
Покрыт мой старый город,
Желанных грез моих,
Мечтаний властелин,
Как раннюю весной,
Опять дожди и холод,
А я твержу, как стих,
Что он такой один.

Пусть древних этих стен,
Не сокрушит ненастье,
Пусть мимо стороной,
Проносится себе,
Как песня перемен,
О радости и счастье,
О той земле родной,
И об иной судьбе,

Я знаю этот сон,
Но где-то есть тот город,
Объятый тишиной,
Быть может, просто спит,
Один лишь только он,
На свете мне так дорог,
Затронет разум мой,
И сердце воскресит.

ЕЛИЗАВЕТА БАРАНОВА

Кандидат технических наук, доцент. Работает в ТулГУ на кафедре «Автоматизированные информационные и управляющие системы». Стихи пишет с десяти лет. Написано около двухсот стихотворений. Основная тематика стихотворений — любовная и пейзажная лирика. В 2001 году заняла первое место по результатам отборочного тура, проводимого редакционной коллегией альманаха стихов «Мы с реки Есенина». В 2002 году заняла второе место в городском конкурсе поэтов. Печаталась в сборниках стихов В. И. Петрова «Мы с реки Есенина», сборнике факультета МиСУ «Состоянии души», газетах «Тула» и «Тула вечерняя».

* * *

Дождливой неурядицей
Душа моя засеяна.
Черемуха нарядится
Опять в пальто осеннее.
Сухие листья ясеня

Слетают с его кителя...
А я прошу согласия
У ангела-хранителя.

Ведомая пристрастием
Быть вечно обреченною,
Я спутала запястия
Веревкою крученою.
Чтоб одолеть неровности
Грядущего события,
Опять прошу покорности
У ангела-хранителя.

А осень проповедницей
Прикинулась из милости
И назвала наследницей
Меня своей сонливости.
Я, сделав упущение,
Не призвала спасителя.
Теперь прошу прощения
У ангела-хранителя.

* * *

Зачем тебе чужая жизнь,
Вселенной беглая цитата?
...Взамен «зеленки» льется синь
На рану свежую заката...

Зачем тебе моя любовь,
В персоне жившая нон-грата?
...От солнца выступила кровь,
Впитавшись в облачную вату...

Зачем нужна мне твоя боль,
С трудом забытая потеря?
...На небо выспалась соль
Мельчайших звездных суеверий...

— Зачем нужна мне твоя страсть —
Дожди сошедшие и сели? —
...Тебе я, крикнув, осеклась —
От страха губы онемели...

Зачем мне нужен белый свет,
Сошедшийся однажды клином?
...Ночи врачующей корсет
Теней затянут паутиной...

Зачем мне нужно двести лет
Жить там, где ты проходишь мимо?
...В любовь играет тихий бред
С моим уставшим псевдонимом...

ЛЕВОН АБРАМЯН

Ветеран транспортного и сельскохозяйственного машиностроения СССР, имеет звание «Изобретатель СССР». Автор пейзажной и любовной лирики, прозаических философских миниатюр и мемуаров. Его поэтические подборки печатались в республиканских газетах «Молодежь Узбекистана», «Берлик «Единство», «Новый век», в альманахе «К землянам», поэтическом сборнике «Гриф и Странник», альманахе «На крыльях Пегаса» и журнале «Приокские зори». В 2006 году вышел в свет первый поэтический сборник, в июле 2007 года — сборник «Песню не убить», в который вошли прозаические миниатюры и стихотворения философского характера.

ЧИТАЯ «ПОЛНОЧНЫЕ СТИХИ» АННЫ АХМАТОВОЙ

С оттенком грусти, то ль вины
Души глубины волновали,
Средь наступившей тишины
Разлуки горечь всю впитали.
Еще не стихшая любовь
Воспоминания рождала,
Переосмыслить вновь и вновь
Звала и, плача, воспевала.
Из бытия тот дивный сон
Уводит даже в зазеркалье.
Душевных струн там перезвон
Тревожней. Будто на закланье
Родное было отдано.
Горит свеча, а все ж темно.
И в настроенье свет, и тени,
И всплески вспыхнувших волнений
В ночи нахлынули свежо.
А уж любви грозит затмение.
И то ли радость, то ль мученье
В глубинах глаз отражено.

* * *

Сыплет снег. Мне б с тобою пройтись
В этом пышном, свежем и белом.
Ты мне сказочной феей явись,
Чтобы я очутился в заветном.

И, чаруй! Так легко чаровать
Твоим милым, загадочным взглядом.
Мне впервые зимой пропадать,
Когда нежная женщина рядом.

Горячо почему-то в груди,
Тихо, тихо и ласково тает.
Пусть вокруг снег глубокий да льды,
Сердце милое, тайное знает.

В белом царстве с тобою тепло,
Пусть летят на ресницы снежинки.
Оттого ль, что на сердце светло
Мне все кажется — это пушинки.

Мир блаженен и чувств не избыть.
Пусть покроется он весь снегами.
Ни за что, никогда не сокрыть
То, что радостно было меж нами.

НЕ ОТВЕРГАЙ, НЕ ПОЗНАВШИ

Из частного вытекает общее. Порой мы так безапелляционны во мнении о том или ином человеке. Судим по первому впечатлению увиденного или услышанного. И, не желая понять, узнать его, по сути, пренебрегаем, а то и нелестно отзываемся.

И как тут не обратиться для сравнения к природному явлению.

Ползет гусеница. Сколько отрицательных эмоций и даже отвращения вызывает ее вид. Мы готовы раздавить, уничтожить это гадкое ползучее существо. Гусеница будто чувствует и старается спрятаться от недоброго взгляда. Уползти под листок.

И наконец надежно прячется в свой последний домик — кокон. Нас не интересует ни кокон, ни процесс, происходящий в нем. Это все вне нашего поля зрения.

Время идет, а малозаметный маленький футлярчик как висел, так и висит. И что нам до происходящего внутри. Мы заняты своим, нас интересует наш внутренний, как нам кажется, грандиозный неповторимый мир. Наша внутренняя вселенная.

И вот однажды, прогуливаясь на лоне природы, мы вдруг замечаем: «Какая прелесть эта порхающая бабочка! Какое чудо!» И не перестаем восхищаться, глядя, как она легко и затейливо перелетает от цветка к цветку. И не вспомним ту гнусную ползучую гусеницу и то наше презрение к этой неприятной, как нам казалось, твари. А ведь произошло чудо преображения.

Сколько прекрасных людей встречалось в жизни, а мы, пренебрегая, отгораживались, торопились составить мнение, так и не познав ту ценность, что они несли нам, как личности, как творцы.

А ведь этим мы обкрадываем себя. Так нам и надо. Но могло быть совсем по-другому.

ВИКТОРИЯ ТКАЧ

Закончила Тульский государственный педагогический университет (факультет иностранных языков). На 4 курсе вышел в свет ее первый поэтический сборник «Сон» (1998), который составила ранняя лирика, а также стихотворные переводы французских поэтов (Шарля Бодлера, Альфреда де Мюссэ, Эмиля Верхарна, Поля Верлена и др.). Затем были сборники «Лестница времени» (1999), «Капля солнца» (2000), «Всполохи» (2001), «Перечитай мои стихи!» (2005), «Чужое столетье» (2007). В 1998 г. была принята в Союз

русских писателей. Ее творческая биография размещена в серии книг «Тульский биографический словарь. Новые имена». Сейчас Виктория — автор стихотворных и прозаических публикаций в литературно-художественном журнале «Прикосновение», в литературных альманахах «Артефакт», «Тула», коллективном сборнике «Свет любви», «Здравствуй, Тула», «Отчий край», периодической печати г. Тулы и области. Творческую копилку автора составляет не только лирика, но и прозаические миниатюры, аллегории философского характера и литературные эксперименты в виде акростихов, ропалонов и верлибров.

Виктория Ткач является научным сотрудником единственного в городе литературного музея — Дома-музея нашего земляка, прозаика, переводчика и пушкиниста В. В. Вересаева. Это предоставило новые возможности для реализации ее творческого потенциала. Виктория стала организатором мероприятий «Литературные среды в Доме-музее В. В. Вересаева», проводя встречи тульских писателей с их читателями, творческой интеллигенцией города, а также презентации новых поэтических сборников, книг, литературных газет и журналов. Является руководителем музейно-литературного объединения «Муза», созданного на базе музея.

Уже 3 года успешно развивается ее литературный проект «Молодежная неформальная литературная газета «Изюм», основателем и редактором которой является Виктория. Газета создает пространство для творческой самореализации во многих литературных жанрах, а авторами газеты стала молодежь Тулы и Тульской области (Щекина, Донского, Ефремова, Алексина, Новомосковска, Советска, Венева, Богородицка), а также Москвы, Санкт-Петербурга, Тамбова, Томска, Архангельской и Мурманской области. Информационную поддержку в интернете создает электронный сайт газеты, благодаря которому появилось много российских и зарубежных читателей газеты.

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО СБОРНИКА «ЧУЖОЕ СТОЛЕТЬЕ»

* * *

Ходит кот-часовой
По карнизу чужого столетья.
У дороги домой
Мы опять — нелюбимые дети.

Неприкаянны сны,
На ладонях — чужие ошибки.
Мы — издержки вины
В откровениях поздних и липких.
Не бегите от нас —
Нам так хочется веры и света!
В равнодушии глаз —
Обреченье пустого конверта.

Оглянитесь назад,
Потакая незримо кому-то!
Люди, кто виноват,
Что для вас мы — всего лишь
                                минуты?..

* * *

Они приходили к ней —
Нездешние и настоящие.
И были огня больней
Безумия, их слепящие.

Всю душу взрывали вдруг
Осколками ярко-алыми.
Потом летели на юг,
Прекрасные и усталые.

Рассветом врвались в ночь —
Мятежные и жестокие.
Им так хотелось помочь,
Но счастье ничье — далекое.

И не было их родней.
Немеренно и не взвешенно
Они приходили к ней —
Стихи к одинокой женщине.

* * *

Эта женщина — не из камня.
Эта женщина — не из стали.
Просто будни закрыли ставни,
А потом за собой позвали.

Просто дети купили шторы,
Чтобы взглядом ей не леталось,
А взамен — ни о чем разговоры
И стандарты (такая малость!).

И налили в бокал печали,
И разбавили осуждением.
Вечерами — теплые шали,
По утрам — крепкий чай с вареньем.
Не хотелось, терпелось, пелось,
И однажды, открыв все двери,
Она в праздничное оделась,
Чтобы в будущее поверить.

Не поверилось. Не взлетела.
Было сердце — да стало пеплом.
Только щеки — белее мела,
И глаза навсегда ослепли.
...Эта женщина — не из стали.
Эта женщина — не из камня.

Просто крылья у ней забрали,
И зачем-то вернули память.

* * *

Мне кажется, что кто-то за спиной —
Задумчивый, загадочный и странный —
Однажды позовет вдруг за собой
Сквозь жизни, откровенья, океаны.

И я пойду, дыханье затая,
Влекомая доверчиво и зыбко.
Прощай, мой друг! Я больше не твоя.
Я — отблеск, мотылек, полуулыбка.

Я просто сон, реальный иногда,
Оставим у порога разговоры!
Горит свечой далекая звезда,
И лисы спешно покидают норы.

Все — мой удел. И кто-то за спиной
Об этом точно почему-то знает.
Не обижайся, ты уже — чужой.
Я по ночам опять теперь летаю...

* * *

Предчувствие... И вдруг — взошла луна!
И серафимы головы склонили —
Незримая, прекрасная страна
Стряхнула с рук остатки звездной пыли.

И кончен день, и все завершено
В мирах больших и сокровенно малых:
Так смотрит путник на мечту устало
В открытое когда-то им окно;

Так книга удивляется слегка
Последней завершающей странице.
Густеет тишина, и чьи-то лица
В часах живут крупинками песка.

Минутами роняют лепестки
Цветы в стеклянно-затемненной вазе,
И в первозданно-истинном экстазе
Слетаются на свечку мотыльки.

И сладок увлекательный полет!
Душа подобна отголоску дыма.
В молчании застыли серафимы,
И только ночь идет,

идет,

идет...

* * *

Я проснулась на исходе дня,
Не встревожив белые одежды.
Так, наверно, возвращались прежде
В мир, который был и до меня.

Я лежала в глубине зеркал,
В тишину вплетая отраженья.
Где-то мимолетностью скольженья
Ангел светлой дымкой исчезал.

Я ждала, и думалось о Нем,
И хотелось плакать, и молиться,
И летела призрачная птица
В небе отрешенно-голубом.

И дрожал, дыханием согрет,
Мотылек, похожий на прозренья...
Как же трудно это возвращенье!...
Как же мало этой жизни лет...

Я проснулась на исходе дня...

* * *

В чьем-то мире изменчиво-странном
На одной из далеких планет
Говорят в унисон о желанном
Миллионы ненужных Джульетт.

А Тристаны, забыв об Изольдах,
Продолжают нелепую жизнь.
Там скупают за медные сольдо
Отраженья забытых святынь.

У художников нет вдохновенья,
И поэты бездарно молчат,
И мудрец обречен на забвенья,
Как пропущенный кем-то закат.

Не пугайся однако рассказа.
Все уверены в счастье своем,
Иногда принимают от сглаза
Эликсир, разбавляя вином.

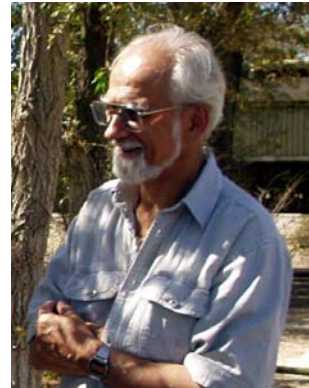
А потом засыпают блаженно
И не знают, как с криком совы
Кто-то вскрыл от отчаянья вены,
Чтобы быть — хоть мгновенье — живым...

ПОЭЗИЯ

Роман Тишковский
(г. Химки)

(PERSONALIA)
СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Роман Константинович Тишковский, недавно отметивший свое семидесятилетие, один из наиболее заметных современных русских поэтов, прислал в редакцию «Приокских зорь» подборку своих стихотворений с припиской: «...а сейчас еду в длительную командировку в Байконур». То есть профессия его понятна.

Автор сборника лирики «Я шел к тебе», 2002 г. Опубликовал более полутора сотен стихотворений в тридцати коллективных сборниках и альманахах, в том числе: «Поэзия», «Антология одного стихотворения», «Православная антология», «Московский Парнас», «Москва златоглавая», «Я помню чудное мгновенье...», «Душа в заветной лире...», «Из века — в век», «Озарение» — 2003—2006 годы, «Созвучие-1, 2, 3, 4, 5», «Протуберанцы», «Золотые протуберанцы» и другие. В 2004 г. Леонид Ханбеков выпустил книгу-размышления о его творческой судьбе «Неискренности чувства — убоюсь». Этот литературно-критический очерк вошел во 2-й том трехтомника сочинений Л. Ханбекова. Член редакционного совета альманаха «Московский Парнас». Художественный руководитель литобъединения «Химки». Член Союза писателей России. В 2007 г. МОО Союза писателей РФ «за верность традициям русской культуры и литературы» награжден Золотой Есенинской медалью.

ВЫВОЗ РАКЕТЫ НА СТАРТ

Ракету в МИКе* измордовали —
Ей в небо лететь пока не давали.
Нашпиговали всем, чем возможно,
Чтобы взлетела она непреложно.
Чтобы потом, подведя все итоги,
Ей не мешали ни люди, ни боги...

Да! Над ракетой все колдовали,
Ей самое должное — все воздавали,
Вселяя желанье, вселяя хотенье,
Перелагая его в нетерпенье,—

---

* Монтажно-испытательный корпус.

То нетерпенье, когда все итоги
Должны подвести к неизвестной дороге...

Нет же, конечно, — не так неизвестной,
Как распростертой над звездною бездной —
Там, где желанье бездонного неба —
Равно желанью голодного — хлеба!
Так что ракету ждал поворот
Уже у самых последних ворот:

...Раскрылись ворота, и вот оттуда —
Вдруг показалось светлое чудо!
Все, как положено, все, как по форме:
Она — возлежала одна — на платформе.
Сзади платформу толкал мотовоз,
И медленно-медленно двигался воз.

Конечно, не воз — ну, экая проза!
Была неудачною несколько поза:
Зад приподнят, хвостом вперед —
На чудо смотрел деловито народ.
А боковинок красные сопла
Горели, точно на солнце стекла.

Ракета желала. — В небо желала.
Еще не рвалась, но готовилась честно.
Все понимая, она понимала,
Какая ей предстояла бездна.

Но ей — хотелось.
Очень хотелось —
Увидеть и солнце, и небо, и звезды,
И как Земля вращалась-вертелась, —
Ракета — готовилась долго, серьезно...

Ракета желала.
Ракета хотела
Ворваться в небес бесхребетное тело.
Да! В тело небесное страстно вонзиться
И в нем — раствориться.
Навек раствориться.

Ну, а пока — по прямой, не зигзагом —
По рельсам ползла она, шаг за шагом.
Немного была неудобною поза,
Но, по-житейски, проза так проза.
И красные сопла всех боковых —
Крестом красовались — дважды на двух.

И капсула ярко на солнце белела,
И было спокойным ракетное тело.

А страсти, которые в ней забушуют,
Еще не успели сформироваться...
И, чувствуя, видно, нагрузку большую,
Ты — продолжала слегка улыбаться.

Устал была и немного озноб.
Утро рабочее — прямо в лоб.
Чувства высокие обуревали,
И мы — за ракету — все горевали.

Заря уходила — за старт, за восток.
В душе разгорался тихонько восторг.

СТАРТ РАКЕТЫ

День выдался на славу.
Четко виден старт.
Ракета, в изморози, медленно парилась.
Сегодня ночью ей опять приснилось,
Что ей — лететь.
Кто ж этому не рад?!

Везде — был праздник.
Ощущенье цели.
Причастность к этой цели.
Торжество.
Все мышцы — в напряженье. Мышцы — пели.
И тело — пело. Пело — естество!

Тебе казалось...
Что тебе казалось?
Я за тебя не буду объяснять.
Но я одну, одну заметил малость —
Ты продолжала внутренне сиять.

И вся была — воздушна и счастлива.
И вся была заполнена мечтой.
Но за тебя, мол, что с тобою — БЫЛО,
Писать не буду.
С этой высотой
Еще мне жить, стареть и — улыбаться,
И тихо за тебя — тобою восторгаться...

Я никогда нигде бы не признался,
Что, вот, мол, пальцы глупо беребя,
Не так я за ракету волновался,
Как я тебя — любил и восхищался
И волновался — больше за тебя.

...Но Время!!
    Был огонь.
        Метнулся дым.
А перед этим — отскочили штанги.
И грохот.
    И напряг.
        И молодым
Себя я вдруг почувствовал — на танке.

Рванулось небо.
    Грохот захлестнул.
        Пошла, родная!
        Мед-лен-но.
        И — зычно.
И дальше —
    в общем счастье —
        утонул
С тобою ВМЕСТЕ.
    Значит, все отлично!!

(2002, Байконур)

ДИКАЯ РОЗА (по мотивам Гете)

В белом поле, в чистом поле
Роза дикая цвела.
Роза дева приглянулась —
Дева радостно решила
Розу дикую сорвать:
Роза — солнечный букет
В чистом, чистом поле!

В белом поле, в чистом поле
Роза дева донесла:
Если что, она уколет
Деву крепкими шипами,
Боль на память поднесет
Роза — солнечный букет
В белом, белом поле.

Розу дева заломила,
Одолев тяжелый страх.
И остались им на память —
В кровь изодранные руки
И колючки в рукавах.
Розы брошенный букет
В сером, сером поле.

КРУТАЯ ГОРА
(французская баллада)

Между милым и мною — гора крутая,
Птицы с вершины не долетают.

Облака над горой словно перстни-колечки.
Трудно в гору идти, кабы под гору — легче.

«Мы измучились,— милый твердит.— Ради Бога,
Я свободы хочу, дай свободы немного».

О какой свободе ты лепечешь, милый?
Я свободно тебя за горой полюбила.

За горою в саду, на чинаре тенистой,
Соловей заливается голосистый.

До утра он поет, не смолкая ночами,
Как любимым на свете бывает печально.

Если кто-нибудь гору крутую сроеет,
Мы камней натаскаем — другую построим.

УЧТИВЫЙ РЫЦАРЬ
(по мотивам испанской баллады)

Однажды рыцари охотой
Заняться дружно собрались.
Не все, конечно, доброхоты,
Другие — тоже подались.

У них и соколы, и стрелы,
Еще у каждого — кинжал.
Не рыцари — одни спортсмены,
Чему никто не возражал!

Лесами рыцари кружили —
Такое было не внове,—
И много подвигов свершили,
А рыжий рыцарь — во главе.

Энергией веселой движем,
Всех подвигал он на труды.
А в том, что был излишне рыжим,
Скорее, было полбеда...

Но время шло неумолимо.
Всех птиц никто не удержал,
А стрелы пролетели мимо,
Лишь не использован кинжал.

Спортсменам захотелось — самок,
И потянуло отдохнуть...
Вот показался крепкий замок,
Где можно б головы приткнуть.

И свора замок полонила —
О, столько в нем нашлось чудес!
А рыжего совсем пленила
Хозяйка юная — Инесс...

На утро рыцари свалили,
А рыжего облаял пес
За то, что замок подпалили,
А девицу с собой увез.

Нет, рыжий вел весьма пристойно:
Он подал девице коня.
А что из замка вышло стойло,—
Так дали ведь ему огня!

Ну, что здесь мелочей касаться?
Сгореть легко и от грозы!
Но стало рыжему казаться,
Мол, у девицы — две слезы.

«Инесс, Инесс, о ком ты хнычешь,
О брате или об отце?
Тогда убийцу их ты видишь
В моем улыбчивом лице!» —

«О нет, синьор, отнюдь не плачу,
Скакать мешает мой наряд.
Ты усадил на эту клячу,
А шлейф — копытами подмят!»

Синьор не очень привередлив,
А даже все наоборот,
И, лошадиный бег замедлив,
Кинжал учтиво подает.

Инесс в ответ лицо склоняет,
Чему синьор предельно рад,
И в грудь ему легко вгоняет
Учтиво поданный булат.

НЕБЛАГОДАРНАЯ

Belle Dame sans merci

(по мотивам Китса)

Ложилось солнце. Красный шар валился на кусты.
И было грустно: день ветшал еще до темноты.

«О, бедный рыцарь! Ты о чем грустишь на склоне дня?» —
Да я устал и предпочел бы доброго коня.

...Я видел деву вдалеке — она навстречу шла.
Не шла, а словно налегке, что облачко, плыла.

Я усадил ее в седло и целый день скакал.
Когда же солнце зацвело, остановил у скал.

Мы спешили, и на седле я деву уложил.
Такое облачко во мгле я, видно, заслужил.

Такой *belle* дамы славный вид в меня азарт вселил,
Где никаких тебе обид, но очень веселил.

Она манила блеском глаз, а сердце — радость жгла,
Когда навстречу подалась со своего седла.

И стан был гибким, как лоза,— ну, как еще назвать!
Но эти дикие глаза — не смел я целовать.

Вечерней птицы долгий звук растаял в вышине.
Большая тень легла на луг, забылся я во сне...

И видел я далеких гор туманную гряду.
Там рыцари мололи вздор и мучились в бреду.

И ветер тормозил кусты, и холод ледяной
Валил из сонной темноты, овладевая мной.

...Когда же дождь заморосил и разбудил меня,—
Ни дамы *belle*, что *sans merci*, ни доброго коня!

РОМАНС О СТАРОМ АРБАТЕ

Арбат отшумел. Обезлюдел Арбат. Теперь — по проспекту пройти норовят.
Где — алюминий, стекло и неон. Где — свежих коробок вечный бетон.

Где — стынет на лицах мертвенный свет.

Где в настоящем — прошлого нет.

А ты — уже сгорбился, друг мой и брат! А ты — захандрил уже, древний Арбат...
Ты помрачнел без улыбок и лиц.

. . .

Стучит по асфальту скрученный лист. Стучит по асфальту старинная трость. Сюда лишь уходят от новых расстройств. Сюда забредают в дотошной мечте. И парочек — здесь отрешенная тень...

И я пробегаю тобой, торопясь, не помня про нашу юности связь. Когда я нещадно тобою бродил...

. . .

Теперь — ты с собою один на один. Теперь — по проспектам пройтись норовят.
А ты отшумел. Обезлюдел, Арбат!

Неужто состарился, добрый старик? — Ведь ты к одиночеству так не привык, хоть падает вечер, замызган и мглист...

Обиженно падает скрученный лист. Прячется в улочках грусть-ветерок... А ты в стороне от гремучих дорог.

Так и всегда. Уйдешь на покой и забываешься очень легко. Как будто не ты тормозил и гремел. Как будто не ты веселиться умел.

Как будто не твой удивительный свет оставил в душе негаснущий след...

. . .

Но мы — возвратимся, идя на покой. К тебе прикоснемся шершавой рукой, когда отгрохочет жизни гроза.

Застынет сосулькой слепая слеза, и молча, склонив седину головы, пройдем по твоим глухим мостовым.

И ты нас простишь, забытый Арбат. И темные камни теплом напят...

НА СТРЕЛКЕ ВАСИЛЬЕВСКОГО

У ростральных колонн — колотун.
Хлещет ветер по Стрелке Васильевского.
Леденеют слова на лету,
словно птицы в морозы российские.

«Не люблю!»

«Не —
люблю».

«Не
люб-
лю...»

— Сколько льдышек с обитыми гранями! —
Не согнусь. Не сопьюсь. Но стерплю,
неживыми словами израненный.

Не грозит мне ни крест, ни престол.
Ни бежать от себя во все тяжкие.
Это вон у Христа — весь простор! —
неба кус, крови вкус, — бедолажки...
Ни пойти по воде, ни поплыть.
Тут скривились б вожди ассирийские!
Остается лишь — бережно! — выть,
на морозы крестясь на российские.

Солнца — тянет — тяжелый брусок,
капли мрут, всегда золотистые.
А слова, суетясь, все в висок
норовят, всем известные исстари:

«Не
люб-
лю...»
«Не —
люблю».
«Не люблю!»

— Оживает молчанье неблизкого... —
Видно, нынче — я честно скуплю
все ветра, что на Стрелке Васильевского!

Ленинград

ЗЕМЛЯ ИМ — ПУХОМ

*Роман! Если не долетим,— сообщи.
Нехорошее предчувствие.*

Из разговора

А было...
Не вернулись девочки. Не вернулись — с Ила.
Не вернулись девочки. Не вернулись с рейса.
Как бы мне хотелось, чтоб они — воскресли!
Девочки-девчонки были — улыбались.
Девочки-девчонки, вот мы и расстались...

Было: в небе плыли на блестящем Иле.
Было: проходили по цветам и пыли.
Не жалея краски, подводили глазки.
Не жалея эха, ежились от смеха.
Пели песни тайные Олины и Танины.
Шли, как будто во поле, в разговоры теплые.

Ждали: БУДЕТ счастье.— Вот тебе и здарсьте!
Тут, внизу, и в небе ли — были и — как не были.
И к земле не ухом — самолетным брюхом.
Пусть земля им пухом...

Девочки-девчонки были — улыбались.
Девочки-девчонки среди меня остались...
— А завтра, в выходной,— рейс очередной.

Константин Струков

(PERSONALIA)
Стихи разных лет

ИЗ РАНИХ

* * *

Ступая на мерзлые
плиты асфальта,
Гуляют мальчики
с вами, с вами.
А я уже вас
как будто не знаю.
И, может быть, даже
не замечаю.
Но что вы нашли
в их начищенных туфлях,
В их вычурности,
в их аккуратных поступках?
А я, взлохмаченный,
пальто нараспашку,
Ужель не смутил
фантазии вашей?
Читал бы взхлеб я
такие перлы!
И стал бы для вас,
несомненно, первым.
Дарил бы я вам
грациозные розы,
И в ваших глазах
засверкали бы слезы.
То слезы признания,
слезы восторга.
Мы с вами гуляли бы
медленно, долго.
Я вас согревал бы
своими стихами
И слышал бы близкое
ваше дыханье.

...Мое недоступное
очарование,
Приходится лишь
наблюдать за вами.

КАРТИНА

Вот здесь нарисую веселый дворик,
И снег слабо-синий лежит горой.
В том дальнем углу работает дворник,
А здесь легковушек железный строй.
А рядом опять небольшая машина...
Вот здесь нарисую отдельных ребят...
Ребят и снежную бабу в спину,
Как будто смотрит она на закат.
Закат где-то там
— красный шар солнца.
А рядом, закатом озарена,
На фоне ветхих, в четыре оконца,
Мелких домов
— небоскреба стена.
И тут как вместе, как что-то единое
Подъемный кран
и стройка всюю.
Вот только место для неба синего...
Что ж,
небо тогда
чуть-чуть потесню...

Так думал парнишка.
Ведь он с рождения
Города и машины
любил рисовать.
Не надо, друг мой,
нагромождения!
Ведь в жизни
именно неба
тебе не будет хватать!

* * *

Борису Голеву

Вошло в привычку мне
опаздывать,
Бежать куда-то все, бежать.
А иногда гулять и праздновать,
О беспокойных делах врать.

Дни громоздятся
друг на друга.
Встаю во вторник
с мыслью о среде.

Бегу, не замечая друга,
Бегу и там, и здесь — везде.
А время вдруг
    сожмет меня в тисках
Куда мне деться?
    Я мечусь как в колесе.
И забываю об ушедших днях,
И забываю обо всех.

Привычно опоздание — пять минут.
Мой старый друг обиделся уже.
Молчит, глядит на стрелки —
    те не ждут,
А мчат на вираже!
И я пытаюсь оправдаться даже,
И от досады начинаю врать,
Но голову сверлит
    забота та же:
Успеть,
    дойти,
                    догнать!
А дел по горло,
    будто горло
Сдавил неистовый хомут.
За одну ночь осилить гору
Газет, журналов и наук.
С усилием ресницы сбрасываю,
Как будто и не спал совсем.
Горячий кофе вмиг проглатываю —
И вот —
    как белка в колесе...

Однажды плюнешь
    и на утро и на день,
На все дела, на...
    даже и на время.
Как хорошо,
    что есть на свете лень,
Что есть диван и есть
    чай с вареньями.
Сижу я долго, в мысли погруженный.
Но стоит впрячься в вереницу дел —
Ношусь по жизни, словно оглушенный,
Опаздываю здесь и там — везде.

* * *

Я стал писать стихи от одиночества.
Я помню, собирались в тесный круг
Друзья, в веселый круг отрочества,
И этот круг напоминал игру.

Там были байки, шутки, анекдоты,
И, словно мяч, ходил по кругу смех.
Игра их проходила, как по нотам.
Хватало им фантазии на всех.

А я хотел уйти в себя, далеко,
Я покровительства не выносил.
Мне было с ними как-то одиноко...
И только дома не жалея сил,

Я мог отдаться буре вдохновения,
Мелодии наивного стиха.
Одна она внушала мне доверие.
И круга смех в моих ушах стихал.

Да, я писал стихи от одиночества —
Но с ними мне открылся новый свет.
Там я рабочий, живописец, зодчий,
Там я старался отыскать ответ

На важные, на главные вопросы
О смысле жизни, о вселенной...

Но

Так оказалось, что с шипами розы,
Поэтов на любой манер полно.

А я всего — любитель-одиночка,
Пытаюсь в небе журавля поймать.
Родятся мысли, звуки, рифмы, строчки,
Стихи рождаются. Но кому читать?

Проходят годы — остаются песни.
И вот теперь, спустя десятки лет,
Зачем они — я спрашиваю, — если
Они, быть может, не увидят свет?

НОВЫЙ ВЕК

* * *

Далекая звезда в ночи моей,
Она одна лишь душу согревает,
Она одна всех ближе и милей
И от нее лишь свет не угасает.

Светили и иные звезды, но...
Но струн души затронуть не сумели.
И на душе по-прежнему темно
И холодно, как в сумрачном туннеле.
Далекая звезда...

Но мне близка,
Как будто в ней моей души частица.
Смотрю на кучевые облака,

Но взор мой дальше,
в край вселенной мчится.

Приди же, ночь моя, скорей приди,
Чтоб свет через космическую стужу
Моей далекой крохотной звезды
Вновь согревал неистовую душу

* * *

Земля под талым снегом обнажилась.
Нет, не везет сегодня мне с утра.
И все не так: не вышло, не сложилось,
Обрыдло все — весенняя хандра.

Проталины... Ручьи текут уныло...
Пора дождям, унынию пора.
Ушла куда-то удалая сила...
Нет, это лишь весенняя хандра.

Я раньше ждал весны с такой надеждой,
Как новой жизни свежего глотка!
Чтоб сбросить все тяжелые одежды,
Взлететь свободной птицей в облака!

Весна не только символ обновления:
Под снегом обнажились гниль и грязь ...
Я вижу взлет, а вместе с ним падение,
Весна — совсем иная ипостась...

А небо все заволочло кручиной.
Пора дождям, унынию пора.
С весной сегодня что-то приключилось...
Нет, это лишь весенняя хандра.

* * *

Н. Н. Минакову

Ко мне судьба, наверно, благосклонна,
Или услышал Бог, в конце концов.
Я плыл по жизни.

Вдруг навстречу лодка,
Так слаженны движения гребцов!

Но лодка проплывала стороной.
Вдруг голос прозвучал:

— Друзья, поможем!

Так говорил радушно загребной.
— Садись, пловец!

Ведь ты — писатель тоже.

И вот я в лодке и гребу со всеми.
И судно наше трудно, но плывет.
Порой мне тяжко...

Но зато я с теми,
Кто знает курс и движется вперед.

А рядом, здесь, плечом к плечу со мною
Наш лоцман, наш бессменный загребной.
А море поднимается волною,
И снова опускается волной.

* * *

Умейте слушать и умеете слышать —
И тайники сердец откроют вам.
Вы оказались в той душевной нише,
В которой места нет пустым словам.

К вам боль дойдет,
казалось бы, чужая,
Но станет она вашей, хоть на час.
И эту боль, в себе осознавая,
Нести придется на своих плечах.

И не свою жизнь жить придется,
Ведь у кого-то жизнь —
глухая ночь.
И сердце сотней болей отзовется,
Ты можешь, ты попробуй им помочь.

* * *

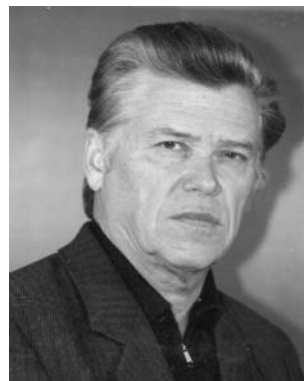
Не усложняйте. Все гораздо проще.
Не надо копий каждый раз ломать.
Не надо думать о коварном прочем,
Что нам порой мешает ночью спать.

Двойного смысла нет в случайном вздоре,
Ищите смысл единственный, прямой.
И в каждом рыхлом слове зрите корень,
Он, может, скрыт под зряшной бахромой.

Кратчайший путь ищите к своей цели,
Пусть будет прост и ясен каждый шаг.
...Но лишь под звук божественной свирели
Тревогой наполняется душа.

И в лабиринтах скрытых отношений
Шипы она отыщет и цветы.
Быть может, в жизни
нет простых решений?..
Душа ведь
не приемлет
простоты.

Юрий Лукаш

* * *

Вспоминаются зимы в округе,
Где немало исхожено верст,
Где ночные февральские выюги
Закрывали сияние звезд.

Одеяло пушистого снега,
Приунывшие избы окрест,
А весной и летом телеги
На дорогах знакомых мне мест...

И теперь я отчетливо помню
Крики чаек над тихой рекой.
Злые тучи под небом бездонным
Надвигались, тревожа покой.

И гроза, и июльские ливни —
Будто все повторится вот-вот,
Будто сон это, длинный и дивный,
Вновь ко мне возвращаясь, идет.

* * *

Мне видится краешек леса
И старый прогнивший баркас,
И снега сырого завеса
Дорогу закрыла от нас.

Намокли одежда, ботинки.
Нас ветер толкает назад.
Большие сырые снежинки
Навстречу летят и летят.

Какой неприветливый вечер,
Причал, а огни не видны.
Сырой и назойливый ветер —
Ни звезд не видать, ни луны.

Зеленый свет глазами светофора
Укажет путь по звонкому шоссе.
И, промелькнувший в синеве простора,
Я закружусь в весеннем колесе.

Хоть и непросто в этом сложном мире,
Но я желанной радуюсь поре.
Когда светло становится в квартире,
Когда ручки резвятся во дворе.

Когда душа тепла и ласки просит
И я уже весь мир обнять готов,
Когда весна доверчиво приносит
Боль юных лет — надежду и любовь.

* * *

На хвосте болтливая сорока
Мне сегодня новость принесла,
Что весна вернется раньше срока,
Будет вдоволь света и тепла.

И опять порадуются дали,
Все вокруг воспрянет ото сна.
И уйдут тревоги и печали,
Будут вновь уют и тишина.

Только я, и немощный, и старый,
На печи согнувшийся в дугу,
Потепленью и весне, пожалуй,
Радоваться больше не могу.

Улыбнусь украдкой виновато,
Что так быстро подошел мой срок.
Что уже не рад я, как когда-то,
Ни себе, ни новостям сорок.

* * *

Отошла, отгремела гроза,
Ветер стих, улеглась непогода.
Покатилась звезда, как слеза
По широкой скуле небосвода.

Прогрохочет еще и не раз,
А потом успокоится снова.
Гром умолкнет, как страшный рассказ,
Растревожит и больше — ни слова.

В даль, за лес, отступили дожди.
Я стою и вздыхаю неволью.
Лишь тревога осталась в груди
И на сердце по-прежнему больно.

Птицу-счастье держал я в руке
Или, может, все это приснилось?
Почему же слеза по щеке
Как по небу звезда покатилась?

* * *

Укропом пахнет и ботвой
И дым несет по старой балке.
Прощай, любимый август мой,
Тебя, как друга, стало жалко.

Теплом последним обогрел
Мою подкравшуюся старость.
Да, я заметно постарел
И пожалел об этом малость...

От этих убранных полей
И кем-то сметанного стога,
От пожелтевших тополей
Крадется смута и тревога.

Пусть лето прожито не зря
И все былое не забыто,
Но первым ветром сентября
Уже повеяло сердито.

А дни идут себе, идут
В плену у грусти беспричинной,
И тополя устало ждут
Осенней ругани грачиной.

* * *

Картина дивная открылась:
Зеленый выгон, роща, луг
И речки тихая унылость
Перед глазами встала вдруг.

Ведет в далекий лес дремучий
Изгиб дороги полевой,
И луч, скользнувший из-за тучи,
Вдруг промелькнул над головой.

Легла на поле тень густая,
Притихло в страхе все кругом.
И вот, округу оглушая,
Упал на землю первый гром.

Над головой кружатся страхи,
Насквозь промокший, сам не свой,
Как заблудившаяся птаха,
Спешу дорогой полевой.

* * *

Вот... вот опять летят из-за границы,
Из-под руки смотрю, прищунив глаз.
И как всегда, встречая стаи птичьи,
Сниму картуз, ступив за перелаз.

На выгон наш с открытою душою
К гостям желанным выйду на поклон.
И никогда волнения не скрою,
Меня чарует этот дивный звон.

Какая прелесть в строе журавлином,
Какая радость в крике вожака!
Какое счастье в возгласе старинном,
Какую песню слышу свысока!

Они сюда из перелетов дальних,
Из-за морей неведомой земли,
Очарованье в край многострадальный
И утешенье сердцу принесли.

И потому, волнуясь с каждым разом,
Увидев радость в длинном косяке,
И молча я стою за перелазом,
И смяв картуз, держу его в руке.

Марк Дубинский

НАКАНУНЕ

С. А. Есенину

А лес уж тронут увяданьем,
Склонился день к зиме слегка,
И заспешили на свиданье.
Пейзаж испортив, облака.
И грустно сердцу отчего-то,
Хоть нет причин к лихой тоске;
Еще нас греет бабье лето,
Но стынь сквозит
        в цветном мазке.
Листва пока еще трепещет,
И тень прохладна и густа,
Но багровеют кроны веще —
И вся надежда их пуста.
Но что с того:
        пусть будь, что будет,
И, очаровывая нас,
Грустит природа, как и люди,
При этом радуя наш глаз.

ОСЕННИЙ ЭТЮД

Распрощалась осень с летом —
Солнышку не греть,
Лишь рябине алым цветом
На ветру гореть.
Ярким пламенем наполнив,
Разукрасив лес, —
Словно радуга на всполье, —
Все горит окрест!
И в душе моей печальной
Праздник заплясал,
Когда к пламени нечаянно
Прикоснулся сам...

ГИМН СУЩЕМУ

Виктору Пахомову

Шагают годы чередою,
И мы у времени в плену:
То плачем над своей бедою,
То ждем, чтоб счастья
кто плеснул.

И в этой вечной круговерти
Секрет таится бытия:
Ведь от рождения до смерти
Всего лишь существую я.

И в тот ниспосланный отрезок
Я должен так свой век прожить,
Чтобы пройти по жизни резво,
Сумев себя в судьбу вложить.

И пусть она порой стихийна,
Но есть в ней радость и беда —
И я ее люблю так сильно,
Что жить мне хочется всегда!..

ДЕВОЧКА ИЗ ДЕТДОМА

Пронзительно и жалостно, печально
Глядят на нас недетские глаза;
И скрыта в них ее рожденья тайна;
И правду ей ответить нам нельзя;

И смотрят, слово в душу нам, с укором,
Свою тоску пытаясь перелить,
Но мы бессильны перед этим взором,
Не смея лаской скупой одарить.

И мы пытаемся отделаться игрушкой,
Улыбку нежную фальшиво искривив,
И треплем нежно по щеке толстушку,
Сдержав рыданья из последних сил.

А девочка стоит почти что рядом
И смотрит, смотрит, изучая нас.
Пока, не выдержав тоскующего взгляда,
Мы виновато не отводим глаз.

СПАСИБО СУДЬБЕ

Не надо судьбы,
Кроме той,
Что имею,
Что выстрадал.
Я счастлив,
Что в трудной борьбе
Не склонился,
А выстоял.
Я счастлив,
Что жизнь
Не вела по углам,
По околицам
И ветер борьбы
И сейчас
Не ласкает,
А колется.

ОТ ВСЕЙ ДУШИ

Что пожелать на праздник женский твой?
Любви, наверно...
    Чтобы ласкала нежною рукой
И озаряла взгляд очей сияньем,
Улыбкой, радостью и светлым полыханьем.
И счастья женского.
    Простого,
        Без прикрас.
Чтобы тебе пришлось бы в самый раз;
Чтоб незаметно шло с тобой всегда,
Как в речке тихая чуть плещется вода.
А может, бурное тебе го сердцу счастье,
Как с гор поток воды неудержимый,
Как грозы южные в суровое ненастье?
Или такое счастье пусть проходит
    мимо?..
Так пусть любовь всегда с тобой шагает,
А счастье тропы жизни освещает!

Владимир Резцов

**ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО.
ПЕСНЯ АРГОНАВТОВ**

ТОМАС ГУД «ЛЖЕДРУГУ»

Ладони встретились, но только не сердца.
Ладоням нашим больше не встречаться.
И если уж друзьями были мы,
Друзьями нам не суждено остаться.
Я знаю лишь, что я тебя любил;
Я знаю, что напрасно, может случиться:
Ладони встретились, но только не сердца,
Ладоням нашим больше не встречаться.

РОУЛД ДАЛ «ЗОЛУШКА»

Как, эта сказка вам уже известна?

А вот и нет! Вам будет интересно
Узнать, что в сказке было все страшней,
И пролилось немало крови в ней.
Всем ведомая версия слащава
И хороша для малых деток, право.
Она правдива разве что в одном:
Когда уже стемнело все кругом,
Напялив украшения, сестрицы
Отправились на Бал повеселиться.
Уродкам этим — Королевский Бал.
А Золушка? Та заперта в подвал;
Она сидит там в страхе и тревоге,
И крысы ей покусывают ноги.
Она кричит, бедняжка: «Караул!»
И этот выкрик Фею приманул.
Волшебница явилась, вся в сиянье:
«Да-да, дитя мое, я вся вниманье.
Ну, что случилось? Говори скорей!
Надеюсь, все в порядке? Все?..»
«Ты что, ослепла?! — Золушка вскричала.

— Мне плохо так, как в жизни не бывало!»
И кулаком хвативши о косяк,
Она вопит: «Все наперекосяк!
Сестрицы во Дворце, там дискотека,
И может статься, встретят человека...
Я тоже человек! Хочу на Бал!
Чтоб на меня прекрасный Принц запал,
Хочу колготки, платье, брошь, сережки,
Серебряные туфельки на ножки!
Но туфелек чтоб две, а не одну!»
«Остынь! — сказала Фея.— Ну и ну!»
Вот палочки волшебной мановенья,
И Золушка тотчас, в одно мгновенье,
Уже танцует с Принцем во Дворце,
К нему прижавшись страстно. И в лице
Сестрицы изменились, задрожали,
Как этакое диво увидали.
Могучий Принц так сильно разомлел,
Что с Золушкой не сразу осмелел,
Но в полночь захотелось целоваться.
Она вскричала: «Блин! Пора смываться!»
Он закричал: «О нет! Увы!» и — хватъ
Ее за платье, чтобы удержать.
«Пусти меня!» Но Принц был очень хваток,
Порвалось платье аж до самых пяток.
В одних колготках, не жалея ног,
Она бежала, кинув башмачок.
Принц на него, как коршун, налетает
И к бьющемуся сердцу прижимает:
«О, та, которой туфля подойдет,
Со мною завтра к алтарю пойдет!
Я в городе любую дверь открою!
Клянусь, ее найду! Все перерою!»
Принц был горяч, но и рассеян был:
На бочке с пивом туфельку забыл.
Одна из двух сестер, та, что корява,
Вся в волдырях, соплива и прыщава,
Подкралась; то, что делал ювелир,
Похитила и бросила в сортир.
А вместо туфли, будто так и было,
Свой левый тапок скромно положила.
Ну, что я говорил? Лихой сюжет?
И сходит счастье Золушки на нет.
Наутро — чуть заря, едва светает,
Принц в поисках. Волненье нарастает.
Чей этот безразмерный тапок? В нем
Недолго заблудиться ясным днем.
А изнутри кислотной разило:
Владелица с рожденья ног не мыла!
Толпа девиц с мечтой принцессой стать
Сбежалась этот тапок примерять,

Но впору он прыщавой и сопливой.
Принц побледнел: «Нет! Та была красивой!»
«Нет, да! Мне тапок в самый раз — оп-ля!
И буду я невесткой Короля!»
«Ну, я пошел,— Принц буркнул.— До свиданья!»

«Так не пойдет! А как же обещанье?
Ты клятву дал! Назад дороги нет!»
«Башку ей с плеч!» — Принц зарычал в ответ.
Через одно мгновенье казнь свершилась,
И голова прыщавой покатилась.
Принц улыбнулся. Это он любил.
«А так она красивей!» — пошутил.
Сестра вторая, малость попригоже,
«Попробую,— кричит,— примерить тоже!»
«Попробуй-ка вот этого сперва!» —
Принц заорал. И мигом голова,
Его мечом снесенная, упала
И по полу ядром загрохотала.
И двух голов злоеший перестук
Дошел до героини нашей вдруг.
Она на кухне чистила картошку,
И грохот отвлекал ее немножко.
Она вошла, и брови поднялись:
«Что за наезд?!» Принц заревел: «Заткнись!»
«И это мой любимый?! Боже правый!
Он головы всем рубит для забавы».
Разбито сердце. Плачь, бедняжка, плачь!
Как можно замуж, если муж палач?
Принц бросил ей: «Ты что еще за шмара?
Отведать хочешь моего удара?
Рвань! Грязная кухарка! Где мой меч?
Отсечь ей репу! Репу ей отсечь!»
Здесь появилась Фея, вся в сиянье.
Она сказала: «Золушка, вниманье!
Проси, что хочешь,— все исполню вмиг!»
И палочкой волшебной — вжик и вжик!
Ответила ей Золушка: «О Фея!
На этот раз я буду поумнее.
Не надо Принцев, злата с серебром,
Сыта по горло этим я добром!
Приличному хочу я человеку
Женою стать и жить в любви до веку!»
И в белом платье с дюжим молодцом
Красавица стояла под венцом.
Был парень тот кондитером что надо
И мастером по части мармелада.
Их дом был полной чашей, как дворец,
И счастлив счастьем любящих сердец.

ПЕСНЯ АРГОНАВТОВ

1

Ничего себе погодка!
Мир весь спятил или пьян.
Разбивает нашу лодку
В щепки лютый ураган.
    Это, право, непорядки:
    Волны с трехэтажный дом,
    Зевс стреляет из рогатки,
    Дебоширит Посейдон!
От такого потрясенья
Можно стать зайкой враз.
Кажется, что нет спасенья,
И пришел последний час.

2

Буря нам ломает мачты,
Превращает парус в рвань.
Капитану нет удачи,
Если вся команда дрянь.
    Посейдон, ты грозный дядя,
    Только не на тех напал!
    Все равно с тобой мы сладим,
    Победим девятый вал!
Злому року покориться —
В бурном море умереть.
Если дружно навалиться,
Можно все преодолеть.

3

Море, хватит фордыбачить!
Устоим назло богам!
Будет так, а не иначе,
Улыбнется счастье нам!
    Пусть кипит морская пена,
    Бездна хочет нас сожрать
    Не преклоним мы колена!
    Перед каждым их склонять!
Злому року покориться —
В бурном море умереть!
Если дружно навалиться,
Можно все преодолеть!

* * *

Как сейчас я помню это:
В прибалтийской стороне
Бесшабашным знойным летом
Красота явилась мне.

Парень добрый и простецкий,
Рифмоплет, а не нахал,—
И «богиней древнегреческой»
Я тогда тебя назвал.

Ты зафыркала, как кошка,
И смеялся я до слез.
Ты сердилась понарошку,
Ну а я шутил всерьез.

Быть кузеном не хотелось:
Для мужских сердец дурман —
Лена, грация и прелесть,
Совершенства стройный стан,

Ослепительное мини
И прекрасна, как Весна...
Древнегреческой богине
Юность вечная дана!

Кто не слеп, тот видит это.
Брось, к чему «уввы» и «ах»?
Что поэтами воспето,
То останется в веках!

Евгений Залесский

Евгений Сергеевич Залесский издал в 2007 г. Свою первую поэтическую книгу «Право слово» (Тула) в серии «Библиотека журнала «Приокские зори». Ниже публикуем стихотворения из книги.

ЧЕГО ХОЧУ

Кто я такой по нынешнему дню,
Зачем стою, когда сидят другие,
И почему надсадно говорю,
Хотя внимают вовсе не глухие?

Зачем, при всем бессилии своем,
Рублю рукой безмерное пространство,
Горю и жгу рифмованным огнем
Товарищей по духу и гражданству?

Чего хочу, взобравшись на амвон,—
Неужто личных почестей и выгод?
Нет, трижды нет! — печаль людей и стон
В моих словах нащупывают выход.

Хочу забыть досаду и позор
Всех долгих лет бессмысленного царства.
Хочу сдержать обиду и укор,
И в кулаке поднять не меч — лекарство.

Хочу поднять свободный русский стих,
Дарить и принимать душевное волненье.
Хочу посильно уважать других
И ощущать чужое уваженье.

Хочу вести посильный, честный бой
На грани чести, а возможно — жизни.
Хочу без счета жертвовать собой
Во имя лучших дней моей Отчизны.

ПО ГРИБЫ

Квартирка. Мать. Ячменный кофе.
С ядерной солью бутерброд.
Ведро, соседский пес Прокофий,
Сандальки, кепка, и — вперед!

Темно на улочке поселка.
Фонарь разбит, прохожих нет.
Лишь где-то в стороне проселка
Едва наметился рассвет.

Деревни крохотный проулок
Нырнул в лозинник с головой.
Эх, я бы и за тыщу булок
В такую темень — ни ногой!

Но надо, надо постараться:
Сыщу грибов, а мать продаст.
И купит что-нибудь для братца,
И мне, как взрослому, воздаст.

Отца-то нет. Погиб родимый,
Уже почти два года как...
Мать говорит — незаменимый,
А мы заменим, я и брат.

Здесь где-то — стог, а рядом — яма.
Видать не далее руки.
Потом ровней, светлей, и — прямо.
А дальше, там уж — пустяки.

Петух счудил фальшивой нотой.
Чирикнул сонный воробей.
Прокофий вдруг замялся что-то,
Растаял около плетней.

Река с навешенным мосточком.
Не искупался. Может, зря?
Теперь совсем чуть-чуть по кочкам,
А там дубрава и — заря!

ЖИЗНЬ

Ах, жизнь моя, да ты ли это,
Нелепейшее сооружение?
Ты — колоннада табуретов
В кузове везения.

Хмелен, похоже, твой водитель:
Рывки, зигзаги.
И я ему не предводитель,
Я где-то сзади.

А впереди самой судьбой
Заложен ящик:
Кричи, рычи, хоть волком вой —
Крутись как мячик.

Беспрекословно исполняй
Программу риска.
И, что обидно, даже рай
Не виден близко.

Я не циркач, но та же роль,
Без сна, без смены...
Да, что он там, свихнулся что ль —
Лечу на стены!

В спине озноб, в глазах туман,
Дрожат колени.
На теле сотни свежих ран
От столкновений.

Черчу немислимый маршрут,
Почти по Броуну.
Эх, кабы выбраться из пут,
Да шулки в сторону!

Пожалуй, я не так уж стар,
Достанет голоса.
Но тут — еще один удар,
Пониже пояса.

Вот так выходит, всякий раз
Себе в убыток.
Пусть кто-нибудь другой, я — пас,
Устал от пыток.

Больна душа, пуста сума,
Смешон, всклокочен,
Который раз схожу с ума
От чертоточин.

Смотрю на дальнюю звезду,
Глазища вылупя:
Неужто просто так уйду,
Без выкупа?

И вновь спонтанно, сам собой
Кулак сжимается.
Что значит — жизнь?
Да вечный бой так называется.

ВЗГЛЯД 1992 ГОДА

Мир велик, но поезд жизни скор:
То и дело чувствую границы.
Косогоры застыт кругозор,
И просторы давят на глазницы.

Как спеклась, как съежилась земля
За мои несчастные полвека.
Сколько сил утратили поля,
Сколько бед досталось нашим рекам.

Сколько пота, кровушки и слез,
Сколько громких дел и переделок
Унесла эпоха под откос
По безумной жажде скороспелок.

Все вперед, все выше, все быстрее!
Пусть во вред, но тщимся слыть во первых.
Паровоз на рельсах из костей
Дожигает топливо из нервов.

Поезд мчится явно не туда.
«Ленин с нами!» — лучшего не ищем.
Алкоголик с улицы Труда
Потрясает ржавым кулачищем.

В гроб глядит мудрейший из сельчан,
Командирством глупых обезручен.
В красных книгах — розовый туман
Прикрывает аспидные тучи.

Вор у вора денежку крадет,
Брат на брата выломал дубину.
Первый ум и полный идиот
И поют, и плачут не по чину.

Силу духа черпаем со дна,
В закромах словесная мякина.
Жизнь одна и Родина одна...
С кем ты нынче, сердце гражданина?

Юлия Деева

* * *

Люблю я летние закаты
И гроз последних перекаты,
И теплые дожди грибные,
И яблоч щеки наливные!..

Люблю туманные просторы
И птиц ликующие сборы,
И в поле колос наливной,
И лист багрянцем расписной!..

Люблю смотреть в простор небесный,
Что красотой бессловесной
Смутил навеки разум мой
Своей лазурной чистотой!..

СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ

Светлый день искрится золотом,
А виновник — солнца луч.
От рассвета до заката
Не увидим в небе туч.

Воздух свежестью морозной
Обжигает щеки, нос,
Рукавичкой... осторожно
Спрячусь от тебя, Мороз!

И попрыгаю на месте —
Каблучками цок да цок.
И с художниками вместе
Буду ждать весны росток.

Знаю — солнце заиграет
И растопит горы снега.
От тепла сердца оттают,
Наполняя души светом.

Прилетят неторопливо
Журавли, грачи, скворцы,
И с подружками ревниво
Будут гнезда вить самцы.

И леса омолодятся
Первой нежною листвою,
И зверюшки наслаются
Травкой сочной молодой...

А пока мороз да ветер
Пробирают до костей,
Но надежды голос светел:
Ждем Весну, ее гостей!

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

Сегодня северный ветер,
И тучи устало ползут,
Куда-то на тайную встречу,
Да только меня не зовут.
    В саду опадают лениво
    Плоды и листва на заре,
    И холод, красавец спесивый,
    Причастен к суровой поре.
Прольются дождями все тучи
На землю, и снова мороз,
И горка под снегом все круче,
И красный от холода нос.
    А дни уж короче, но жарче
    Пылает печурка огнем.
    И месяц — космический старче —
    Запрячет рога свои днем.
А ночью в морозном сиянье —
И речка, и лес, и луга.
И кто-то незримый случайно
Сведет на реке берега.
    Закрутит метельные танцы,
    Засыплет тропинки снежком,
    Деревья, уже оборванцы,
    Согнутся от снежных хором.
И я в ожидании чуда
Пройду чрез пургу и метель,
И легкою будет простуда,
И теплою будет постель.
    И вновь растревожатся птицы,
    Ручьи забурлят под горой,
    Кому-то любимый приснится,
    Быть может, ночью порой.
И все повторится сначала,
И вырвется стоном любовь,
Что долго и тайно молчала
В надежде на сладкую боль.
    О, время в дождях и метелях,
    Летающее птицей в века,
    А крыши в весенних капелях
    Разбудят в земле червяка.

Я ШЛА ПУСТЫНЕЙ

Я шла пустыней
Одна под солнцем.
Песок, что иней,
Блестел морозцем...
    Барханы, дюны,
    Горячий ветер —
    Я вижу шхуны,
    Мираж так светел!

Не надо боле
Мне испытаний,
Исчезло поле
Моих скитаний,
    Исчезло поле
    Моих волнений,
    Не стало боле
    Моих сомнений!..

Я отстрадала
Безумством слабых,
Но я познала
Безумство храбрых!
    Я шла пустыней —
    Душа горела!..
    Но в той пустыне
    Мне сердце пело,

Пустыня в прошлом
И мир так светел,
Но жить так сложно,
И снова ветер...

БАБЬЕ ЛЕТО

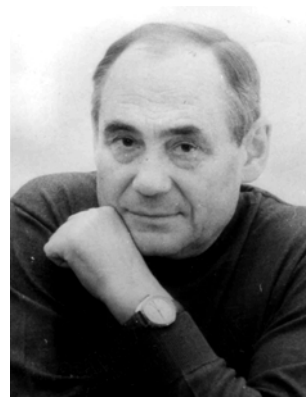
То ли лето, то ли осень?
У кого про то мы спросим:
У ежа иль у синицы?
Мне ответ сегодня снится.
    На поляне между сосен
    Ходит-бродит с летом осень,
    Паутины нить золотая
    Меж дерев висит, играя!..

А на кочке муравьиной —
След кобылы златогривой,
Пронеслась, задев власами,
И нас с вами...

    Бабье лето, ты загадка:
    С калиной горько, с дыней сладко.
    Ковры багрянцем расстелило
    И в реках воду зарябило.

А лето с явной неохотой
Передаёт свои заботы,
Все изменяя всякий раз,
Приходит осень в поздний час!..

Владимир Родионов

* * *

От нужды аж молодею,
Черту лысому назло.
Правят жизнью не идеи:
Глум по душам понесло.

Что задумано — избыло
И исчезло в суете,
Откружило многокрыло
С Бабкой-Ежкой на метле.

И ни разума, ни вкуса
В том, чем горе изросло,
Непотребное искусство
Стало прошлому во зло.

Сущность корчится от боли,
Коль оплевана в святом.
Русь, крещенная любовью,
Засыпает вечным сном.

Дремлют прошлого дороги.
Спят туманы до зари.
Соль надежд жуют в тревоге
Наших душ поводыри.

* * *

Я душу беру на испуг,
Надеждами слабо питаем:
«Так, где ж мой единственный друг?»
«Как айсберг — ты необитаем».

Вглядеться в былое хочу,
Сомненьями мучим невольню.
Что помню — сто раз прокручу
В сознание. И каждый раз больно.

Там что-то, слукавив, сказал,
А здесь промолчал почему-то,
И нет оправданья глазам
На жесткий допрос ниоткуда.

И нет никого, а судим
Мой облик пред зеркалом тусклым,
Коль нет объяснения иным
Своим же поступкам и чувствам.

* * *

Страшнее нужды: ощущение
Дыханья ее за спиной.
Оно придает ускоренье
Нам в нашей дороге земной.

Не все, что встречалось, приемлем,
Но топчем родимую твердь.
Готовы за воды и землю,
Коль грянет пора — умереть.

И падают, корчась, донныне
На кровных границах сыны.
Мы русичей дух и святыни
Хранить для потомков должны.

А главное: горькие дали
С угрюмым лицом деревень,
Которые нас пленали
И вывели в нынешний день.

Здесь каждой заброшенной тропке,
В которых покоится Русь,
Я прошлым и будущим робко
В любви, словно каясь, клянусь.

ПОМИНКИ

Сыто прошлое нынешним днем.
Тащим время мы, тихо судача,
За незримый, слепой окоем.
Чет на нечет. Ни долга, ни сдачи.

По нулям все распишет молва,
Что угаснет почти, как возникла.
Здесь обычны сухие слова,
Коли горе устало от крика.

Чинно немощь по красным углам
Расползется. Обычай исполнен.
С первой стопки пошел тарарам:
Все, что было и не было вспомним.

Засидимся, прожитым делясь.
Русь узреем в иконах на тризне,
Что печально приветствует связь
Прошлой жизни и нынешней жизни.

* * *

Застонет душа от постыдного действия.
От грязной молвы, что не знает лица.
Почую: незримо восходит поэзия
Во мне, как пожар и озноб мудреца.

Проснусь. Оглянусь, очумевши. Почудится,
То отблеска тень, то обрывки речей,
И я устремляюсь по вымершей улице
Догнать ускользящей мысли ручей.

С разбега уткнусь в немоту очертаний,
Где правды и кривды незримы следы,
И сузится мир до цветных оправданий
Жирующей всюду беды.

ГОРЬКИЕ МЫСЛИ

На могиле поэта

От малой родины — до Родины большой
И щели нет, коли созрел душой.
Здесь все — твое. И ты за все в ответе,
Но е-мое! Смеются даже дети.
Их раннее, с рожденья, бытие
Приемлет мир как чье-то и мое.
Да им ли знать: как было во вчерашнем,
Когда и все, и всюду было нашим!
Естественно, как пуп и пуповина,
Мы связаны с родимую землей.
Живу и мыслю: вскоре чертовщина
Поделит воздух с небом надо мной.
А задыхаюсь я уже сегодня.
И сердце помпой возгоняет стыд!
Простится ли Суворову Володе:
Ведь сын его — его судьбой убит?
Слова — никчемны. Думы — повторимы.
Мы все — ничто. Мы пыль родной земли.
Славяне мы. Но мы не пилигримы.
Шепчу себе: пред Родиной — замри.
Вглядись в ее незримые просторы.
Постигни духом эту благодать.
Которую господствующие воры
У нас, живых, не в силах отобрать.

ОЧЕРК

Николай Мых-Степняк

КАРИБСКИЙ КРИЗИС. КУБА В СУДЬБЕ ДОЦЕНТА ВЛАДИМИРА ШИРАЯ

Было это ровно 45 лет назад.

По вине советского руководства, и в первую очередь его руководителя Никиты Сергеевича Хрущева, предложившего необычайно смелый, но крайне авантюрный план, поддержанный всеми членами Президиума ЦК КПСС, а позже ими же дружно осужденный, мир оказался на грани войны, которую, к счастью, удалось избежать.

Непосредственным участником этих событий, которых отнесли к понятию «Карибский кризис», был Владимир Иванович Ширай, тогда рядовой Советской Армии, позже — кандидат экономических наук, а до лета этого года — исполнявший обязанности профессора Тульского филиала Московского государственного торгово-экономического университета. На всю жизнь запомнились ему тайная погрузка ночью в трюмы советского сухогруза советских же ракетчиков, 22-суточное путешествие на Кубу, трехлетнее там пребывание в качестве защитника кубинского неба, а затем — переводчика в военно-морском штабе ВМФ, последовавшая в итоге высокая награда — получение им *Diploma de Honor* (Почетного диплома) из рук *Comandante* Рауля Кастро — министра обороны Республики Куба — за вклад в укрепление обороноспособности страны и защиту ее завоеваний.

А НАЧАЛОСЬ ВСЕ ЭТО ТАК

— Судьба распорядилась таким образом,— вспоминает Владимир Иванович,— что я, простой парень из небогатой многодетной украинской семьи, проживавшей в г. Днепродзержинске Днепропетровской области, фактически впервые узнал о существовании острова и государства Куба после высадки *guanós* в бухте *Cochinos*, а уже через год сам оказался на этом острове, названном образно — островом Свободы.

Владимир был четвертым — младшим из четырех братьев в семье Ивана Ивановича и Ирины Ермолаевны. Хорошо учился в школе, а затем с отличием окончил Днепродзержинский металлургический техникум по специальности «механик по оборудованию доменных и мартеновских печей», был активным общественником, спортсменом-разрядником.

По распределению попал на металлургический завод в г. Челябинске, затем бы-

ла служба в рядах Советской Армии в ракетной части и неожиданная «командировка» на Кубу.

Провожая на армейскую службу, отец Владимира Иван Иванович, сам участник Великой Отечественной войны, имевший ранения, его старшие братья, отслужившие свое в армии, наказывали Владимиру служить добросовестно, честно, слушаться командиров, добиваться звания «Отличника». И Ширай не подвел родных, близких, своих земляков.

СЛУЖИ ЧЕСТНО, КОМУ ПРИСЯГАЕШЬ

— Мы, ракетчики,— рассказывал далее Владимир Иванович,— пришли на Кубу в конце августа 1962 года и разместились рядом с поселком *Rancho Luna*,— в 30 км от Сьенфуэгоса (тогда этот относился к провинции Санта Клара). За один месяц в тяжелейших условиях установили ракетные установки ПВО и стали на боевое дежурство — за неделю до Карибского кризиса. Первый год несли боевое дежурство сами. Затем в течение года готовили себе замену из числа молодых кубинских солдат, и уже к середине 1964 г. значительная часть нашего «ограниченного» контингента — группы советских войск — начала готовиться к отправке на Родину.

Все это сказанное, пожалуй, нуждается в подробной расшифровке.

В одном из южных портов СССР темной ночью 9 августа 1962 года в обстановке строжайшей секретности началась погрузка в трюмы сухогруза советской ракетной воинской части (о полном объеме всей информации знали в СССР вообще не более 15 человек). Грузились осторожно, в полном молчании. Впрочем, кто-то из ракетчиков, знакомый с песенным народным творчеством, грустно, вполголоса напевал:

*Я помню тот Ванинский порт
И вид парохода угрюмый,
Как шли мы по трапу на борт,
В холодные мрачные трюмы,
А с моря спускался туман,
Ревела стихия морская...*

Затем был 22-суточный морской переход. В трюме несколько сот человек, духота, а на палубу выйти подышать полной грудью, посмотреть на южные звезды можно только ночью, по очереди.

После долгого нудного плавания выгружались также темной ночью в одном из кубинских портов, в течение трех суток выбирая порт выгрузки, а точнее — замечая следы. Выгрузились, а кубинский проводник указывал путь к будущему расположению ракетной части. К месту дислокации вела хорошая шоссейная дорога. Владимира Ширая поставили у одного из поворотов, чтобы он регулировал движение.

Владимир Иванович вспоминает:

— Стою, жду. Темень, хоть глаза выколи. Вокруг — ни души, чужая земля. Цикады трещат, стрекочут, не уставая, словно соревнуясь, да сухопутные крабы, размером с большую тарелку каждый, скрипят так, словно жуют пустые консервные банки. Казалось, не выдержат нервы, сбегу, только бы знать, куда бежать? Подъезжают в темноте, узнают меня, указывают им поворот. Одна колонна, друга, третья...

Ракетная часть расположилась в трех километрах от шоссейной дороги в густых зарослях тростника. Километрах в десяти от моря, а от побережья США — всего в 90 километрах. На этом месте когда-то располагалась барская конюшня. Остались столбы, ковазы, шиферная дырявая крыша. Дыры эти приходилось закрывать солдатскими плащ-палатками. Заболоченная местность, следовательно, полчища комаров, нередки — скорпионы. Два месяца в году проливные дожди, затем два месяца 40-гра-

дусная жара, снова дожди. Ночью же прохладно, а у солдат не было даже шинелей: маскировались под гражданских людей.

Началась нелегкая работа. Прорубали просеки в сахарном тростнике, хотя для этой цели не имели даже топоров. Ломали, долбили дыры для установки ракет, бетонировали площадки. Под руками не было подъемных кранов, при необходимости использовали домкраты. Мокрые, усталые, к концу дня буквально валились с ног. Одежда — всегда мокрая. «Она у нас была гражданская, скромная, замасленная, даже — бедная. Простые ботинки, поношенные полубрезентовые брюки», — вспоминает Владимир Иванович.

Так и несли почетную службу в течение всего первого года 150 ракетчиков. При этом надо было постоянно быть начеку, случались ночные обстрелы контрреволюционеров, контрас, бывали всякие угрозы, т.е. давили на психику. Случались обстрелы из пулеметов, но скорее — просто пугали, стреляли по верхам, и серьезного вреда не причиняли. Сами же американцы и предупреждали зависящих от них контрас:

Разбирайтесь с Кастро сами, а русских не трогайте, имеете в виду: под видом бедно, скромно одетого солдата может скрываться хорошо тренированный, отлично вооруженный советский офицер.

«Бывало и так, — вспоминает Владимир Иванович, — едем на «уазике» по шоссе, — нужны запчасти, медикаменты... Едем, никого не трогаем. Увязывается откуда-то взявшийся «Мерседес». Едет рядом, пытается обогнать, демонстрируя из окон оружие, угрожая. Мы в свою очередь показываем свое оружие. Отстают, исчезают».

Трудности заключались еще и в том, что многие из советских ребят уже отслужили в армии им положенный срок и переслуживали до полутора лет. Но командование поставило условие: подготовьте себе замену из кубинцев и по домам! Дали для подготовки «план шестиста» — военная специальность Владимира — и Шираю двух кубинцев. Причем один малограмотный деревенский парень не очень и вникавший в военную науку. Но не знал тот, что у русских есть хорошее правило: «не можешь — научим, не хочешь — заставим». И поэтому к этому парню пришлось подойти с особой строгостью, хотя и не всегда точно в соответствие с педагогической наукой. Пригодилась другая практика.

Но с задачей ракетчики справились, замену себе подготовили.

Владимир Иванович сейчас с юмором вспоминает, как ему почти год, пребывая на этой отдаленной точке, пришлось исполнять обязанности... фельдшера. Срочно пришлось учиться оказывать медицинскую помощь не только своим друзьям ракетчикам, но и мирным жителям близлежащих индивидуальных хозяйств.

А ПРОИЗОШЛО ЭТО ТАК

Вместе с ракетчиками-офицерами несли тяготы военной службы на острове и их жены. Семьи офицеров были естественно, без детей. Жены офицеров не были трудоустроены, так как имели профессии библиотекарей, учителей, бухгалтеров, музыккультработников. Им нечем было заняться, а это были молодые женщины. К тому же не давали военной присяги и от скуки вели себя не очень скромно. И примерно через год их пребывания в части пришел приказ отправить представительниц прекрасного пола на родину, — за недостойное их поведение, за слишком легкое поведение. На родину отправили и медицинских работников. А Владимиру было рекомендовано срочно изучить медицинское дело, овладеть медицинской практикой. За пару недель овладел он азами медицинского искусства, получил в свое пользование медицинские справочники, аптечку, кое-какие инструменты.

— Проблем было много, хотя в основном ракетчики эти — здоровые хлопцы, — говорит Владимир Иванович. — Случались травмы... скорпионы. Но я знал, что скор-

пион опасен в его брачный период и укус в область шеи. А остальные случаи — не были смертельными.

А было однажды и так: с вблизи расположенного хозяйства кубинца-плантатора прибежал мальчик с мольбой: «Спасите! Отец умирает!»

Оказалось, отец этого мальчика, работая неосторожно большим ножом — мачете,— разрубил себе ногу и буквально истекал кровью. Помчался выручать Владимир, взяв с собой дежурного офицера, без которого «уазик» не выезжал. Ехали вначале по шоссе, а к ферме вела залитая дождем непролазная дорога. Пришлось, оставив автомобиль, идти к ферме около полукилометра пешком. Пришли вовремя, оказали помощь, на руках донесли до шоссе и помогли доставить в ближайшую больницу.

Фермер был спасен, выражал позже своим спасителям искреннюю благодарность и признательность.

На втором году службы жизнь пошла веселее. Обжились, несколько обустроились. Аклиматизировались. К нашим ракетчикам добавилось еще 150 молодых кубинцев. Жили сообща, изучая языки: кубинцы — русский, наши — испанский. Изредка воинов вывозили отдохнуть, искупаться в море. Организовывались спортивные встречи с гражданским населением, бои на баскетбольной площадке.

...Подошла и демобилизация. Смена подготовлена — условие выполнено. А накануне приезжают представители командования и предлагают тем, кто освоил испанский язык, подписать контракт и остаться в качестве переводчиков. Условия были хорошие: высокая зарплата, месячная учеба в Гаване испанскому языку, после года работы — отпуск на родину. Владимир Иванович подписал контракт, но все оказалось иначе: учебы языку не было, посчитали достаточным его знания. В отпуске даже через год отказали. А домой хотелось — хоть волком вой. Три года пребывания в чужой стране — это было невыносимо тяжело.

«КУБА — ЛЮБОВЬ МОЯ...»

Вольнонаемный, переводчик группы советских военных специалистов Владимир Ширай вначале служил в крепости Ело Моро и в Сантьяго де Куба, большую же часть времени работал военным переводчиком при штабе ВМФ Кубы в столице республики. Новая должность, такая неожиданная, дала возможность побывать во многих местах, частью познакомиться с ее народом, историей, традициями страны, познакомиться с кубинцами и полюбить их жизнерадостность, веселый нрав. Познакомился он и подружился с некоторыми советскими студентами (будущими лингвистами, экономистами, политологами), проходившими на Кубе практику, иногда годичную.

— Что собой представляет кубинский народ? — спросил я Владимира Ивановича.

— Он разный. Элита кубинского общества — прозападная, хотя это тщательно ими скрывалось. А простой народ? Это же латиноамериканцы — веселые и беззаботные, как птицы. Разница между богатыми и бедными — огромная. Убожество и блеск.

Промышленности развитой все еще не было. Сельское хозяйство относительно развито: выращиваются сахарный тростник, табак, кофе. Есть животноводство — этим занимаются фермеры индивидуальных хозяйств.

Города Кубы — города-курорты, красивы. Все предназначалось для отдыха иностранцев, для туризма. Четырех- и пятизвездочные отели, 9-12-этажные. Западная цивилизация. Утонченно, красиво, цветы, бассейны, оркестры, изысканная кухня... А рядом — нищета. Кубинцы — народ веселый и беззаботный. Поднес, помог перенести кому-то чемодан — два дня сыт. Не то что русские: биться до крови, мучиться, искать истину... Просить прощения. В бой — с песнями, под венец — в слезах... Они не такие.

На Кубе велик процент проституции. Фидель Кастро, лидер революции,— один из 12-ти оставшихся в живых первых революционеров, *Comandante*, любимый кубинцами,— говорил как-то совсем недавно: «До революции на Кубе было 100 тыс. проституток». «А сейчас?» — спросили у него. Немного замялся: «Значительно меньше». Революция пыталась и пытается бороться с этим позорным явлением. Стали учить женщин. Многие стали таксистами, в частности. А получились — «бабочки на колесах». В то же время многое сделано в просвещении, образовании. Велики успехи в медицине. Этого нельзя отрицать. Но с бедностью не справились. Скажем, муж, хозяин семьи,— фермер. Выращивает сахар, есть животные — он же доит коров. А его жена ночью уходит на заработки — и тем кормит большую семью.

«Как жили богатые — видел собственными глазами,— говорит Владимир Иванович.— Видел дачу, расположенную на берегу моря, принадлежавшую некогда миллиардеру Дюпону, и естественно, национализированную. Дом насчитывает 120 комнат. А рядом — 100 домиков для гостей, о которых сам владелец дачи и понятия не имеет — кто они».

И вот в 1959 году совершилась революция, которую возглавил Фидель Кастро — молодой красавец, образованный, талантливый, выходец из одной из богатейших семей Америки.

США вначале как-то несерьезно отнеслись к этой революции. Балуетесь молодежь. В Латинской Америке сплошь и рядом дворцовые перевороты! Перемелется — мука будет. Но неожиданно для всех Кастро проникся идеями Маркса-Ленина, идеями коммунизма. А это уже не на шутку испугало американцев. США допустили вторую серьезную ошибку: вместо попыток осуществить свое влияние на молодой режим, они заняли враждебную позицию по отношению к Гаване, а затем, объявив экономическую блокаду, толкнули Кубу в объятия Советского Союза. Экономическая блокада или карантин, это — 300 военных судов вокруг Кубы, 600 самолетов, облетающих мятежный остров.

Практически в Гаване были готовы провозгласить социалистический характер кубинской революции, приступить к созданию марксистской партии. В это же время советские разведчики докладывали Кремлю о реальной военной интервенции на взбунтовавшийся остров. За марксиста-ленинца Кастро, в защиту революции заступился Н. Хрущев со всей военной мощью Советского Союза. Надо было «выручать» Кубу, и СССР тайно направляет на остров мощный контингент советских войск, советские ракеты, ядерные боеголовки. А все всего лишь в 90 километрах от границы США!

Немного поподробнее о так называемом Карибском кризисе (октябрь 1962 года), о подробностях о котором не знал и не мог знать рядовой ракетчик, а позже вольнонаемный, переводчик с русского языка на испанский Владимир Ширай.

Решение направить на Кубу группу советских войск, за основу которых были взяты ракетные войска, приняты 24 мая 1962 года по инициативе Никиты Хрущева (все далее приведенные мною цифры и факты взяты из книги Д. Волкогонова «7 вождей», из главы «Никита Хрущев»; раздел «Опреция Анадырь». Автор при этом всегда ссылался на архивные материалы)

Войсковой состав Группы состоял из: 51-й ракетной дивизии (в составе 5 полков), две зенитно-ракетные дивизии, истребительно-дивизионный полк, два полка крылатых ракет, вертолетный полк, минно-торпедный полк, четыре мотострелковых полка, тыловые и иные подразделения... Предполагалось разместить более 50 тысяч советских военнослужащих. Вот масштаб войсковой операции! В операции было задействовано более 80 судов гражданского морского флота, которые выходили из советских портов: Феодосии, Николаева, Поти, Балтийска, Кронштадта, Лиенаи...

Ядерные заряды для всех типов ракет было решено перевозить отдельно, причем

предписывалось «при явной угрозе захвата корабля высадить за борт весь личный состав на имеющихся спасательных средствах, а корабль — затопить». С ядерным оружием!

Ракетным войскам, составлявшим основу обороны Советского Союза и о. Куба, предписывалось «быть в готовности, по сигналу из Москвы нанести ракетно-ядерные удары по важнейшим объектам Соединенных Штатов Америки».

На палубы грузились трактора, автомобили, сельскохозяйственные машины. Капитанам судов предписывали вначале доставить грузы и людей в Африку, Латинскую Америку...

Задача Группе ставилась следующая: не допустить высадки противника на территории Кубы ни с моря, ни с воздуха. Превратить о. Куба в неприступную крепость.

У самого же Хрущева была и другая идея, озвученная им на Президиуме ЦК КПСС: «запустить в штаны американцев нашего ежа», так как в те годы СССР отставал от США в 15—17 раз по боеголовкам, а ракеты у порога США компенсировали бы «временное отставание».

И вот уже «по состоянию на 25 сентября 1962 года на Кубу отправлено 114 кораблей (некоторые повторно), на о. Куба прибыло 94 корабля, осталось отправить 35 кораблей. План по перевозке уплотнен — погрузка завершается до 20 октября, а прибытие на Кубу заканчивается 3—5 ноября с.г.» (Из докладов Хрущева). К слову: здесь есть и другие данные: «будет отправлено на Кубу 69-я бригада торпедных подводных лодок с 88 торпедами на борту, в том числе с 4 боеголовками».

Каша, как видим, замешивалась крутая. Сам Никита Сергеевич, а по традиции Первый секретарь ЦК партии — он и Главнокомандующий вооруженными силами страны, — чувствовал себя вполне великим полководцем. Почти ежедневно он в течение лета и осени 1962 года следил за ходом войсковой операции, а позже он, заваривший кашу, хвастливо заявлял: «Как бы там ни было, мы добились большой победы, заполучив у Кеннеди обещание, что ни США, ни их союзники, не будут пытаться вторгаться на Кубу».

Когда большая часть войск советских группировок была уже на Кубе, разведывательный самолет США У-2, осуществив фотографирование западных и центральных районов острова, дал сенсационную информацию: на острове устанавливаются советские ракеты среднего радиуса действия. Несколько дней в Москве, как пишет Д. Волкогонов в упомянутой книге в разделе «Операция Анадырь», не знали, что тайные планы Хрущева раскрыты. (Не зря утверждают, что нет ничего тайного, что не стало бы явным). К этому времени 42 ракеты и боеголовки к ним были уже на острове. И президент США Кеннеди открыто сказал об этом американскому народу, выступая 22 октября по радио и на телевидении.

В США были близки к истерии. Отделенные от всех в мире великими океанами и окруженные дружественными, слабыми соседями, американцы до этого не понимали, что такое ядерная опасность. Люди стали скупать бомбоубежища, глубокие подвалы, закупать сухие продукты, консервы. Средства массовой информации подсчитывали, пугая обывателей, до каких городов могут долететь советские ракеты.

Обстановку донельзя накалило и следующее обстоятельство: 27 октября в небе над Кубой был сбит американский самолет-разведчик У-2. Сбит советскими ракетами зенитно-артиллерийского прикрытия на высоте 21 километр.

Американские генералы требовали немедленного удара по советским ракетам. Опасность войны буквально дышала в затылок.

И вот тут-то Хрущев и дал задний ход, правда, добившись от США уверения в снятии экономической блокады и обещания не вторгаться на Кубу. Отступил, дав указание о прекращении дальнейших работ на строительных площадках для размещения ядерного оружия и демонтаже своего наступательного вооружения.

Далее последовали: гнев Фиделя Кастро, с которым, как оказалось, вообще не советовались (а до этого он лично поблагодарил командира ракетчиков, сбивших У-2, и подарил тому автомобиль «Мерседес»); обсуждение деталей вывода части советских войск, демонтаж и разрушение стартовых площадок, унижительная проверка кораблей, вывозивших стратегические ракеты в СССР.

Ракеты вывезли, хотя все остальное оставалось на Кубе еще на десятки лет...

— А как к советским людям, советским военным относились простые кубинцы, — спрашиваю я Владимира Ивановича.

— Весело. Добродушно. С благодарностью, — ответил он. — Кому же не понравиться, если тебя будут кормить, одевать, учить, защищать, всячески о тебе заботиться? Это уже если ущемляют твои права, твою свободу, то это — насилие. К своей революции относились благосклонно, внимательнее слушали Фиделя Кастро. А он на многотысячных митингах говорил по 5—6 часов кряду. Талантливый, редкий оратор. Я его видел и слушал. Он говорил о прошлом Кубы и нынешних проблемах...

Он — великий пропагандист марксизма, и теперь сам уже стал историей.

Фидель Кастро искренне верил в социализм, в то, что его можно построить на Кубе, да и во всем мире. Один из великих американцев, ученый с мировым именем Уоллес писал: «Идеи подобны гвоздям. Чем чаще бить их по их шляпке, тем глубже они входят в сознание людей». Вот этим и занимались талантливо, повседневно Фидель Кастро и его сторонники.

А примеры, которые он приводил и приводит (по радио он выступал буквально год назад) действительно убеждают. «Смотрите, — говорил он, — до революции на Кубе было 30—40 тысяч лиц с высшим образованием. Сейчас около 700 тыс. человек». (Да, действительно, успехи потрясающие. Вот только можно ли посылать на учебу в университеты дружественных стран лиц, имеющих фактически начальное образование?)

Советский Союз многие годы оказывал Кубе не только моральную поддержку, но главным образом, материальную и военную, оценивающуюся ежегодно в 5 млрд. рублей, строил заводы и фабрики, рудники, помогал в разведке недр, покупал сахар, в случае если его никто не брал, покупал табак, кофе, вина, цитрусовые. Учил студентов, аспирантов, готовил военные кадры. Часто делился последним, а сам едва ли не бедствовал. У народов СССР разве были лишние деньги?

Выходит, зря помогали? За что боролись?

— Судите сами, — отвечает Владимир Иванович. — Сейчас экономика страны буксует. Сам Фидель Кастро, ортодоксально мыслящий, стал тормозом в экономическом и политическом развитии страны.

Что же касается современной России... Прямолинейная, недальновидная политика нашего руководства, непродуманные действия привели к полному разрыву экономических связей.

— Вы видели в продаже кубинский табак, вина? Кофе? Или, может, страна получает сырье: медь, никель, цветные металлы? — спрашивает Владимир Иванович. — Наконец, мы потеряли мощную станцию слежения. На Кубе за все годы побывало порядка 300 тысяч советских военнослужащих, в живых сейчас осталось порядка 30 тысяч. Их стоило бы приравнять к участникам Отечественной войны, к афганцам. Потерявших там здоровье — тысячи. Многих подкосили болезни уже дома, в том числе психические, алкоголизм, безразличное к ним отношение общества, равнодушные власти.

В целом Владимир Иванович считает, что навязывать социализм Кубе было ошибкой, глупостью.

И жизнь там не стала лучше.

— А в личном плане? — спросил я.

— Материально я себя обеспечил на все годы учебы в Москве. В моральном плане? На Кубе я получил из рук Рауля Кастро, министра обороны Кубы, Почетный диплом — за помощь в укреплении обороноспособности страны и охрану завоеваний революции. Это ценный и памятный для меня документ.

Пребывание на острове Куба дали возможность В. И. Шираву побывать за рубежами нашей страны, изучить испанский язык, окончить МГУ и аспирантуру. А трудности?

«Они закалили мою волю», — считает Владимир Ширай. Он не против еще раз побывать бы на Кубе, повторить пройденное, хотя считает, он что-то сделал бы иначе.

УЧЕНЫМ МОЖЕШЬ ТЫ НЕ БЫТЬ, НО КАНДИДАТОМ БЫТЬ ОБЯЗАН

Итак, Владимир возвращается на Родину с целью поступить на экономический факультет МГУ им. Ломоносова. Повторяюсь: служба на Кубе и пребывание там советских войск проходили в строжайшей секретности. Однако, как теперь выясняется, весь мир знал, что в СССР «все секрет, но ничего не тайна». И потому встречались и прощались удивительные вещи.

Приехал Ширай в Москву, приходит в приемную комиссию университета, не имея на руках абсолютно никаких документов. И говорит:

— Хочу учиться в МГУ.

— Где Ваши документы? — спрашивают.

— Идут дипломатической почтой.

— Идите к декану факультета.

Тот, выслушав Владимира, пишет на его заявлении: «допустить к приемным экзаменам условно». Первый же экзамен, профилирующий, Владимир сдает на «отлично» и со справкой на руках о том, что у него «принято заявление о поступлении в МГУ» начинает, разъезжая по России собирать необходимые документы: оформляет паспорт, трудовую книжку, военный билет и т.д.

Наконец, все собрано, сдано, и Владимира зачисляют в университет! Началась учеба, длившаяся 5 лет, зачисление в аспирантуру, выбор темы для диссертационного исследования, женитьба.

Владимир Ширай знает несколько иностранных языков. Украинский, другие славянские языки знает со школьной скамьи. Испанский, молдавский и румынский выучил на Кубе, английским овладел в техникуме и в Москве, даже преподавателя брал в помощь. Понимает итальянскую и французскую речь.

В последующем, бывая на всяких рода конференциях, международных в том числе, общался вполне без переводчиков. Сдать кандидатский минимум ему не составляло труда.

А вот учеба в аспирантуре, подготовка, написание и защита кандидатской диссертации могли стать отдельной темой с неожиданным трагическими и комическими поворотами, с колоссальными трудностями. Тема для исследования рекомендована архиактуальная — международная экономика, связанная с проблемами Латинской Америки. А вот научные руководители менялись. Первый вариант готовой диссертации был зарублен в связи с военным переворотом в Чили. Надо было все менять, в том числе и научного руководителя.

Последующие изменения и трудности были связаны с тем, что ввиду секретности документов в нашей стране было найти что-либо невозможно, нельзя было сослаться на наши документы. В иностранных источниках все нужное диссертанту было, но сослаться на них не допускалось. Наконец, после пяти лет мытарств, Ширай получил искомую научную степень!

Затем была работа в Тульском политехническом институте, Тульском педагогическом институте им. Л. Н. Толстого.

В пединституте Владимиру Шираву, знавшему испанский язык, поручили заниматься со студентами-кубинцами. Вел он у них на их родном языке многие общественные дисциплины, хотя основной его наукой была политическая экономия.

— К удивлению своему,— вспоминает Владимир Иванович,— в пединституте я встретил в числе студентов детей тех кубинских ракетчиков, которых в 60-е годы обучал охранять небо Кубы, и детей тех военных моряков, которых знал, будучи переводчиком при штабе ВМФ. Из рассказов молодых кубинцев узнавал, кто и какие должности занимал в кубинском обществе.

В педагогическом институте Ширай свыше трех лет был освобожденным председателем профкома преподавателей, избирался членом обкома профсоюза педагогических работников, был участником многих профсоюзных конференций и съездов союзного уровня.

Но наукой и преподаванием продолжал заниматься.

Беседуя с Владимиром Ивановичем, я спросил:

— Может ли сейчас экономическая наука серьезно помочь людям, объяснить, предупредить, облегчить им жизнь?

— Объять необъятное, понять непонятное? — улыбается Владимир Иванович.— Должна бы. Но вот в чем дело: экономическая теория, я говорю о политэкономии, которая лет двадцать исчезла как наука, может только выдавать рекомендации. А за политикой остается право трактовать их так или иначе. Истину же подтвердит практика — так учили нас классики. Почему, скажем в 30-е годы был зарулен нэп (новая экономическая политика)? Почему тогда не состоялся государственный капитализм, успешно насаждаемый сегодня? Он не был выгоден правящему классу. А что происходит сейчас? Общество убедили, этому поспособствовали ученые-экономисты, что капитализм дает людям больше жизненных благ.

Политэкономы, ученые других экономических специальностей, по мнению Владимира Ширая, усердно стали переписывать, часто не зная как следует иностранных языков, научные труды, учебники западных, американских теоретиков и практиков. Отсюда — сплошные ошибки, нестыковки. Профанация науки сегодня чудовищна. Возродить политэкономии как науку, считает Владимир Иванович, пытаются ученые экономического факультета Московского государственного университета имени М. Ломоносова.

Последние 20 лет работал Ширай на кафедре экономической теории Тульского филиала Российского государственного торгово-экономического университета — вначале доцентом, потом исполняющим обязанности профессора. Работал, как всегда, с полной отдачей физических и умственных сил. «Настоящий ученый не может с докторальным видом пройти мимо вопросов, которые он сам досконально не изучил, для себя не прояснил»,— считает Владимир Иванович. А это, как уже было сказано, ох как не просто сделать в наше смутное, запутанное время, где буквально царит переполох в экономической теории. Но надо же не только самому разобраться, но и передать знания студентам.

— Скажем, термин «прихватизация», если его можно считать термином, придумал я,— улыбаясь, говорит Владимир Иванович.— Я его стал первым применять, а потом, слышу, другие его стали применять к месту или не к месту.

А если говорить серьезно, у Ширая несколько крупных монографий и свыше 30 публикаций по экономической проблематике. Он по праву считается крупным, серьезным и квалифицированным специалистом в своей области знаний.

Я спросил, что он думает о нынешних студентах.

— Уровень знаний у них, особенно у тех, кто окончил сельскую школу, за по-

следние годы резко снизился. Две трети нынче поступают на коммерческой основе, учась на «троечки». Те, кто поступает на бесплатной основе, учатся лучше. Но и конкурс для поступления у них огромный.

От преподавателей, как утверждает Ширай, требуется все большее и большее мастерство. И они делают все возможное, чтобы дать студентам полноценные знания, ищут все возможные формы взаимодействия. Дают дополнительные консультации, составляют оригинальные тесты, опросники, дают контрольные задания, пишут методические рекомендации, причем чаще всего издают за свой собственный счет.

Одна из нынешних бед, считает Ширай, та, что преподаватели «варятся» в собственном соку. Безвозвратно ушли те времена, когда каждый преподаватель обязан был каждые пять лет пройти переподготовку в крупном учебном центре — с сохранением зарплаты. Сейчас это возможно за свой счет, и то только если тебя отпустит вуз, так как часто случается, что преподавателю нет замены.

— И все же главное, — утверждает Владимир Иванович, — это то, что Господь Бог послал мне умение радоваться жизни и творить за письменным столом, работать в библиотеках. Я постоянно с молодежью, а это, при всех трудностях и издержках, — счастье. Счастье видеть, что тебя понимают, видеть любознательные, пытливые глаза моих учеников.

* * *

Сейчас Владимир Иванович в отпуске, отдыхает после окончания учебного года, чувствует усталость от напряженного труда. Но у Ширая есть прочный, надежный тыл — семья. Жена — Татьяна Андреевна — в прошлом выпускница химического факультета МГУ; сын Андрей — тоже выпускник МГУ, психолог, специалист в области и психологии, и в области восточных единоборств, и работающий нынче в одном из учреждений Новосибирской области; дочь Ирина — экономист, выпускница экономического факультета местного госуниверситета. Растут трое внуков.

В. И. Ширай — один из первых организаторов тульской общины украинцев. И сейчас является членом правления Союза украинских общин Тульской области.

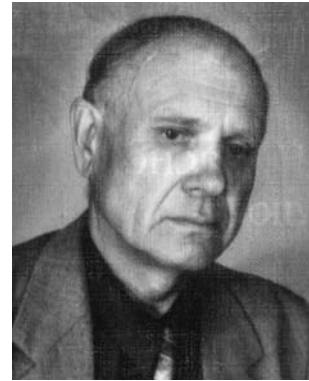
Владимир Иванович в курсе всего, что происходит в Украине. Он уверен, что его земляки (а у него там много и родственников, и знакомых) сами скоро разберутся в сложных политических ситуациях, достойно, трудом своим, мудростью своей, терпением, ответят на вызовы времени.

Важно, считает он, чтобы в политическое противостояние, характерное для сегодняшней Украины, не вмешивались третьи стороны, что явно не способствовало бы устранению политического кризиса в Украине.

У НАС В ГОСТЯХ

Александр Ореховский
(Новосибирск)

В ОРБИТЕ ГАРМОНИИ: СТИХИ

От редакции: Александр Игнатьевич Ореховский родился в селе Рубино Красноярского края. Жил на Алтае, работал учителем, редактором Алтайского книжного издательства, далее преподавателем в вузах Сибири. В настоящее время — доктор философских наук, профессор, чл.-корр. Петровской академии наук и искусств, заведует кафедрой философии и отечественной истории в Сибирском госуниверситете телекоммуникаций и информатики (г. Новосибирск). Создатель новой научной дисциплины «Философия ответственности». Автор многочисленных работ по философии, критике, литературоведению. В 2006 г. издал книгу лирики «Прояснение любви» (это его седьмая по счету поэтическая книга). В том же году в изд-ве «Московский Парнас» в серии «Созвездие России» вышла книга Л. Ханбекова «Исцеляющая вера (Очерк творчества Александра Ореховского)». Ниже мы публикуем стихи из новой книги, готовящейся к изданию.

НА ГАРМОНИЧНОЙ ВОЛНЕ

В речке таежной играет волна
Солнечным светом:
Радость искрится, венчая меня —
С ласковым летом.

Влажное солнце к губам поднесу —
И поцелую!
Выпью и ладонях, как выпьет росу,
Роза волнуясь...

Плоть обновлю я сияньем реки,
Суть окропляя.
Чутким касанием грешной руки
Рай воскрешая.

К дому, родному, плывут облака,
В зорьке алея,

С ними кочует надежда легка
Солнечной феей.

Боже, дай крылья — и в небо взлечу,
Словно жар-птица,
Золотом сердца — безмерно — хочу
С Русью делиться.

ЗВЕЗДА НА СОВМЕСТИМОСТЬ

При встрече — зажигалась Звезда на совместимость.
Где души, губы, руки, как ручейки сливались,
Был краток час свиданий — и проносились мимо
Огни и свет нетленный, что на сердцах слагались.

Шло время, и случайно они и пути встречались,
И луч Звезды той яркой опять лелеял души:
Светлейшие мгновенья во взглядах озарялись,
Хоть тот костер телесный бег времени разрушил.

Вновь память воскрешала горений прежних силу:
На вспышках в фотопленках те отблески остались.
Отрадный жар свиданий грусть в Лету уносила
И таинства желаний, что в страсти разгорались.

СОЛНЕЧНЫЕ БЛИКИ

Ты, выбежав на солнечный порог,
Из горницы, где зарождалась песня,
Словно капель, врачуешь всплеск тревог
И речь ручья, что рвется к поднебесью.
Твой стан встревожил ветер невзначай
И губ коснулся хладным поцелуем...
Весна! Скорее солнышко встречай:
У верб озвучим теплоту земную.
Любовный гимн в созвучьях зазвенит,
И эхо двухголосье вмиг приблизит,
А память эту встречу сохранит,
Как вербных почек солнечные блики.

* * *

В сердечную купель
Нырни-ка «с ручками»,—
Чтоб я пловцом влетел
В качели лучшие.
Светился весь в тебе
Душой горящею,
Словно звезда в звезде,
Рассвет творящая.

Наперекор судьбе
Жег одиночество
На ложе жарких нег
В твоём высочестве.

* * *

Своим мятежно мартовским восстаньем
Меня ты исцеляешь, как бальзам.
Горит душа любовным обожаньем,
Доверившись во всем греховным снам.

Я вознесен в черемуховый рай
Из февраля, измаявшего душу,
Сошел на сердце вдруг цветущий май
Мгновений — в буйной радости мятущих.

И пробуждаюсь с чувством молодым.
Как дым, втянуло небо грусть-тревогу,
Сирень меня спасает от седин...
За это обновление славлю Бога!

Дверь открываю настежь на балкон,
Шагая в соловьиные рассветы,—
Хаос сжигаю, как Наполеон,
Чтоб брать мосты и шествовать к победам.

* * *

В гармонии любовного мгновенья
Две нежности пылают как одна:
Блаженно обоюдное горенье,
Когда душа мятежности верна.
Одна звезда неполным светом светит —
Слиянье звезд — вот благодать огня!
В ночи... на обездоленной планете,
Чтоб высветить всю лучезарность дня.

В ПЕНАТАХ СНОТВОРНОГО

Май поцелуем воскресишь,
Изведав сладкое волненье,
Как прежде, любишь и грешишь,
Но у снотворного в горениях...
Постельной негою дыша,
(Дневные мытарства забыты)
В объятьях сна — красна душа —
И поцелуем губы слиты.
Смиранный разметав покой,
Цветешь черемуховой вьюгой,
Как вольной свадебной порой,

Еще бездетною супругой.
Когда на ласки не лимит
И сердце не закрыто квотой,
Поток любви его стремится
В бурлящие, хмельные воды.
И тело грешное велит
Недосыпать от наслаждения,
И дух веселости царит
В роскошной власти вождельня.
Где на качелях сладких мук —
Сердечных взлетов и падений,
Неистоцима нежность рук
В безумной радости забвений.
Как на волнах, вздымая грудь,
В пенатах сонного владенья:
Еще не саднит сердцем грусть
От нелюбовного горенья.

ВОДОЛЕЮ

В апреле оттепель светла
И звездна полночь — не до сна!
А в сердце молодость вошла:
В крови весна, весна, весна...

Я грежу встречей, водолей:
Кагору в мой бокал налей!
Тоску берложную развей:
Любовной страстью заболей.

Треск почек — гимн зовущий в май,
Прозрели ночью огоньки...
Душой любимую встречай
В цветенье вербном у реки.

Волнует сердце «Бокогрей»
Прохладной нежностью своей,
Ворвись — горящий — водолей,
Грудь поцелуями согрей.

Остыла песня на заре —
В ночь истомился соловей...
Предстань в спасительной жаре,
Мой — красноталый — водолей.

Бальзамом грудь мою взлелей,
Чтоб пел в черемухах смелей!
Звенящую капель пролей
На крыльях песни, водолей!

В КАРДИОЛОГИЧЕСКОМ

С исцеляющей лаской ты, сестричка, войди,
Где огонь беспощадный поселился в груди.
Укрепи дух и радость в утомленной крови:
Ущемленное сердце жаждет светлой любви.

Тыщи мыслей печальных у бессонниц в ночи:
Не улыбкой прощальной предынфаркт полечи,
Под церковные звоны — при продрогшей луне —
Пробуди бодрость духа на больничной войне.

Поврачуй слабость тела и смятение сними,
Пробужденные чувства теплотой укрепи.
И, как розу, росой сушь души окропи.
Подгоревшему сердцу пламень чувства верни.

Невозможно смириться, что в любви выходной:
Без блаженства мятежность не находит покой.
Не справляется разум с безысходной тоской...
Ты, сестричка, заботой грусть-мятеж успокой.

НЕТЛЕННОЕ СОУЧАСТИЕ

К друг другу соучастием дыша:
В горниле жизни звезды не сгорели!
Отыщет жар способностей душа
Светить и греть на трудных параллелях.
В телесных силах нежность велика:
Не упускай возможность приласкаться...
Как тяжко в одиночестве скитаться!
Печаль в томленье сердца глубока.
Доверься задушевному полюсам.
Чтоб солнечной в горенье оставаться.
И вновь к очаровательным устам
Губами, словно к чуду, прикасаться.

* * *

Хотел бы утверждать без лишних слов,
Что благодатна поздняя любовь!
В ней свежесть непаящего огня,
Где плавится житейская броня
Тех предрассудков, полонивших свет
Мол, подлинной любви в природе нет:
Грех заблужденья этих знатоков
Нам проясняет поздняя любовь.

МАЯК ПРАВОСЛАВИЯ

А. Лукашенко

Маяк православия — Белая Русь
В российский туннель, словно солнышко, светишь.
В свободе своей на тебя обопрись:
Ты, Белая Русь, за Отчизну в ответе.

Чтоб хлебные нивы полоть хорошенько,
Ты в жизнь воплощаешь соборности дух:
Доверила трактор вести Лукашенко,
Идею Русской отладив свой плуг.

Добротным зерном ты поля засеваешь,
И будет богатым и щедрым налив...
На вече российский народ созываешь,
Чтоб русскую власть он в Кремле утвердил.

ДЕМОНИЗМ В КРОВИ

*Сожги дотла, до горсточки земли,
Испепели меня, испепели*

Наталья Квасникова

С горящим взглядом встань передо мной,
Не оставляй печальною вдовой
И жгучим ядом душу отрави,
Потом мои владенья подпали!
Сожги дотла, развей золу в пыли:
Испепели меня, испепели,—
Чтобы могучий демонизм крови
Напалмом вызрел для любой любви.

ТВОРЧЕСТВО И МИФОТВОРЧЕСТВО

Феликс Кузнецов

ШОЛОХОВ ПИ «ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВУНДЕРКИНДЫ»*

«Литературный европеец» Семен Ицкович

После того как Российская академия наук обрела рукопись «Тихого Дона», «антишолоховедение» превратилось в малопочтенное маргинальное занятие. В его рядах растут озлобленность и растерянность. Достойной замены М. А. Шолохову в качестве автора «Тихого Дона» «антишолоховеды» в течение десятилетий так и не смогли найти. Предполагаемые авторы великого романа плодились, как дети лейтенанта Шмидта. В поисках выхода из этой нелепой ситуации «антишолоховедение» нашло новое решение: оказывается, «Тихий Дон» создавался не Крюковым или кем-то еще, — над «Тихим Доном» «работала бригада бывалых литераторов <...> Сейчас проясняется участие в этой работе (на заключительной ее стадии) даже Вениамина Каверина (Зильбера). Бригада была интернациональная!» Такое решение проблемы «Тихого Дона» предложил гражданин Германии Семен Ицкович, опубликовавший в немецком журнале «Литературный европеец», органе Союза русских писателей в Германии (оказывается, есть и такой!), статью «...И национальный вопрос».

В своем смелом утверждении Семен Ицкович опирается, видимо, на рапповский «бригадный метод» в литературе и на северокорейский опыт, где писательские коллективы под надзором властей клепали безымянные романы и повести. Но не только! Решающим для Ицковича явился авторитет безмерно почитаемого им гражданина Израиля Зеева Бар-Селлы — также выходца из России, которому и принадлежит дерзкая идея новоявленного «бригадного метода» применительно к «Тихому Дону».

Бар-Селла для Семена Ицковича — прямо-таки библейский пророк, Ицкович посвятил Бар-Селле настоящую оду — в прозе и в стихах:

«Когда бы не пустивший в России глубокие корни национальный вопрос, сводящийся обычно к антисемитизму, за эти два деяния Зееву Бар-Селле, наверное, поставили бы, как дважды Герою, памятник при жизни. Если не в камне и бронзе, то виртуальный, для которого я придумал нижеследующее посвящение:

***Он шолоховской мысли крапленую колоду
Разоблачил и к стенке пригвоздил.***

***«Шолохovedов» мелкую породу,
Клепавших ложь правителям в угоду,
Он правдою унял и в лужу усадил.
В том подвиг, и ему поем мы оду,
Но еще больше славен он и мил,
Что имя Севского из праха возродил,
И долго будет тем любезен он народу».***

Как видите, «антишолохovedение» в своей ненависти к великому русскому писателю мобилизует на борьбу с ним даже откровенную графоманию. Но графомания, как известно, — это болезнь, клиника. Графомания в литературоведении — клиника в квадрате. Факты свидетельствуют, что «антишолохovedение» сегодня все в большей степени превращается не только в маргинальное, но и графоманское, т.е. клиническое, занятие.

Тень Поприщина

Вслед за «Литературным европейцем», журналом «русских писателей в Германии», на 100-летний юбилей М. А. Шолохова столь же негативно отозвался еще один орган наших бывших соотечественников — журнал «Русский базар», издающийся в США. Главным редактором этого журнала является Наталья Шапиро, а членами редколлегии — наши недавние соотечественники Георгий Вайнер, Виталий Коротич, Владимир Соловьев, Лея Мозес, Нина Аловерт, Леонид Зоншайн, Маргарита Шкляревская, Михаил Трипольский, Ефим Клейнер и др. Они, видимо, также считают себя «литературными европейцами» и вслед за Семеном Ицковичем также крайне недовольны тем, как прошел 100-летний юбилей великого русского писателя. Особенно задела их факсимильная публикация текста рукописи «Тихого Дона».

«Русский базар» задает вопрос: *«Почему Феликс Кузнецов и другие вот уже много лет используют рукопись как несомненное доказательство авторства Шолохова? Долгое время отдельные листы рукописи, а затем и вся найденная рукопись преподносились в прессе как «черновики великого романа». На самом же деле это беловик — аккуратно написанный рукой Шолохова текст с небольшой правкой описок...»*

Гигантский по объему событий роман написан набело. Никаких вариантов глав, вариантов сюжетных ходов, написанных, а затем отвергнутых, перечеркнутых, — ничего этого нет».

В отвержении Шолохова «Русский базар» унижается до прямой неправды. Из 920 страниц рукописи лишь 247 страниц — беловой текст, частично переписанный М. А. Шолоховым, а частично — рукой его жены, Марии Петровны, или ее сестры Нюси, Анны Петровны. А 673 страницы — черновики, с вариантами глав, сюжетных ходов, написанных, а затем отвергнутых, переименованных или же — перечеркнутых автором.

«Черновики — лишь малая часть неизбежных бумаг, сопровождающих подобную работу, — заявляет далее «Русский базар». — Ведь, помимо черновиков, элементарных планов такой роман, как «Тихий Дон», по сути своей требовал огромной работы по сбору материала». По мнению «литературных европейцев», — «ничего этого нет, есть только беловой текст».

Но в факсимильном издании текста рукописи и в подробнейшем комментарии к нему дан всесторонний, обширнейший анализ истории создания М. А. Шолоховым романа «Тихий Дон».

Отвергая Шолохова как автора «Тихого Дона», «Русский базар» пропагандирует все ту же клиническую идею, будто «писателя Шолохова вообще не существовало, а

был проект «писатель Шолохов», когда по приказу ГПУ «Тихий Дон», «Поднятую целину», «Они сражались за Родину» вместо Шолохова «писали разные люди».

Доказательства этой идеи представлены журналом в статье «Мечь литературного раба». Оказывается, по хитроумному замыслу «литературного раба», якобы писавшего за Шолохова роман «Они сражались за Родину»; Звягинцев, герой романа, называет свою жену Настасьей Филипповной. «Затем появляется главный герой — рядовой бронбойщик по фамилии Лопяхин. А следом за Лопяхиным возникает старшина по фамилии Поприщенко. Яснее быть не может. *«Литературный негр тайно отомстил своим рабовладельцам!* — восклицает «Русский базар». — *В одном ряду свел персонажей с именами-фамилиями из «Идиота», «Вишневого сада» и «Записок сумасшедшего» (Поприщенко — Поприщин). Но ни Шолохов, ни его покровители ничего не заметили. Да и писатели до сего времени — тоже. Заметил Назаров-Бар-Селла,* — сообщает «Русский базар». А этим «литературным рабом», как позже выяснится, был не кто-нибудь, но Андрей Платонов.

Худо дело у «антишолоховедов», если в своем отрицании Шолохова им приходится опускаться до интеллектуального уровня гоголевского героя «Записок сумасшедшего» Поприщина!

К сожалению, подобная «поприщинская» аргументация со страниц русскоязычных изданий Европы и Америки перекочевывает подчас и на страницы серьезной европейской печати. Так, немецкая газета «Нойе цюрих цайтунг» 23 августа 2006 года писала:

«100-летний юбилей со дня рождения Шолохова, который год назад торжественно отмечался в Москве, дал повод для дебатов, в которых старые коммунисты и путинисты (!) попытались защитить «гигантское наследие отечественного гения» от усиливающейся критики, — заявляет газета. — Сомнения в качестве этого наследия и масштабе личности Шолохова как классика социалистического реализма были и раньше. Не кто иной, как Александр Солженицын, уже в 1974 году сделал прежние слухи фактом и обвинил Шолохова в том, что не он написал эпос о Гражданской войне «Тихий Дон», а взял в основном материал неопубликованной рукописи казака и военного писателя Федора Крюкова и опубликовал под своим именем».

Пытаясь реанимировать эту клевету, газета излагает без ссылки на первоисточник все ту же бредовую версию, будто «Тихий Дон» и все творчество Шолохова было создано ГПУ «групповым методом» в литературе.

«Изъятая ГПУ (то есть не самим Шолоховым) из наследия Крюкова рукопись, — пишет газета, — должна была количественно и качественно стать достаточным источником не только для систематического использования, но и соединиться с другими текстами и таким образом смонтирована как целое творческое наследие, которое должно было служить образцом для советской литературы. То, что для этой компиляции использовались также тексты Михаила Булгакова и Андрея Платонова, то есть писателей, которые в СССР долгое время были вычеркнуты, делает проблему еще свежее».

Но что собой представляет автор этого «проекта», перекраивающего «Записки сумасшедшего» применительно к М. А. Шолохову?

Волк, Сын Скалы

Нойе цюрих цайтунг», «Русский базар» и «Литературный европеец» в своих новейших измышлениях об авторстве «Тихого Дона» исходят из одного и того же источника — вышедшей к шолоховскому юбилею книги «Литературный котлован: проект «Писатель Шолохов». «Ее автор, — сообщает «Русский базар», — израильский литературовед Зеев Бар-Селла, в прошлом советский лингвист-вундеркинд».

Сегодня именно этот «лингвист-вундеркинд», отодвинув в сторону Солженицына, Томашевскую, супругов Макаровых, вышел на роль лидера современного «антишолоховедения».

Понимая, что поезд ушел навсегда, что не существует ни одного реального писателя, который хотя бы отдаленно, по уровню таланта, мог заменить в качестве автора «Тихого Дона» М. А. Шолохова, «лингвист-вундеркинд» Бар-Селла, из чисто геростратовых побуждений, выдвинул поприщинскую идею, будто творчество М. А. Шолохова коллективно создавалось А. Серафимовичем и А. Платоновым, М. Булгаковым и В. Кавериным, Б. Пильняком и другими советскими писателями того времени, руководимыми ГПУ и КГБ. Вот такой откровенно политической спекуляцией в духе Поприщина, придуманной «лингвистом-вундеркиндом», завершает свой путь «антишолоховедение». Бар-Селле нет дела, что он бросает грязную тень не только на Шолохова, но и на тех талантливых советских писателей, имена которых он называет. Ему нет дела и до того, что сам Шолохов, как и многие из этих писателей, чудом уцелел от расправы ГПУ. Главное для вундеркинда — геростратов скандал.

Книга «Литературный котлован: проект «Писатель Шолохов», опубликованная РГГУ в 2005 г., вышла на деньги мультимиллионера Л. Невзлина, который ныне в бегах в Израиле и находится в международном розыске. Именно Невзлин перед своим бегством в связи с многомиллионным воровством сменил демократа ельцинской поры Ю. Афанасьева в качестве руководителя Российского гуманитарного государственного университета и финансировал многие университетские проекты. Так что книгу Зеева Бар-Селлы «Литературный котлован: проект «Писатель Шолохов» можно считать «подарком» Юрия Афанасьева и Леонида Невзлина к 100-летию великого русского писателя Михаила Александровича Шолохова.

К выходу книги Бар-Селлы в РГГУ в израильском журнале «Лехаим» (апрель 2006 г.) была опубликована пространная беседа, в которой «лингвист-вундеркинд» с обезоруживающей откровенностью раскрыл замысел этой провокации. Беседа называется «Лицом к лицу: Волк, Сын Скалы».

Корреспондент журнала Александр Раппопорт спрашивает Бар-Селлу:

«— До репатриации в Израиль у вас было другое имя?»

— Да. Назаров Владимир Петрович. Но я решил стать тем, кто я есть. Зеев Бар-Селла означает «Волк, Сын Скалы»...

— Кем были ваши родители?

— Моя мать; Лидия Ивановна Худак, после замужества — Назарова, выпускница Литературного института; Она занималась литературной критикой, была переводчиком и редактором. Отец, Петр Владимирович Назаров, был полковником Генштаба, служил в Главном разведывательном управлении.

— Назаров — еврейская фамилия?

— Нет, мой отец — русский... Род его — от донских казаков...»

Такова генеалогия Зеева Бар-Селлы, который, ссылаясь на иврит, именуется себя «Волк, Сын Скалы». А «вундеркиндом», сообщает «Волк, Сын Скалы», его называли в Московском государственном университете, со второго курса которого он был отчислен.

Невзирая на свою генеалогию, Бар-Селла не хотел бы, чтобы его считали донским казаком.

— То есть вопрос авторства «Тихого Дона» заинтересовал вас не случайно, — предполагает интервьюер, — ваши корни с Дона...

— Я думаю, что личный момент сыграл самую незначительную роль, — возражает Бар-Селла.

— Чем же вызван этот интерес?

— Прежде всего отсутствует главный материал научного исследования — до-

кумент. Мы имеем только опубликованный текст романа. Я начал работу с того, что поставил перед собой чисто академический вопрос: возможно ли определение подлинности или неподлинности какого-либо текста, его принадлежности тому или иному перу, безо всяких «уличающих» документов.

— **То есть без рукописей, написанных почерком автора, без черновиков и вариантов?**

— *Совершенно верно».*

Такова исходная позиция «лингвиста-вундеркинда»: судить об авторстве «Тихого Дона» без рукописей, черновиков и вариантов.

Правда, подобный подход позволил ему сделать хотя бы тот вывод, что автором «Тихого Дона» не мог быть Федор Крюков.

«— Крюков — писатель неплохой... А «Тихий Дон» написан гениальным писателем... Крюкову «Тихий Дон» написать было не под силу...»

Однако, отвергнув Федора Крюкова как возможного автора «Тихого Дона», опираясь на тот же текст, Бар-Селла заменил его другим, еще более слабым писателем. По мнению Бар-Селлы, «Тихий Дон», который был явно «не под силу» Федору Крюкову, оказался «под силу» провинциальному литератору Вениамину Краснушкину?!

Нет ни одной зацепки, которая хоть как-то связывала бы Краснушкина (псевдоним — В. Севский) с романом «Тихий Дон». Родившийся в станице Филоновской, проживший жизнь в Петербурге, закончивший жизнь в Гражданскую войну в Ростове-на-Дону, к станице Вешенской и людям, которые населяли эти места, Краснушкин никакого отношения не имел. Среди его публикаций, носящих в основном чисто журналистский характер, нет ни одной, имеющей хоть какое-то отношение к «Тихому Дону». И сами тексты, принадлежащие перу Краснушкина, их уровень таковы, что заподозрить в Краснушкине автора «Тихого Дона» никак невозможно. Он написал, причем в ранней юности, всего два «художественных» произведения: в гимназическом возрасте — «развлекательный роман», опубликованный в 1911 году в некоей ростовской газете, и в студенческом возрасте повесть «Провинциальные картинки», опубликованную в том же 1911 году. Эта повесть оказалась первым и последним «художественным» произведением автора.

Я прочитал «Провинциальные картинки» В. Севского, с трудом обнаружив эту книжку в Ленинке. И убедился, что это — совершенно беспомощная «обличительная» беллетристика в духе позднего народничества, куда более слабая, чем рассказы Ф. Крюкова. По всей вероятности, «лингвист-вундеркинд», находясь в Израиле, не имел возможности хотя бы заглянуть в эти «Провинциальные картинки».

Новоявленные записки сумасшедшего?

Краснушкин ушел из жизни в январе 1920 года. Как мог он, даже чисто физически, успеть написать, эпический роман о Верхне-Донском (Вешенском) восстании 1919 года, к событиям которого он не имел никакого отношения?

Понимая всю нелепость своей затеи объявить Краснушкина автором «Тихого Дона», «лингвист-вундеркинд» в конечном итоге и был вынужден выдвинуть другую, еще более нелепую идею — о так называемом «проекте ГПУ», по которому Краснушкину принадлежат лишь начальные главы романа, а все остальные — дписаны ГПУ: *«...Из архивов ГПУ, — фантазирует Бар-Селла, — извлекли рукопись романа, написанную отъявленным белогвардейцем, смело подчистили, «подправили» и опубликовали под именем человека безликого, до этого не имевшего отношения к литературе...»*

Даже интервьюер израильского журнала был повергнут в шок столь бредовой версией «вундеркинда».

«— Вы говорите, что «писатель Шолохов» — пропагандистский проект. Но тогда непонятно, почему выбран роман с таким сюжетом. Ведь это роман о том, как свободолюбивое казачество поднимает восстание против большевиков?»

— Но другого романа не было! Пролетарская литература не способна была создать ничего художественно значимого!

— Но можно было бы роман переделать, — например, привести главного героя к большевикам. И это работало бы на «проект», о котором вы пишете. Почему же этого не сделали?

— Было очевидно, что переделать роман нельзя. Его можно только окончательно испортить. Чтобы переделывать, нужно уметь играть на «флейте»... Григория Мелихова невозможно привести в стан большевиков, — для этого нужно написать другой роман, на создание которого не нашлось способных людей.

Заметим, что фамилия главного героя «Тихого Дона» в этой беседе в журнале «Лехаим» написана через «и»: Григорий МелИхов, что свидетельствует об уровне познаний о русской литературе этих «лингвистов».

«Антишолоховедение» нагромодило целую гору нелепостей в отношении романа «Тихий Дон». Роман приписывался не только Ф. Крюкову или В. Краснушкину, но и сводному старшему брату М. А. Шолохова Александру Попову. Автор книги «Темные воды «Тихого Дона» А. Кораблев с помощью «ясновидения» установил, что «Тихий Дон» был написан еще одной родственницей М. А. Шолохова — Александрой Дмитриевной Поповой-Громославской. А. В. Сердюченко в статье «Зона Ш.», (журнал «Континент», 1997, № 94), казалось бы, дойдя уже до предела, заявил, что вообще «не было писателя по имени Шолохов. Было нечто другое». Что? Двойник, некий талантливый писатель, который был спрятан в подвале дома тестя Шолохова Громославского, где и сочинял «Тихий Дон» и все остальные произведения, которые Громославский печатал под именем Шолохова.

Бар-Селла развил дальше эту чисто «поприщенскую» идею, превратив ее в государственственный «проект ГПУ», согласно которому все произведения, выходявшие под именем Шолохова, создавались в подвалах Лубянки.

Ощущая шизофреническую нелепость такой версии, интервьюер спрашивает «краснушкиноведа»:

«— Если Виктор Севский был расстрелян в 1920 году, а Шолохов не писал сам, кто же был автором других произведений?»

— Были люди, писавшие за Шолохова. И таких людей было несколько. Например, среди авторов «Донских рассказов» было не меньше трех разных людей. Это был Серафимович и еще два, пока мне неизвестных... Для написания рассказа они брали «куски» из уже имевшейся подлинной рукописи романа...

«Поднятая целина» — прямой заказ Сталина написать о коллективизации. В основу романа положена рукопись казачьего литератора Константина Каргина. К «доводке» книги были привлечены уже другие, гораздо более опытные авторы, среди которых, в частности, и Борис Пильняк, замаливавший таким образом грехи за «Повесть непогашенной луны».

Все эти безграмотные, не имеющие никаких реальных оснований рассуждения «лингвиста-вундеркинда» и в самом деле заставляют вспомнить «Записки сумасшедшего». Фамилии автора не имеют границ. Борис Пильняк как соавтор некоего Константина Каргина по выполнению заданий Сталина написал «Поднятую целину» — это круто! Но ничуть не слабее — заставить Серафимовича воровать «куски» из мифической рукописи Краснушкина, чтобы на этой основе сочинять за Шолохова «Донские рассказы»!

В том же «поприщинском» ряду — и «открытие» «лингвиста-вундеркинда», о котором шла речь выше: оказывается, роман «Они сражались за Родину» написан...

Андреем Платоновым. Платонов и был тем самым «литературным рабом, который, по мнению «литературных европейцев», «отомстил» великому русскому писателю. Это уже полная клиника. С именем Платонова связано и название опуса Зеева. Барселлы — «Литературный котлован: проект «Писатель Шолохов». Оценка нелепому вымыслу уже дана одним из лучших знатоков творчества Платонова членом-корреспондентом РАН Н. В. Корниенко в статье «Авторство» Шолохова как доходная тема, или Почему Андрей Платонов не писал роман «Они сражались за Родину» («Наш современник», № 11, 2005). Не буду пересказывать эту в высшей степени убедительную статью.

Впрочем, вязываться в научную полемику с новоявленным Поприщиным, который именует Себя «Волк, Сын Скалы», вряд ли стоят. С «записками сумасшедшего» не спорят. Ненавистники великого русского писателя своими графоманскими, «проектными» собственными усилиями привели «антишолоховедение» к окончательному концу.

От главного редактора «ПЗ»: Почему уже несколько десятков лет тема авторства «Тихого Дона» не сходит со страниц периодических изданий, выпускаются целые книги по этой тематике? По-моему, здесь надо подходить просто: зависть малоталанных к гению русской, советской литературы.

А легенд, действительно, много. Больше, чем их перечислил в своей статье Ф. Кузнецов. Некоторые приходилось слышать и мне в бытность учебы на заочном отделении Литературного института им. А. М. Горького СП СССР (1975—1981 гг.). Надо сказать, что на этом (основном для Литинститута) отделении учились самые разнообразные люди, почти все уже имевшие высшее образование, даже степени кандидата наук. А некто К., по его словам служивший на Лубянке, на полном серьезе (особенно после третьей рюмки «очищенной») охотно рассказывал, что своими глазами читал в «конторе» документ, суть которого сводилась к следующему.

Якобы отец М. А. Шолохова, донской коннозаводчик, поставлял в начале 20-х гг. (до коллективизации) в Москву табуны лошадей для конницы ОГПУ-НКВД. Просил дешево, поэтому некий комиссар и предложил ему забрать домой большую пачку рукописей, сказав: «Слышали, что твой Мишка пописывает, в газетах печатается. А мы тут одну контру белую шлепнули и конфисковали вот эти бумаги — про империалистическую что-то писал, из донских ваших. Может сыну пригодится».

...Творчество и мифотворчество! Как часто они идут вместе, правда, намерения у них противоположные.

МАЛЫЕ ГОРОДА

Борис Новиков

ИЗ ПРОШЛОГО СЕРГИЕВСКОГО-ПЛАВСКА

Когда въезжаешь в город Плавск с северной стороны или южной, то попадаешь в большой котлован. Но это дно бывшего моря.

Пройдитесь по берегам реки Плавы, и вы найдете его следы. Прямо на берегу — сплошной камень, где видны следы ракушек и других моллюсков. А в бывшем карьере «Белая гора» заметны слои тысячелетних отложений.

Давайте заглянем в былое нашего края. Как свидетельствуют данные науки и летописи, в середине палеозойской эры на территории нашего края простиралось соленое море.

Жизнь в море была тогда бедной: губки, кораллы, иглокожие моллюски, ракообразные. Позднее появились рыбы, напоминавшие осетров и стерлядей. Из известкового морского ила в течение тысячелетий образовались толщи известняков, доломитов, мергелей, глины. После исчезновения моря появилась растительность, о чем говорит каменный уголь, особенно в Щекинском районе, что по соседству с Плавским. Не миновал территорию нашего района и ледник в юго-западной части края, в границах сел Старые Лески и Красное. Вокруг Плавска образовались голубые ленточки рек: самая большая из них — Плава, в которую впадают Пластица, Локна, ныне пересохшая Сорока и Мармыжка. Климат в крае умеренно континентальный, с настоящими русскими зимами и сочной травой весной, разнотравьем летом и ливнями, грозами, со средней температурой летом +19—20°.

У каждой народности есть свои предки. Нашими предками являются вятичи, которые пришли в бассейн Оки в X веке. Своё название племя вятичей берет от слова «ветка», что означает дерево, лес, т.е. лесные люди. Что же заставило наших предков заселять этот край? Не только леса с дичью и пчелами, речки с рыбой, земли для возделывания ржи. Но еще и то, что на Оке, куда впадает Плава, пролегал важный торговый путь на Восток. Он связывал город Булгар на Волге с Киевом. И не случайно в среднем течении Плавы, недалеко от села Покровского в 1823 г. был найден клад из 62 штук серебряных монет стран Халифата. О том, что Плава была полноводной, можно судить по высоким берегам и сейчас.

В конце XI века вятичи установили близкие связи со всей Русью. Немногие знают, что наш край в древности был в зоне активных исторических событий, ста-

новления русской народности, а затем и нации. Плавские места заселяли славяне еще до новой эры, а упоминается о них официально в летописи IV века новой эры. Это упоминание касается земель как Московского, так и Тульского края.

Еще до возникновения Киевской Руси на огромной территории Европейской части бывшего СССР существовали три самостоятельных славянских государства: Куявия, Славия и Артания. Как сообщает арабский географ Ждйхани, древнерусские народности восточных славян, в том числе наших предков, сложились путем слияния племен — полян, древлян, вятичей, северян, ильменских славян и др.

У наших предков было много внешних врагов. В X веке вятичи платили дань хазарам. Огонь, пепел и кровь оставляли на нашей земле половцы. Исторические события через века послужили поэту А. С. Пушкину основой для создания «Песни о вещем Олеге»: «...Отмстить неразумным хазарам». Также были созданы опера «Князь Игорь», «Слово о полку Игореве». В 1238 г. орды Батыя опустошали поселения в районе Оки, Плавы, Красивой Мечи. Прошло больше века, и в 1380 г. произошла знаменитая Куликовская битва (Куркинский район, где есть церковь и памятник павшим на Куликовом поле). В рядах народного ополчения Дмитрия Донского храбро сражались и наши предки. Черные полчища Мамаю были сокрушены. Но скоро наша земля была захвачена великим княжеством Литовским, и до сих пор осталась в народе пословица: «Как Мамай прошел», т.е. ничего в доме не осталось.

По летописи в начале XII века Киевский великий князь Владимир Мономах воевал с князем Ходотой и его сыном, в результате земли вятичей были присоединены к Киевскому государству. Позднее наша земля входила в состав Рязанского, а затем Московского княжеств. В романе В. Язвинского «Иван третий — государь всея Руси» (время жизни Ивана III — 1440—1505 гг.) говорится: «Все порубежные села и деревни в отчаяньи и страхе посылали гонцов в Рязань, молили о помощи своего рязанского князя. Те селения и рядки (центры), что были ближе к Московскому княжеству, как Чернь, Плавск и другие, посылали гонцов к Ивану III».

Особенно настойчиво действовал плавский поселковый староста Лука Гвоздев, который добился того, что наш край стал подчиняться Ивану III. Что же заставило наших предков обратиться за помощью?

На наши земли стали накатываться волны крымских татар, продававших пленных русичей в рабы на африканских и азиатских рынках.

В Разрядной книге 1477 г., при царствовании Ивана III и Ивана IV в 1598 г. записывались царевы указы, назначения и снятия воевод: «Коли велено быть, по полкам...» и роспись воевод в Разрядной книге. Так, Иван Грозный приказал воеводам с полками стоять на южной границе, оберегать Русь от набегов степняков, в частности, крымских татар. На Солове (Щекинский р-н) и Плаве были поставлены воеводы с полками, управляли охраной Иван и Василий, оба брата — сыновья князя Мосальского. Это и есть первое упоминание о Плавске. «Плова» — так называлась тогда река Плава (буква «о» осталась верной в речи ивановских, вологодских, архангельских народов). На месте Плавска военное укрепление и город были уже в 1563 году. Так что нашему городу в 1993 г. было 430 лет.

От набега татар тянулась четкая оборонительная линия: Мценск — Чернь, Плавск, Крапивна, Тула, Алексин, Таруса, Серпухов. По этому оборонительному рубежу шла Одоевская засечная (от слова «присечь», не пустить врага) линия, или Засека. Тянулась она на 32 версты и 500 сажений, проходила по Крапивне и около Плавска (сейчас это леса «Омщище», Баранцев лес и др.). Южная граница была кровоточащей раной Руси. Ежегодно татары налетали на города и деревни, грабили, жгли, уводили людей в полон, надругались над женами русских.

Будучи в Москве, царь Иван IV, выслушав донесения воевод с южной границы, перераспределяет на ней войска, ориентируясь на возможное направление татарских

ударов. Храбро сражались наши предки, оказывая жестокое сопротивление, и не раз обращали татар в бегство. Однажды поблизости реки Плавы они наполовину разбили многочисленную конницу врага. Летопись отмечает, что только с 1517 по 1592 г. было 11 набегов в наших местах. В XVI веке Плавск окончательно вошел в состав Русского централизованного государства. Но усиление крестьянского гнета в начале того же века обострило классовую борьбу и стихийные выступления народных масс. Они переросли в крестьянскую войну под предводительством Ивана Болотникова (1606—1607 гг.).

В хронографе 1606 г., принадлежащем историку Н. М. Карамзину, сохранилось описание крестьянской войны под предводительством Болотникова на территории Тульского края. Царь Василий велел запрудить Упу и затопить Тулу, где была 20-тысячная армия Болотникова. Полками царя Василия командовали князья: Андрей Васильевич Голицын, Борис Михайлович Лыков, Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, Иван Никитич Романов. От Болотникова стали отходить князья и ратные люди, они просили царя Василия простить их, и он прощал, а главарей наказывал, ссылал, а кого и казнил. Плавчане тоже не были в стороне от тех исторических событий.

После восстания И. Болотникова, через 70 лет, вновь нарастает волна народного возмущения против помещиков и дворян. И вновь разразилась крестьянская война под руководством Степана Разина (1670—1671 гг.). Наши места восстание задевает крылом. В 1671 г. оно было подавлено с помощью полков воевод Г. Ромодановского, С. Нелединского и войск царя Алексея Михайловича.

Вот что рассказывает о Степане Разине грамота № 27 из разрядного приказа ратным людям полка воеводы Г. Ромодановского с распоряжением о соединении их с войсками Бородинского воеводы С. Нелединского и о совместных действиях против отряда восставших, стоявших на реке Плаве (1 октября 1670 г.). «От царя и великого князя Алексея Михайловича нашим великому государю указу боярин наш и воевода Григорий Григорьевич Ромодановский с товарищами послали на воровских людей, которые воруют меж Черни и Тулы и Дедикова и Богородицкова на реке на Плаве,.. сколько милосердный бог помощи подает, чтоб тех воров, не упусти в дальние места, переловить и Богородская дорога от воровства очистить».

Еще долго вылавливали участников восстания под предводительством Степана Разина. В 1701 г. чернские воеводы жаловались Петру I и просили защиты от царя для поимки одного из участников восстания — Гришки Степанова, по прозвищу «Щербак». Но Григорий взять себя не дал и побил чернского воеводу с его служивыми людьми...

В середине XVII века теряют былое значение пограничных крепостей как Тула, так и южные воеводства, охранявшие границы русского государства от внешних врагов.

Царица Екатерина II за послушную службу в 1762 году подарила князю Сергею Сергеевичу Гагарину часть земли в бассейне реки Плавы. Уже осенью того же года город Плавск был переименован в село Сергиевское, в честь церкви Сергия Преподобного и самого хозяина С. С. Гагарина (это было 8 октября 1762 г.).

Когда возник город Плавск как русское поселение, точно ответить трудно. Впервые он упоминается в разрядных книгах Московского государства в 1540—1550 гг. как сторожевой пост от нападения крымских татар в верхнем течении р. Плавы.

Возникло поселение не на пустом месте: это было святилище и городище вятичей. Поселенцы его были выходцы (казаки, пушкари) из старого г. Крапивны, который упоминается в 1389 г. После смерти Дмитрия Донского эта земля достается его жене, и первые поселенцы называют новое место Крапивенской слободой.

Первый храм на городище вятичей упоминается столетие спустя, в 1640 г. Он был деревянный, а кем построен — не известно. Рядом с храмом находился сельский погост. Храм освящен в икону Сергия Радонежского, и наше поселение в 1640 г. ав-

томатически становится селом Сергиевским. При постройке Московско-Курской железной дороги этот холм (святилище и городище вятичей) был уничтожен.

Когда все земли в бассейне реки Плавы (11 тысяч десятин) были пожалованы князьям Гагариным — дедиловским воеводам, началось капитальное строительство центральной части села Сергиевского.

Первым делом в центре села поставили церковь. Старый деревянный храм на Крапивенском погосте обветшал. Сенатским указом от 3 мая 1767 г. князю Василию Сергеевичу Гагарину разрешается постройка нового храма близ усадьбы. В 1774 г. каменный, с деревянными куполами, храм во имя преподобного Сергия закладывается у входа в усадьбу со стороны торговой площади. В таком виде он просуществовал вплоть до 1860 г. Реликвии и принадлежности старого храма с Крапивенской слободы перенесены в новый храм. Был найден Святой Антиминс, освященный при патриархе Иоакиме. В 1841 г. этот храм перестраивался. Сергиевский притвор был оставлен, а старая паперть уничтожена. К храму были пристроены приделы Казанской Богоматери и Николая Чудотворца. Этот храм становится трехпридельным. Были установлены иконостасы, в том числе главный в 1776 г. Николай Сергеевич Гагарин, брат Василия Сергеевича, был поставщиком Его Императорского Величества, он привез много икон XVII—XVIII вв., которые и были установлены в иконостасе. Некоторые из них сохранились до сих пор.

Купец 1 гильдии, миллионер Борис Филиппович Черемушкин покупает большие башенные часы в Страсбурге за 3,5 тыс. руб. золотом. В храме возводится звонница, и с 1845 по 1938 г. часы работали, отбивая время. Были также установлены 4 колокола (внутренний колокол в нижней части был диаметром 2 м 40 см). Осенью 1941 г., перед приходом немцев, они были сняты.

Итак, в начале XVIII в. князья Гагарины организовали свое родовое поместье. Развернулось строительство дворцов (с левой стороны р. Плавы на возвышенном месте строятся деревянный дворец и одновременно каменный). Был привезен родовой герб князей Гагариных.

К концу века село Сергиевское имело княжескую усадьбу площадью около 3 десятин, каменный холодный храм, деревянные торговые ряды и торг (очень странный, похожий на остатки крепости), объект на Боярином верху, водяную мельницу и старый погост с часовней.

Впервые в селе Сергиевском торговые ряды были построены в начале XVIII в. Они были деревянными, и народ называл их рядками. Просуществовали они до 1880 г. Внук Василия Сергеевича Гагарина, Сергей Сергеевич сносит старые торговые ряды, разрушавшиеся от многочисленных пожаров (кроме того, это было болотистое место, каждую весну площадь заливалось водой). Взамен них строятся новые. Закупаются дубы у лесопромышленника Волынкина, которые росли на берегу р. Локны. Дубовые сваи в 2—3 обхвата загоняли в землю, на них и начиналось строительство. Новые торговые ряды представляли собой целый торгово-административный комплекс. Здание было разбито как бы на ряд зон, не связанных друг с другом входами, но забранными под одну крышу, в одну композицию. Передняя западная часть, выходившая на московское шоссе, на втором этаже была приспособлена под меблированные комнаты, маленькую гостиницу. Идущие по обе стороны от нее северные и южные торговые лавки разделялись: в южных, выходивших на ярмарочную площадь, торговали, в основном, продуктами, в северных — непродуктовыми товарами. На внутреннем дворе была предусмотрена котельная. Проект постройки рядов был круговой, с маленькими въездными воротами. Над воротами был вставлен дяулильный камень. Он гласил, что каменные торговые ряды построены в 1880—1881 гг. Старожилы помнят, что некоторое время после постройки торговые ряды назывались «Рогачами», или «Рогачиками». Сергей Сергеевич торговыми рядами не пользовался, а отдавал в

откуп купцам. Каждый притвор стоил от 3 до 5 руб., но Сергей Сергеевич получал деньги не ассигнациями, а только в золоте, собирая их каждый квартал.

На торговой площади производились ярмарки (4 раза в год) и базары, заключались договора с крестьянами о поставке хлеба. Поэтому все богатые купцы — такие, как Борис Филиппович и Василий Филиппович Черемушкины, купцы I гильдии, имели большие лабазы и ссыпки. Они торговали хлебом повсюду: в Москве, Нижнем Новгороде, даже поставляли его за границу. О Борисе Филипповиче Черемушкине есть сведения в сочинениях Л. Н. Толстого (ПСС в 90 тт.). Первое упоминание о «богатом купце в селе Сергиевском Крапивенского уезда, скупавшем хлеб в Ясной Поляне», находим в дневнике Толстого за февраль 1858 г.: «Еще три дня в деревне, очень хорошо провел. Старое начало казаков хорошо продолжил немного. Оникеев юмор Черемушкин, уверенность по случаю капитала...» (ПСС, т. 48, с. 8). В апреле 1863 г. Толстой пишет из Пирогова жене в Ясную Поляну: «...в субботу вечером вышли Якова, ... в Сергиевском пускай стоит у Черемушкина» (ПСС, т. 83, с. 29). В данном случае имя Черемушкина комментируется так: «бывший крепостной княгини Гагариной и купец, покупавший хлеб в Ясной Поляне». В августе 1864 г. Толстой сообщает жене из Черни: «Я на своих лошадях доехал до Красных Дворов, 18 верст за Сергиевском, и послал их кормиться к Черемушкину до моего возвращения» (ПСС, т. 83, с. 41). Здесь имя Черемушкина комментируется так: «Знакомый торговец хлеба в Сергиевском». Толстой и сам часто бывал в его доме. «Черемушкин так мил — прелесть», — отзывается он о нем (ПСС, т. 83, с. 97).

В 1880—1881 гг. Сергиевское насчитывало около 76 крупных купеческих семей. Развитию богатого купеческого села способствовало то, что в этом месте сходились два больших тракта. Первый шел с севера на юг (посольская дорога), второй — с запада на восток (часть Муравского тракта). Вторая дорога осуществляла движение по р. Плавье и ее окрестностям от Ельца до Козельска.

Важным событием было строительство железной дороги и последующее расселение села Сергиевского. Ветка Московско-Курской железной дороги прошла через Сергиевское в 1868 г. Ее строительство повлекло за собой переселение жителей, чьи дома находились на ее пути. Первым переселенцам выделяли наделы земли на левой стороне р. Плавье, за княжеской усадьбой. Крестьяне, прибывшие сюда, тужили, что уехали с обжитых мест, и потому они стали называть новое место Тужилковской слободой. Строительство железной дороги продолжалось, но другие крестьяне не хотели уезжать, стремились остаться на старом месте. Их выселяли на левую сторону возвышенного места, над конным базаром, и народ стал называть эту слободу Выселками. Оставшиеся крестьяне мешали окончательной постройке дороги, буянили, писали царю петиции. Но строительство железной дороги было государственным делом, и станovým приставам пришлось переезжать из городов Крапивны и Черни (т. к. мы не имели своих приставов). Имущество крестьян клали в телегу и вывозили от старого железнодорожного переезда до станции Сергиевское. Так появилась Буяновская слобода. Все эти слободы существуют до настоящего времени. В строительстве дороги участвовали крестьяне, которые освобождались от осенних работ и приезжали на заработки. Они должны были иметь свою лошадь с телегой, работали полный световой день и за это получали в день около 5 рублей. На свое содержание (постоялый двор, содержание лошади) они тратили около 2 рублей, и 3 рубля в день составлял чистый доход. Таким образом, всего за месяц работы крестьянин мог восстановить свое хозяйство...

Когда строились три придела в Сергиевском храме, то появилось много священников и служителей церкви. Общество села выделило им наделы земли от стены усадьбы князей Гагариных до нового кладбища. Первосвященниками были Фирсовы и Макеевы. Эта слобода стала называться Поповской.

Но самую основную слободу основали в 1841—1845 гг. Старая посольская (Киевская) дорога была простой грунтовой дорогой. Поэтому в 1841 г. началось строительство булыжной мостовой. Ее строительство, как и строительство железной дороги, было государственным. После закладки булыжной мостовой дорога превратилась в аккуратную чистую улицу. На этом месте разрешалось строиться только тем людям, которые могли построить хороший 2—3-этажный дом с добротной надворной постройкой. Поэтому-то заселение этой слободы началось с южной стороны.

В 1845 г. строится купеческий клуб. Его устав был утвержден губернатором. При нем находилась и церковно-приходская школа. В XIX и начале XX в. в клубе активно работали кружки — драматический, художественный, музыкальный. Последним председателем купеческого клуба был купец 2-й гильдии С. А. Калашников. Он окончил Петербургское музыкальное училище, руководил музыкальным кружком в клубе и был, конечно, высокообразованным для того времени человеком. Практически сразу же эту слободу стали называть Богатой.

Кроме купеческого клуба, в селе строится (1841—1845 гг.) ямская изба. Здесь останавливались, меняли лошадей многие великие люди (Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Н. В. Гербель, А. В. Сухово-Кобылин). Это здание существует и сейчас. Рядом с ямской избой купцом Урусовым была построена женская гимназия. Он же ее содержал. В гимназию набирали девочек школьного возраста, в основном обеспеченных родителей, которые могли оплатить их содержание. Девочки постоянно находились в гимназии весь учебный период. У них были классные дамы, обучали их прежде всего иностранным языкам, и каждый определенный день в классах разговаривали на иностранном языке.

С правой стороны были поставлены три деревянных домика купца Калашникова, построенных очень декоративно. А на другой стороне возвели большой каменный дом купца Шпилово. Особенность шпиловского дома — разнохарактерность ритма и разновидность проемов окон первого и второго этажей. Чуть более широкие окна первого этажа свидетельствуют о том, что он был нежилым, возможно, здесь размещали цеха, где хранилось и перерабатывалось зерно. А во дворе располагалась пекарня.

На этой же слободе строится школа, по виду очень оригинальная. Уйдя в отставку, Сергей Сергеевич Гагарин больше стал интересоваться жизнью своего села. Видя множество беспризорных детей, князь просит у тульского губернатора разрешения построить школу для обучения детей всех сословий. Строительство заняло около двух лет. При ее открытии присутствовал министр просвещения России, и народ стал называть эту школу министерской. Это было двухэтажное здание, выполненное в духе эклектики. Оно имело симметричный трехчастный главный фасад со слегка выступающим и выделенным треугольным фронтоном, центральным ризалитом. До сих пор школа используется по прямому назначению.

Последняя большая постройка северной части Богатой слободы — здание эрмитажного типа, построенное в 1882 г. купцом Сазоновым. Это эклектика с вкраплением псевдорусских мотивов. Существует интересная легенда. Дело в том, что младший брат купца Сазонова, торгуя во Франции хлебом, при заключении договора познакомился с певицей и актрисой. Она оказалась русской женщиной, ее отец ранее выехал во Францию. И та предъявила ему ультиматум: «Построишь в своей деревне дворец, подобный тому, что у моего отца за городом — стану твоей женой». Сазонов снимает копию с этого дома и, приехав в село, строит такой же: с лепными потолками, под золото, с большим парадным въездом, с резными полами... Потом она вышла за него замуж и всю жизнь ожила в селе Сергиевском. На старом кладбище ей стоит большой гранитный памятник...

Для постройки Замостовой слободы (после пожара 1865 г., о котором рассказывает Л. Н. Толстой) князем Гагариным была выделена из казначейства для каждого

хозяйства определенная сумма денег, по количеству членов семьи. Ранее эта слобода была застроена в один ряд и проходила по Муравскому тракту. Избы были покрыты соломой, а после постройки новой слободы их покрыли железом и черепицей, которую возделывали здесь же, в селе Сергиевском. После постройки больничного комплекса эта слобода стала называться Больничной.

Князем Сергеем Сергеевичем Гагариным была дана заявка тульскому губернатору о постройке больницы. Около года искали наиболее удобное место, и был выбран южный склон возвышенности, принадлежавший купцу Сазонову. Князь выкупил эти земли, и в 1869 г. был заложен первый камень в постройку больницы. Активное участие в ее строительстве принимала жена Сергея Сергеевича Вера Федоровна. Она была родом из прибалтийских немцев и поэтому решила, что больница будет в готическом стиле. Были построены специальный дом для врачей (выглядел он точно так же, как тевтонские замки), для аптеки и амбулатории.

В 1873 г. больница была открыта. Доступной она стала людям всех сословий села Сергиевского и его окрестностей. Из Кенигсберга было привезено оборудование. Вера Федоровна заказала посуду на Петербургском фарфоровом заводе. На всей посуде была надпись: «Больница князей Гагариных. Село Сергиевское». Она же пригласила на работу молодого врача Артура Рихардовича Дуковского.

Кроме того, Вера Федоровна занималась устройством учебных заведений, одновременно служивших ремесленными мастерскими. В 1889 г. строится специальное учебное заведение для девочек — «Дом рукоделия». Обучившись, они оставались здесь работать. По достижении ими 20—22-летнего возраста княгиня способствовала их замужеству, выделяя им определенную сумму на строительство домов и устройство хозяйства. Им же выделялись участки земли в районе р. Мармыжка. Когда этот район был заселен, его стали называть «Швеегорка». Домом рукоделия руководила соратница Веры Федоровны по «пашковской» вере и ее соседка по петербургской усадьбе Софья Павловна Ливин. В те же 1890-е гг. княгиня Гагарина возводит и мастерские по обучению всевозможным ремеслам (столярному, токарному, плотницкому) юношей всех сословий села Сергиевского — так называемый «Черный двор».

Последняя слобода нашего села — Шматковская. В тот период времени, когда были большие ярмарки и базары, крестьяне жили в селе неделями. Им приходилось останавливаться на постоянных дворах. По всей слободе — от ссыпки Черемушкина и до «Дома рукоделия» — находились постоянные дворы. А название свое слобода получила от первого поселения рода Шматковых.

Еще одна постройка, о которой хотелось бы рассказать, — это ансамбль Всехсвятской церкви. Когда была построена новая церковь в 1774 г., то старый погост на Крапивенской слободе оставался на старом месте. И только тогда, когда наметилось строительство железной дороги, в 1860 г. общество села Сергиевского выделило новое место на западной стороне села для кладбища. Сначала здесь стояла небольшая каменная сторожка с православным крестом. В 1898 г. началось строительство нового кладбищенского ансамбля. Кладбище обносится высокой каменной стеной, а по фасаду строятся дома. Весь ансамбль строился в течение 12 лет. Кроме кладбища и сторожки, в ансамбль входили: богадельня, построенная на средства купца Б. Ф. Черемушкина, декоративная изгородь из кирпича, а в 10-ти метрах от богадельни купцом И. С. Сазоновым строится большая колокольня (32-метровой высоты), делаются большие арочные ворота. На звоннице устанавливаются колокола, ворота и ниша для иконы Всех Святых. Рядом строятся маленькие ворота для общего пользования с калиткой.

Главная же часть ансамбля — это храм Всех Святых для отпевания умерших, заложенный в 1880 г. на средства князя С. С. Гагарина и купца И. С. Сазонова, а в 1892 г. освященный. Выполнено здание в чертах эклектики, с элементами псевдорусского стиля. До наших дней сохранилось лишь здание богадельни, небольшие ворота,

полуразрушенный храм. Колокольня, представлявшая целостную композицию с расположенным в глубине кладбища храмом, была уничтожена в 1938 г. Сейчас кладбище закрыто и перенесено новое место.

* * *

Мне остается сказать, что село Сергиевское в феврале 1926 г. было переименовано в город Плавск, а созданный в мае 1924 г. район — в Плавский. Но в сентябре того же года Плавск снова преобразован в село, а в августе 1935 г. — в рабочий поселок. Вот такие были «перетряски».

Наконец, 10 мая 1949 года Плавск снова обрел статус города районного подчинения, и это, надеюсь, окончательно. В то время его население составляло свыше 9 тысяч человек, а ныне выросло более чем в полтора раза. Плавчане живут в благоустроенных квартирах. В каждой квартире, да и в домах частных владельцев есть природный газ, электричество. Почти все улицы заасфальтированы, озеленены. В 1957 году заложен парк, который радует глаз каждого жителя города. Есть четыре средние школы, детские сады, музыкальная школа, Дом детского творчества, районный Дом культуры, баня. Во всю работают магазины, расположенные в «Торговых рядах», не стареющих с годами. Действует новая поликлиника, возникло много других новостроек, два жилых микрорайона.

Словом, бывшее село Сергиевское приняло вид современного города.

На фотографии Борис Данилович Новиков, первый директор Плавского краеведческого музея с женой, его верной соратницей и помощницей, Маргаритой Константиновной.

СКАЗ О ТОМ, ОТКУДА ПОЯВИЛИСЬ РЕКИ ЗУША, ПЛАВА И ЧЕРНЬ.

Литературная обработка Ирины Пархоменко

Случилась эта история во времена столь далекие, что даже прапрадеды отцов наших не помнят. Одно известно: зеленели в наших местах леса дремучие, а в их чащобах лешие водились. Обладали они силой немалой: могли принимать любое обличье, из прихоти кружить людей, заводили их в непролазные дебри или болота. А уж птицы и звери им полностью подчинялись.

На одной из лесных полян жил старик с дочерьми необыкновенной красоты. Старшую звали Зушей, среднюю — Плавой, младшую — Чернью. Голубоглазые, румяные, гибкие и проворные, похожи друг на друга как три капли воды, только росточком разные: Зуша самая высокая и серьезная, затейница-Плава по плечо старшей сестрице, а хохотушка-Чернь совсем махонькая, но зато коса у нее — сестрам на зависть: и толще, и длинней, и кудрявей.

В семье жили дружно и весело. Сестры с песнями шли на работу, с песнями возвращались домой. Звенели их голоса и в избе долгими зимними вечерами, когда девушки занимались рукоделием. Покойница-мать научила их с ухватом у печи управляться, и прясть, и ткать, и вышивать. А жизнь заставила и сено косить, и дичь добывать, лен да жито растить. Коровушка-кормилица зимой пала, козу волки задрали, а отцу уже не под силу было охотиться — ноги отказывали, да глаза ослабли. Новую скотину же за «спасибо» не купишь. Вот и пришлось старику сделать дочерям по луку и лесным премудростям обучить, чтобы добытые ими шкуры да мясо на зерно менять. Узнали девушки и многие другие хитрости, потому любого дела не боялись.

Зуша выросла самой смелой и сильной: и в поле за сохой, и в стрельбе из лука не было ей равных, лучше всех следы звериные читала, лучше всех травы знала. Но, не-

смотря на свою отвагу и силу, очень уж хотелось ей быть любимой и нежной. Вот поэтому доверчивой была Зуша, видела в людях только хорошее, верила им безоглядно.

Плава же, внешне мягкая, нрава была независимого. Первостатейной выдумщице, скучно ей по старинке жить: все бы по-новому дела делать, новые песни сочинять, новые узоры вышивать. Отец хоть и поворчит немного, а потом и согласится: пусть яйца курицу не учат, но Плава по уму поступает. Частенько прислушивались в семье к словам средней сестрицы.

А меньшица Чернь самой голосистой была, самой веселой. Больше всех сестер любила у печи возиться, дом обихаживать, заботилась о припасах, одежде. Всех мирила и смешила, близким любовь свою дарила безоглядно, и те также ее любили и холили.

Радовался старик дочерям, хотел им женихов подыскать самых лучших, да все медлил, выбирал да выжидал: жаль ему было отпускать от себя радость и гордость всей своей жизни. Только пора пришла, когда дочки покинули отца не по собственному хотению, а по велению злой судьбы... И случилось это так.

Зверей, птиц в нашем краю тогда водилось видимо-невидимо. Убить дикую козу, гуся или кабана труда не составляло. Жил отец с дочерьми и горя не знал, да только однажды вокруг их жилища опустели леса: не стало ни зверей, ни птиц. Ни старик, ни девушки и знать не знали, что это коварство леших. Уж больно красота сестер их очаровала, вот и задумали окаянные заманить девушек в леса далекие, чтобы в жены себе взять. Любой знает, что на людей вблизи их жилища чары не действуют, потому решила нечисть лесная отогнать дичь за тридевять земель от обжитой поляны.

Три дня Зуша возвращалась без добычи, все близлежащие леса обшарила, а без толку. Припасы заканчивались, и пришлось девушкам собираться на поиски добычи в края неведомые. Ясное дело, в одиночку в путь дальний, где могут опасности подстергать на каждом шагу, не отправляются. К тому же, хоть один охотник много зверья добудет, да много ли на себе принесет?

Проводил ранним утром отец дочерей в дорогу, благословил. Наказал быть внимательными и осторожными, далеко друг от друга не отходить.

Чем дальше шли сестры, тем гуще становился лес. Над их головами сплетались ветвями то стройные сосны, то тенистые дубы и липы. Косматые ели широкими лапами частенько преграждали путь девушкам. Но ни одного звериного следа они не видели, ни одной птичьей трели не слышали. Даже кузнечики не стрекотали в траве. Опустевший лес пугал сестер такой оглушающей тишиной, что морозом кожу обдавало. И было от чего: ветер ни разу не качнул верхушек деревьев, и даже осинки не шелестели. И когда Зуша на стволах делала затесы, чтобы дорогу домой легко найти было, стук топора, казалось, зывал всю нежить и нечисть. Девушки и словом старались не обмолвиться, до того странно звучал голос среди мертвящей тишины.

Долго ли, коротко ли шли сестры, не встречая на своем пути ни одной живой души, а только вечер близился, пора было и о ночлеге позаботиться. Нашли девушки небольшую поляночку и расположились на ней: Зуша лапник для спанья рубит, Плава валежник собирает, а Чернь костер разводит, ужин собирает.

— Здравствуйте, красны девицы! — неожиданно услышали они голоса.

Это откуда ни возьмись три охотника на полянку вышли. Двое старших легко несли на широких плечах: один — кабана пудов на шесть, другой — дикую козу. А заплечный мешок младшего готов был лопнуть от птичьих тушек. Сестры на гостей засмотрелись, работу бросили: хороши парни! И ростом, и статью, и удальством — всем взяли. А уж кудри — ни одна шапка не удержится! И одежда такая справная, добротная, ни один сучок не порвет.

— И вам здравствовать, — удивленно ответила Зуша. Засмушалась, зарделась девица: впервые застали ее врасплох в лесу. — Откуда вы взялись?

— Мы неподалеку живем. Как раз с охоты возвращались, да слышим — топор стучит, вот и решили узнать, кто это в наши края забрел: с добром или с худом? — степенно ответил старший.

— С добром к вам пришли,— вступила в разговор Плава, заалевшая, как маков цвет.— Можно в этих местах поохотиться?

— А разве там, где вы живете, нет дичи? — спросил средний.

— Нет, звери и птицы исчезли из наших мест,— скромно объяснила Чернь.

— Ну, а у нас в округе живность не переводится, на всех ее хватит. Так что без добычи домой не уйдете. Только, сами знаете, для охоты час поздний,— вежливо промолвил старший.

— Как не знать, не первый раз зверя промышляем,— подтвердила Зуша.— Спо-заранок и примемся за дело.

— Чем в лесу ночевать, пойдемте в наш дом. Будьте нашими гостями,— заботливо предложил младший.

— А с утра, когда на охоту пойдете,— добавил старший,— самые лучшие места покажем, а захотите, так и дичи настреляем, и домой к вам отнесем. Уж больно вы нам по нраву пришлись. Никогда таких красавиц-охотниц не видывали.

— Благодарствуем на добром слове,— ответила на предложение осторожная Плава.— Да только мы по гостям непривычны ходить. Если на то ваша добрая воля будет, укажите сейчас, где зверя легче встретить.

— От обещанного не отказываемся, да только ночью дождь с грозой будет, зачем же зря мокнуть? — удивился средний.

Чернь сжав перед грудью руки, умоляюще взглянула на сестер. Зуша осмотрев небо, кивком подтвердила: непогода надвигается. Что же делать? Прекрасно знали Зуша и Плава, как младшенькая грозы боится. Посоветались, да и решили принять радушное приглашение незнакомцев.

— Глупо не доверять людям,— шепнула Зуша.— Что они могут сделать, когда мы вместе будем?

— Ну, смотри,— позволила уговорить себя Плава,— только спать будем в одной горнице и по очереди, чтобы враспloch не застали и чего худого не сотворили.

— Мы согласны,— ответили девушки. Быстро собрали свою охотничью снасть, топор, заплечные мешки и пошли вслед за братьями.

Не успели сестры далеко отойти с поляны, как перед ними открылась торная дорога. Она привела их к высокой хоромине, срубленной вроде бы только вчера: настолько она была золотисто-желтой, как яичный желток. Балясины, наличники, причелины, подзоры, полотенца были в затейливой кружевной резьбе. Крыша из красного теса, висячее крыльцо, крытое гульбище — все красоты неопишваемой. Так бы век стоял и любовался. А как хорошо было бы жить в такой красоте да благодати! Девушки и размечтались, как они бы тут стали хозяйствовать. А уж если бы братья к ним посватались, так и разлучаться бы не пришлось! Давно сестрам замуж пора, да в такой глуши где женихов сразу на всех найти? А тут как по заказу — трое удальцов! И парни справные, хозяйственные. За такими как за каменной стеной всю жизнь проживешь, не зная горюшка!

— Куда это мы попали? — шепнула Плава младшей сестренке, проходя по сеням да горницам следом за радушными хозяевами.

— Я такого чуда и во сне не видела,— покачала головой Чернь.

Зуша тоже не верила своим глазам: все самые обычные вещи украшены причудливой резьбой. Вот и подумай, то ли в дело употребить, то ли стоять и любоваться коромыслами, вальками, ушатами и остальной, милой девичьему сердцу, утварью. А уж лавки и расписные сундуки вообще покорили сестер.

В большой горнице огромный стол был покрыт нарядной скатертью с неведомы-

ми замысловатыми узорами. А уж на широкой столешнице чего только не было! Мясо печеное и жареное, вареное и соленое. Тут тебе и медвежатина, и кабанятина, и оленина, а еще перепелки, и гуси, и рыба всякая. Стояли полные туески орехов. Ароматы незнакомых трав кружили головы. В чарах и братинах были мед, квас с медовухой, взвар и грушевая водица. Ешь, пей, что душе угодно.

Парни пригласили сестер к столу, стали угощать, упрашивать отведать каждое блюдо. А сами не ели ничего, и вскоре один за другим, извинившись, вышли из горницы, объяснив, что им надо дела по хозяйству справиться, да принесенную дичь разделать, а то все труды прахом пойдут.

Девушки, проголодавшись, не стали привередничать, отдали должное всем блюдам, не уставая восхищаться вкусными яствами, чудесными хоромами и красавцами-хозяевами. Да только к концу ужина, когда стало в горнице темно, а хозяева все не появлялись, напал на них страх. Казалось сестрам, что стены смыкаются, потолок опускается, из углов мрачные тени выползают.

— Ой, сестрицы, не хочу вас пугать, а только тут дело нечисто,— озабоченно проговорила Плава.— Только сейчас заметила, что на столе ни крошки хлеба нет. Слуг и служанок, работников никаких мы ведь тоже не видели, а парни ухоженные, и дом в порядке. Кто же тогда еду приготовил, если хозяева на охоте были?

— Да, как-то странно все: вроде в гости зазывали, а нас одних оставили,— нехотя согласилась Зуша.

— Уж лучше в лесу под елкой спать буду, под грозой мокнуть, а только невмочь здесь оставаться,— промолвила Чернь.

— Твоя правда,— согласились старшие,— надо выбираться отсюда.

И девушки, забрав сложенные в уголке свои вещи, потихоньку выскользнули из неожиданно ставшего таким страшным дома. Странных хозяев поблизости не было. На дворе совсем стемнело, нигде не ни огонька, на небе ни звездочки, но это было на руку беглянкам. Прячась за деревьями, девушки уходили все дальше и дальше, опасаясь снова повстречать таинственных незнакомцев. Боясь потеряться в темноте, сестры взялись за руки и осторожно шли, пока не налетел страшный порыв ветра. Тогда они укрылись под большой елью, развесившей лапы до самой земли. Твердь небесная отворилась, и дождь полил такой сильный, что шумящей стеной отделил их от остального мира. Гром громыхал так сильно, что закладывало уши. Молнии на мгновение превращали ночь в день. Отродясь девушки не видели такой грозы!

— Одно хорошо, сестры,— прокричала Плава, иначе бы ее не услышали,— в такую погоду даже звери попрятались, а не то совсем худо бы нам пришлось: от волков да медведей не оборониться, ни спрятаться.

— Хорошо-то хорошо, а только ветер веток много поломает, деревья повалит. Как назад добираться будем? — ответила Чернь.

— Неужто Зуша не справится? Она, кажется, дорогу домой хоть из тридевятого царства с закрытыми глазами отыщет! — возразила Плава.

И только сама Зуша помалкивала, проверяя, не намокла ли снятая с луков и завернутая от сырости в рогожу тетива. Одна надежда, что в непогоду все зверье по норам сидит. Вот уж тогда, с одними ножами, сестрам действительно не поздоровилось бы.

Гроза, целую вечность неистовствовавшая над головами девушек, прекратилась к утру. Тучи исчезли, солнце окрасило верхушки деревьев, рассвело, и наваждение закончилось. Неожиданно запели птицы. Прямо к ногам удивленных сестер выбежала стайка зайцев. Зуша не растерялась, и скоро уже восемь длинноухих лежали в траве, пронзенные стрелами меткой лучницы. Не солгали незнакомцы — живности действительно было много, только успевай поворачиваться.

Зуше еще посчастливилось добыть небольшую дикую козочку, а Плава и Чернь

подстрелили с десяток гусей да дюжину перепелок. Можно было и домой возвращаться, да только все никак не получалось. Куда-то пропали все затесы, сделанные Зушей, появились буреломы, преграждавшие путь, ветки немилосердно цеплялись за одежду. С тяжелым грузом девушки долго ходили кругами, пока Плава, спохватившись, не приказала сестрам переобуть лапти с правой ноги на левую и положить внутрь одолень-травы. И тогда, на удивление скоро, Зуша вывела сестер из лесу прямо к дому. А там их радостно встретил отец, сильно переживавших за детей. Чужло сердце старика, что не все ладно у его любимиц. И, когда девушки рассказали, все, что с ними случилось, отец их уверил:

— Не иначе, как вас лесные духи встретили. Молодчина, Плава, в точку угодила — заставила сестер переобуться, да еще травы заветной в лапти положить. Вот лешие и отвязались от вас. А добытого надолго хватит. Огньне, до Иванова дня, в лес — ни ногой. Как-нибудь с голоду не умрем, пока не изготовлю для вас новых сильных оберегов.

Ни одна из дочерей не возразила отцу. Понимали они, что только чудом избежали страшной опасности. Хуже не было доли попасть в лапы лесной нечисти, стать лешачихами. Поэтому девушки охотно работали неподалеку от дома, но больше уж веселых песен не пели. Стали они постоянно оглядываться, да прислушиваться, чтобы их врасплох не застали.

Вот и день Ивана Купалы настал.

Вечеру отец ушел к ручью, а девушкам наказал дома сидеть, из избы не выходить. Тихо в горнице, сестры на лавках сидят, рукодельничают, а сами все в окошко поглядывают. Ан видят, коршун за голубкой гонится, вот-вот настигнет. Чернь, самая жалостливая изо всех, не утерпела, схватила лук и выскочила на крыльцо. Пускает стрелы одну за другой, а все — мимо. Тут и Зуша на помощь поспешила, но и ей удачи нет — ни разу в цель не попала! Что за диво? Плава тоже не утерпела, а вдруг ей повезет? Да не тут-то было! Меткие лучницы промахивались раз за разом, как будто стрелы кто заговорил! Улетел-таки коршун, а сестры пошли стрелы подбирать, чтобы потом тятенька с них порчу снял. Да ноги их, чем дальше от дома, тем быстрее несут в леса далекие, несут, хозяек не слушают. Испугались девушки, отца зовут, за руки схватились, чтоб злой силе труднее с ними совладать, да куда там! Налетел вихорь черный, подхватил, закружил сестер, поднял в воздух и — опустил посреди поляны, где они незнакомцев встретили.

Не успели девушки пригладить растрепавшиеся косы, как опять появились трое знакомых удальцов. Только сейчас сестры рассмотрели, что одежда молодых не на ту сторону запахнута. Вот они какие, лешие, кем только не прикидываются! Ну, теперь-то девушек в их терем резной и калачом не заманишь! Стоят, ждут, что хозяйева лесные скажут. А те не торопятся: ходят, со всех сторон осматривают, как коней на торгах, только что в зубы не заглядывают. Наконец, старший молвил:

— Ну, девицы, пойдете за нас замуж? Сами видели мое богатство, у моих братьев добра не менее. Власть нашу на себе испытали. Пока сами выбирайте, кто кому люб.

Переглянулись сестры и опять молчат.

— В первый раз мы вам уйти дали, сейчас ни за что не отпустим, — продолжил старший. — Или боитесь нас? Зря, мы вас обижать не собираемся, пока из нашей воли не выйдете, перечить не станете!

Молчат сестры, думают, как бы леших обмануть. Наконец, Плава и говорит:

— Привыкли вы свои дела ночью вершить. Дайте и нам время до полуночи. Пусть мы три стрелы в разные стороны, кто какую стрелу найдет, тот ту сестру за себя и возьмет. Только стрелы надо принести до рассвета. Не выполните условия, нас домой отпустите. Согласны?

Расхохотались лешаки:

— Или думаете, не справимся? Ладно, так и быть, согласны. Но, если вы нас обмануть попытаетесь, пощады не ждите. Не видать вам тогда ни солнца ясного, ни отца любимого, ни родной сторонки.

Уселись сестры, ждут полночи. Да только в эту ночь даже природа была против них: во всю светила луна, не веял ветерок. Неужто пропадать бедняжкам? В последней надежде взмолились девушки Луне:

— Луна ты светлая, Луна ты ясная, ты ведь тоже женщина, почему за нас не вступишься? Или нас совсем не жалко? Или тебе нравится на наши страдания смотреть? Спрячься, закрой свое лицо, помоги нам из плена бежать, леших обмануть.

Послушалась Луна, к полуночи покраснела, потускнела. Тут девушки стрелы и пустили. Лешие с гиканьем и свистом помчались на поиски. Сестры же попытались в темноте скрыться, подальше уйти с этого места, чтобы и их самих пришлось злым чудищам искать. Ведь тогда лешим не успеть до рассвета, и придется пленниц отпустить. А тут вдруг травы ноги оплели, ветки дорогу закрыли, не дают девушкам уйти. Пришлось каждой сестре самой бороться и с травой, и с ветками. Стали они друг от друга отдаляться, аукаются, а без толку — голоса меж деревьев теряются. Торопятся девушки, молят Зарю-царевну поскорей взойти, от злой судьбины спасти, да что на роду написано, не исправить.

В предрассветном мраке прогремело проклятие леших:

— Не послушались, сбежать от нас хотели, так не видать вам больше солнца ясного, сторонки родимой. Будете всю жизнь слезы лить, судьбу оплакивать, гордыню свою проклинять.

И превратились сестры в реки.

Зуша устремилась на юг, потом резко на восток свернула. На пути нагнала ее младшая сестрица Чернь. Крепко обнявшись, они слились с Окой. Средняя сестра Плава на север потекла, вскоре подала руку Упе и вместе с подругой пришла к той же Оке. Воды сестер смешались. И несут они теперь свои слезы в Волгу, а оттуда в Каспийское море. Вот почему вода в море такая соленая.

А что же старик-отец? Ненадолго пережил он своих дочерей.

Вернувшись с берегами, увидел несчастный, что дочери исчезли. Горько сокрушался старик, а все же пришлось ему ждать рассвета. Отправившись на поиски, вскоре увидел реки, каких в этих местах доселе не бывало. Сразу догадался, что это лешие его дочерей в реки превратили. Вернулся домой, собрал приданое, что девушки готовили. Не такой судьбы он дочерям хотел, да делать нечего. Отнес старик рукоделие к берегам рек и кинул в воду. Пусть не с пустыми руками придут дочери к батюшке Каспию.

О дальнейшей судьбе старика известно мало. Кто сказывал, что заклинаниями заманил он леших к своему дому, загнал в подпол, да и обрушил на них стены и крышу. Вот почему на том месте, где жила дружная семья, небольшой курган остался, а злые духи в этих местах перевелись. Кто баял, что дремучие леса исчезли во время битвы старика с лешими.

Из поколения в поколение передается рассказ о сестрах-реках во многих деревнях, где лежат их истоки.

МУЗЕИ ТУЛЫ И ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

«ДА ЖИВЕТ, КТО ЖИЗНЬ ТВОРИТ!»

(Прошлое и настоящее Дома-музея В. В. Вересаева)

...1940 год. Москва. Дом № 2 по Шубинскому переулку. Александр Васильевич Елисеев, сотрудник Тульского краеведческого музея, долго стоит у подъезда, не решаясь войти — шутка ли, к самому писателю Вересаеву приехал по приглашению! Затем, собравшись с духом, поднимается на четвертый этаж. Скромная деревянная дверь. Долгая трель звонка. Еще несколько минут взволнованного ожидания и вот он — святая святых — рабочий кабинет писателя. На окне клетка с неугомонно чирикающим щеглом; на стене подарки друзей — наполненные светом акварели М. Волошина и В. Поленова; печатная машинка на шахматном столике и — книги, книги... Приглушенно горит настольная лампа, а за письменным столом — сам хозяин, Викентий Викентьевич Вересаев — что-то увлеченно, сосредоточенно пишет, хмурится, энергично и нетерпеливо зачеркивает и опять пишет. Поднимает голову. Пристальный взгляд, наполненный мудростью и молодым задором (а ведь писателю уже 73 года!). Тепло улыбается:

— Вы из Тулы? — встает из-за стола и радушно приглашает: — Проходите-проходите!

На диване, уже тщательно упакованные, свертки — фотографии из семейного архива, книги из личной библиотеки, картины — все для Тульского краеведческого музея. Потом, за чашкой чая, Вересаев с интересом расспрашивает о родном городе, живо интересуется новостями из культурной жизни туляков, передает небольшую посылку для Конопацкой Екатерины Адамовны, с которой у писателя связаны самые трепетные и трогательные воспоминания детства...

Прощались дружески и вслед — вересаевское, с грустинкой — «очень хочу память о себе оставить в родной Туле...»

Прошло 65 лет. В марте 2005 года я пришла работать в Дом-музей В. В. Вересаева — нашего земляка, известного писателя, пушкиниста, литературного критика и переводчика — в качестве младшего научного сотрудника. Сразу же окунулась в атмосферу, чуждую суетливо-проблемной обыденности настоящего: тенистое умиротворение окружающего сада, ступени, уводящие в глубь дома. Поразило то, что сотрудники Дома-музея, с уважением относясь к понятию «музея», не менее трепетно и заботливо оберегают атмосферу «Дома» — уютного и просторного, наполненного в былое время детскими голосами и запахом куличей на Пасху. Дома, с его традициями и семейными праздниками, рождественской елкой и танцевальными вечерами. Дома, с его благоговейным отношением к книге, молитвами перед сном и единством жизненных принципов. Дома, где вплоть до 1912 года жила семья Смидовичей, ярких представителей тульской интеллигенции конца XIX века.

Прохожу по комнатам — залам музея, сохранившим очарование прошлого. Как интересно сравнивать музейное видение того времени с литературными «Воспоминаниями» В. В. Вересаева, родившегося в этом доме — доме, с которым у писателя связаны детские и юношеские впечатления! Итак, первый зал экспозиции. Небольшая столовая. В центре — круглый стол с резными ножками, вышитая белоснежная скатерть, столовый фарфор. Два скромных шкафчика, кресла с резными спинками, диван, в углу — икона Казанской Божьей Матери, на стене — семейные фотографии. Именно здесь собиралась вместе вся большая семья Смидовичей, велись разговоры о работе, со смехом пересказывались детские шалости, решались общие проблемы. И во всем этом — мама, Елизавета Павловна Смидович, наполненная пониманием и любовью («Первые десять-пятнадцать лет главный отпечаток на наши души клала она»). Рядом комната маленького Вити Смидовича (думал ли он, что в будущем станет известным писателем?!). Перед небольшим окном ломберный столик для занятий, раскрытые книги (стихотворения А. В. Кольцова, «Сочинения» Э. И. Грубе, «Одиссея» Гомера с сохранившимся переводом с древнегреческого языка на русский в гекзаметре), настольная лампа, фотографии, с которыми связана первая влюбленность и первое стихотворение, посвященное — конечно же! — любимой маме. Веранда с множеством цветов («папа любил разводить экзотические цветы») и выходом в сад. Кабинет отца, Викентия Игнатьевича Смидовича — светлый, просторный, с высоким потолком. Письменный стол для работы. К сожалению, не сохранились стеллажи с книгами (по тем временам одна из самых больших в Туле библиотек). Увы, забытая сейчас традиция — чтение вслух («Каждый вечер, часов в девять, ... мы усаживались у папы в кабинете друг против друга на высоких табуретках... Папа читал строго, веско, с проникновенностью»). Небольшая комнатка, где Викентий Игнатьевич, известный в Туле детский врач, принимал больных. И, конечно, Большая Зала, самая просторная и светлая комната, которая по вечерам превращалась в площадку для игр, а зимою там устанавливали большую елку, водили хороводы, отмечали все семейные праздники и торжества.

Исчезает наваждение (хотя где же не очаровываться безвозвратно ушедшим, как не в мемориальном музее?) и я отчетливо понимаю, что без его обитателей Дом не был бы таким, каким донесли его до нас и сохранили сотрудники музея. Значит, появился новый повод для путешествия в прошлое: какими же были Смидовичи, откуда появилась эта фамилия в Туле? С гордостью узнаю, что Смидовичи в свое время были любимы и уважаемы туляками, как люди, много сделавшие для истории города. Это был древний польский род, вписанный в шестую часть Родословной книги. Одна из семейных легенд гласит, что когда-то один из представителей этого рода спас польского короля на охоте, за что и был ему пожалован дворянский титул.

Передо мной — фотографии из семейного архива Смидовичей, бережно хранимые в фондах Дома-музея В. В. Вересаева. На одной из них бравый штабс-капитан с пышными, внушительными усами. Это — дядя отца будущего писателя, Викентий Михайлович Смидович (1793—1876 гг.), чей жизненный путь был неразрывно переплетен с семьей, в которой родился и вырос маленький Витя. Викентий Игнатьевич Смидович долго жил и воспитывался у Викентия Михайловича. В. И. Смидович родился на Украине, в г. Каменец-Подольском в семье поляка Игнатия Михайловича Смидовича. После смерти отца, участвовавшего в польском восстании 1830—1831 гг., его матери пришлось одной воспитывать четверых детей. Средств на существование не было, пришлось отправить сына Викентия в тульское село Теплое, к родному брату мужа, помещику В. М. Смидовичу, штабс-капитану в отставке, которому за отличие в военных действиях на Кавказе царь пожаловал земли в Тульской губернии. Впоследствии, когда Викентий Игнатьевич поселился в Туле и стал известным дет-

ским врачом, Викентий Михайлович, крестный отец будущего писателя, часто бывал в гостях в доме на ул. Верхне-Дворянской (ныне ул. Гоголевская). Вот что писал об этом в своих «Воспоминаниях» В. В. Вересаев: «В доме у нас большим почетом и уважением пользовался дедушка Викентий Михайлович; он иногда приезжал к нам в Тулу из своего имения. ...Папа относился к дедушке с глубокой почтительностью и нежной благодарностью. Когда дедушка приезжал к нам,— вдруг он, а не папа, становился главным лицом и хозяином всего нашего дома». Имя В. М. Смидовича было тесно связано с историей строительства Свято-Иверского храма. Будучи добрым и отзывчивым человеком, занимаясь широкой общественной деятельностью, он не только в складчину с местными купцами строил церковь для крестьян села Теплое Крапивенского уезда Нарышкинской волости, но и организовал сбор денежных средств по близлежащим деревням.

Но центром семьи, конечно же, был Викентий Игнатьевич Смидович (1834—1894 гг.) — известный тульский детский врач и общественный деятель. Со старой фотографии на меня смотрит уже немолодой человек в черном сюртуке. Открытый взгляд, фигура, преисполненная скромного достоинства. «Высокообразованный и учтивый, в высшей степени отзывчивый на все доброе, трудолюбивый и до крайней степени скромный в своих личных требованиях, он всю жизнь посвятил служению городскому обществу», — так писала о нем в 1894 году тульская газета «Врач». Но это было потом, а пока, окончив в 1860 г. курсы Московского университета, Викентий Игнатьевич приехал в Тулу никому не известным молодым врачом. Начал заниматься обширной медицинской практикой, часто оказывая бесплатную медицинскую помощь, чем завоевал большую любовь и уважение туляков. Служил ординатором в больнице Приказа Общественного Призрения, был в числе учредителей Общества тульских врачей, ему принадлежала мысль об открытии городской лечебницы — единственного в городе всем доступного учреждения. Принимал деятельное участие в работе Статистического комитета, провел мысль о необходимости однодневной переписи населения и положил ее в основу санитарной статистики города. В. И. Смидович занимался активной общественной деятельностью. Не было ни одного серьезного городского вопроса, в котором так или иначе он не принимал бы участия. Все помнят В. И. Смидовича как гласного Городской Думы. Но наибольшая его заслуга состоит в изучении санитарного состояния города. Метеорологические наблюдения, изучение стояния грунтовых вод и их химического состава, исследование городской почвы, направления стоков — все это велось одним В. И. Смидовичем с удивительным постоянством и настойчивостью. В. И. Смидовичем была организована и Санитарная комиссия, руководителем и участником которой он был до самой своей смерти. Как широко образованный человек, В. И. Смидович имел настолько разносторонние увлечения, что не было, кажется, такой научной области, которой бы он не интересовался. Так, в своем доме у него была хорошо обставленная химическая лаборатория, которую впоследствии Викентий Игнатьевич с охотой отдал Санитарной комиссии, а также хорошее минералогическое собрание и обширная библиотека по самым разным отраслям знания. «На все, что кругом, отец не мог смотреть, не пытаясь вложить в это своих знаний и творчества. ...Таков он был. И до последних дней он кипел, искал, бросался в работу, жадно интересовался наукою, жалел, что для нее так мало остается у него времени» (из «Воспоминаний» В. В. Вересаева). Городская общественность глубоко ценила заслуги В. И. Смидовича и, когда в 1894 году он скончался, заразившись от одного из своих больных сыпным тифом — болезнью, по тем временам, неизлечимой, — тяжело переживала смерть старейшего врача г. Тулы, который, как напечатали впоследствии в одной из тульских газет, «обладал обширными знаниями, прекрасным образованием, добрым сердцем, благородным характером и скромностью истинного философа».

А вот фотография молодой женщины в русском национальном костюме. Она сидит вполоборота, немного задумчива, а мягкая улыбка наполнена добротой и пониманием. Это мама будущего писателя В. В. Вересаева — Елизавета Павловна Смидович (1844—1912 гг.). «В самых ранних моих воспоминаниях она представляется мне — полная, с ясным лицом. Помню, как со свечою в руке перед сном бесшумно обходит все комнаты и проверяет, заперты ли окна и двери,— или как, стоя с нами перед образом с горящей лампадкою, подсказывает нам молитвы, и в это время глаза ее лучатся так, как будто в них какой-то свой, самостоятельный свет...» — писал В. В. Вересаев. И далее. «У мамы был непочатый запас энергии и жизненной силы. И всякую мечту она сейчас же стремилась воплотить в жизнь...» — вспоминает писатель. Вероятно, это качество и помогло ей создать в 1872 году первый не только в Туле, но и России детский сад — о чем теперь с уверенностью мы можем сказать. Но это заслуживает отдельного упоминания. Детский сад по тому времени был «совершеннейшей новинкой». Родоначальником детских садов был немецкий педагог и теоретик Ф. Фребель. Он считал, что дети должны расти и воспитываться без принуждения, как растения при заботливом уходе садовника. Отсюда и название этого учреждения — детский сад, а воспитателей — «садовницы». Во многих странах стали создаваться «Фребелевские общества», пропагандировавшие идеи детских садов, а при них курсы по подготовке руководительниц этих учреждений. Первые «Фребелевские курсы» были созданы в России в 1871 г. в Петербурге и Москве. Одной из первых выпускниц этих курсов в Москве стала Елизавета Павловна Смидович. На курсах давались сведения по анатомии, физиологии, гигиене, психологии и педагогической практике, а также проводились практические занятия (лепка, рисование, пение, гимнастика). Кроме того, впоследствии, на протяжении многих лет Е. П. Смидович выписывала журнал «Семья и школа», где давались не только различные методические советы родителям и воспитателям, но и помещались небольшие рассказы для детей. Для детского сада Елизавета Павловна отвела лучшие комнаты в своем доме — столовую, зал, гостиную. В зале, где стояло пианино, проводились подвижные игры, которые удовлетворяли потребности молодого организма в движении и в то же время способствовали развитию речи. Рядом (в бывшей гостиной) была оборудована «гимнастика», где занятия проводились в холодное время года (летом занимались на свежем воздухе). В третьей комнате располагалась «классная». Здесь могли проходить игры и занятия — рисование, вырезание из бумаги, плетение, лепка, счет и чтение. Среди воспитанников детского сада были не только старшие дети Смидовичей, но и близких их родственников и знакомых. Елизавета Павловна энергично и добросовестно старалась наладить работу детского сада, приобретала для него все самое лучшее и дорогое. Прирожденный воспитатель, она все свои силы отдавала этому заведению. Сад просуществовал всего три года, в 1875 г. его пришлось закрыть. Но вряд ли кто станет отрицать, что, несмотря на столь короткий срок существования, его открытие имело большое значение для развития педагогической системы образования в нашей стране. «...Теперь, восстанавливая все в памяти,— писал в «Воспоминаниях» В. В. Вересаев,— я думаю, что эта потребность превращать работу в радостно-жертвенное мученичество лежало глубоко в маминой натуре. Когда кончились трудные периоды ведения детского сада, перед мамой все-таки постоянно вставала какая-нибудь работа, бравшая все ее силы...» Такой Елизавета Павловна оставалась до самых последних дней жизни, отдавая окружающим все тепло и свет своей души.

А вот фотографии, сделанные летом на усадьбе — в центре расположились родители, вокруг них восемь детей — большая счастливая семья на фоне пышной зелени сада. Надо сказать, что сад занимал в жизни детей далеко не последнее место, ведь «все закоулки в саду, на дворе и на заднем дворе были близко знакомы, обгляжены

до всякой щели в заборе, до всякой трещины в бревне...» (В. В. Вересаев, «Воспоминания»). А ведь было на что посмотреть: фруктовый сад, березовая аллея, беседка, площадки для игр и занятий спортом, оранжерея, конюшня, метеорологическая площадка, в том числе и доходный дом, который Елизавета Павловна построила после смерти главы семьи, Викентия Игнатьевича. Все это составляло территорию усадьбы Смидовичей — мир, бережно хранимый В. В. Вересаевым в воспоминаниях и с любовью описываемый им в своих произведениях. Но сейчас мало кто знает, что и дом, и сад — были двумя гармоничными составляющими целого комплекса, который — увы! — почти ушел в небытие. Речь идет о понятии «усадьба». И здесь уже надо говорить не столько об ее жилом назначении, сколько о некоей духовно-нравственной наполненности, на протяжении нескольких столетий являвшейся частью русской истории и культуры. На сегодняшний день Дом-музей В. В. Вересаева является единственно сохранившейся в Туле усадьбой городского типа, бережно оберегающей «дела давно минувших дней», куда мы вновь и вновь возвращаемся в «Воспоминаниях» В. В. Вересаева: «В окна смотрела густая зелень нашего тульского сада... Чувствовал прилив сил и небывалую радость. Ах, как все вокруг было хорошо! И милые люди, и поместительный наш дом, и тенистый сад. Неужели я целых три года не был здесь? Я как будто видел все это вчера. А между тем как долго шло время!..»

Да, шло время, малыши подрастали, уезжали из родного города сначала учиться в Петербург, потом работать, искать себя в большом беспокойном взрослом мире, но всегда неизменно возвращались в родные стены. Надо ли говорить о том, что дети Смидовичей получили прекрасное образование, направленное на нравственно-эстетическое и духовное развитие, хорошо знали иностранные языки, умели музицировать. И, повзрослев, оправдывали старания родителей: дочь Мария стала врачом, заместителем Наркома здравоохранения, Елизавета — фельдшером, Юлия и Анна преподавали в школе, сыновья Михаил и Николай стали горными инженерами, а Владимир — моряком. И, без сомнения, родители гордились своим сыном — Викентием, известным в русской литературе под псевдонимом «Викентий Викентьевич Вересаев». И именно его имя носит единственный в Туле литературный музей, расположенный в доме Смидовичей на улице Гоголевской (бывшей Верхне-Дворянской) — в доме, где 4 (16) января 1867 года родился будущий писатель.

О литературном таланте В. В. Вересаева (1867—1945 гг.) можно говорить много, ведь именно «служению литературе и людям» писатель посвятил около 60 лет своей жизни. Государственные награды, собрания сочинений, создание новых литературных жанров, счастье общения с писателями, ставшими классиками русской литературы. И все это жило, творило, заставляло идти вперед и... равняться на эту яркую, потрясающе гармоничную и талантливую личность! Вересаев-человек покорял окружающих неподкупной честностью и чистотой нравственного облика. Вересаев-писатель обращал внимание особым подходом к человеку, особым методом его описания, в котором чувствовался врач, знающий болезни человеческого тела и души, ученый, размышляющий над путями и способами изменения человеческой судьбы. Литературный талант В. В. Вересаева притягателен и многогранен. В каждой энциклопедии и литературной антологии можно прочитать о том, что книга «Записки врача», переведенная на многие языки мира, стала ярким художественно-публицистическим произведением в литературе начала XX века. О том, что о нравственно-психологических рассказах В. В. Вересаева одобрительно отзывались и А. П. Чехов, и М. Горький, и Л. Н. Толстой, который считал, что «у Вересаева тургеневская манера писать». Открытый им смысл и тайну жизни писатель талантливо воплотил в жанре критической литературы — литературно-философское исследование «Живая жизнь» стало одним из наиболее удачных, по мнению критиков, произведений В. В. Вересаева. Неоценим вклад писателя и в развитие пушкинистики в России. Пе-

ру В. В. Вересаева принадлежат такие известные всем произведения об А. С. Пушкине, как роман-хроника «Пушкин в жизни», двухтомник «Спутники Пушкина», а также его многочисленные литературные исследования. Являясь членом Всесоюзного Пушкинского комитета, В. В. Вересаев прочитал множество лекций о классике русской литературы, одновременно анализируя творчество другого великого писателя — Н. В. Гоголя (роман-хроника «Гоголь в жизни» стал логическим завершением исследований писателя). Еще при жизни В. В. Вересаев собрал отдельную книгу воспоминаний. Две ее части составили автобиографические воспоминания о детстве и молодости («В юные годы», «В студенческие годы»), в третью часть вошли «Литературные воспоминания» о деятелях культуры, о процессе литературной жизни, об отдельных фактах и событиях литературного мира, которым писатель был свидетелем и творцом. Органическим завершением литературных воспоминаний В. В. Вересаева явились его «Записи для себя», которые принадлежат многоопытному и наблюдательному человеку. Не чужда была ему и редакторская деятельность: писатель долгое время возглавлял Книгоиздательство писателей в г. Москве, издавая литературные журналы «Слово» и «Клич», которые стали отражением литературной жизни того времени. Отдельного упоминания заслуживает переводческая деятельность В. В. Вересаева. В. В. Вересаев стал писателем, который доступно, но оттого не менее образно, перевел на современный русский язык всемирно известные древнегреческие эпические поэмы Гомера «Одиссею» и «Илиаду», состоявшие из 28 000 стихов. Внимание писателя-переводчика привлекали и были талантливо им переведены с греческого языка произведения Сафо, Архилоха, Гесиода, Гомера. За годы своей писательской деятельности В. В. Вересаев попробовал себя чуть ли не во всех литературных жанрах и видах: писал романы, повести, рассказы, очерки, стихи, литературно-философские трактаты, подчиняя все свое творчество великой миссии писателя-гуманиста. Как по-научному лаконичны эти сведения! А между тем, за ними — годы напряженной исследовательской работы, постоянные поиски нового, трепетное отношение к слову и — непрекращающаяся работа над собой, своим самообразованием. А еще — глубокое уважение собратьев по перу. И вот они, современники писателя, перед нами в поздравительных адресах, полученных В. В. Вересаевым в 1925 году, когда вся литературная общественность отмечала 40-летие его творческой деятельности. Сколько искренности и тепла в этих строках! А. М. Горький: «...Я всегда чувствовал в лице Вашем сопутника, коего привык уважать и за твердость шага и за неуклонность со своей тропы. Хороший Вы человек, Викентий Викентьевич, уж разрешите сказать Вам это». М. А. Волошин: «Позвольте мне... Вас обнять, и не только как славного русского писателя, но и как прекрасного, доброго, отзывчивого человека, всегда готового придти на помощь другим. Правда, и это относится к «священным» традициям русской литературы, но на практике встречается ой как редко». А. А. Фадеев: «Когда мы были еще подростками — мы уже слышали имя Вересаева,— связанное с именами величайших писателей, на которых мы росли и воспитывались. Пушкин, Гоголь, Толстой, Чехов, Горький, Вересаев — вот в каком окружении вспоминается давно знакомое имя Викентия Викентьевича». Н. Д. Телешов: «Его (Вересаева) переводы Сафо, Гесиода, Архилоха и Гомеровых гимнов... я считаю по точности и стилистическому чувству подлинника лучшими переводами во всей нашей литературе». А. С. Серафимович: «Несмотря на подлое и жестокое время, Вересаев никогда не произнес в своих писаниях ни одного лукавого, неверного слова. Правдивостью, искренностью проникнуты все его произведения, и они оказали громадное влияние на формирование сознания молодежи и интеллигенции».

В Доме-музее В. В. Вересаева и сейчас звучат голоса молодежи — учащихся, студентов, молодых поэтов — всегда с удовольствием приходящих на встречу с литературным наследием писателя. Прохожу по светлым, просторным залам и даже не

могу представить, что когда-то — еще до создания литературного мемориального музея — здесь, после смерти Е. П. Сидович, была коммунальная квартира. Когда-то... Разговариваю со старейшими сотрудниками музея заслуженным работником культуры РФ, почетным гражданином города Ботем Вячеславом Ивановичем, с заведующей Кузнецовой Любовью Ивановной — людьми, медленно, но целенаправленно создававшими из полуразрушенной коммунальной квартиры культурный центр города, хранящий память о писателе. А между тем долгий путь пришлось пройти и им, и всем, кого волнует судьба исторического наследия города.

«Дом писателя разрушается, причем разрушается так, что через 3—4 года уже поздно будет ставить вопрос о его реставрации. Дом не ремонтировали целых двадцать лет! Штукатурка обваливается, крыша течет, деревянные части гниют, двери и рамы обветшали. Печальное зрелище представляет собой и сад Вересаева. В сущности, сада уже нет...» — подобные газетные статьи были нередки в тульской печати в 30-е годы. Общественность города была обеспокоена тем, что разрушается память, уходит в небытие часть духовной культуры, составляющая национальную память туляков. И, наконец, долгожданное: «С октября прошлого года Тульской специальной научно-реставрационной производственной мастерской ведутся работы по восстановлению дома и созданию в нем музея». (газета «Коммунар», июнь, 1987 год).

Рассказывает Вячеслав Иванович Боть:

— История создания музея началась в 1939 году, когда дом на улице Гоголевской был взят на государственный учет, как памятник культуры. К музею мы шли долго и трудно. В 1940-м от самого Вересаева были получены книги, фотографии и многие другие ценные материалы. Но городские власти не смогли тогда переселить жильцов из этого дома. В 1963 году племянница писателя Валерия Михайловна Нольде передала в Тулу обстановку московского кабинета писателя, книги из его библиотеки, портреты, фотографии и другие материалы. Но и тогда музей создать не удалось. Только в 1974 году в одном из залов Тульского краеведческого музея была организована экспозиция, посвященная жизни и творчеству писателя, пользовавшаяся, кстати, большой популярностью. А в 1984 году из дома, где родился Вересаев и где прошло его детство, — того самого дома, где сейчас расположен музей, началось, наконец, выселение жильцов, а к тому времени здесь жило ни много, ни мало, 14 семей. Созданию музея предшествовала большая подготовительная работа: сбор экспонатов, изучение литературных источников, выявление материалов в архивах. Сразу решили, что интерьеры комнат должны быть оформлены достойно, с хорошим художественным вкусом. Реставрация и музеефикация дома были проведены с учетом плана, составленного самим В. В. Вересаевым на 1884 год, по проекту института «Спецпроектреставрация» (Москва, архитектор В. И. Григорьев) тульскими реставраторами и художниками комбината живописно-оформительского искусства (г. Санкт-Петербург, художники Б. Е. Бейдер и И. В. Мисаилов). Авторами музейной экспозиции стали заведующая музеем Л. И. Кузнецова и ведущий научный сотрудник В. О. Старостина. В рецензии Государственного литературного музея от 1985 года отмечено, что «самой высокой оценки и одобрения заслуживает большая и сложная работа, проделанная коллективом Тульского областного краеведческого музея по разработке проекта научной концепции и структурного плана экспозиции «Дома-музея В. В. Вересаева». А в январе 1992 года, к 125-летию со дня рождения писателя, Дом-музей В. В. Вересаева был открыт...

«Долгожданный музей», «Он снова в родной Туле!», «Вересаев был бы доволен» — таковы некоторые из заголовков статей, опубликованных в тульской прессе того времени. «Истинным делом, направленным на нравственное воспитание людей, явилось создание в Туле замечательного музея писателя В. В. Вересаева», — писала газета «Коммунар». Наиболее ценными для нас, сотрудников музея, стали впечатле-

ния о Доме-музее В. В. Вересаева родственников самого писателя, которые неоднократно и всегда с большим удовольствием бывали у нас в гостях. К сожалению, Валерия Михайловна Нольде, племянница В. В. Вересаева, пятнадцать лет бывшая его секретарем и много сделавшая для создания музея, не дожидая до радостного события. Но и сейчас ее слова отражают нашу общую радость: «Низкий поклон и благодарность всем, кто несколько лет трудился, отчаивался, как и я, и снова верил, что наступит день, и мы войдем в этот музей. Это ведь новый очаг культуры в Туле, в городе, который так любил Викентий Викентьевич!» (из письма-завещания В. М. Нольде). Не менее высокую оценку получил музей из уст Ирины Николаевны Смидович (двоюродной племянницы писателя), Екатерины Владимировны Смидович (племянницы В. В. Вересаева) и Льва Владимировича Разумовского (внучатого племянника писателя), посетивших музей летом 1992 года.

* * *

В нашей семье, естественно, есть много изданий книг В. В. Вересаева, т. к. мой отец — его родной, младший, брат. Однако, мне очень много дало посещение музея Вересаева, т. к. здесь отражена полная хронология и жизни, и деятельности, не говоря уже о том, что не все данные о нем мне известны. Большое спасибо работникам музея за их творческую, трудоемкую работу, отраженную в экспонатах музея. Было также отраднo побывать в Туле, которую так любят все члены семьи Смидовичей старшего поколения.

Е. В. Смидович

* * *

Не вдаваясь в подробности о том, что испытывает человек, когда приезжает в дом, где жил его прадед и прапрадед, хочу отметить две, на мой взгляд, очень важные вещи:

1. Удивительную преданность, можно сказать, подвижничество, сотрудников музея в деле его создания.

2. Блестящий дизайн в оформлении дома-музея. На мой взгляд, это один из самых хорошо продуманных музеев у нас в стране. В оформлении удивительно сочетается вкус, чувство такта и меры, дух времени.

Л. В. Разумовский

* * *

Я полностью согласна с высказываниями моих родных и хочу добавить лишь немного. На моих глазах в течении многих лет проходила упорная борьба за существование музея, т. е. его создания (получение помещения, оснащение его мебелью, поиски экспонатов). Тяжелая работа увенчалась успехом. В годы, когда разваливаются музеи, вы создали жемчужину культуры. Честь и хвала вам, сотрудникам, создавшим это чудо!

Ваша Смидович Ирина Николаевна

А что же сами туляки думают о музее? Открываем книгу отзывов Дома-музея В. В. Вересаева, заполненную записями посетителей самых разных возрастов.

— Великолепный интерьер музея, прекрасная работа реставраторов, подлинная обстановка — все это оставляет неизгладимое впечатление и мысль о том, что Дом-музей В. В. Вересаева сегодня — лучшее, что у нас есть из литературных памятников (не считая, конечно, усадьбы Ясная Поляна и Спасского-Лутовиново). Огромное спасибо всем тем, кто доставил такую радость любителям творчества В. В. Вересаева. (г. Тула, школа № 71)

— После посещения удивительного музея остались неизгладимые впечатления. Может быть, с появлением святого места в городе, в растерзанной России что-то еще и возродится. Может быть, начнем и мы жить так богато духовно, как жил В. В. Вересаев, честно воспринимавший и оценивавший историю, свою жизнь. Сердечная благодарность всем людям, подарившим это священное место, столь необходимое думающему Человеку! (студенты из г. Санкт-Петербург.)

Продолжаю листать оставленные посетителями записи, впечатления о музее, поздравления и пожелания самого светлого и доброго. На русском, французском, немецком языках. От коллег из Москвы, Санкт-Петербурга, Белоруссии и Украины. От людей, равнодушных к нашему литературному прошлому — со всех концов России! А итожит эти высказывания секретарь правления Союза писателей России Николай Переяслов:

*Из прошлых лет фрагменты возрождая,
Душа Руси историю хранит.
И, как живой с живыми, Вересаев
Сегодня с нами снова говорит!*

И, действительно, продолжает говорить и общаться с нами, людьми XXI века, писатель Вересаев — через свое литературное наследие и, конечно, через музей, творящий духовное настоящее г. Тулы. Сейчас, анализируя опыт работы Дома-музея В. В. Вересаева и разнообразие направлений его деятельности, можно сказать, что музей обрел свою индивидуальность в круговерти современных событий, став литературным и духовным центром нашего города. А за 15 лет жизни (именно эту дату Дом-музей В. В. Вересаева отметил в январе 2007 года) произошло многое. Посетители, приходящие в дом Смидовичей на ул. Гоголевской, знают — здесь их встретят уютная домашняя атмосфера, интересные мероприятия, наполненные музыкой и поэзией, творческие неординарные люди. А еще невольно думается о том, что музей уже давно стал перекрестком прошлого и настоящего, точкой соприкосновения культуры и истории города. Все это — результат постоянного кропотливого труда сотрудников Дома-музея В. В. Вересаева — людей, равнодушных к музейному делу, ищущих новое, экспериментирующих. Чем же живет сегодня музей? О старых традициях и инновационных проектах и пойдет сейчас речь.

Особой гордостью Дома-музея В. В. Вересаева стал музейный вестник «Живая жизнь». Это единственное печатное издание в г. Туле подобного рода. Являясь новой, нетрадиционной формой музейной коммуникативной работы, вестник разносторонне отражает историю музея, его самобытность, связь прошлого с настоящим и будущим. Уникальные иллюстрации из собраний и коллекций музея, серьезные научные, литературно-художественные и краеведческие материалы, посвященные культурному наследию жизни родного города и страны, разнообразие рубрик — все это можно найти на страницах вестника «Живая жизнь». Впрочем, само название — аналог одной из наиболее ярких книг В. В. Вересаева — говорит само за себя: Дом-музей писателя живет интересной и многогранной жизнью.

Как же, помимо экскурсий и инновационных печатных изданий, происходит непосредственное общение музея с его посетителями? С большим удовольствием приходят туляки предпоследнюю среду каждого месяца в литературную гостиную музея на встречу с современными писателями. Эти «Литературные Среды Дома-музея В. В. Вересаева» продолжают традицию московских «Сред» — творческих собраний интеллигенции в начале века, на которых неизменно присутствовал В. В. Вересаев. Стоит ли говорить о том, что такие встречи становятся настоящим праздником для каждого из присутствующих — и для писателя, рассказывающего о своем творчестве

ве, и для зрителя, имеющего возможность пообщаться «вживую» непосредственно с самим автором? Нередки встречи не только с отдельными писателями, но и с целыми литературными объединениями Тулы и области. Так, например, уже прошли творческие вечера литературного объединения «Пегас», созданного при Союзе писателей России (г. Тула), молодежной литературной студии «Вега» (г. Тула), молодежным литобъединением «Алмаз» (г. Алексин), литобъединением «Диалог» при библиотеке семейного чтения (пос. Косая Гора). В литературной гостиной музея проводятся и презентации новых книг тульских писателей, поэтических сборников, литературных журналов и альманахов. Ярko, нестандартно, с живым звучанием классической музыки прошли презентации литературно-художественного альманаха «Прикосновение», литературного журнала «Тула» (с ежегодным вручением тульским авторам в стенах музея премии «Золотое перо Тулы»), литературного альманаха «Артефакт». Запоминающимся событием стали презентации коллективных сборников «Великий Май», «Ветер времени над полем Куликовым», «Свет любви», «Здравствуй, Тула», «Отчий край», посвященных значимым датам в истории России и Тульского края.

Но это — для взрослых посетителей музея, а что же молодежь? Не остаются вдалеке от музейной жизни дошкольники и учащиеся тульских школ. Для малышей разработан целый цикл занятий в рамках музейно-педагогических программ «Знай и люби свой край» и «Мое Отечество». А школьники с большим удовольствием приходят на литературно-музыкальные композиции, посвященные жизни и творчеству наших классиков. Классическая музыка, отрывки из дневников, воспоминания современников, художественное чтение стихотворений и прозы — вот то, что становится «музейной изюминкой» в рассказах научных сотрудников музея о Л. Н. Толстом, М. Цветаевой, З. Н. Гиппиус, А. Блоке, И. А. Бунине, С. Есенине. Несомненно то, что ребята во время подобных встреч не только получают информативный материал, но и приобщаются к культуре, учатся размышлять и воспринимать прекрасное, ценить наше историческое наследие. Однако Дом-музей В. В. Вересаева видит свои задачи в работе с подрастающим поколением не только в этом. И здесь надо сказать несколько слов об инновационных проектах, которые были экспериментально введены и теперь успешно развиваются на базе музея.

К сожалению, бытует мнение, что музей — некая закрытая для перемен, а потому «несовременная» категория нашей культуры и истории. Увы, ошибки подобного рода ведут к тому, что музеи становятся малопосещаемыми и неинтересными для молодежи, а ведь именно в ней мы видим культурный, духовный и интеллектуальный потенциал русского народа. Поэтому мы, музейщики, попытались развенчать уже сложившиеся у учащихся стереотипы и предложить им новые, нестандартные формы творческого сотрудничества. На базе нашего музея успешно развивается проект «Презентация школьного музея в Доме-музее В. В. Вересаева», когда учащиеся уже сами выступают в роли экскурсоводов, составителей и хранителей фондов. Надо ли говорить о том, что после такого мероприятия учащиеся будут более трепетно относиться к окружающим их музейным экспонатам? А в рамках регионального компонента школьного образования Дом-музей В. В. Вересаева проводит мероприятия из цикла «Знакомство с профессией» — встречи старшеклассников с представителями различных профессий, что помогает в дальнейшем выпускникам определиться с выбором своего профессионального пути. «Мальчишник в музее», участие в ток-шоу — лишь малая часть того, что ждет посетителей в Доме-музее В. В. Вересаева. Действительно: «Да живет, кто жизнь творит!»

... Подошел к концу еще один день из жизни литературного музея. Закрыты экспозиционные залы. Ушли последние посетители. Хотелось бы поставить точку, но... Открылась входная дверь, наполнив вестибюль Дома-музея В. В. Вересаева веселым гомоном юных голосов. Пришли ребята — гордость музея — участники музейно-

литературного объединения «Муза». И опять звучат стихи (теперь уже молодых тульских авторов!), обсуждаются произведения, спорится о предназначении человека творческого и о дне сегодняшнем за чашечкой ароматного чая. А ведь только три года назад объединение родилось на страницах инновационного проекта, теоретически воплотившего в себе две незыблемые основы нашей национальной культуры — историю и литературу. Потом появился кружок любителей литературы, который в ноябре 2006 года вырос в серьезное литературное объединение. Сейчас музейно-литературное объединение «Муза» является полноправным членом творческой деятельности Дома-музея В. В. Вересаева. Традиционными стали выступления участников «Музы» в общеобразовательных учреждениях города. Настоящим праздником для туляков становятся литературные акции, проводимые «музовцами» у памятника В. В. Вересаева на День славянской письменности и культуры и на День города. Не менее яркими и запоминающимися были выезды и выступления в Доме-музее И. А. Бунина в г. Ефремове и библиотеке г. Алексина. Ребята из музейно-литературного объединения принимают активное участие в областных и городских поэтических конкурсах, а их поэтические подборки можно встретить на страницах коллективных сборников тульских писателей и периодической печати города. И все это — в стенах литературного музея, с памятью о культурном наследии писателя.

...Выхожу за ворота городской усадьбы. Темнело, а в окнах музея еще горит свет. А значит, жить писателю в памяти туляков, пока горит свет в окнах его Дома на улице Верхне-Дворянской!

*Виктория Ткач,
старший научный сотрудник
Дома-музея В. В. Вересаева*

ИСТОРИЯ ШАХМАТНОЙ ТУЛЫ

Константин Новиков

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ШАХМАТНОЙ ЖИЗНИ В ТУЛЬСКОМ КРАЕ

От главного редактора: Длительное время мне довелось работать вместе с Константином Ивановичем Новиковым в Центральном конструкторском бюро аппаратостроения. И сейчас часто захожу к нему в детский шахматный клуб «Знайка» на Оружейной улице.

Вполне естественно, что в любом виде спорта с многолетней историей развития подчас возникают десятки вопросов о событиях прошедших лет. Но далеко не по каждому вопросу, культивируемому в Тульской области, можно получить исчерпывающие ответы. Шахматистам в этом плане «повезло». Они имеют возможность обратиться к шахматному архивариусу города Тулы Новикову Константину Ивановичу и узнать от него, например, когда и по какому поводу в нашей области были А. А. Алехин, Эм. Ласкер, М. Ботвинник, В. Смыслов, А. Лилиенталь, С. Флор и другие выдающиеся шахматисты. Или, кто победил (или просто участвовал) в таком-то по счету чемпионате города (области, областного совета ДСО и т.п.) среди мужчин (женщин, юношей, девушек)? Или кто и когда стал первым из туляков кандидатом в мастера спорта, мастером спорта или гроссмейстером, чемпионом РСФСР или СССР? Можно получить ответы и на другие многочисленные вопросы по истории шахматной жизни Тулы с момента ее официального зарождения в начале XX века.

Инженер по профессии, выпускник физико-математического факультета Казанского государственного университета, Новиков К. И. уже в течение более 60 лет увлекается шахматами. Был чемпионом Тулы и области, стал кандидатом в мастера спорта. Возглавил городскую шахматную федерацию и областную квалификационную комиссию. Однако не только указанные общественные обязанности стали источником его информационных знаний о шахматах в области. Дело в том, что Новиков К. И. скрупулезно собирал, анализировал и обобщал все факты, связанные с тульскими шахматистами. Очень много личного времени проведено им в архивах и библиотеках (просмотры периодических изданий и книг по шахматам), в беседах с ветеранами шахматной игры. Задача: восстановить историю развития шахмат в области, дать оценку пройденным этапам и сформулировать задачи по дальнейшему развитию. И главная цель — приобщить к увлечению шахматами как можно большее число любителей, особенно из числа молодежи. Безусловно, не все из них и в будущем сохранят это увлечение, но то, что, ознакомившись с шахматами, получают определенный прогресс в своем развитии, не вызывает никаких сомнений. Факты подтверждают это. Многие наши земляки, увлекающиеся в юношеском возрасте шахматами, стали впоследствии руководителями крупных коллективов, научными работниками, большими специалистами в избранных профессиях и т.д. Не последнюю роль сыграли при этом приобретенные от занятий шахматами навыки большой работоспособности, умения сосредоточиться, проведения глубокого анализа и т.п.

Для ознакомления с указанными материалами всех заинтересованных шахматистов планируется выпуск книги. Не без оснований можно предположить, что по широте охватываемых вопросов (направлений) шахматной жизни области, по охватываемому периоду (100 лет) и другим признакам этот материал не имеет аналогов в стране (например, в сравнении с подобными книгами о шахматной жизни в Алтайском крае, Волгограде, Воронеже, Красноярском крае, Москве, Подмосковье, Перми, Петрозаводске, Саратове, Свердловске, Фрунзе, Челябинске и т.д.).

Представленный материал может быть полезным и интересным для краеведов области.

Введение

Что послужило поводом для тщательного изучения истории тульских шахмат? Здесь несколько причин. В их числе — стремление разобраться в обстоятельствах, побудивших выдающегося русского шахматиста М. И. Чигорина сказать следующее: «Есть ли шахматисты в Туле? По-видимому, нет, не было и едва ли будут» («Шахматный вестник», 1885 г). Не правда ли, предсказание не из обнадеживающих? И в настоящее время нам, тулякам, приятно сознавать, что высказанное М. И. Чигориним сомнение в нашем шахматном развитии оказалось несостоятельным. Подтверждением этому являются следующие строки из книги А. Котова («Мастерство», М., Советская Россия, 1975): «Три туляка — три гроссмейстера! Мало какой из крупнейших городов мира может похвастаться подобным». (Здесь имеются в виду Александр Котов, Алексей Суэтин и Анатолий Карпов).

В продолжение этой темы в 1983 году в тульской прессе (газета «Молодой Коммунар», 21 июля) опубликована проблемная статья Я. Пенькова «Будут ли в Туле гроссмейстеры?» с приведенными ответами:

«Будут! Обязательно будут! К этому обязывают шахматные традиции туляков».

«Самые добрые пожелания юным шахматистам Тулы. Мы с удовольствием выступили во Дворце пионеров и получили большое удовольствие от встреч со способными юношами. Можно не сомневаться, что после А. Котова, А. Суэтина, А. Карпова в скором времени появятся новые гроссмейстеры».

«В ближайшие 10 лет рождение гроссмейстера в городе оружейников и в Тульской области не предвидится».

1-е высказывание я услышал в канун 1967 года на московской квартире нашего земляка А. А. Котова.

2-е мнение содержится в автографах экс-чемпиона мира М. М. Ботвинника и международного мастера Я. С. Эстрина, побывавших в гостях у туляков.

В 3-м высказывании свою точку зрения выразил председатель Тульской областной шахматной федерации, судья республиканской категории В. И. Тюпанов».

В настоящее время среди туляков обладателями высшего звания являются международные гроссмейстеры Юрий Дохойян (1964 г.р., тренер-консультант чемпиона мира Г. Каспарова и затем тренер сборной женской команды России), Петр Тишин (1976 г.р.), Игорь Ягупов (1965 г.р.) и Максим Новиков (1972 г.р.).

Другой причиной для поиска материалов о прошлом шахмат стало отсутствие хронологии шахматных событий, стремление воздать должное сильнейшим шахматистам и лучшим организаторам, способствовавшим прогрессу шахматной жизни в области.

В ходе поиска и анализа материалов о шахматной жизни в области убедился, что очень большой вклад в пропаганду шахмат и организацию многочисленных мероприятий по развитию шахматного прогресса внес Александр Михайлович Рассаднев, в связи с чем ему и посвящена подготовленная книга.

Его, к сожалению, уже нет с нами — скончался на 80-м году жизни. Но туляки старшего поколения с почтением вспоминают этого седовласого, необычайно энер-

гичного, добросовестного, принципиального и в то же время очень внимательного и чуткого человека, являющегося, без преувеличения, примером для подражания. Воспоминание о нем — проявление дани уважения к этому авторитетному для ветеранов лицу и желание познакомить с ним новое поколение туляков.

Родился А. М. Рассаднев 23 августа 1895 года в Туле. После окончания школы и ремесленного училища начал работать техником-водопроводчиком. В 1917 году обучался на курсах народного университета в Туле. В последующие годы, несмотря на молодость и благодаря неординарному уму и активной жизненной позиции, его выдвигают на руководящие должности, перечень которых заслуживает особого внимания: Член Тульского городского Совета рабочих и крестьянских депутатов (1917 г.), председатель комиссии по ликвидации неграмотности, секретарь штаба чистоты Тулы, секретарь губернского профсовета, член РКП(б) (1919); председатель совета «Пролеткульт» и член рабочего художественного совета «Пролеткульт», председатель объединенной Тульской городской комиссии помощи голодающим (1921 г.); председатель финансово-налоговой секции (1922 г.); ответственный секретарь губернского исполкома, редактор журнала ГСПС и ГЭС «Организованный труд», редактор бюллетеня губернского профсовета и губернского экономосовещания, редактор рабочей газеты ГСПС «Рабочий путь» (1923 г.).

Имя А. М. Рассаднева самым непосредственным образом связано и со значительной активностью в изучении истории нашей области, в исследовании и восстановлении забытых фактов общественной жизни и культуры прошлого. На протяжении ряда лет Александр Михайлович руководил созданным им же обществом краеведов, был издателем и редактором искусствоведческих книг и журналов: сборника «По Тульскому краю», журнала «Тульский край», книги-справочника «Вся Тула и Тульская губерния», книги «Декабристы-туляки», а также многочисленных брошюр справочного характера и произведений местных авторов. Спортивная общественность области с полным правом может утверждать, что А. М. Рассаднев — один из лучших пропагандистов и организаторов именно этой стороны жизни общества. Подтверждение этому то, что 35 лет своей жизни Александр Михайлович посвятил развитию спорта в области. В его послужном списке руководящая работа в спортивных обществах «Спартак», «Шахтер», «Труд» (директор велосипедно-конькобежной школы) и в областном комитете по физкультуре и спорту (зам. председателя по кадрам).

По-видимому, из всего многообразия спортивной жизни наибольшую привлекательность для Александра Михайловича представляли шахматы.

Впервые познакомился с шахматами Александр Михайлович в юношеском возрасте и сразу же захотел познать тонкости этой мудрой игры и потому все свободное время отдавал им. Одним из значительных событий в его шахматной жизни 20-х годов было участие во всероссийском турнире по переписке 1926—1928 гг. Недостаточный спортивный показатель выступления вполне компенсировался приобретенным опытом. Кстати, одна из партий А. М. Рассаднева в этом турнире с Наркомом обороны Н. В. Крыленко была прокомментирована в журнале «Шахматы в СССР» за 1928 год. В дальнейшем при возможности он приобретает шахматную литературу, изучает ее, повышая свое мастерство.

Но все же наибольшее признание Александр Михайлович получил как активнейший пропагандист и организатор шахматной жизни в городе. Например, исключительно массовой характер носили мероприятия, связанные с приездом в наш город выдающихся шахматистов: приезд после 2-го московского международного турнира чемпиона Венгрии А. Лилиентала; сеанса одновременной игры Д. Бронштейна, В. Смыслова, М. Ботвинника. Значительным событием был приезд летом 1936 года десяти мастеров (шахматисты-шашисты) ВЦСПС, в том числе заслуженного деятеля искусства РСФСР Е. Троицкого. Большое значение в деле популяризации шахмат

имели такие соревнования в г. Туле, как полуфинал ВЦСПС, всесоюзный турнир кандидатов в мастера, полуфинал первенства СССР (при участии В. Корчного, Ю. Авербаха и др.). Интересными и захватывающими были театрализованные представления «Живые шахматы». Значительную работу в организации и проведении этих шахматных мероприятий проделал непосредственно Александр Михайлович Рассаднев. Именно поэтому он первым в области получил в 1948 году звание судьи республиканской категории и прошел аттестацию на следующую судейскую категорию — всесоюзную.

Вся его деятельность была направлена на развитие массовости шахмат, рост спортивного мастерства туляков. Непревзойденные организаторские способности А. М. Рассаднева до настоящего времени наглядно демонстрируют большую значимость и необходимость присутствия подобной личности в любой сфере общественной жизни!

Часть 1. Дореволюционный период шахматной Тулы

1. О шахматах в мире в конце XIX — начале XX века

Становление и развитие шахматной жизни в Туле не могло не зависеть от отношения к шахматам в России и других странах.

Характерной чертой конца XIX века явилось повсеместное развитие интереса к шахматам, как в крупных, так и в провинциальных городах России. Побуждающими причинами стали сближение русской шахматной жизни с шахматной жизнью Европы и всего света, участие сильнейших шахматистов страны на международных турнирах, причем, не без успехов.

Обстоятельно и критично о шахматной жизни России того периода писал в «Шахматном вестнике» сильнейший шахматист и активнейший пропагандист шахмат Михаил Иванович Чигорин («Шахматный Вестник», 1885 г.).

«Внутри России, если глубже и внимательнее всматриваться в явления шахматной жизни ее, можно заметить несомненный прогресс. Явлений печальных в этой области остается, конечно, много, но прогресс все-таки несомненен. Еще не так давно в русских городах шахматная игра была почти неизвестна или незаметна; теперь — другое дело. В разных местах возникли клубы, общества, собрания, составляются турниры, ведутся партии по переписке. Во всех этих явлениях часто нет надлежащей прочности, устойчивости, общества мельчают и закрываются, партии прекращаются; но потребность уже есть, и общества опять открываются и новые явления шахматной жизни возникают...

Существует широко распространенное, твердо установившееся мнение, что у нас в России, сравнительно с западноевропейскими странами: Германией, Австрией, Францией, особенно же Англией и Северными Американскими Штатами, число любителей шахматной игры — ничтожно. И точно: видя открытую, живую и блестящую шахматную жизнь на Западе и ощущая, с другой стороны, непреодолимую вялость и мертвенность разных явлений шахматной жизни в России,— прийти к подобному заключению неудивительно.

Но будет ли это заключение верным или нет — другой вопрос. Шахматы исстари знакомы русским, и было бы удивительно предположить, что нет шахматистов на Руси. Легко может быть, что шахматистов на Руси достаточно и даже очень, да только мало шахматистов, не стесняющихся играть публично. Случалось ли вам наблюдать, как не любит русский шахматист играть на людях, публично, и как считает он себя, в случае проигрыша, навеки нерушимо опозоренным?

Отсюда — характерная разница между русским и заграничным шахматистом. По-

следний, приученный развитой общественностью не стесняться, что называется, учиться шахматам публично, пробуя в них свои силы без стеснения, берясь за теорию, за книжки,— и все это, конечно, для собственного удовольствия, в минуты досуга, тогда как наш шахматист избегает всякой публичности, играя только в своем закоулке...

Те, кто серьезно стали бы отстаивать вышеприведенную мысль о сравнительной многочисленности шахматных игроков в Западной Европе, показал бы тем самым незнание дела. Шахматистов там, может быть больше, чем у нас, но все они на виду, все действуют публично. Чуть заведутся в маленьком немецком городке N любители шахмат, сейчас же составят «кружок», «общество», которое примкнет к «германскому союзу», и все оказываются на счету. Оттого-то и кажется их особенно много. Это известно всякому, кому довелось присмотреться к шахматной жизни Запада. И большинство русских, полагающих, что в Германии-де во всяком городе — шахматный клуб, не имеет ясного представления о том, что такое подчас этот «клуб», и удивился бы, узнав, что в нем — всего 4 члена...»

И далее приводятся несколько примеров в доказательство того, «что существуют шахматисты на Руси, но в виде разрозненных кружков, самих собою удовлетворяющихся, ничего, кроме себя, знать не желающих, а потому и другим неизвестных. И сумма их деятельности не дает в результате живой и бойкой картины...»

Но в чем же состоит это различие между заграничной и нашей шахматной жизнью, что такое делают они, чего мы не делаем?

Ответ прост, различие очевидно.

Русские шахматные кружки начинают обыкновенно с большой горячностью, часто собираются и... играют; потом эта горячность понемногу остывает и, наконец, превращается в довольно солидное равнодушие. В заграничных кружках... мы, собственно, и не знаем, что делают эти кружки в будничные моменты своего существования; конечно, в них играют в шахматы, собираются не особенно часто, но постоянно. Но для нас дело не в том, и люди, внешние кружку, видят более интенсивные, более яркие проявления деятельности. Всякий маленький кружок там спешит заявить о своем существовании, и мы видим, что идет там ряд турниров, матчей и всяких шахматных развлечений, оживляющих однообразное течение дел.

И тепер нам невольно приходится спросить и себя самих и всех: неужели же у нас, в наших русских кружках невозможны эти, в сущности, простые проявления жизни, как турниры, матчи, конкурсы; неужели невозможно, чтобы в нашем русском кружке интересовались общими успехами шахматной жизни в целой стране и во всем свете?

Нужно сказать, что в указываемых нами явлениях заграничной шахматной жизни заключается не просто внешнее выражение стремлений ее, а и залог их устойчивости. Понять и признать это нетрудно... Люди собираются в общество для того, чтобы соединить, посредством передачи друг другу, свои силы и знания, чтобы быть друг другу полезными, чтобы достигать соединенными силами таких результатов, которые одному не под силу. И в этой общей работе, удесятеряющей силу отдельной личности, есть нечто удивительно привлекательное. Матчи, конкурсы, турниры и составляют в деле шахмат формы обмена между собою знаниями и наслаждениями, и в них члены шахматного общества находят то связующее, которое нелегко разорвать. Таким образом, повторяем, в бойких, живых формах заграничной шахматной жизни — залог их устойчивости.

В этом — решение нашего вопроса...»

Большое значение в деле развития шахмат в России М. И. Чигорин придавал необходимости основания Общероссийского шахматного союза. «Организация и деятельность!» — вот пароль и лозунг борца за будущее процветание шахмат в нашем отечестве. Недостаточно любить шахматы и работать над ними; нужно всем шахматным

любителям соединиться для достижения общих целей. Недостаточно соединяться в общества: нужно, чтобы общества эти жили полною жизнью, работали, сами шли и других вели вперед.

Перед нами прямо и открыто поставят вопрос: чего же мы хотим, что разумеем под вышесказанным? Если уж пошло бы дело о нашем личном мнении, о наших стремлениях, то мы поставили бы, не обвиняясь, не колеблясь, предложение радикальное, самое действительное,— основать Общероссийский шахматный союз, с ежегодными конгрессами и турнирами поочередно в разных городах...

Мы несколько не сомневаемся, что встретим многочисленные сомнения; мы заранее слышим обычные и привычные возражения: «Где же нам?», «Едва ли можно что-нибудь поделать...», «Ничего не выйдет!» и пр., и пр. Невозможно не сказать, что возражения подобного рода действительны, обычны и постоянны. Но на их ли стороне правда? Нам кажется, что сама позднейшая история шахмат на Руси служит опровержением всяких сомнений. Давно ли, кажется, было время, когда ни одного общества не было ни в одном русском городе, и лишь отдельные игроки являлись одиночными светилами на пустом шахматном русском небосклоне? Давно ли были те шестидесятые годы (XIX века), когда «шахматный листок», издававшийся при «Русском Слове» благодаря только исключительной любви к шахматам издателя этого журнала, не мог ничего дать своим читателям, кроме занимательных рассказов о путешествии Морфи по Европе, да партий в простейшем виде и изложении? (Нелишне, однако, заметить, что в Европе тогда только что разрасталось движение в пользу шахмат). И как мало было тогда в России хоть сколько-нибудь выдающихся игроков. А теперь? — в разных концах России возникают общества, число игроков первой силы растет; в провинции большие города не отстают от столиц... Конечно, не всем же быть Цукертортами, Андерсенами и Морфи; говоря серьезно, многие русские имена принадлежат игрокам, которые с честью выдержат состязание с заграничными, например, с парижскими...»

Благодаря пропагандистской и организаторской деятельности М. И. Чигорина и его сподвижников, в России в конце XIX и начале XX века повсеместно начали открываться шахматные кружки, общества. Названия этих объединений шахматных сил страны были существенно различными, например, общество любителей шахматной игры, общество поощрения шахматной игры, кружок любителей шахматной игры, шахматное собрание, шахматный кружок и т.п. Целевое же значение объединений оставалось неизменным, а именно, в уставах общества указывалось, что оно «имеет целью доставить возможность изучать шахматную игру как теоретически, так практически, в приспособленном для этого постоянном помещении, распространять ее, служить центром сближения любителей этой игры и лиц, сочувствующих цели Общества»

И далее в Уставах указывались права общества для выполнения его целевого назначения, в том числе (например, в уставе московского шахматного кружка):

«— устраивать шахматные вечера, зрелища, турниры, сеансы, конкурсы задач и другие шахматные состязания на призы и вообще принимать меры для поддержания и развития интереса к шахматной игре;

— устраивать литературные, музыкальные, танцевальные, семейные и детские вечера, маскарады, костюмированные балы, драматические произведения и различные спортивные зрелища;

— допускать в своем помещении, кроме шахмат, и другие игры, как то: шашки, карты (исключительно коммерческие игры или игры расчета, а именно — винт, вист, преферанс, пикет, безик, фалька, рамс, бб и мушка), лото, домино, билиард, барак, бикс;

— выписывать и самому предпринимать различные шахматные издания, а так-

же выписывать и приобретать для библиотеки Кружка литературно-политические издания;

— приглашать шахматных маэстро и известных шахматных деятелей для различных сеансов и лекций, а также и специалистов в различных областях науки и общественных деятелей для чтения лекций, которые служили бы к распространению среди членов Кружка широкой осведомленности и научных знаний».

Среди получивших широкую известность шахматных кружков с официально утвержденными уставами следует отметить кружки в С-Петербурге, Москве, Ташкенте, Харькове, Казани, Ревели (Таллин), Вильно (Вильнюс), Риге, Пярну, Варшаве, Виндаве (Вентспилс), Одессе, Киеве и др. городах. Следует заметить, что для получения официального статуса необходимо было приложить немало сил, доказывая градоначальнику отсутствие опасности со стороны кружка существующим порядкам и строю, что удавалось не во всех городах. Так, было известно, что существуют не санкционированные правительственными разрешениями шахматные кружки в Рыбинске, Курске, Ярославле, Феодосии, Омске, Орле и т.д.

Говоря о шахматах в провинции, М. И. Чигорин отмечал, что «наши сведения в этом отношении далеко не достигают желательной полноты, и мы убеждены, что на широком пространстве Русской Земли любителей шахматной игры гораздо больше, чем до сих пор было известно. В виде объединения шахматных русских сил, мы приглашаем все существующие кружки шахматистов, до которых дойдет наш голос, отозваться на посылаемый им привет, прислать о себе обстоятельные известия, с указанием мест, где собираются они для состязаний, чтобы каждый шахматист, приехавший в их город, мог легко найти своих собратьев по любви к благородной игре».

В 1908 году М. И. Чигорина не стало. Своего рода ответом на вышеупомянутый призыв М. И. Чигорина стали появляться новые официальные шахматные кружки в Вятке (Киров), Туле, Нижнем Новгороде, Пскове, Юрьеве (Тарту) и других городах.

Важным показателем развития шахмат в стране явилась организация в 1913 году Всероссийского шахматного общества. Соответствующее разрешение было получено после шестилетней упорной борьбы, потребовавшей много сил со стороны инициативной группы лиц во главе с Б. Е. Малютиным, председателем Петербургского шахматного собрания. Пришлось даже изменить название организации, т.к. предлагаемое ранее («Всероссийский шахматный союз») чем-то настораживало царское правительство. Как бы там ни было, а к апрелю 1914 года Общество насчитывало 65 единичных членов и примерно 800 коллективных, образовавших 22 провинциальных отделения. Одним из них являлось Тульское отделение.

2. Играл ли Левша в шахматы?

Известно о сообразительности, смекалке туляков, их трудолюбии и товариществе, что нашло отражение во множестве пословиц и поговорок.

Стремление развивать свои способности в сообразительности не могло не привить любви туляков к шахматам (шашкам), как одной из возможностей и способов совершенствования смекалки. К тому же эта игра дает возможность проверить свои способности в непосредственной борьбе с соперником (один на один), определить более сообразительного. Исторические факты донесли до нас немало примеров о талантливых самородках-шахматистах (шашкистах) туляках. Рассказывают, например, что Екатерининский фаворит «великий князь Тавриды» Г. А. Потемкин, один из вдохновителей и защитников ненавистного народу России крепостного режима, оставил следы в истории как организатор первых турниров в России, являясь большим любителем шахматной игры. Примечательно, что одним из его партнеров по игре был тульский купец, который по приказанию князя, находившегося в 1789 году в Молдавии, был специаль-

но выписан из Тулы как известный сильный игрок и впоследствии вынужден был сопровождать Г. А. Потемкина даже во время военных походов.

В общем, мастеровая Тула с давних времен полюбила эти игры. Верно ли это или нет, но говорят, что первым и сильнейшим игроком-шашистом был именно Левша, а потом уж и другие из умельцев-оружейников. Массовый характер приобретают порой эти сражения за доской на сообразительность. Кто на большее число ходов и точнее рассчитал позицию, тот и выиграл. Ну, а проиграл — освободи место! Дай возможность другому проверить свою силу в честной, бескомпромиссной борьбе. Именно, в честной борьбе! Об этом-то и забыл владелец Тульского Зареченского завода, когда во время одной из ежегодных ярмарок, проводимых до революции на месте теперешнего центрального рынка, сел играть с молодым металлистом Петром Буруновым. Петр уже многих соперников «высадил» из-за шашечной доски. «Горазд только с зелеными! — храбрился заводчик, начав играть со своим мастеровым. — Ходи-ка...» Однако уже через несколько ходов он стал задумываться, видя, что позиция с каждым ходом ухудшается. Из многочисленной толпы болельщиков послышались реплики, комментарии, смешки. Заводчик покраснел, нагнулся к Петру: «Ты того... проиграй... Даю 25 рублей». — «Нет, хозяин, не продаюсь», — смело ответил мастеровой и вскоре одержал победу. Проигравший представитель городской знати, уходя, злобно процедил: «Ты еще меня попомнишь...»

Вскоре Петр Бурунов оказался в колонне каторжан, сосланных в Сибирь, по сфабрикованному обвинению в краже хозяйского инструмента. Конечно, совсем несложно было в то время оклеветать человека, незаслуженно наказав, но лишить того, к чему он привязан всей душой — невозможно! И в каторжной тюрьме Петр Бурунов не расстался с шашками. Очень часто за самодельной доской он отводил душу с такими же заключенными, как и сам. Узнав о привязанности и силе игры Бурунова, начальник тюрьмы, сам большой любитель игры, вызвал однажды его к себе: «Сыграем?» — «Нет, с начальством не играю. Избавь меня, Господь. Учен». Услышав решительный отказ, начальник велел Петру Бурунову посмотреть в окно. Там Петр увидел, что надзиратели готовятся сечь одного из заключенных. Намек был ясен. «Хорошо. Я буду играть. Только на интерес». — «Какие же твои условия?» — «Выиграю все партии — отмените порку заключенных». — «А если проиграешь хоть одну, тогда велю пороть и тебя». — «Согласен». Теперь нужно было спастись от кровавой порки и товарищей по несчастью, и себя. Задача осложнялась еще тем, что не было оговорено количество играемых партий. Петр Бурунов играл чрезвычайно изобретательно и, выигрывая партию за партией, был неуязвим. Моральное удовлетворение и благожелательные взгляды товарищей, избавленных от унижения, были достаточной наградой за победу.

Молва о талантливом ссыльном шашисте распространилась по всей необъятной матушке-Сибири. Дошла она и до купца-миллионера Второва, решившего использовать талант туляка в своих целях. А именно: он послал от своего имени вызов московским мастерам, лучшим в России, сыграть матч по переписке, причем на довольно крупную ставку — 500 рублей. Разумеется, сам купец и не рассчитывал выигрывать у московских шашистов, но вполне резонно полагал, что это по силам Петру Бурунову. Москвичи, посчитав предложение Второва дерзким и самонадеянным, решили наказать «обитателя медвежьей берлоги» и дали согласие. Было это в 1896 году. Однако осуществить свой хитрый замысел купцу так и не удалось. Когда он с ответом от москвичей прискакал на тройке лошадей в тюрьму, Бурунова там не оказалось. Он сбежал.

Об этой судьбе туляка Петра Бурунова рассказал советский мастер Миклашевский. Однажды в 1930 году он оказался в далеком сибирском селе Артышево. В гостеприимной семье, в которой он остановился, его внимание привлекла шашечная доска, вырезанная на тяжелой деревянной двери. На естественную просьбу мастера

пояснить назначение этой доски, создающей впечатление фамильного герба семьи, хозяин дома сказал: «Эх, сынок, эти шашки меня и в Сибирь на каторгу привели». Это был Петр Бурунов, способный в прошлом шашкист-самородок тульской земли.

Грустная история. Самобытный талант выходца из народа не получил должного развития. Да иначе и не могло быть в условиях царской России, когда шашки и шахматы не пользовались практически никакой поддержкой, что, безусловно, тормозило их развитие.

Один из представителей шахматно-шашечной жизни Тулы конца XIX века писал: «В Туле существует некоторое подобие шахматного кружка, не имеющее, однако, не только правильной, но даже никакой организации. Существует несколько игроков, появляющихся... очень редко; есть и такие, о которых мы знаем по слухам... И если взять приблизительное число всех здешних игроков, то их окажется, пожалуй, не менее 25...»

По-видимому, такое положение дел и явилось причиной нижеследующего обобщения, данного в «Шахматном Вестнике» в 1885 году великим русским шахматистом Михаилом Ивановичем Чигориным: «Есть ли шахматисты в Туле? По-видимому, нет, не было и едва ли будут». Этими словами М. И. Чигорин, во-первых, подчеркивал полное отсутствие в Туле какой-либо шахматной жизни вообще и, во-вторых, выразил сомнение возможности появления в Туле сильных игроков, способных войти в число лучших мастеров России.

В настоящее время нам, тулякам, приятно осознавать, что эти сомнения М. И. Чигорина оказались несостоятельными. Но, чтобы опровергнуть их, понадобилось несколько десятилетий.

3. Организация и устав шахматного общества

15 января 1909 года на первой странице газеты «Тульская Молва» (редактор — издатель Дмитрий Иванович Фортунатов) прямо под ее названием было помещено следующее объявление: «В Туле предполагается организовать Кружок любителей шахматной игры, почему покорнейше просят лиц, желающих быть членами этого кружка, сообщить адреса в контору редакции «Тульской Молвы», для шахматиста. Заявления просят посылать немедленно, не позднее 1-го февраля с.г.»

Объявление вызвало повышенный интерес у читателей, т.е. никогда ранее в тульской прессе о шахматах и не упоминалось, что говорит об отсутствии до того времени какой-либо организованной шахматной жизни. Любители шахмат довольствовались игрой со своими знакомыми, порою слабыми игроками. Такая игра только усыпляла шахматную мысль, становилась неинтересной, и шахматы оставались в покое. Иногда более сильным игрокам удавалось собрать вокруг себя несколько шахматистов и устраивать между собою небольшие состязания. Однако за отсутствием общественного места такие кружки скоро распались.

В результате предпринимаемых инициативной группой настойчивых усилий для официального признания организации шахматистов 30 августа 1909 года «...в заседании Тульского Губернского по делам об обществах Присутствия» был рассмотрен предлагаемый Устав Тульского Шахматного Общества и «...регистрация общества разрешена». 5 сентября 1909 года (дата подписания документа Вице-губернатором Лопухиным В. А., и.д. Губернатора) является началом отсчета существования Тульского Шахматного Общества (ТШО).

К сожалению, нельзя с полной достоверностью указать инициаторов образования ТШО, т.к. никаких материалов о деятельности этого общества в областном архиве не оказалось. Более того, в Туле нет даже «Устава ТШО», и для знакомства с ним пришлось воспользоваться фондами Государственной библиотеки СССР имени

В. И. Ленина. Обычно в материалах уставов указывались фамилии и данные о социальном положении подготовивших этот документ. «Устав ТШО» такой информации почему-то не содержал. И лишь по заметке, опубликованной в 1926 году (через 17 лет!) в тульской губернской газете «Коммунар», можно узнать, что «...инициаторами этого дела были доктор К. Н. Юргенсон, М. С. Сорокин, П. Е. Ползиков, А. В. Трубленков и другие».

Небезынтересно ознакомиться с некоторыми параграфами «Устава ТШО». Так, например, указывалось, что членами общества «могут быть лица всех сословий обоюбого пола за исключением:

- не достигших совершеннолетнего возраста;
- учащихся в средних и низших учебных заведениях;
- юнкеров и нижних чинов, состоящих на действительной службе».

Следует заметить, что лишь несколькими годами ранее в уставах в число указанных пунктов исключения входили также лица женского пола. Выводы по этому факту читатель сделает сам.

Для вступления в члены Общества необходимо было предварительно получить письменные рекомендации 3-х членов. «Затем Правление выставляет в помещении Общества на видном месте объявление о баллотировке кандидата. Баллотировка производится в ближайшем Общем Собрании, но не ранее 7-дневного срока со дня объявления. Для избрания требуется большинство 3/4 голосов присутствующих при наличии 2/3 общего числа членов». Не правда ли — такая система по нынешним меркам для любого существующего общества выглядит неправдоподобной.

Кроме почетных и действительных членов ТШО, право посещать помещение общества получали также так называемые «гости» при условии рекомендации каждого из них «двумя членами, принимающими на себя ответственность пред Обществом за поведение гостя».

В части финансовой основы деятельности общества в «Уставе ТШО» указано, что средства «Общества составляют: взносы членов и гостей; штрафные деньги и плата за вход в помещение Общества в особо установленных Общим Собранием случаях». На этой стороне жизни Общества стоит остановиться несколько подробнее, т.к. экономическим критерием его существования была самоокупаемость. К сожалению, никаких финансовых отчетов Правления ТШО отыскать не удалось. Однако можно предполагать о примерно одинаковых приходно-расходных показателях шахматных обществ Тулы и других провинциальных городов России. Ознакомимся, например, с финансовым отчетом за 1909 год, представленным Общему Собранию Правлением Общества Любителей Шахматной игры в г. Казани, отметившем в том году 25-летний юбилей своего существования.

В том отчете, при общем балансе в 70958 рублей основными статьями расходов в течение года явились следующие: расходы по кухне (провизия, припасы, дрова, жалованье поварам) — 20403 руб.; наем зимнего и летнего помещений (с перевозкой мебели, ремонтными работами и чисткой ретиратов, полов и т.п.) — 6686 руб.; отопление и освещение — 3155 руб.; жалованье официантам, маркеру, конторщику, помощнику конторщика, буфетчику закусочному, буфетчицам чайным двум, библиотекарям двоим, швейцарам двоим, заведующему движимым имуществом, рассыльному, самоварщику, посуднице, девушке — 6453 руб.; награды к празднику конторщику и другим — 540 руб.; выписка газет и журналов, покупка новых книг и переплет старых — 2469 руб.; покупка буфетной продукции (закуски, чай, сахар, кофе, шоколад, сливки, лимоны, фрукты, пирожные, папиросы, пиво, минеральные воды и т.д.) — 6161 руб.; покупка винно-водочных — 1954 руб.; покупка карт — 7284 руб.; покупка биллиарда, киев и шаров (и ремонт) — 1561 руб.; покупка мебели, костюмов

служащим — 910 руб.; покупка посуды, столовых приборов и т.п. — 933 руб.; шахматному Комитету — 466 руб.; пожертвования — 600 руб.

Приведенные цифры позволяют судить не только об относительных величинах расходов, но и привести их через некоторые товарные эталоны (например, продовольственные товары: 1 фунт икры паюсной стоил примерно 1 р. 50 к., осетрины — 32 к., сыра — 70 к., масла сливочного — 44 к., колбасы — 28 к., телятины — 11 к., риса — 7 к., сахара — 40 к., кофе — 86 к. и т.д.) к существующему в настоящее время уровню цен.

Приходными статьями бюджета являлись: членские взносы — 3900 руб.; плата за вход гостей постоянных 320 руб; плата за вход гостей разовых 836 руб; отпуск завтраков, обедов и порций — 21205 руб.; штрафы — 7450 руб.; от игры в карты — 15426 руб.; от игры на бильярдах — 1348 руб.; доходы за ценные бумаги — 1178 руб; от продажи винно-водочных продуктов — 4671 руб.; от продажи пива и вод — 2189 руб., от продажи чая, кофе, шоколада и сливок — 1473 руб.; от продажи закусок, пирожных, фруктов — 1650 руб. и т.д.

Несложно заметить, что наиболее значимыми статьями расходно-приходного бюджета являются суммы от работы кухни и буфета, а также от игры в карты и бильярд, что получило отражение в Уставе Общества. Там указывалось, что «в помещении Общества, кроме игры в шахматы, допускаются все другие игры, за исключением азартных или таких, о воспрещении которых в общественных собраниях состоялось правительственное распоряжение» и «в помещении Общества должны быть отведены комнаты для игры в шахматы и шашки, а равно как для игры в карты и на бильярде, причем в каждой из этих комнат, кроме предназначенной игры, никакие другие игры не дозволяются».

В «Уставе ТШО» подобных параграфов не значится, что, однако, не дает возможности утверждать об отсутствии в помещении общества других (кроме шахмат и шашек) игр и, соответственно, об отсутствии доходов от них и от работы буфета или кухни.

Дополнительно же известно, что для обеспечения средств Общества в соответствии с Уставом «действительные члены ежегодно вносят в кассу Общества сумму, определяемую Общим Собранием, каковая впредь до изменения устанавливается в размере не менее 5 рублей». Сумма, скажем прямо, немаленькая. Так, например, карманные часы швейцарской фирмы «Мозер» стоили 2 руб.70 коп.

Некоторое недоумение может вызвать такая статья доходов ТШО как штрафные деньги. На этот счет в Уставе Общества (в разделе «Внутренний распорядок в помещении ТШО») в указанных параграфах записано следующее:

44. Время, когда помещение ТШО открыто, определяется Общим Собранием.

45. Пребывание в сем помещении позже срока, определенного Общим Собранием, облагается штрафом.

46. Штрафные деньги уплачиваются посетителями при выходе из помещения ТШО и записываются в особую шнуровую книгу. Посетители, не уплатившие штрафных денег, обязаны уплатить их при следующем посещении при входе в помещение, без чего они в последнее не допускаются».

В «Уставе ТШО» не указаны конкретные часы работы общества и величина за нарушение внутреннего распорядка. Однако вполне можно допустить, что они аналогичны изложенным в Уставе общества в г. Казани: «Пребывание в помещении Общества разрешается до 1 час 30 мин пополуночи. Остающиеся после сего времени посетители платят при выходе штраф в пользу общества по следующему распределению: за первые полчаса — 30 коп, за вторые полчаса — 90 коп, за третьи — 2.10 руб, за четвертые — 4.5 руб, за пятые — 9.3 руб, за шестые — 19.9 руб, за седьмые полчаса — 38.1 руб. Через четверть часа после истечения последнего штрафа, т.е. в 5 часов

утра, собрание обязательно закрывается». Приведенные суммы налагаемого штрафа, естественно, по карману только состоятельным людям. Комментарии, как говорится, излишни.

Несколько слов об управлении делами ТШО. Так вот, функции управления Уставом Общества возложены на Общее Собрание членов и Правления, до выбора которого делами управляют учредители. Состав Правления избирается в годовом Общем Собрании баллотировкой «шарами каждого из намеченных кандидатов; семь получивших наибольшее число голосов облакаются званием членов Правления. Следующие за ними по числу голосов лица признаются кандидатами в члены Правления». Члены Правления на первом же заседании распределяют между собой на весь предстоящий год функции председателя, его заместителя (тогда назывался «товарищем Председателя»), казначея, трех заведующих турнирной частью и секретаря с соответствующими им обязанностями, подробно расписанными в Уставе.

Вместе с Правлением на годовом общем собрании избиралась Ревизионная Комиссия из 3-х членов и 3-х кандидатов. Порядок их избрания аналогичен выдвижению членов Правления. В задачи Ревизионной Комиссии входила проверка в конце года «всех книг и счетоводства, сличение оправдательных документов с произведенными расходами, рассматривает все статьи прихода и расхода по существу, ревизует библиотеку и инвентарь, за неделю до годового общего собрания она рассматривает годовой отчет Правления и смету на будущий год; докладывает в Общем Собрании свои заключения по означенным предметам».

Итак, мы ознакомились с основными особенностями жизнедеятельности Тульского Шахматного Общества, изложенными в его Уставе, состоящем из 51 параграфа. Некоторым дополнением, весьма характерным для шахматных кружков в различных городах России, могут служить примечания к параграфам Устава Московского Шахматного Кружка, зарегистрированного 13 мая 1909 года:

Примечание 1. Устройство драматических представлений, литературных чтений и т.п. допускается не иначе, как с соблюдением изданных на этот предмет правил.

Примечание 2. Лекции, чтения и беседы устраиваются в Кружке не иначе, как с особого каждый раз дозволения подлежащей власти и по одобрению ею программы.

Примечание 3. Для представителя полиции назначается соответствующее кресло на каждый устраиваемый публичный вечер.

Параграф 54. Если деятельность общества угрожает общественной безопасности или спокойствию или принимает явно безнравственное направление, градоначальник вправе приостановить собственной властью действие общества, о закрытии его предложить на разрешение губернского или городского по делам об обществах Присутствия».

Эти строки еще раз подтверждают, что деятельность любого шахматного кружка или общества в царской России находилась под неусыпным оком» блюстителей порядка».

С социальной точки зрения немаловажным показателем функционирования шахматных обществ была их благотворительная деятельность, выражающаяся в пожертвованиях относительно больших сумм денег нуждающимся учреждениям — детским приютам, домам трудолюбия и т.п. Так, например, по отчетам Общества в г. Казани выделено: 500 рублей в пользу погорельцев города (1899 г.), 388 рублей детской школе и дому Трудолюбия (1893 г.) и 586 рублей в 1897 г., 500 рублей Ольгинскому детскому приюту (1909 г.) и т.д. Эти средства складывались, в частности, из доходов от игры в бильярд, от вин и членских взносов (в размере 10 %), от карт — 30 коп с игры), причем наиболее весомую часть составлял доход от карт. Поэтому вполне понятно назначение нижеследующего примечания к параграфу «Устава Московского Шахматного Кружка» (от 13 мая 1909 г.):

«В кружке не допускается употребление запрещенных карт, каковы суть:

а) иностранные; б) выделанные на тайных фабриках; в) имеющие поддельные штампы; г) поигранные без бандеролей или же с разорванными бандеролями и обертками. На этом основании строго запрещается подача поигранных карт для вторичной игры без оклейки их особой бандеролью ведомства императрицы Марии и уступка поигранных карт за уменьшенную цену, как членам кружка, так и посторонним лицам. За нарушение этих правил Кружок подлежал штрафу в пользу открывателя нарушения, определенному в законе за продажу запрещенных карт (П.С.З 1876 г. № 557557 и 1888 г. № 5221; Сборн. Узак, 1896 г. № 113 ст. 1285). Комитет обязан строго наблюдать за исполнением опубликованных в № 8 ст. 93 Сборн. Узак 1897 г. Правил об употреблении игральные карт».

Так уж получается порою, что интересную информацию можно получить по данным, будто бы и не связанным с искомыми материалами. Например, можно прийти ко вполне определенным выводам о количестве членов общества, их материальном благосостоянии, о продолжительности работы кружка и т.п. по номенклатуре и количеству закупаемого буфетом этого кружка продовольствия. Материалом для размышления могут быть данные из отчета общества в Казани за 1899 г. Итак, куплено

Наименование продукта		сумма
Икра паюсная	291 ф	438.26
Икра свежая	35.5 ф	53.40
Икра щучья	7 ф	30
Балык	2 ф	2.40
Белорыбица	60.5 ф	39.72
Семга	167.5 ф	63.59
Стерлядь	20.75 ф	7.27
Осетрина	84.25 ф	26.79
Севрюга	142.75 ф	36.98
Судак свежий	207.75 ф	2.33
Белуга	18 ф	4.73
Корюшка и навага	38.5 ф	5.63
Вобла		6.10
Сельдь		17.00
Копчусек		6.20
Пузанков		3.60
Минога		4.55
Сардина		38.15
Скумбрия		3.20
Шпроты		18.15
Анчоусы		2.75
Омары и раковые шейки		2.65
Султанок		0.45
Сыр швейцарский	118.75 ф	83.27
Сыр бри		4.80
Сыр «Честер» и др.	40 ф	1.93
Сырки	80.75 ф	24.54
Масло сливочное	85.75 ф	36.84
Масло скоромного	15 ф	4.51
Масло прованское и горчичное	2 ф	1.04

Ветчина	322 ф	77.80
Колбаса разная	336 ф	95.02
Телятина	146 ф	15.63
Поросята и зайцы		8.00
Печень телячья		0.65
Дичь разная		4.10
Солонина	58 ф	6.87
Яйцо	2238 шт	51.93
Кулич и пасха		3.00
Хлеб белый		168.58
Рис	5 ф	0.35
Огурцы	600 шт	3.30
Помидоры	110 шт	3.70
Редис	1414 шт	12.93
Зелень		5.31
Лук испанский		1.10
Капуста свежая и соленая		3.63
Грибы и грузди	133.5 ф	25.40
Маслины	3 ф	0.95
Мятные лепешки	7 ф	4.90
Сахарный песок	47 ф	7.10
Миндаль	12 ф	5.60
Уксус рейнский		0.75
Корица и гвоздика		1.60
Желатин	2.5 ф	2.60
Ножка телячья		5.05
Раки	100 шт	1.70
Маринады		4.31
Чай	78.75 ф	143.10
Сахар		228.15
Шоколад	1 ф	0.90
Сливки и молоко		170.09
Кофе	51.5 ф	44.20
Лимоны	1331 шт	58.35
Фрукты		258.54
Пирожное и сухари		231.31
Папиросы и сигары		273.8
Устрицы		40.07
Вино		2034.26
Водка, коньяк, ликер		661.32
Пиво		580.73
Минеральная вода		225.40

4. Первые соревнования

«Смело можно надеяться, что Общество не заглохнет и будет развиваться и увеличиваться». Этими словами заканчивалась заметка в газете «Тульская Молва» о первом дне работы Тульского Шахматного Общества.

После многочисленных объявлений об организации кружка любителей шахматной игры, публиковавшихся в «Тульской Молве» с января, после утверждения «Устава ТШО» в августе-сентябре, в понедельник 9-го ноября 1909 года состоялось официальное открытие деятельности Общества. Разместилось оно в здании Тульского Общественного Собрания (бывший клуб торговых служащих), находившемся в Сапуновском переулке (ныне на этом месте построен Дом Советов). Были опасения, что репутация демократичности выбранного места размещения общества явится некоторым препятствием для вовлечения в него шахматистов из числа интеллигенции. Однако этого не произошло, и на открытие собрались почти все вступившие в ТШО члены. К сожалению, документальных материалов о первом организационном собрании по выбору членов правления, ревизионной комиссии и другим вопросам разыскать не удалось. Известно лишь, что казначеем общества стал Сорокин М. С., работавший в типографии «Тульской Молвы», а председателем — Иванов М. М. Кем он был по своему социальному положению? Этого точно установить не удалось. В этой связи представляет интерес следующая заметка в «Тульской Молве» за 19 июля 1914 года в разделе «По клубам»: «Председатель совета старшин купеческого клуба М. М. Иванов подал заявление о сложении своих полномочий». Остается не без оснований предположить, что в обоих случаях говорится об одном и том же человеке. Любопытно то, что среди участников шахматных турниров дореволюционной Тулы этой фамилии не встречалось. По-видимому, председатель ТШО довольно слабо играл в шахматы, но по каким-то причинам покровительствовал их развитию.

Днями проведения шахматных вечеров были выбраны понедельник и пятница.

В первый же день организаторы начали комплектовать группу для проведения шахматного турнира. Для образования 3-х призов победителям этого турнира необходимо было внести турнирный взнос в размере 1 рубль.

За обсуждением насущных проблем шахматной жизни в Туле и других городах, за проведением «легких» партий и их анализом (участники играли на 9 столах) незаметно пролетел этот вечер, хотя клуб работал до 1 часа ночи. Шахматная общественность Тулы получила реальную возможность, как отмечено выше, «развиваться и увеличиваться». И немаловажное значение в этом плане имела появившаяся в газете «Тульская Молва» с 11-го ноября новая рубрика «Шахматы», материалы для которой готовили Трубленков А. В. и Сорокин М. С.

В начавшемся 11 декабря первом турнире ТШО, названном «зимним» первенством, приняли участие 14 шахматистов. Играли в один круг, что позволило уже к 5 марта 1910 года подвести некоторые итоги. Первое и второе места поделили Василевский К. П. и Струков Н. А., набравшие по 9.5 очков, а третье и четвертое места (с результатом 9 очков) — Трубленков А. В. и Сорокин М. С. Все четверо награждены призами как победители турнира. Помимо них, специальным призом награжден Ткачев Д. В. — за наилучший результат с призерами (выиграл у Василевского, Струкова и Сорокина). В проведенных впоследствии матчах победители, соответственно, Василевский К. П. и Трубленков А. В.

С целью попытки проведения турниров по классификационному принципу, 19 февраля 1910 года начался «параллельный» турнир, в который были допущены шахматисты, набравшие в «зимнем» первенстве менее 50 % возможных очков или совсем не участвовавшие в нем.

В период с конца апреля по начало сентября ТШО всегда перебазировывалось в

летний театр Общественного Собрания, размещавшийся в саду на Старо-Дворянской улице (сейчас ул. Бундурина) рядом с городским Белоусовским парком. Этот летний театр был примечателен для туляков тем, что там состоялись многочисленные гастрольные выступления артистических трупп (артисты Императорского Малого театра, Императорской филармонии, ростовского, витебского, киевского и других театров, хора известного композитора, бывшего хормейстера С-Петербургской Императорской Консерватории Г. М. Давидовского и другие мероприятия). В настоящее время на месте сада находится жилой массив (район улиц Бундурина, Первомайской и Софьи Перовской).

Большое внимание тульской шахматной общественности привлек «осенний» турнир, проходивший в октябре-декабре 1910 года. Победители награждены шахматной литературой. Жетон чемпиона и «Сборник партий С-Петербургского международного шахматного конгресса» («в изящном переплете с золотым тиснением»), пожертвованный председателем Общества Ивановым М. М., получил Кроткий Б. Ю. Второй приз («Избранные партии доктора Тарраша») завоевал Трубленков А. В. Третьим победителем оказался Сорокин М. С. Ему вручены «Сборник партий третьего Всероссийского турнира» и альманах «Черный король». Специального приза — за наилучший результат игры с призерами — удостоен Струков Н. А., получивший «Первый альманах Лодзинского Шахматного Общества».

Особое значение в деле пропаганды и развития шахмат имел областной турнир 1911 года, в котором приняли участие сильнейшие шахматисты не только Тулы, но и других городов — Белева, Скопина (сейчас Чекалин) и Калуги. Победителем турнира вышел Трубленков А. В. Второе и третье места, соответственно, заняли Алферов В. Н. (Скопино) и Устрялов М. В. (Калуга).

Учитывая сравнительно большое различие в силе игры членов ТШО, с 1912 года стали практиковаться турниры-гандикапы, например, с дачей вперед слабейшим категориям по 1, 2 или 3 очка. Другой распространенной в России тех лет формой турниров-гандикапов была следующая: 1-я категория дает второй (так же соответственно остальные категории последующим) пешку и ход, третьей — пешку и 2 хода, четвертой — коня и пятой — ладью. В закончившемся в марте подобном турнире 1-й и 2-й приз разделили Б. Ю. Кроткий и М. С. Сорокин, 3-й приз получил А. Г. Н. (автор корреспонденции в «Тульской Молве» решил почему-то ограничиться лишь инициалами этого участника, по-видимому, имея в виду Гнутова А. Н.). Четвертый приз «неожиданно» завоевал И. И. Богатырев, проведший с большим подъемом ряд своих партий.

Важное значение для становления общества сыграли гастроли известных шахматных лидеров России — А. А. Алехина, Ф. И. Дуз-Хотимирского и В. Ф. Острогского (подробнее об этом смотри ниже), сыгравших в общей сложности 174 партии. Следует отметить, что поскольку «бюджет общества слагается исключительно из членских взносов и колеблется в незначительной сумме, то будет очевидно, что большего требовать невозможно» («Тульская Молва» за 16 марта 1912 года).

В целом, как отмечалось на общем годовом собрании общества 16 марта 1912 года, за прошедший период ТШО проявило себя достаточно энергичной деятельностью. Было проведено 7 местных и один областной турнир.

Как указывалось выше, членский взнос составлял 5 рублей в год — сумма немалая по тем временам. Для дальнейшего привлечения к участию в ТШО более широкого круга шахматистов Правлению Общества поручено рассмотреть возможность снижения членского взноса с 5 до 3 рублей.

Второй турнир-гандикап начался 6 апреля 1912 года при участии 16 любителей. Для поощрения предусмотрено 7 призов, в том числе один за наилучший результат с призерами и один за объявление мата, которые, соответственно местам, получили следующие участники («Тульская Молва» за 14 сентября): Трубленков А. В., Гну-

тов А. Н., Сорокин М. С., Струков Н. А., Ползиков П. Г. и Архангельский Н. И. «Призы заключались в изящных золотых и серебряных жетонах».

Возросший интерес к шахматной игре проявился в том, что двух шахматных вечеров в неделю в помещении Общественного Собрания тульским любителям оказалось уже недостаточно и потому «по средам с 8.30 часов вечера игра происходит на квартире Н. А. Струкова («Тульская Молва», 14 сентября 1912 г.).

Многочисленные турниры и выступления известных маэстро, безусловно, способствовали росту мастерства всех тульских любителей и особенно из числа наиболее одаренных. Стали практиковаться сеансы одновременной игры сильнейших местных игроков. Первую попытку осуществил Василевский К. П., хорошо известный своими успешными выступлениями в партиях с московскими шахматистами 1-й категории. Результат этой встречи, состоявшийся 1 июня 1912 года, следующий: семь партий выиграны, одна закончилась вничью и лишь одна проиграна. Впоследствии с сеансами выступали также Трубленков А. В., Сорокин М. С., Гнутов А. Н., Струков Н. А. и другие. Опыт тульских любителей неуклонно возрастал, поэтому особого удивления не вызвал результат московского шахматиста Цветаева, решившегося в августе 1912 года дать сеанс одновременной игры в ТШО: из восьми сыгранных партий ему удалось только в 2-х партиях одержать победу, признав себя побежденным в остальных.

По традиции в ноябре 1912 года начался очередной «осенний» турнир с взносами по 2 рубля на призы победителям. Условиями турнира предусматривались и два специальных приза: один, так называемый «утешительный», для не бравших до того времени призов и другой за наилучший результат игры с призерами. Впервые 10 турнире блестяще выступил Трубленков А. В., выигравший все партии. Вторым стал Гнутов А. Н. (также с очень высоким результатом — 16 очков из 18). 3—5 места, набрав по 11 очков, поделили Архангельский Н. И., Ползиков П. Г. и Струков Н. А. Шестой приз завоевал доктор медицины Базинер А. Ф., для которого данный турнир явился последним выступлением (в ноябре он скончался). Приз на наилучший результат с призерами получил Гольдман А. Э.

К сожалению, найти информацию о дальнейших событиях шахматной жизни Тулы оказалось практически невозможным: источник в виде рубрики «Шахматы» в газете «Тульская Молва» с июля 1913 года перестал существовать. Одной из возможных причин этого является выезд из Тулы одного из учредителей общества Сорокина М. С., работавшего ранее в типографии этой газеты. На очередном собрании членов ТШО в феврале 1914 года Сорокин М. С. «закрытой баллотировкой единогласно избран почетным членом общества». Лишь ненадолго в марте 1914 года в газете появилось несколько заметок о переговорах с чемпионом мира по шахматам Эммануилом Ласкером по вопросу проведения в Туле сеанса одновременной игры. Следует отметить, что благодаря «Тульской Молве» шахматисты Тулы в течение 1909—1912 годов получали довольно обширную информацию о событиях в городе, стране и даже за рубежом. В ней было помещено также большое количество задач (более 90), особенно в 1911 году (опубликовано около 50 задач).

В течение империалистической войны 1914—1917 годов шахматная жизнь в Туле, как и во многих городах России, почти замерла. Не без юмора можно считать, что наиболее заметным шахматным событием того периода было мероприятие, о котором извещала «Тульская Молва» 8-го октября 1917 года: «10, 11 и 12 октября вся Тула должна смотреть это чудо-картину «ШАХ И МАТ КОРОЛЮ» (царство фантазии и любви) с участием графини Джоржины ди Фрассо и более 2000 животных и зверей. 1 часть — «Король и пешки», 2 — «Пешка сильнее короля», 3 — «Правда в фантазии», 4 — «Шах королю», 5 — «Мат королю». Покупайте раньше билеты, чтоб

не стоять в очереди. Цены мест: 1-м — 2 рубля, 2-м — 1,50 руб., 3-м — 1 руб., ученические и солдатские цены только на 1-й сеанс. В театре играет оркестр Всероссийского союза оркестров. Импровизатор — пианист В. В. Воронцов. Иллюстраторша — пианистка Л. Сыромахина...» Фильм демонстрировался в «единственном первоклассном театре «XX век», на местоположении которого теперь находится кинотеатр «Родина» (проспект Ленина). Старожилы города помнят размещавшиеся здесь кинотеатр (называвшийся в последнее время «Пионер») и могут судить, что же представляли собой в дореволюционное время «общедоступные кинотеатры». Кстати, из семи электротeatров дореволюционной Тулы в последующее время функционировал (конечно, после некоторых реконструкций) только «Спартак», называвшийся ранее «Свет». Другие же оказались в местах существенных перестроек и в панораме сегодняшней Тулы трудно даже указать место, где находились «Триумф» (ранее назывался «Феномен») — на ул. Воздвиженская (сейчас ул. Революции), «Модерн» — на углу Киевской и Посольской улиц (сейчас проспекта Ленина и Советской), «Новь» — на Арсенальной площади в Заречье, «Ренессанс» — в Нижнем городском Кремлевском саду и «Модерн» в Петровском (сейчас Комсомольском) парке.

Неизвестно, какие аспекты шахматной игры могла продемонстрировать тульским любителям графиня Джорджина ди Фрассо в фильме «Шах и мат королю», но само название фильма, безусловно, представляло интерес.

Все же к концу Мировой войны отдельным любителям удалось организовать турнир, результаты которого указали на появление среди любителей новых молодых шахматных сил. Так, например, 3-м призером стал Немлиндер, а 4-м — Кардыш.

5. Гастроли в Туле выдающихся шахматистов

Одной из форм работы шахматного общества в Туле, способствующей вовлечению в его ряды новых любителей, была организация выступлений с сеансами одновременной игры сильных иногородних шахматистов или, как их называли тогда, шахматных маэстро.

К большому удовольствию организаторов ТШО и всех туляков-шахматистов, эту традицию в городе русских оружейников открыл молодой (18-летний), но уже подававший большие надежды будущий чемпион мира **Александр Алехин**. На Всероссийском шахматном турнире в Петербурге в 1909 году Алехин А. А., успешно проведя все соревнования (проиграл только одну партию), завоевал и 1-й приз, и звание маэстро.

Тула была вторым городом после Москвы, пригласившим нового маэстро. Предварительно согласованная программа выступления была рассчитана на 3 дня пребывания: первый и третий дни — сеансы одновременной игры против неограниченного количества участников, второй день — проведение двух консультационных партий с сильнейшими местными шахматистами.

Алехин А. А. прибыл в Тулу в понедельник 22-го февраля (по старому стилю) 1910 года. В то время в «справочном отделе» газеты «Тульская Молва» общественность города регулярно извещалась о прибывших и выбывших гостях Тулы. Например, «В Тулу прибыли А. М. Агласов дворянин, Б. А. Добротворский дворянин, К. И. Блюмберг агроном...» К большому сожалению, посещение города именитым шахматистом осталось в этом плане не отмеченным прессой. Впрочем, это еще раз иллюстрирует существование социального неравенства.

Шахматная же общественность города сделала все возможное, чтобы сделать для Алехина А. А. пребывание в Туле памятным и приятным. Он был поселен во вновь открытой (в декабре 1909 г.) переоборудованной первоклассной гостинице-ресторане «Артель» (бывшей «Петербургской»), находящейся в «красивом живописном месте, против Кремля» (в настоящее время это здание снесено — находилось на углу про-

спекта Ленина и Менделеевской). Помимо удобств самой гостиницы (лучшей в Туле), удовлетворение вызывала и ее близость к Общественному Собранию (примерно 250 метров), где планировались выступления маэстро в довольно позднее время (с 9 часов вечера). А ресторан гостиницы привлекал хорошей недорогой кухней. Например, обед стоимостью в 1р. 50 к. включал в себя следующие блюда: «1) Суп крем Палестин или Консоме. Пирожки 2) Котлеты Велеруа 3) Стерлядь Шамбор 4) Жаркое куропатки. Соленые разные. 5) Парфе абрикосовое 6) Кофе». Хотя с точки зрения современной кулинарии наличие французских названий блюд мало о чем говорит, но вполне можно допустить, что кулинарное мастерство в ресторане было на высоте.

В первый же день пребывания Алехина А. А. в помещении Общественного Собрания царило небывалое оживление. Как писала «Тульская Молва»: «...для любителя-шахматиста возможность лично состязаться с маэстро представляет жгучий интерес, и тульские любители выставили все свои силы. Были также любители, приезжавшие исключительно для игры из уездов Тульской губернии и один из Рязанской губернии... Большой зал общественного собрания был весь уставлен столами и почти каждый стол с игроками окружен зрителями...» Честь туляков защищали 23 шахматиста, но маэстро играл очень легко и быстро, так что несколько партий уже закончил в свою пользу в течение первого часа игры. О быстроте проведения сеанса говорит тот факт, что попытка одного из свободного от игры любителя шахмат записать все партии окончилась неудачей. Хотя на этот счет имеется и другая информация. Так, например, Н. Михайлов в статье «Забывшие страницы» (журнал «Шахматы в СССР», 1970 г., № 5) приводит две выигранные А. А. Алехиным в этом сеансе партии с К. Василевским и Н. Кротким.

Некоторые тульские шахматисты оказали Алехину серьезное сопротивление и к исходу четвертого часа игры (сеанс закончился в 1 час ночи) оказалось, что туляки отобрали у маэстро 3 очка: Алферов В. Н., Архангельский Н. И., Гандмахер Б. Э. и Сладков А. Г. свели свои партии вничью, а Струков Н. А. даже выиграл. После встречи, на просьбу одного из любителей дать оценку шахматной силы туляков, Алехин А. А. ответил, что в сеансе одновременной игры московские шахматисты играют не сильнее, и в качестве примера привел результаты проведенного им тремя днями ранее в Москве сеанса: +18–1=3.

23 февраля утром Алехин А. А. провел незапланированную встречу с одним из сильнейших шахматистов Василевским К. П. В сыгранной тренировочной партии лишь небольшая неточность черных, избравших в дебюте французскую защиту, позволила Алехину А. А. полностью завладеть инициативой и на 32 ходу одержать победу.

Вечером того же дня состоялись 3 консультационные партии. В первой группе тульских шахматистов играли (в алфавитном порядке) П. Г. Ползиков, А. Г. Сладков и А. В. Трубленков; во второй группе — К. П. Василевский, Б. Э. Гандмахер, М. С. Сорокин и Д. В. Ткачев; в третьей — В. Н. Алферов, П. И. Доброхотов, Н. А. Струков и Г. С. Чапутович. При определении цвета фигур жребий оказался благосклонным к тулякам — белый цвет создавал шансы на развитие и удержание инициативы. Регламент по договоренности был следующим: по 4 минуты на каждый ход и еще 30 минут так называемых льготных на всю партию. Так как маэстро находился в другой комнате, то ходы ему передавались через посредников в устной форме, а многочисленным болельщикам рекомендовалось не отвлекать играющих своими советами. По такой форме соревнований, к слову сказать, игра проводилась в Туле впервые.

Сразу же определились дебюты играемых партий — французская, сицилианская и защита Филидора у соответствующих групп участников. В 3-й партии слабые девятый и одиннадцатый ходы белых привели к потере двух пешек и практически к проигрышу партии, хотя «дотянули» ее до 37-го хода. Во 2-й партии консультанты сделали ставку на размены, но, потеряв из-за этого несколько темпов, упустили инициа-

тиву и, несмотря на упорную защиту, им пришлось на 38 ходу сложить оружие. В первой партии дела обстояли значительно лучше. Получен дебютный перевес с прочной позицией и инициативной игрой. Но, увлекшись атакой, потеряли много времени и в связи с этим после вынужденных разменов получили трудное пешечное окончание. После 6-часовой борьбы на 59 ходу ими была сдана и эта партия. Победитель был награжден дружными аплодисментами. Во время последовавшей беседы Алехин А. А. прокомментировал некоторые моменты из проведенных партий. На этом в 3 час 30 мин ночи вечер закончился.

Во время массового сеанса одновременной игры 24 февраля снова не хватило досок для всех желающих сыграть с Алехиным А. А. и, как и в первый раз, счастливыми оказались только 23 шахматиста. Туляки надеялись сыграть в этот раз удачнее, но натиск маэстро был таким «стремительным во времени и по виртуозности игры», что привел в полное замешательство тульских любителей, не имеющих совершенно времени на обдумывание очень сложных позиций. Через 2 часа 15 минут сеанс уже закончился, причем в среднем каждая партия закончилась примерно на 30-м ходу. Честь тульских любителей поддержали В. Н. Алферов, выигравший свою партию, и сыгравший вничью А. Э. Гольдман.

На первом отходящем поезде Алехин А. А. уехал в Москву, пообещав на прощанье снова побывать в Туле летом или осенью того же года. К сожалению, новой встречи больше не было.

С большим интересом шахматная общественность Тулы ожидала гастрольных выступлений в городе **Ф. И. Дуз-Хотимирского**. Авторитет этого известного русского маэстро поднялся выше после знаменитых побед на С-Петербургском международном шахматном конгрессе в память М. И. Чигорина над шахматным королем Эм. Ласкером и известным маэстро А. Рубинштейном. В результате переговоров ТШО с Ф. И. Дуз-Хотимирским получено согласие на проведение двух массовых сеансов одновременной игры (3 и 5 января 1911 года) и трех консультационных партий (4 января). К участию в шахматном вечере приглашались и любители, не состоявшие членами ТШО. При этом высказывалась просьба Правления общества к участникам принести свои шахматы, т.к. ожидался «слишком большой наплыв любителей» («Тульская Молва» за 31.12. 1910).

К сожалению, информацию о результатах выступления Ф. И. Дуз-Хотимирского в Туле найти не удалось (в областном архиве отсутствуют подшивки «Тульской Молвы» за 1911 год). Правда, в «Тульской Молве» за 16 марта 1912 года указано, что Дуз-Хотимирским сыграно в Туле 64 партии, а в одной из заметок газеты «Коммунар» за 1926 год без ссылки на первоисточник, говорится о сеансе одновременной игры на 10 досках вслепую (не глядя на доску), что привлекло массу зрителей и вызвало их восхищение способностями маэстро.

Самым важным событием тульской шахматной жизни 1912 года, безусловно, явилось выступление неофициального чемпиона мира того времени по игре вслепую **В. Ф. Острогского**. Хотя он и не имел звания маэстро, но принадлежал к лучшим игрокам первой категории. Так, например, он встал вслед за призерами, участвуя в 1911 году во Всероссийском конгрессе в С-Петербурге (в первой его группе). А по игре не глядя на доску В. Ф. Острогский представлял собою выдающийся феномен. Он превзошел результат знаменитого американского маэстро Г. Пильсбери, сыграв, не глядя на доску, одновременно 27 партий. К слову сказать, это достижение не удавалось долгое время улучшить никому. И лишь в 1925 году в Париже будущий чемпион мира А. А. Алехин сыграл вслепую одновременно с 28 шахматистами. В последующее время высшее достижение перешло к бельгийскому шахматисту Джорджу Колтановски, сыгравшему в декабре 1960 года в Сан-Франциско 56 партий с результатом +50–0=6, затратив 9 часов 45 минут.

Интерес к гастролям В. Ф. Острогского был столь высоким, что впервые в Туле выступление москвича-шахматиста было запланировано не только в помещении ТШО при Тульском Общественном Собрании (в понедельник 20 февраля), но и в клубе Тульского Дворянского Собрания (21 февраля) и в Купеческом Собрании (22 февраля). Кроме того, с целью популяризации шахматной игры и «желая сделать этот сеанс общедоступным решительно для всех любителей Правление Общества возбудило ходатайство перед администрацией средних учебных заведений разрешить учащимся посетить этот шахматный вечер». В результате этого ходатайства и по согласованию с сеансером днем 21 февраля состоялся дополнительный сеанс в мужской гимназии.

Во время проведения сеанса вслепую в помещении ТШО, продолжавшегося всего 3 часа, В. Ф. Острогский выиграл 16 партий, проиграл 2 (Архангельскому Н. И. и Трубленкову А. В.) и две свел вничью (с Покровским и Сладковым А. Г.).

Днем 21 февраля состоялся дополнительный сеанс в мужской гимназии, где против В. Ф. Острогского выступили 19 шахматистов, из которых двое смогли добиться победы — Адерман и Гнутов А. Н. В тот же день вечером состоялся сеанс в Клубе Дворянского Собрания, где неожиданно «вместо анонсированных 27 игроков нашлось только 11». Тем не менее, игра продолжалась почти четыре часа. Выиграли у сеансера Н. А. Струков и Б. Ю. Кроткий, а А. О. Ерофеев сыграл вничью.

Еще лучше туляки сыграли во время сеанса в Купеческом Собрании. Из 11 партий, продолжавшихся в общей сложности менее 4 часов, В. Ф. Острогский выиграл 7, проиграл две (Доброхотову П. И. и Козлову), а две закончились вничью — с Тейле и № (фамилия не записана). Некоторые из выигранных сеансером партий представляли собой образцы последовательной и сильной игры.

Таким образом, за время гастролы в Туле В. Ф. Острогский сыграл вслепую 61 партию с результатом +48–8=5. К сожалению, из-за недостатка времени не удалось провести консультационную партию с сильнейшими местными шахматистами.

1-го и 2-го октября 1912 года Тулу посетил председатель Петербургского Шахматного Собрания **Б. Е. Малютин**. Поскольку ранее тульские любители встречались с профессионалами-маэстро, существенно превосходящими по силам местных шахматистов, то встреча за шахматной доской с непрофессионалом (хотя и очень сильным шахматистом) имела определенную привлекательность. Дело в том, что игра непрофессионала более понятна любителю, в ней гораздо свободнее ориентироваться, можно разгадать угрозы и выбрать соответственно лучший ответ. В общем, возникает борьба, которая увлекает любителя, мобилизует его силы, создавая предпосылки выигрыша у более опытного противника, особенно при участии в сеансе большого количества любителей.

В первый день Б. Е. Малютин играл 3 партии одновременно, из которых две были консультационными. Общий итог встречи ничья (1½ : 1½ очка). В первой партии, которую вели Трубленков А. В. и Сладков А. Г., была зафиксирована ничья; во второй (М. С. Сорокин, Н. И. Архангельский и А. Н. Гнутов) победил Б. Е. Малютин, а в третьей победу одержал Струков Н. А., выступавший без спарринг-партнера.

Проверить свои силы в сеансе одновременной игры Б. Е. Малютин попробовали 17 туляков, но лишь Рождественский Н. В. и Кочкин М. П. смогли выиграть свои партии, а Трубленков А. В. — свести партию вничью. В качестве памятного сувенира тульскими шахматистами был преподнесен Б. Е. Малютину «изящный золотой жетон» («Тульская Молва» 05.10.1912).

После продолжительного и успешного турне по зарубежным странам известного русского маэстро **Е. А. Зноско-Боровского** (в 1912 году) им были составлены и согласованы гастрольные выступления в многочисленных шахматных клубах России. Одним из пунктов маршрута петербургского маэстро стала мастерская Тула. В связи

с краткосрочностью его пребывания выступление было назначено на 13 часов в воскресенье 13 января 1913 года, т.е. не в плановый день работы ТШО. Тем не менее, помещение Тульского Общественного Собрания заполнили многочисленные любители шахмат. Привлекал их не только сеанс одновременной игры, сколько планируемое прочтение лекции «Мир шахматной игры», современное положение шахматной игры; исторические условия, подготовившие новейшие течения в шахматной игре; основные проблемы шахматной игры в новое время (позиция и комбинация; пространство и время) и в заключение — бесстрашие синтеза и страстная односторонность.

Это было первое в Туле массовое посвящение любителей шахмат в теоретические проблемы по развитию этой игры. После внимательного прослушивания лекции и оживленной беседы состоялся сеанс одновременной игры на 18 досках. Четверым тулякам, а именно, Архангельскому Н. И., Покровскому, Сорокину М. С. и Трубленкову А. В. удалось одержать победы.

Летом 1913 года (в субботу 20-го июля) шахматная Тула вновь встретила с председателем Петербургского Шахматного Собрания **Б. Е. Малютиным**. Этот неутомимый пропагандист шахмат много сделал «для развития и процветания благородной игры среди русских любителей. Без преувеличения можно сказать, что в России нет любителя, более преданного шахматному делу, чем Б. Е.» («Тульская Молва» 19.07.1913). Он высоко ценил творчество и значение для России основоположника русской шахматной культуры Михаила Ивановича Чигорина, скончавшегося в 1908 году, и многое делал для увековечения памяти маэстро. В частности, предпринятая им поездка по русским шахматным центрам имела целью сбор средств на перевозку праха М. И. Чигорина в Петербург и сооружение на могиле памятника. Для этого во время пребывания Б. Е. Малютина в Туле была учреждена небольшая ставка за участие в сеансе (25 коп.) и опубликовано обращение к местным любителям сделать дополнительно личные пожертвования. Туляки активно поддержали инициативу Петербургского Шахматного Собрания.

В первый день (суббота 20 июля 1913 года), вернее в 9 часов вечера, в помещении Общественного Собрания был проведен сеанс одновременной игры на 12 досках. Во время сеанса Гнутов А. Н. и Василевский К. П. выиграли свои партии, а остальные 10 участников вынуждены были сложить оружие после 3-х часов игры.

21 июля были сыграны всего 4 партии, но в них противниками Б. Е. Малютина являлись «наилучшие местные игроки». После упорных 4,5 часов борьбы Сорокин М. С. проиграл, Гнутов А. Н. форсировал ничью, а Архангельский Н. И. и Трубленков А. В. выиграли.

На очередном Общем Собрании членов ТШО в **феврале 1914** года было предложено Правлению Общества пригласить в Тулу на гастроли известного маэстро **Фрэнка Маршалла**. Конечно, можно только сожалеть о несостоявшемся выступлении в Туле маэстро Ф. Маршалла (по неизвестным причинам).

Правление ТШО решило попытаться вступить в переговоры по этому же вопросу с чемпионом мира доктором философии Эммануилом Ласкером, который должен был выступать в Москве. Выражение «попытаться вступить в переговоры» является небезосновательным. Дело в том, что когда Петербургское Шахматное Собрание пригласило Эм. Ласкера на международный турнир, запланированный на апрель 1914 года, то он поставил необходимым условием его участия в турнире выплату гонорара в 3000 рублей. Сумма очень большая, но, тем не менее, даже при гарантированном гонораре в 2000 рублей Эм. Ласкер играть отказался. Поэтому шахматному собранию Петербурга пришлось срочно найти меценатов для получения недостающей суммы, что дало возможность телеграфировать 2 марта Эм. Ласкеру о согласии на его условия.

И, безусловно, большой благодарности заслуживает правление ТШО (вот толь-

ко — кто именно?) за предоставленную возможность тулякам встретиться за шахматной доской с самим чемпионом мира Эм. Ласкером.

Сеанс одновременной игры в Тульском Шахматном Обществе был запланирован на пятницу 21 марта. Но еще до этого одному из туляков, а именно Гнутову А. Н., удалось сыграть с чемпионом мира вничью во время сеанса в Москве 12 марта. Плата за вход в Тульское Общественное Собрание на это мероприятие была установлена равной 75 коп. (с включением благотворительного сбора), а за участие в сеансе — 1 р. 50 коп., причем, как всегда, допускалась скидка 25 % в оплате членам Общественного Собрания. Начало сеанса назначено было на 20.30 часов. Каждому выигравшему или сделавшему ничью с Эм. Ласкером предназначался от имени ТШО «вещественный приз на память об этом редком состязании». «Тульская Молва» извещала, что «перед сеансом будет сделан фотографический снимок присутствующих вместе с Эм. Ласкером.

О ходе проведения встречи туляков с чемпионом мира информация довольно скудная. Например, «наиболее многолюдным был последний сеанс Эм. Ласкера, который тогда из 36 партий никому не проиграл и сделал только три ничьих с Юргенсоном К. Н., Рождественским Н. В. и Сладковым А. Г.» (газета «Коммунар», 1926 год).

К сожалению, никакой информации о самом сеансе, о результатах Эм. Ласкера в Туле в «Тульской Молве» опубликовано не было (возможно, конечно, она приведена в выпуске за 12 апреля, отсутствующем в подшивках газеты в облархиве).

В некоторой степени об этом событии помогла узнать заметка в еженедельном приложении к газете «Советский спорт» («б4», № 25, декабрь 1968 г.), посвященная 100-летию со дня рождения Эм. Ласкера. Автор заметки Новиков А. писал следующее: «В дореволюционной Туле шахматы пользовались большой популярностью, особенно среди учащихся. Молодые шахматисты играли в проводимых время от времени турнирах, часто собирались и сообща решали шахматные задачи из литературного приложения к журналу «Нива». Был среди них и «счастливчики», которые имели «Самоучитель шахматной игры» Шифферса и учебник Дюффрени.

Понятно, с каким восторгом шахматисты Тулы восприняли весть о прибытии в город чемпиона мира Эм. Ласкера, участвовавшего в Петербургском турнире гроссмейстеров. Ласкер дал сеанс одновременной игры, который закончился с разгромным для туляков счетом. К сожалению, не помню точного результата, но не забыл, что первым получил мат — увы! — автор этих строк. Заметив огорчение на лице своего юного партнера, чемпион мира снова расставил фигуры на доске и предложил возобновить игру. Результат был прежним. Утешением мне мог служить лишь памятный автограф великого шахматиста».

Послесловие

В целом, в дореволюционный период шахматным обществом Тулы было организовано 14 турниров различной категории и 7 гастрольных выступлений известных шахматистов, которые способствовали популяризации и развитию шахматной игры.

Из нескольких десятков членов ТШО по совокупности их выступлений в турнирах и сеансах одновременной игры в группу сильнейших входили (в алфавитном порядке): **В. Н. Алферов, Н. И. Архангельский** (к тому же являлся шахматным композитором), **А. Ф. Базинер, И. И. Богатырев, К. П. Василевский, А. Н. Гнутов, А. Э. Гольдман, Ю. Б. Кроткий, П. Г. Ползиков, А. Г. Сладков** (сыграл вничью в сеансах с А. А. Алехиным, В. Ф. Острогским, Б. Е. Малютиным и Эм. Ласкером), **М. С. Сорокин, Н. А. Струков, Д. В. Ткачев, А. В. Трубленков** и т.д.

По-видимому, стоит отметить, что некоторые из указанных шахматистов и в последующие годы продолжали активно участвовать в шахматной жизни. Например,

А. В. Трубленков неоднократно завоевывал звание чемпиона Тульской губернии по шахматам и шашкам вплоть до 1937 года, когда был незаконно обвинен и направлен «на исправление» (реабилитирован, как проинформировали в УКГБ области, по-смертно). К слову сказать, любовь к шахматам и шашкам Александр Васильевич привил и своим детям (Людмиле Бабинцевой и Петру), не без успеха выступавшим в тульских соревнованиях, а затем выехавшим за пределы области. Своими воспоминаниями, а может быть, и семейными архивными данными они могли бы, по-видимому, существенно дополнить имеющуюся информацию, как о шахматной жизни Тулы, так и о своем отце, являющемся активным пропагандистом шахмат и одним из сильнейших в городе на протяжении почти 30-летнего периода. Но... где отыскать их следы?

Подводя итоги о дореволюционной шахматной жизни Тулы, читателям книги современного периода предоставляется возможность познакомиться с фамилиями и именами тех первых туляков, которые стояли у истоков шахматной жизни в области и своим участием в разных мероприятиях способствовали пропаганде шахмат и дальнейшему развитию. Таких фамилий приведено более тридцати. А может быть, среди них есть и ваши прародители и родственники? Буду очень рад, если такие факты подтвердятся!

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

Алексей Третьяков

ВЕЧНЫЙ ЖАНР: РОМАН ОТ АНТИЧНОСТИ ДО КОНЦА XX ВЕКА

Роман вечен. К такому сакраментальному выводу приходят всякий раз, как только в среде литературной общности возникают — с обычной ранее периодичностью в 10—15 лет — дискуссии о соотношении жанров в историческом литературном процессе и их приоритетности. Сейчас как раз «подошла» очередная волна такой ревизии во взглядах на живучесть жанров. Об этом можно судить, просматривая свежие номера литературной и литературно-публицистической периодики, немногие, к сожалению, выходящие сейчас литературоведческие книги.

Попробуем разобраться в феномене вечности романа — от ретроспективы его расцвета в позднегреческой и римской литературы и его же полного господства в умах и душах читателей русской, советской литературы 60—70-х годов. В наших дальнейших планах рассказать и о современном романе.

ЖАНР РОМАНА В ПОЗДНЕГРЕЧЕСКОЙ И РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Книга, совершенно выразившая простоту и прекрасно передавшая образец самых обычных человеческих отношений, будет жить века и тысячелетия.

Томас Манн, «Иосиф и его братья», кн. I

Интеллектуальная невозмутимость: жить и понимать, что отрицание канонических форм культуры — тоже явление извечное. Сейчас удивительно пишут и говорят о судьбе романа, как жанра. Наиболее разумные молчат при этом: для них роман вечен.— Это образец той невозмутимости. Наиболее левые уже определенно заявляют о перерождении этого рода литературы в новый жанр: «новый роман», построенный по образцам, данным Роб-Грийе, Натали Соррот и Мишелем Бютором. Самые же возбудимые предрекают гибель романа: «Будущее принадлежит социологическому описанию, мемуарам, а не роману и поэзии...»

Все теории, относящиеся к отрицанию пресловутых канонических форм, до изумления стары и «возрождаются» едва ли не с каждым новым веком; что касается жанра романа, то редко когда не отрицали его: в античной литературе роман был чуть ли не изгоем, во всяком случае он не признавался явлением классической литературы.

В XVIII веке Буало в знаменитом стихотворном кодексе «Поэтическое искусство» продолжает отрицать роман как серьезный жанр, хотя он и имел в виду специфические виды романа — галантно-претенциозные, псевдоисторические, не затрагивая реалистического, бытового романа*. Ничто не ново.

---

* Н. А. Сигал, вступит. статья к книге: «Буало. Поэтическое искусство». — ГИХЛ, М., 1957, стр. 41.

И в нынешней попытке отрицания романа вряд ли стоит понимать ее как правоту «правых» или «левых» суждений о судьбе романа... Скорее имеет место поступательное развитие жанра на основе классических форм, но в том смысле слова «основа», как современное стеклобетонное здание строят, используя основу — строительную механику, на законы которой ориентировались и при строительстве Акрополя. Свидетельство тому явное: перечитывая первые романы, романы Апулея и Лонга, понимаешь, что тот же Бютор* есть лишь более поздний литературный родственник Апулея, но никак не новый основополагающий бог литературного Олимпа. Именно потому можно считать позднегреческий и римский роман как родоначальника великого и неумирающего жанра в литературе.

*Источник счастья, мук сердечных
жгучих ран,
Любовь забрала в плен и сцену и роман...
Герою своему искусно сохраните
Черты характера среди любых событий.
Его страну и век должны вы изучать:
Они на каждого кладут свою печать...
Несообразности с романом неразлучны,
И мы приемлем их — лишь были бы
нескучны!***

Если поэзия с ее ритмикой, музыкой словесных сочетаний требует лишь чуткого уха да голоса для воспроизведения и передачи из рода в род стихов, песен, поэм, эпосов (не так ли сохранялись веками «бесписьменные» эпосы «Калевала», «Манас» и — до записи — «Старшая Эдда», «Песнь о Роланде», «Беовульф», «Песнь о нибелунгах», гигантские по размерам «Рамаяна» и «Махабхарата» и др.), то проза уже требует с самого начала инструмента и материала для своего воплощения в материальных памятниках. Иными словами, проза требует записи.

В форме документальных записей, философско-этических трудов и трактатов по естествознанию древнегреческая (ионийская) проза известна с VII—VI вв. до н.э.***. Первые авторы: Пифагор, Гераклит, Фалес, Геродот, Ксенофонт,— оставили труды по математике, философии, истории, педагогике****. И потом — Платон и Аристотель, по книгам которых мы чаще и судим о греческой философской литературе, и преемник Аристотеля в Ликейской школе перипатетиков — Феофраст, очевидно, один из значительнейших античных моралистов; на сорока страничках он поместил энциклопедию человеческих типов*****, чему позже Лабрюйер, Паскаль, Ларошфуко и Монтень посвящали тома. Прекрасным достижением жанрового развития греческой, точнее позднегреческой, литературы является возникновение романа.

Греческий роман. Появление художественной прозы в античной литературе также закономерно, как закономерно было появление поэзии. Но что было началом и жизнью поэзии — мифология,— то стало архаизмом для художественной прозы, хотя последняя, разумеется, сохранила систему мифологических образов. Опять историческая параллель: «Неправы те из нас, кто гонит из стихов мифологических героев и богов... Пусть любит вымыслы и мифы наша лира,— из бога истины мы не творим

---

* Мишель Бютор, Изменение, «Иностранная литература», 1970, № 8, 9.

** Буало, *Cit. op.*, Песнь вторая, стр. 80, 81.

*** «Античная литература». Под ред. А. А. Тахо-Годи. 2-е издание. Изд-во «Просвещение», 1973.

**** Ксенофонт. «Киропедия».

***** Феофраст. «Характеры». Изд-во «Наука», Л., 1974.

кумира»*. Ибо ее появление — это отход от мира мифологических образов и представлений.

Сначала это были басни и рассказы. Содержание басни не много изменилось к нашему времени; содержание рассказа: это было короткое, веселое по тону повествование. Обрисовывались характеры, причем выпукло подчеркивались дурные стороны характеров героев примерно тем же слогом, что и в упоминавшемся выше трактате Феофраста. В определенной мере сюжет рассказа подразумевал развитие действия, кульминацию, развязку, вывод-мораль, назидание, нравоучение и т.п. В целом же сюжет и построение первых прозаических повествований ориентировались на запись ораторских выступлений, историй, поведенных знаменитыми рассказчиками... Здесь разговорная, речевая практика ораторов — многочисленной и влиятельнейшей категории людей искусства Греции и Рима, впоследствии — первична.** Запись, «литературная обработка» — в нынешнем понятии — вторичны. Отсюда и закон композиции в художественной прозе греческой литературы VI—I вв. до н.э.: повествования, описания, принятые в речах ораторов. Позднее Цицерон писал: «...В красноречии же, напротив, нет порока больше, чем уклонение от обыкновенного склада речи и от общепринятых понятий»***. Этот же прекрасный совет получала от своих ораторов и греческая литература, как любая юная и искренняя, «детская» даже в вопросах литературных хитростей и изощренностей, полагавшая, что «неискреннее слово порождает ложь и неискренность в делах»****.

Собственно жанр романа в греческой литературе появился в явной его форме в I в. до н.э.— «взрослел» античный мир Греции; как ребенок отвращает свой слух от сказок в определенном возрасте, так и античную литературу перестают занимать жизнеописания богов и подвиги мифологических героев, равно как и генеалогия олимпийцев. «Повзрослевшую» литературу уже занимает не горнее божество, а человек, соотечественники, причем литература снисходит до рабов, плебеев. Появляются проблески психологических описаний, что абсолютно несвойственно первым литературным памятникам повествовательного жанра; так, например, в ранних произведениях древнегреческой литературы или в эпосах германских народов, в древнеиндийских поэмах нет характеристик душевных переживаний, психологической мотивации героев... Книгой (греч.— *bibloi*) стали называть роман. Именно той книгой, о которой говорит «друг фараона» Потифар у Томаса Манна (см. эпиграф).

Итак, мифология с ее безликостью в части описания чувств, души и отчасти поступков и деяний человека, реального, живущего на определенной стадии развития античного общества, была оттеснена в позднегреческой литературе жизнеописанием человека. Так восторжествовал жанр романа. Известны греческие романы I—III вв. н.э.: Харитона, Лонга, Ксенофонта Эфесского, Гелиодора, Ахилла Татия*****.

Особенности жанра античного романа. Прежде всего бросается в глаза, что нет присущего классическому новоевропейскому роману пейзажей, ибо только-только человек античного мира начал отделять свое «я» от природы, а как сказано, правда, о другой — исландской,— но тоже молодой литературе: «Описания природы как литературный прием были невозможны, пока природа была средой, из которой человек не выделял себя. Только когда природа оказалась противопоставленной человеку как объект эстетического любования, в литературе появился пейзаж. В художественной литературе нового времени назначение пейзажа в том и заключается, что он подчеркивает специфику произведения как художественного вымысла»*****.

* Буало, *Cit. op.*, Песнь третья, стр. 85, 87.

** Указание на это приводится в книге: «Античная литература», *Cit. op.*, стр. 243.

*** Марк Тулий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. Изд-во «Наука», М., 1972, стр. 89.

**** Томас Карлейль, Загадка Сфинкса (Из «*Past and Present*»), М., 1980, стр. 49.

***** «Античная литература», *Cit. op.*, 245.

***** М. И. Стеблин-Каменский. Вступит. статья в кн.: «Исландские саги. Ирландский эпос», Изд-во «Художественная литература», М., 1973, стр. 13.

Продолжая параллель с исландскими сагами, отметим отсутствие и в сагах Севера, и в позднегреческом романе описаний реально-исторических лиц. Впрочем в некоторых сагах они есть: например, Эйрик Рыжий и некоторые другие; как исключения встречаются описания лиц и в греческих романах: в романе Харитона «Херей и Каллироя» персонажем является сиракузский стратег Гермократ*. Много чистого вымысла в части географии, исторической обстановки. Словом, классический подбор ирреальности, что соответствует нашему ироническому: «как в романе!» Значительная доля идеализации. Сюжет греческого романа постоянен: действуют исключительные герои, описываются их, по-преимуществу, любовные взаимоотношения, обостренные препятствиями, пронизанные чувственными устремлениями. После многих перипетий героев ждет счастливый конец. Главные герои суть скопища всевозможных добродетелей. Над человеком витает и управляет им некий рок. Судьба ведет человека по жизни, те же Мойры Олимпа, и тому остается лишь уповать на ее милости. Таков греческий роман.

Классический и, пожалуй, лучший образец позднегреческого романа — «Дафнис и Хлоя» Лонга**. Хотя наиболее типическим романом является «Эфиопика» Гелиодора***. Он же и наиболее известен в настоящее время. По своему сюжету роман этот — пастораль, герои его: Дафнис и Хлоя, — не знающие рода-племени пастух и пастушка, воспитанные доброхотными людьми. И вот в их деревушку заглядывает группка прогуливающихся вдоль берега моря городских богатых шалопаев. Козы из стада Дафниса съели виноградную лозу, которой было привязано к берегу судно их, судно уплыло, а горожане стали избивать очевидного в их глазах виновника — Дафниса. Селяне вступились за Дафниса и избили городских повес, последние взбудоражили город, и посланное из города войско разорило деревню, увело в собою много скота, людей и возлюбленную Дафниса — пастушку Хлою. Однако за нее вступился бог Пан, явил знаки своего неодобрения пленением Хлои. Хлоя была отпущена; вскоре помирились и враждующие стороны. Дафнис и Хлоя находят в городе своих знатных родителей, но возвращаются назад в деревню, к природе и на ее лоне счастливо живут до своей старости****. По канонам «Дафниса и Хлои» в новое время было написано бесчисленное количество романов и повестей-пасторалей.

Нравственно-этическая окраска. Позиция автора, Лонга исходит из того, что положительными, лучшими чертами людей являются трудолюбие, искренность в суждениях, сентиментальность в отношениях между людьми; герои Лонга предпочитают свободную и нравственно чистую жизнь в деревне шумной, суетливой и развращающей жизни в городе. В тон жизненным устремлениям героев и их любовные отношения: простые, идеализированные, наивные.

Автор сочувствует и тяжелому положению, скотской жизни бедных рабов, соболезнует селянам, когда над ними разразилась беда — набег городского войска. Осуждая словами Дафниса богатых бездельников, Лонг не одобряет алчность, неправильно употребляемое во вред многим людям богатство, глупость.

Позиция автора особенно видна в тех сценах, когда зло наказывается, добродетель торжествует. То есть своего рода гражданственность позиции автора. Однако, в силу социальных воззрений Лонга — воззрений его времени — разрешение конфликтов, оканчивающихся торжеством справедливости, искусственно, действительность — приукрашена: Хлою спасает бог Пан, мир между городскими и деревенскими

---

* «Античная литература», *Cit. op.*, 245.

** Лонг. «Дафнис и Хлоя». В кн.: «Татий, Левкиппа и Клитофонт.— Лонг, Дафнис и Хлоя.— Петроний, Сатириконт.— Апулей, Золотой осел». Изд-во «Художественная литература», М., 1969.

*** «Античная литература», *Cit. op.*, 248.

**** Мы не рассматриваем подробно развитие сюжета романа Лонга; жанр пасторали оперирует одним, слегка варьируемым сюжетом. Разбор сюжетного движения будет проведен ниже, при анализе «Золотого осла» Апулея.

ми жителями устанавливается под влиянием разговоров горожан с плененными поселянами. Первые убеждаются в невинности Дафниса и других жителей деревни, Дафнис и Хлоя счастливо находят друг друга и удаляются жить в счастье и согласии друг с другом же и с сельским миром, пася своих коз.

Художественное мастерство Лонга; язык романа.

*Преданья древности исполнены красот.
Сама поэзия там в именах живет...**

Как и всякий молодой жанр, греческий роман не совсем еще отошел от жанров более древних, от той же поэзии. Это сказывается на языке, манере построения фраз, словосочетаний. Порою проза переходит в поэтические, с выдержанным ритмом, даже рифмой, отрывки из описаний, речей, повествований. Особенно ощущается при чтении ритмика этой «поэтической прозы», вольно или невольно она подчеркивает общий тон повествования, полнее раскрывает отношение автора к своим героям, событиям.

Если бы волею судеб роман этот был написан в наше время, то автор, без сомнения, получил бы титул лучшего стилиста, а язык его считался бы образцом поэтичности.** Однако две тысячи лет и тысячи на разный манер писавших сочинителей — живших между Лонгом и нами — скрашивают сюжетно-идейное несовершенство «Дафниса и Хлои», но и канонизируют поэтические достоинства его, так что сравнивать язык Лонга с чем-то становится неудобным, остается только... восхищаться им.

Римская литература; ее отличие от древнегреческой. Античный мир развивался в преемственности. Многое перешло из Греции в Древний Рим, особенно по части искусств. Даже весь Пантеон богов Олимпа римляне перенесли к себе, изменив лишь имена. Испытала сильное влияние греческой и римская литература, наложив на наследие первой своеобразный практицизм Рима. В дальнейших рассуждениях принимается а priori общность, точнее общая особенность греческой и римской литературы: их античный стихийный материализм и идентичность социальных изменений в обществах Древней Греции и Древнего Рима. Особенностью же римской литературы является ее преемственность от греческой, ввиду более позднего появления и оформления римской государственности; сильное влияние греческой литературы на римскую чувствуется в произведениях всех периодов истории Рима. Более того, позднегреческая литература, в ее угасании, и римская — в период расцвета — сливаются в одном, эллинистически-римском периоде развития мировой литературы. «Римский акцент» довлеет по мере развития литературы этого периода, и, как более совершенная и развитая по сравнению с литературой греческой, римская подает себя крупнее, эпичнее, в более острых формах. Трагизм и драматизм: в эти формы литература Рима облекла старые жанры писателей и поэтов Эллады. Все в римской литературе острее, значительнее, трезвее, грандиознее: эпосы Вергилия, космогония и материальная философия Лукреция Кара. Здесь и Гораций — античный Киплинг, певец могучей Римской империи, психолог и моралист Сенека, Цицерон — мировой образец ораторского искусства, наконец, — стилизм и драматизм Апулея; вот чем была римская литература.

---

* Буало, *Cit. op.*, Песнь третья, стр. 87.

** Во многом приблизился к поэтичности языка и пасторальности сюжета «Дафниса и Хлои» Морис Равель в одноименном балете, иными, музыкальными, средствами передавший историю простодушной любви, побеждающей с помощью богов и людей злые силы раздора, алчности, высокомерия, порожденные развращающей атмосферой богатства и города.

Римский роман. Апулей. Вступление.

*Не злобу, а добро стремясь посеять в мире,
Являет истина свой чистый лик в Сатире.
Луцилий первый ввел Сатиру
в гордый Рим.
Он правду говорил согражданам своим...**

Римский роман чаще ассоциируется с именем Апулея (II в. н.э.). В периодизации римской литературы этот век значится как «послеклассический период»; он же — период деградации литературы — со II в. н.э. и до конца ее существования. Это блестящая эпоха для Рима, вершина могущества империи. Рим — это был весь мир: деятельные императоры, от Юрия Цезаря до Домициана Флавия, к тому времени включили в состав империи земли и народы от Британии до Судана, от Португалии до дакских земель на Дунае. Убитый заговорщиками на рубеже I и II вв. н.э. последний из этих деятельных цезарей Домициан, по словам Светония, незадолго до смерти видел сон о счастливом грядущем империи: «Говорят, и сам Домициан видел во сне, будто у него вырос золотой горб, и не сомневался, что это обещает государству после его смерти счастье и благополучие. Так оно вскоре и оказалось, благодаря умеренности, справедливости последующих правителей»**.

Тенденции. Расцвет государства в области экономической, административно-политической сопровождался кризисом философии, усилением религиозности, богоискаительства. Были налицо все признаки упадка духовной жизни. Правители империи все более использовали современных времен писателей, историков, также литераторов, философов прошедших времен для целей охранительных. Фразами из Сенеки лицемерно украшали стены и ворота римских тюрем: «Они рабы? Но они и люди. Они рабы? Но они и домочадцы. Они рабы? Но и младшие друзья»***.

Писатели. Сами римские писатели впадают в своего рода «античный декаданс». Творчество их обращается к подражанию древним: Плавту, Катону, Гесиоду, Гомеру, Лукрецию****. Вычурность формы произведений, стиля — вот что волнует писателей этого периода. Однако именно в эту пору писал Апулей, а его «Метаморфозы» — классический образец римского романа. Именно у Апулея римский роман достиг вершины своего развития.

Интересно, что и классический позднегреческий роман Лонга появляется в эпоху сравнительно позднюю, так же как и характерный римский роман Апулея был написан в поздний период римской литературы. Это говорит о том общем, что роман, как более целостное, крупное, связанное, композиционно совершенное и продуманное произведение, — есть сравнительно высокое достижение в развитии литературных жанров, и роман появляется в обоих античных обществах на зрелых, завершающих ступенях их развития.

Личность. Апулей, как личность, писатель, многое дает для понимания его знаменитого романа: он стоит особняком на фоне малоталантливых римских писателей II века. Дошли до нас биографические сведения об Апулее: родился в 124, или 125 году н.э. во времена правления императора Адриана в колониальном городе Мадавра, на границе провинций Гетулии и Нумидии, в семье состоятельного чиновника, затем получил хорошее образование, имел влечение к риторике, философии, сменил немало профессий, много путешествовал по «мировой империи». До нас дошло глав-

* Буало, *Cit. op.*, Песнь вторая, стр. 72.

** Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Изд-во «Наука», М., 1964, стр. 220.

*** Цит. по кн.: Лион Фейхтвангер. Иудейская война (Собр. соч., т. 7), Изд-во «Художественная литература», М., 1965, стр. 29.

**** «Античная литература», *Cit. op.*, стр. 401, 402.

ное творение Апулея — его роман «Метаморфозы»^{*}, а также образцы его речей: известные «Апология» и «Флориды»^{**}.

Жанр романа — превращения. В эллинистически-римской литературе жил очень популярный жанр «превращения» человека в одушевленные — животные и неодушевленные — камни, растения, горы, воды... части природы. Жанр этот идет от преломления мифологических сюжетов. «Метаморфозами» называется основной труд Овидия; современник Апулея, греческий писатель Лукиан, написал сходное по сюжету произведение «Лукий, или Осел»^{***}.

Сюжетные основания такого жанра эллинистически-римской литературы есть распространенные в народе верования и пересказы относительно мифологических превращений человека; что-то на уровне русской волшебной сказки, где злая колдунья добра-молодца в верстовой камень обращает, или же силой «добрых чар» сама ведьма превращается в трухлявый пенек. Именно эти немотивированные превращения лежат в основе и романа Апулея; подчеркивается — немотивированные, ибо есть и мотивированные превращения, например, в вероучении буддизма, где такие превращения производятся в строгом соответствии с канонами религии.

Гегель о жанре «превращений». Многие из эстетических теорий Гегеля сейчас не принимаются, по крайней мере, безусловно, но его воззрения на природу жанра «метаморфоз» у древних кажутся достаточно убедительными.

Гегель во второй части «Лекций по эстетике», анализируя метаморфозы в произведении Овидия^{****}, раскрывает общие закономерности и особенности жанра превращений в античной литературе. Во-первых, авторы эллинистически-римских метаморфоз не признают «в мифах глубокого смысла, не видят того великого внутреннего духа, который в них господствует, а предлагают нам их как чисто мифологические безделки и внешние события». Это в применении к Апулееву «Золотому ослу» отвечает той легкости превращений героя, что изумляет и героя, и читателя.

Далее: «Метаморфозы, рассматриваемые с нравственной стороны духа, заключают в себе отрицательное отношение к природе: животные и неорганические образования делаются формой унижения человека». Эта, более древняя категория метаморфоз, отмечает Гегель, присуща в чистой форме лишь литературе египтян. Здесь — у Апулея — Люций, правда, воспринимает свое превращение в осла как несчастье, но мотивы «наказания» ослаблены.

В то же время это не религиозное переселение души: «Эти метаморфозы нельзя толковать так же, как переселение душ в египетском смысле, ибо последнее не связано с виной; превращение человека в животное расценивалось египтянами как возвышение»^{*****}.

Еще две фразы, относящиеся и к смыслу «метаморфозы» у Апулея:

1. «...что же касается других известных нам превращений людей и богов в животных, то хотя в их основании не лежит прямо проступок людей, подвергшихся превращению...— все же животное состояние представляется несчастьем и унижением...»;

2. «...оценка образа животного в классическом искусстве изменилась во всех отношениях. Этим образом пользуются для обозначения всего плохого, незначительного, природного и недуховного, тогда как ранее он был выражением положительного и абсолютного»^{*****}.

---

* Апулей. Апология, или речь в защиту самого себя от обвинения в магии. Метаморфозы в XI книгах. Флориды. Изд-во АН СССР, М., 1959.

** Там же. Далее «Метаморфозы» цит. по данному изданию.

*** «Античная литература», *Cit. op.*, стр. 403.

**** Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Эстетика в 4-х томах. Том 2. Изд-во «Искусство», М., 1969, стр. 159—165 (О «Метаморфозах» Овидия).

***** Или добавим, как звено в цепи непрерывных воплощений у буддистов.

***** Все цитаты по кн.: Г. В. Ф. Гегель, *Cit. op.*

Продолжение предыдущего. Эти, самые общие, черты жанра превращений в эллинистически-римской литературе — по характеристике Гегеля — присущи и роману Апулея, но последний, используя этот классический прием античной литературы, кстати, взяв готовый сюжет у уже упоминавшегося выше Лукиана, создал нечто своеобразное: роман с концентрируемой в течение всего повествования моралью, завершаемый поучением, нравственным наставлением, назиданием. А прием «метаморфозы», сохраняя классическую канву наказания человека превращением (да еще в осла, *asinus 'a!*), Апулей использовал как художественный прием, который условно можно назвать подтверждающей и гиперболизирующей аналогией: каков человек был в своем людском обличье, таким он будет и в образе животного. Опять не что иное, как известная с детства мораль всех превращений в волшебных сказках: злой, кровожадный человек превращается в волка, добрый чистый младенец — в ягненка, несдержанная на язык злая баба — в брехливую собаку и пр.

Так и Люций у Апулея ничуть по своему образу жизни не изменился, превратившись в осла, разве что только он теперь стал пассивной стороной: его могут украсть, жестоко побить палками; даже в обычных своих отношениях с женщинами выбирает теперь не «бедный Люций» в ослиной шкуре, но экспериментирующая дама...

Название романа; происхождение сюжета. «Метаморфозы» Апулея более известны под названием «Золотой осел». Впервые это название встречается у блаженного Августина.* А эпитет «золотой» тогда присваивался произведениям, имевшим большой успех. Имеется в виду — в средние века, ибо в XVIII—XIX вв. эпитет этот уже прилагался к книгам классического фонда литературы; ср.: «Золотая библиотека для юношества», издававшаяся в России, Бонговская серия «*Goldene Klassiker-Bibliothek*» в Германии и пр.

Относительно происхождения и возможной, скорее очевидной, преемственности сюжета романа в нынешней критической литературе обычно указывают на замечание патриарха Фотия** о том, что и Апулей, и упоминавшийся выше Лукиан, автор «Лукия, или осла», в качестве первоисточника имели повесть некоего Лукия из Патр.

Однако то, что сейчас читают именно роман Апулея, а не Лукия или Лукиана, свидетельствует о мастерстве первого, хотя сюжетное первенство и принадлежит одному из вторых.

О сюжете романа. Этот обширный по обилию событий роман в одиннадцати книгах начинается торжественным вступлением: «Вот я сплету тебе на милетский манер разные басни, слух благосклонный твой порадую лепетом милым, если только согласишься ты взглянуть на египетский папирус, исписанный острием нильского тростника; ты удивишься на превращение судеб и самых форм человеческих и на их возвращение вспять, тем же путем, в прежнее состояние»***. Повествование также происходит в пределах Греции. Сюжет довольно многозначен, однако не запутан, прям; выдержана и фабула основного повествования: превращения Люция.

Последний, обладая безмерным праздным любопытством, повстречал предмет, крайне интересный для удовлетворения этой потребности: хозяйка дома, где он остановился во время поездки, «увлекалась» магией. Ей, например, ничего не стоило, намазавшись особой магической мазью, обратиться в птицу. Последнее и послужило прологом к череде тягостных событий в жизни Люция: уговорив служанку хозяйки, он получил доступ к банкам с мазями, но... перепутав их, вместо вожденной птицы, обращается в осла, которого почти сразу же за превращением крадут разбойники. Начинаются страдания Люция-осла. Много событий происходит с ним, прежде чем через год он сумел пожевать розовых цветов, обладавших магической силой антипревращения.

* М. Е. Грабарь-Пассек. Биограф. статья в кн. «Апулей...», *Cit. op.*, стр. 365.

** Там же, стр. 366—367 и в «Античной литературе», *Cit. op.*, стр. 403.

*** Апулей, *Cit. op.*, стр. 101.

В это основное повествование включено свыше десятка вставных повествований, рассказанных людьми, при которых состоялся в тот или иной момент «золотой осел», либо — самим Люцием. Характер вставных повествований тот же, что и характер основного: тут и разбойники, здесь и любовно-эротические перипетии. И в саму основу действия романа также вклиниваются побочные эпизоды. Словом, «пересказать хотя бы кратко бесконечно развертывающуюся пеструю ленту приключений молодого Люция, — и в его человеческом, и в ослином образе — немыслимо...»*.

Схема сюжетного движения в романе. Здесь выделено движение основного сюжета романа; указаны повествования, дается жанровая характеристика каждой из групп эпизодов действия в романе:

* М. Е. Грабарь-Пассек, *Cit. op.*, стр. 367.

Магия. Эротика	Фотида рассказывает Люцию о магии хозяйки, о ее приворотном колдовстве с любовными целями (беотийский юноша), любопытство Люция			
	↓			
Магия. Разбойники	Люций наблюдает обращение Памфилы в сову, уговаривает Фотиду и... превращается в осла. Кража осла разбойниками, избивание			
	↓			
	Книга IV—VI			
Описание разбойничьего гнезда	Потрава ослом огорода — битье. Симуляция усталости. Пир в пещере разбойников	→ Рассказы разбойников о грабеже в Фивах, о смерти главаря Ламаха и Алцима. Прodelка с ряженым медведем	Описание грабежей	
	↓			
Приключения. Натурализм	Неудачный разбой.— Полонянка.— Бегство осла с плененной разбойниками девушкой. Поимка, угроза смерти	→ Рассказ старухи из разбойничьей пещеры об Амуре и Психее (большая по объему вставка, занимающая три книги романа)	Лирическая сказка с мифологическим сюжетом	
	↓			
	Книга VII			
Детективный момент	Из рассказа агента разбойников в городе Люций узнает, что его считают наводчиком. В шайку проникает муж пленницы; выбор его предводителем, последний опаивает разбойников и с девушкой и ослом возвращается в город	→ Рассказ новоприбывшего Глеполема о его «разбойничьих» подвигах	Выдумка	
	↓			
Натурализм. Садизм	Жизнь осла в табуне. Работа у табунщика. Издевательства мальчишкиспогонщика. Угроза кастрации. Случай с медведицей. Побег			
	↓			
	Книга VIII			
Бедствия. Приключения. Ужасы	Появление в деревне слуги девушки Хариты. Бегство погонщика с имуществом и ослом. Волки. Избиение бегущих в деревне. Дракон. Продажа осла	→ Рассказ слуги о смерти Хариты. Происки отвергнутого ею Тразилла; убийство им Глеполема. Месть Хариты	Любовный «треугольник», мистика. Отмещение	
	↓			

Натурализм. Эротика	Осел попадает к развратникам — бродячими жрецами сирийской богини Кибелы, выдает их. Побег ↓			
Книга IX				
Жульничество. Юмор	Угроза смерти от повара. Хитроспасение; «лжебешенство» осла. Бродяжничество со «священнослужителями». Кража. Продажа осла мельнику ↓	→	История (от лица Люция) о неверной жене, ее муже, любовнике и бочке ^{***}	Любовно-эротические приключения
Адюльтер. Эротика. Мсть	Любовные похождения жены мельника. — Отмщение осла ей (выдает ее любовника). — Последующее «отмщение» мельника жене. Интриги последней. Магическая смерть мельника. Снова продажа осла ↓	→	Рассказ старухи-сводницы о жене декуриона города и ее любовнике	Любовные приключения
		→	Рассказ мельника жене о происшествии с любовником жены соседа-сукновала	То же, лицемерие
Мистика. Бедствия	Жизнь осла у торговца. Ведьмовство в его доме. Гибель дома и семьи. Встреча с римлянином-легионером ↓		Рассказ раба о страшной гибели имения торговца и его сыновей	Разбой, колдовство
Книга X				
Обжорство. Юмор	У солдата. Продажа осла. Обжорство осла и что из этого последовало: прекрасная жизнь Люция-осла. Показ осла за деньги. Осел понравился любвеобильной матроне ↓	→	Рассказ (от лица Люция) о мачехе, желавшей прелюбодействовать с пасынком и отравившей его	Сладострастие. Уголовное преступление
Эротика. Натурализм, извращения	Матрона подкупает сторожа и берет осла «напрокат». Скотоложество. Мысль хозяина об устройении публичной любви осла с женщиной. Бегство с праздничного представления ↓	→	Рассказ (от лица Люция) о судьбе женщины-преступницы	Жестокость. Ревность
		→	Описание праздничных игр в цирке города	Описание римской пантомимы
Книга XI				

* Эту историю у Апулея почти без изменений заимствует Боккаччо в «Декамероне».

<i>Религиозные моменты</i>	<i>Молитва осла ночью на берегу моря. Воззвание к богам о возвращении человеческого облика. Появление богини Изиды. Указывает путь к спасению в обмен на служение Люция ее культу</i>
	↓
<i>Культовые празднества</i>	<i>Процессия жрецов Изиды. Описание. Возвращение Люция к человеческому образу. Речь жреца по сему поводу</i>
	↓
<i>Нравственное перевоплощение</i>	<i>Посвящение Люция в жрецы культа Изиды. Восприятие Люцием религиозного учения</i>

Прослежен путь Люция от момента его приезда по неким делам в Фессалию до того, как он, претерпевший столько побоев, горестных минут отчаяния, попадавший постоянно в тревожные ситуации, становится жрецом Изиды и ходит, «ничем не осеня и не покрывая своей плешивости, радостно смотря в лица встречных»*.

И в современном прочтении «Метаморфозы» воспринимаются как роман, со всеми его жанровыми признаками. Сколько же наплетено, говоря словами самого Апулея, вокруг превращения Люция в осла и наоборот! — Масса лиц, большое число событий, полтора десятка вставных новелл сопутствуют году «ослиной» жизни героя романа. Все, правда, в традициях, в русле эллинистически-римской литературы.

Идея романа. Одной, четко выдуманной идеи нет, а именно такую, довлеющую идею принято отыскивать при анализе романов нового времени. Сильнее всего в «Золотом осле» выделяется нравоучительная тенденция. Сам прием превращения Люция в осла подчеркивает, художественно усиливает основную мысль Апулея в романе: поведение героя-Люция — скотское поведение, так что ему даже необязательно иметь человеческий облик; он и в ослиной шкуре также будет жить, нимало не изменяя своих привычек и норм своего поведения. Весь ход событий в жизни Люция-осла подтверждает это: хотя сначала Люцию-ослу пришлось весьма туго, но в конце концов он достиг тех же «блаженств», что и в человеческой жизни имел: обжорство, разврат, праздное любопытство.

«Исправление» же Люция наступает только с его религиозным очищением: внутренним убеждением Люция в спасительности религии культа Изиды. Это очищение души Люция опять же оттеняется его обретением человеческого облика. То есть спасение человеком своей души, возвышение человека над жизнью бездуховного животного — вот, пожалуй, наиболее четко прорисовывающаяся идея романа. И единственный путь спасения — религиозное мероприятие, активное служение культу избранного бога. Апулей выбирает для Люция культ Изиды.

Различные идейные нагрузки несут вставные новеллы в романе; вкратце они записаны в 4-й колонке таблицы-схемы в разделе, где выделяется большая вставная новелла-сказка о Психее и Амуре — по объему занимает почти 3 книги из 11 в романе — и новелла о Тлепоleme и Харите. Последняя из них типична для античных ро-

* Апулей. *Cit. op.*, стр. 316. — Этой фразой заканчивается роман.

манов, сказка же об Амуре и Психее позволяет Апулею ввести в действие романа богов Олимпа; впрочем, приверженец культа Изиды Апулей весьма скептически относится к Зевсову семейству богов. Собственно, Апулею уже несвойственна религиозная веротерпимость язычника: он неодобрительно относится и к олимпийцам, и к служителям сирийской богини Кибеллы*. Это характерно для позднеримской империи с ее богоискательством, появлением монотеистических, в частности, христианских, религиозных сект.

Художественные достоинства романа. Язык и стиль Апулея. Несомненно значительные художественные достоинства романа. Обличения, нравственные поучения и наставления, осуждение автором тех или иных порядков, религиозных культов, норм поведения людей художественно выделены, экспрессивны, подчеркнуты. Описания Апулея, римских нравов — в преломлении на «греческие имена и порядки», полны, остроумны, поучительны. Следует отметить особо описания пародирования суда в праздник смеха, описания балета-пантомимы в цирке города во время культового праздника.

Особенно интересен стиль Апулея: нагромождение синонимов, морфологических и лексических архаизмов, неологизмов, элементов «вульгарной» народной речи. И хотя язык «Метаморфоз» несколько искусственен, хотя бы и обилие греческих заимствований, но это искупается достоинством романа, где язык героев характеристичен: «...Да и внутри одного произведения стиль то и дело меняется. Разве одинаково говорят разбойники и жрец Митра, разве одни и те же интонации звучат в новелле о легкомысленной жене бедняка и в рассказе о страданиях покинутой Психее?»**

Еще одно своеобразие: обилие риторических приемов в повествовании; ведь сам Апулей был заметным для своего времени оратором.

Порою же проза Апулея становится ритмичной, поэтизируется, даже отчасти рифмуются концовки фраз.

Нет смысла в подтверждении каждого заключения о художественных особенностях романа цитированием текста: цитировать можно без конца, однако все достоинства языка и стиля Апулея чувствуются при непрерывном чтении текста романа и, несмотря на пресловутую искусственность языка, смешение стилей и речей,— их последовательность и полное соответствие действию в романе оставляют впечатлительное ровное поэтическое движение.

Заключение

*Учите мудрости в стихе живом и внятном,
Умея сочетать полезное с приятным****

Эпиграф этот хочется отнести ко всей изящной**** литературе; по крайней мере, прямо он относится к античной литературе, к роману Апулея особенно, роману Лонга — отчасти. Позднегреческому и римскому романам (на примере рассмотренных произведений Лонга и Апулея) присущи все общие черты античной литературы: изображение внешнего мира человека, но не его мира психологического, внутреннего, отсюда — его достоинства и недостатки, а также особенности, обусловленные временем, общественными формациями античного мира, религиозным фоном и прочим.

Высказать свое отношение к произведению давних лет — значит описать впечатление от него в современных нам терминах, с позиций современной литературы, как

---

* Впрочем, Апулей весьма иронически относится и к культу Изиды, да и к самому себе. Складывается к концу романа впечатление, что герой Апулея разочаровался абсолютно во всем, также как и сам Апулей в жизни.

** С. П. Маркиш, «О языке и стиле Апулея». — В кн. «Апулей...», *Cit. op.* стр. 375, 376.

*** Буало, *Cit. op.*, Песнь четвертая, стр. 100.

**** Удивительно, почему этот термин вышел из обращения?

европейский курильщик, потребляющий турецкие лишь сорта табака, оценивает табак американский — вирджинский со своих позиций, где главную роль играет «мягкость» дыма, в то время как в характеристике вирджинского — сигарного — табака решающую роль играет пряность, острота. В таком приблизительно положении и мы...

Пустяковой, легко читаемой безделкой кажутся романы Лонга и Апулея, если читать их в промежутке между Генри Джеймсом, Максом Фришем, Прустом и Фолкнером: никакого психоанализа, голое описание, объективизм. Но в этом и прелесть античной литературы: лепка образа, детальная, до последней морщинки, как тех же времен скульптуры из мрамора.

В античном романе рядом и детство литературы, и уже накопленный опыт античного мира. Скорее ее, античную литературу, можно сравнить с мышлением ребенка-акселерата: детские нормы поведения сочетаются с достаточно серьезным репликами, оформившимися умозаключениями по части небольшой, но все же уже имеющейся жизненной практики.

В оценке античной литературы мы чаще всего идем «сверху вниз», то есть от наших времен к временам Греции и Рима. Но следует помнить, что естественная связь — обратная: от эллинистически-римского романа пошел и развивался основной ныне литературный жанр: роман. И как он веками не переписывался, все же сохранил почти все от «первоисточников» жанра.

Так что можно о достоинстве античной литературы судить по тому, что сохранено и что отброшено в каждом жанре за два тысячелетия. Применяя этот метод к «Дафнису и Хлое» и «Золотому ослу», увидим, что отброшена мизерная часть жанрового содержания, стружка веков. Неудивительно, ибо романы Лонга и Апулея, в качестве лучших образцов, позднее, в эпоху Возрождения служили учебниками. От Возрождения цепочка тянется в XVIII век и далее до настоящего времени. И получается, что они — первоисточники жанра и по сей день.

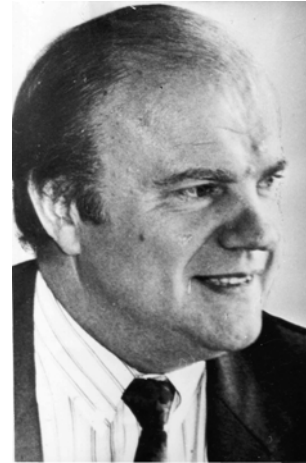
В этом значение, слава и достоинство античного романа и всей литературы в целом.

(Продолжение следует)

ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ: ВЛАСТЬ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И КУЛЬТУРА

Геннадий Зюганов

ЕЩЕ РАЗ О ПАРТИЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

В ходе послесъездовских дискуссий мы много говорим о новых методах политической борьбы, о новом языке оппозиции. О яркой образности, через которую могут быть выражены наши идеалы, цели и задачи. **Как никогда, сознаем необходимость тесного взаимодействия искусства и политики.**

Почему этот процесс столь важен именно сегодня? Шершавый бюрократический язык, язык постулатов попросту приелся. Он уже не передает богатства идей тех смыслов, которые должны быть донесены до сознания масс. Сами эти смыслы, выраженные таким вот образом, перестают восприниматься людьми. **На фоне дьявольской вакханалии современных СМИ, особенно электронных, наши правильные, но написанные «суконным» языком заявления не слышны.** А между тем, язык образов, знаков, символов понятен абсолютному большинству.

Современная политика и у нас в России, и в мире все больше и больше прибегает к помощи искусства, которое сочно, красочно и наглядно выражает ту или иную идею. Ведь что такое манифестация западных антиглобалистов? Это уличный политический театр. Это подчас многотысячные шествия, превращенные в разноцветные шумные карнавалы. Небезызвестный американский режиссер Мур, получивший недавно Гран-при в Каннах за свой острополитический фильм,— пример того, как искусство, поддержанное культурной элитой, в состоянии воздействовать на мировой политический процесс. Ведь Мур реально опасен Бушу, развязавшему кровавую бойню в Ираке.

---

* Геннадий Андреевич Зюганов — наш постоянный автор (см. «ПЗ» № 4/2007), готовит публикацию специально для нашего журнала. Для данной рубрики он прислал ряд материалов, включая изданный брошюрой доклад на IX совместном Пленуме ЦК и ЦКРК КПРФ, посвященный защите русской культуры. Настоящая публикация воспроизводит одноименную статью Г. А. Зюганова в газете «Завтра» (№ 37 (564), С. 6). Читатель может спросить: «КПРФ и власть — какая связь?» А связь простая: КПРФ имеет вторую по численности фракцию в Госдуме — высшем институте современной законодательной власти в России. ...Власть — она и в оппозиции власти.

Мы, коммунисты, должны воспользоваться этими новыми средствами, новыми технологиями. Великой силой искусства. И, надо прямо сказать: пока у нас это не слишком получается. Видимо, нет в наших рядах достаточного количества художников, режиссеров, политехнологов, которые были бы в состоянии обращаться к эмоциям людей, к подсознанию человека, к миру искусства.

Не секрет, что в среде сегодняшней российской интеллигенции происходит острая идеологическая борьба. Еще недавно в литературе внешне господствовал так называемый постмодернизм, который был глух к политике, все превращал в игру и в фарс. Постмодернисты не делали различия между добром и злом, между красотой и уродством. Не видели разницы между левым и правым. В этом ядовитом растворе, казалось, вот-вот растворится и великая русская литература, и культурные завоевания советского периода, которые называют культурой Большого стиля. Но сегодня постмодернизм, как производная всего буржуазного уклада, ориентированного на развлечения и удовольствия, на утоление низменных потребностей человека, выдыхается и хиреет. На его место снова пришла борьба идеологий. И эта борьба обостряется.

В литературе возрастают антибуржуазные тенденции. Самые лучшие, самые чуткие, талантливые и совестливые представители российской интеллигенции все более и более становятся на антибуржуазные позиции. Они видят зловещий оскал свирепого, антигуманного строя, который уничтожает, испепеляет не только промышленность, науку и государственные институты, но и культуру нашей страны. Сегодняшняя российская интеллигенция на глазах дрейфует влево. И это не случайно. Интерес к «левому», красному, советскому наблюдается и в изобразительном искусстве, и в поэзии, и даже в массовой культуре. Почему это происходит? Потому ли, что наши писатели и художники вдоволь «наелись» рыночной экономикой и поняли катастрофичность для Родины капиталистического уклада? Да, но не только...

Интерес к «левому» в среде российской интеллигенции — это часть общемировой тенденции. Популярный режиссер, человек с мировым именем Квентин Тарантино недавно приезжал в Москву. Я встречался с Квентином и понял, что он является откровенно «левым» по убеждениям человеком и художником. Или знаменитый Гройс, кумир европейских интеллектуалов, он называет себя «левым» философом, «левым» культурологом. Одно из самых модных у молодежи российских издательств, издательство «Ад Маргинем», не скрывая, демонстрирует свою «левизну», интерес к «красному» и советскому. Несколько книг этого современного издательства посвящены Ленину, мировой революционной борьбе. И они, эти книги, вы шли с грифом «КПРФ» на обложке. То, что таким образом произошла смычка между молодыми философами левого толка и нашей партией,— это замечательно! Но этого отнюдь недостаточно.

Мы, коммунисты, слабо изучаем идущие в умах сдвиги. Не вмешиваемся в этот важный культурный процесс. Полагаем, что он является «бесплатным приложением» к нашей политической борьбе, чем-то побочным и далеко не главным. Однако думать так — значит совершать грубейшую ошибку. **Коммунистическая партия всегда была очень внимательна к культуре. Использовала методы искусства в деле влияния на общественно-политические процессы в стране.** Яркий пример: ленинская работа «Лев Толстой как зеркало русской революции». Мы видим, как острый ум гениального политика сумел осмыслить феномен Толстого. Представления писателя о родовых отношениях, о жизни и смерти, о войне и мире. Ленин сумел представить творчество Толстого как яркое свидетельство неизбежности революции, близкого социального взрыва. Ленин смог разглядеть в толстовском наследии образ могучих накопленных в российском обществе сил и противоречий, которые в скором времени поднимут это общество на дыбы.

Другая классическая работа Ленина «Партийная организация и партийная лите-

ратура» содержала убедительную мысль о том, что **в условиях политической схватки, конфликта любое произведение художника, пусть самое абстрактное, самое лирическое, тем не менее, встраивается в контекст политической борьбы.** Той борьбы, которую в то время успешно возглавляли коммунисты России.

До сих пор у многих вызывает изумление, а то и недоумение работа Сталина, связанная с вопросами языкознания. Казалось бы, зачем государственный лидер, под чьим руководством только что СССР выиграл самую страшную в истории Земли войну, зачем вождь, занятый восстановлением страны, озабоченный проблемами мирового коммунистического движения, уделил столько внимания такой, на первый взгляд, специфической проблеме, как проблема языкознания. **Но провидческий гений Сталина подсказывал: язык является главным инструментом политики и социального строительства.** Ведь русский язык, русская литература проникли на все континенты. Слова «Победа», «Сталинград», «Красная Армия», «Освободитель» гордо звучали на всех языках планеты. Именно через язык, изначальный способ коммуникации, человечество реализует свои представления и мечты о строении общества, о счастье, о жизни в целом.

Во все периоды советского строительства, во все времена коммунистического созидания нас поддерживали и вдохновляли великие идеи и образы, великие литературные творения. И партия не была глуха к этим творениям. **Культура стимулировалась всем ходом советской жизни, особым вниманием к художникам и к их произведениям.** На заре советской власти возникли поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо». Вышла книга Фадеева «Разгром». Затем появились «Тихий Дон» Шолохова, «Оптимистическая трагедия» Вишневского, «Как закалялась сталь» Островского, столетие которого мы отмечаем в этом году.

Да, это были базовые для общественного сознания произведения. В них звучали коммунистический пафос, дух новейшей истории великого государства. Второй предвоенный период социалистического строительства был запечатлен советскими писателями в таких произведениях, как шолоховская «Поднятая целина», «Кара-Бугаз» Паустовского, «Время, вперед!» Эренбурга, «Русский лес» Леонова. Эти книги были так же важны для страны, как постройка Днепрогэса, как прокладывание; новых железных дорог или возведение городов в Заполярье. Советская страна воевала за свою свободу и независимость вместе с книгами Шолохова «Они сражались за Родину», с «Молодой гвардией» Фадеева, с рассказами Платонова «Одухотворенные люди», с поэмой Твардовского «Василий Теркин». **Эти книги были таким же мощным оружием, как легендарные «катюши», самолеты новых конструкций или танки Т-34.** Эти книги, как и знаменитые «Десять сталинских ударов», разгромили вермахт, испепелили фашистские орды.

На закате советского государства, в пресловутую горбачевскую «перестройку», «прорабы» и «архитекторы» тщательно отбирали произведения писателей, чтобы сделать из них ядовитый «коктейль». СССР разрушался и «культурными бомбами», которые сбрасывались в гущу советского общества. Был нанесен страшный удар по сознанию, по дружбе народов, по основам российской державности. Стали многомиллионными тиражами выходить «Дети Арбата» Рыбакова, «Белые одежды» Дудинцева, «Зубр» Гранина, «Печальный детектив» Астафьева. Был опубликован в России солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ». Все вместе и каждая в отдельности эти книги разрушали наши идеалы, подтачивали веру советских людей. Значение этих работ было огромно. Это отлично понимали и друзья, и враги советского строя. **Запад зачастую использовал художников и писателей в идеологической войне. Прикармливал нужных для этого персонажей, возвеличивал те или иные произведения.**

Таким образом, человеческое сознание становилось основным полем битвы. Результат этой битвы порой определял ход истории.

И сегодня книги вдохновляют, сражаются, вызывают. В России есть книги, которые являются знаменами сопротивления. Разве не к таким книгам относятся последние романы Юрия Бондарева «Бермудский треугольник» и «Без милосердия», повесть Валентина Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана»? Разве не принадлежат к подобным произведениям статьи неистового публициста Владимира Бушина? Разве не вносит вклад в нашу справедливую борьбу работа критика Владимира Бондаренко «Красный лик патриотизма»?

Недавно вышел в свет роман Александра Проханова «Крейсерова соната», писателя, который все эти годы был с нами, идет в наших рядах, выпускает патриотическую, антибуржуазную газету «Завтра». Книгу Проханова враги, выражаясь словами Маяковского, берут, «как бомбу, берут, как ежа, берут, как змею трехметроворостую...» «Крейсерову сонату» патриоты России читают взахлеб, раскрывают как учебник борьбы, как кладезь протестной веры.

На мой взгляд, это произведение — беспощадное исследование страшного строя, который утвердился в России. В этой книге высокохудожественным языком представлены процессы, происходящие в политике и культуре, в общественной психологии и церкви. В ней выведены современные типы, начиная от президента и мэра, кончая приходским священником и уличным бродягой. В «Крейсеровой сонате» показано, как одинокий, отдельно взятый человек действует в истории. О том, как соотносится индивидуальное и общественное, личное и государственное. **Эта книга — и политический манифест, и моральная проповедь, и крик отчаяния, и призыв к беспощадному и бескомпромиссному сопротивлению.**

Книга написана художником, находящимся постоянно в левом спектре, в патриотическом движении. Она является важнейшей частью «левого марша», нашей политической философии. И было бы совершенно логично выделить эту книгу особо в текущий момент. Превратить ее в мощное идеологическое оружие, которым оснастить наших соратников и союзников...

Что, если нам, коммунистам, вместе с патриотической общественностью провести всероссийскую читательскую конференцию, посвященную «Крейсеровой сонате»? Пусть партийные организации, областные и районные, используя имеющиеся под рукой книжные магазины, либо пользуясь системой «Книга — почтой», приобретут по 1—2 экземпляра этого романа и проведут широкие дискуссии о его содержании. Очень важно, чтобы «левая», близкая к партии молодежь, студенчество, интеллигенция на местах, внимательно прочтя эту книгу, сопоставила с ней свои собственные знания и представления. Пусть эта книга, прочитанная и подвергнутая анализу, станет на сегодня катализатором общественной мысли, способствует поиску путей вывода страны из затянувшегося кризиса. Пусть в дело включится местная печать, а результаты обсуждений появятся в Интернете на нашем сайте. **Итогом дискуссии должна стать консолидация интеллигенции вокруг партии. Укрепление самих партийных организаций. Сближение их с новой интеллектуальной средой, в которой происходит смещение представлений от постмодернистского, аполитичного к актуальному, левому, социалистическому.** Опыт этой читательской конференции мы используем для того, чтобы сделать популярными творения других наших мастеров, будь то книги, картины, кинофильмы, музыкальные и песенные произведения.

Надо отчетливо понимать, что культура сейчас снова поляризована. И все, что выдает себя за чисто развлекательное, на деле является инструментом управления массами, оружием буржуазного строя и криминального уклада. Используется для оболванивания, для отвлечения народа от кричащих и взрывоопасных проблем. Разве является нейтральной и аполитичной позиция, которую исповедует вчерашний министр культуры Швыдкой, результатом которой едва не стало разграбление запасников наших музеев? Разве является нейтральной информационная политика, которая

господствует на телевизионных каналах, низводящая все человеческое до уровня уголовных разборок, паха и желудка?

Сегодня культура либо буржуазна, связана с упрочением этого уродливого человеконенавистнического строя олигархов-миллиардеров и вороватого чиновничества, либо она антибуржуазна. Именно ее антибуржуазность соединяет в себе левых и правых, коммунистов и православных, модернистов и традиционалистов. Ибо сегодня граница между добром и злом совпадает с границей между буржуазным и контрбуржуазным искусством.

Вторжение партии в литературу и искусство может вновь оживить пресловутый вопрос о свободе творчества. Хочу сразу подчеркнуть: речь не идет о партийной цензуре или о контроле, которому в прежние времена подвергались те или иные художники. **Свобода творчества является свободой человеческого выбора. Художник, оставаясь творящим, мыслящим и действующим сознательно человеком, оставяет свой выбор на добре или зле.** И совершенно не риторически звучит сегодня знакомый вопрос: с кем вы, мастера культуры? С теми, кто истребляет и убивает Родину, уничтожает все светлое и доброе в человеке, являясь синонимом мирового зла? Или с Россией, с ее многострадальным и талантливым народом, отстаивающим свое право жить, трудиться и творить на своей земле?

О НАС ПИШУТ

«Приокские зори», межрегиональный литературно-художественный и публицистический журнал, № 1 (5).— Тула, 2007.

Единственный в Туле регулярно выходящий журнал еще молод. Хотя по нынешним временам пять номеров — уже немало. Есть у него свой стиль и свое лицо, о чем так заботится редколлегия во главе с главным редактором Алексеем Яшиным.

В «Антологии рассказа» — произведения Эдуарда Георгиевского, Юлии Зябровой, Валентины Россинский, Сергея Ефанова, Ирины Пархоменко. А в рубрике с длинным названием «Проза: легенды и были эпохи первоначального накопления» повесть Алексея Яшина «Вор у вора» с эпиграфом из «Бедных людей» Ф. М. Достоевского: «Отнеслись наемни в частном разговоре Евстафий Иванович, что важнейшая добродетель гражданина — деньгу уметь зашибать». Поэтические страницы отведены под стихи туляков Виктора Пахомов (чей 75-летний юбилей отмечается в этом же номере), Михаила Лубянского, Леонида Андрианова, Алексея Логунова, Константина Струкова, Александра Топчого, Яны Кузовлевой и москвича Геннадия Иванова. О своем знакомстве с поэтом Анатолием Передреевым рассказывает Олег Кочетков (Коломна). В новой рубрике «Документы эпохи: власть и литературный процесс» напечатан доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград» А. Жданова, в котором досталось «на орехи» не только М. Зощенко и А. Ахматовой, но и еще нескольким оставшимся за занавесом истории авторам. «И задача этой рубрики дать читателям первичный материал, иллюстрирующий непростые взаимоотношения власти и отечественной литературы. И не все только в прошлом. Будут новые времена, новые документы эпохи».

Б.Л.

От редакции: Настоящая информация помещена в рубрике «Губернские страницы» «Литературной газеты» от 12—18.12.2007 г., № 50 (6150), с. 8. Мы признательны ведущему периодическому литературному изданию страны за внимание к нашему журналу. Публикуя настоящий материал в рубрике «О нас пишут», мы сочли необходимым исправить допущенные опечатки.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Уважаемые читатели и авторы!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почтить и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Тульского артиллерийского инженерного института, Дома учителя, гарнизонного Дома офицеров, Культпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного об-ва «Мемориал», всех музеев Тулы и Тульской области, в редакциях общегородских газет «Тула» и «Ярило», в ИПО «Лев Толстой» и в редакциях альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Прикосновение» (Тула).

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

- Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);
- Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);
- Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);
- Библиотека № 4 (ул. Металлургов, 34);
- Библиотека № 5 (ул. Металлургов, 2«а»);
- Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
- Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
- Библиотека № 20 (ул. М.Горького, 20);
- Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36).

По системе областного библиотечного коллектора (ТОУНБ) журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может ознакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала этого года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на сайте www.medsu.tula.ru интернета. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты» и «Завтра». Доставляется журнал и в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж). Журнал получают центральные библиотеки Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино и ряда других городов.

Определенное число экземпляров (до двадцати) предназначается для организаций-учредителей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего (начального) периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедший год он увеличился от 100 до 500 экз.

В планах редколлегии на следующий год значится доведение тиража до 1000 экз., его регистрация в «Росхранкультуре», присвоение международного классификационного номера ISSN и включение в подписной каталог «Роспечати». Усилия к этому прилагаются серьезные, а итог просматривается вполне оптимистичный.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или e-mail. Начиная с предыдущего номера журнал уже доставляется в десять школ.

Редколлегия журнала

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Межрегиональный литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: К. В. Струков, Н. Г. Ханина, А. А. Яшин

Корректор: Н. Г. Ханина

Компьютерный набор: К. В. Струков, Л. П. Хохлова

Компьютерная верстка: С. В. Никитин

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 30.01.2008

Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300600, г. Тула, ул. Болдина, 151

**МУЗЕИ ТУЛЫ И ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ:
ДОМ-МУЗЕЙ ВИКЕНТИЯ ВИКЕНТЬЕВИЧА ВЕРЕСАЕВА**

Фасад музея по ул. Гоголевской

Интерьер столовой

Вид на дом В. В. Вересаева со стороны сада

Памятник В. В. Вересаеву перед входом в ЦПКиО им. П. П. Белоусова со стороны ул. Первомайской